# ГЕРОИ СМУТЫ

Вячеслав Козляков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ГЕРОИ СМУТЫ В. Козляков

ЖЗЛ

SHOUT
SHARE
IT

# Annotation

Смута, однажды случившись, стала матрицей русской истории. Каждый раз, когда потом наступало «междуцарствие», будь то 1917 или 1991 год, разрешение вопроса о новой власти сопровождалось таким же стихийным вовлечением в историю огромного числа людей, разрушением привычной картины мира, политическим разделением и ожесточением общества. Именно по этой причине Смутное время привлекает к себе неослабевающее внимание историков, писателей, публицистов, да и просто людей, размышляющих о судьбах Отечества.

Выбрав для своего рассказа три года, на которые пришелся пик политических потрясений первой русской Смуты, — с 1610 по 1612/13 год, — автор книги обратился к биографиям главных действующих лиц этого исторического отрезка. Каждая из биографий настолько необычна, что одно лишь беспристрастное изложение всего, что случилось с героем, может поспорить по занимательности сюжета с самым захватывающим авантюрным романом. Здесь и воеводы Первого ополчения Прокофий Петрович Ляпунов, Иван Мартынович Заруцкий и князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, и организаторы следующего по времени нижегородского ополчения Кузьма Минин и князь Дмитрий Михайлович Пожарский, и подзабытые ныне исторические персонажи, без которых, однако, невозможно представить то время, — в частности, казанский дьяк Никанор Шульгин, ставший единоличным правителем и вершителем судеб громадного «Казанского царства».


- Вячеслав Козляков
  - ○
  - ○ ПОСТИЖЕНИЕ СМУТЫ
  - ○ Год 7119-й.
    - ■ БОЯРЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА
      - ■ ПРОКОФИЙ ЛЯПУНОВ
      - ■ ИВАН ЗАРУЦКИЙ
      - ■ КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ТРУБЕЦКОЙ
  - ○ Год 7120-й.
    - ■ ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ
    - ■ КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ПОЖАРСКИЙ
    - ■ КУЗЬМА МИНИН
    - ■ «СОВЕТ ВСЕЯ ЗЕМЛИ»
  - ○ Год 7121-й.
    - ■

- ЛЮДИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
  - ИВАН СУСАНИН
  - НИКАНОР ШУЛЬГИН
  - ИЗБРАНИЕ НА ЦАРСТВО МИХАИЛА РОМАНОВА
- ЭПИЛОГ:
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ПЕРИОДА «МЕЖДУЦАРСТВИЯ», СВЯЗАННЫЕ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ЗЕМСКИХ ОПОЛЧЕНИЙ И ВЫБОРАМИ ЦАРЯ МИХАИЛА РОМАНОВА
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32

- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76

- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120

- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164

- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208

- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252

- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296

- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340

- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384

- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428

- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472

- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516

- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560

- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604

- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648

- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 693

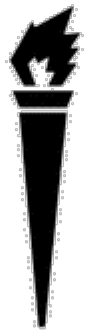
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718

# Вячеслав Козляков
# ГЕРОИ СМУТЫ

# Жизнь замечательных людей

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким



ВЫПУСК

1585

(1385)

*«Молодая гвардия», 2012*

# ПОСТИЖЕНИЕ СМУТЫ

Смута, однажды случившись, стала матрицей русской истории. Каждый раз, когда потом наступало «междуцарствие», будь то 1917 или 1991 год, разрешение вопроса о новой власти сопровождалось таким же стихийным вовлечением в историю огромного числа людей, разрушением привычной картины мира и прав собственности, политическим разделением и ожесточением общества, страданиями обычных людей. Новые повторения сделали многие события и имена Смутного времени нарицательными. Когда сегодня вспоминают о Борисе Годунове и Лжедмитрии, Минине и Пожарском или Иване Сусанине, то чаще всего проецируют свои знания на современную нам действительность. Смута начала XVII века навсегда осталась первой в печальном ряду революционных потрясений и гражданских войн. Тем, кто пережил начало смутных времен, уже никогда не дано было освободиться от страхов и представлений о «конечном разорении» Московского государства. Однако утешительный опыт выхода из Смуты тоже есть: появление новых сил, идей и людей, «Совет всея земли», заменивший бояр, ставших заложниками неверных политических расчетов, земский собор, избравший царя Михаила Романова, после чего основанная им династия правила 300 лет…

Одним из первых к утверждению значимости постижения Смуты для национального самосознания обратился Александр Сергеевич Пушкин. Достаточно вспомнить его бессмертного «Бориса Годунова» и известную всем ремарку «народ безмолвствует» в ответ на очередную смену власти на московском престоле. Используя образы героев начала XVII века, Пушкин спорил с Петром Яковлевичем Чаадаевым об исторических судьбах России. В дорогую для поэта лицейскую годовщину 19 октября 1836 года он написал, что никак не сможет согласиться с мыслью о «нашей исторической ничтожности» (правда, не забудем немаловажную деталь: написано это на французском языке). Поэт выбрал оправданием значительности истории России именно Смутное время: «…величественная драма, начавшаяся в Угличе [со смертью царевича Дмитрия] и закончившаяся в Ипатьевском монастыре [призванием на царство Михаила Романова], как неужели все это не история, а лишь бледный полузабытый сон?» Кстати, там же, в письме П. Я. Чаадаеву, Пушкин написал и другие значимые слова — о гордости за свою историю. Уместно привести их целиком. «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя… — писал Александр

Сергеевич, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал»[1].

Парадокс состоит в том, что Смута, которая, по мысли Пушкина, стала нашим «оправданием», оказалась едва ли не самым тяжелым временем за всю историю России. В опасную годину только великим напряжением сил, людей, войск, кажется, даже самой Русской земли всё завершилось чудесной победой и освобождением Москвы. Это хорошо понимали читатели «Истории государства Российского» нашего первого историографа Николая Михайловича Карамзина, открывшего широкой публике имена многих героев Смуты. Не случайно пушкинский «Борис Годунов» посвящен его памяти. Но не прошло и ста лет, как в XX веке эти события стали изучать, отвлекаясь от многих деталей, повторяя два теперь уже безнадежно устаревших определения: «крестьянская война» и «интервенция». Восприятие Смутного времени как крестьянской войны устранило в ней всё героическое, сделав существенным один лишь социальный протест. Описание же борьбы с внешней угрозой, когда король Сигизмунд III осаждал со своей армией Смоленск, а польско-литовский гарнизон сидел в Москве, тоже не способствовало глубокому, полноценному пониманию событий, хотя по-прежнему присутствует в учебниках без какой-либо детализации. А ведь представления историков о русских и «поляках» — современниках Смуты — существенно изменились. Сегодня изучаются не вообще действия «поляков» и «литовцев», а действия той польской, украинской, белорусской шляхты и солдат, а также запорожских казаков, кто — часто вопреки прямому запрету короля — пришел воевать в войско Лжедмитрия II, Тушинского вора. Можно вспомнить, что наряду с «поляками» в составе московского гарнизона оказались еще и немцы, французы, венгры и другие наемники. Сама столица Московского царства попала в руки неприятеля по воле Боярской думы, договорившейся о призвании на престол сына того же Сигизмунда III — королевича Владислава.

Внимание к историческим деталям и разным обстоятельствам смутной эпохи необходимо и при изучении ее кульминации, связанной с освобождением Москвы в 1612 году. Как так могло случиться, что в полках подмосковных ополчений (а их, кстати, было два, а не одно) служили тысячи людей, а мы зачастую не помним никаких имен, кроме главных воевод земского движения?

Откуда возникла избирательная героизация событий Смутного времени? Справедлива ли она? Почему историки, а еще и политики без конца спорят об «уроках» и «преодолении» Смуты,

проводя широкие исторические аналогии, но при этом забывают про опыт жизни обычных людей? Великий историк Василий Осипович Ключевский — мастер парадоксов — проницательно написал: «Московское государство выходило из страшной Смуты без героев, его выводили из беды добрые, но посредственные люди. Кн. Пожарский был не Борис Годунов, а Михаил Романов — не кн. Скопин-Шуйский»[2]. Слова Ключевского, отказавшегося от карамзинской традиции героического восприятия Смутного времени начала XVII века, лишь подчеркивали очевидное: спасли Отечество не былинные исполины, а живые люди.

Исторические герои все-таки не полностью представляют свою эпоху, ведь у истории есть и «частное измерение». Личное и историческое время обычно расходятся друг с другом, люди не успевают за переменами. Тем же, кто лучше других успел выразить свое время, а то и опередить его, надо еще выдержать испытание повседневностью. Приспособиться к ней бывает сложнее, чем совершить иной подвиг.

Выбрав для своего рассказа эпоху первого «междуцарствия» — три года, на которые пришелся пик политических потрясений: с 7119-го от Сотворения мира (или 1610/11 года по принятой ныне эре от Рождества Христова) по 7121-й (1612/13), — мы в первую очередь обратимся к героям освободительного движения: воеводам Первого ополчения Прокофию Петровичу Ляпунову, Ивану Мартыновичу Заруцкому и князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому, а также к организаторам следующего по времени нижегородского ополчения Кузьме Минину и князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому. Но не упустим из виду и имена других, отчасти подзабытых исторических героев, без которых невозможно представить то время: Ивана Сусанина, казанского дьяка Никанора Шульгина, членов «Совета всея земли» — первого «Временного правительства» в истории России. Рассказ об этих людях помогает понять самую кульминационную эпоху Смуты, связанную с наивысшим напряжением народных сил и созданием земских ополчений.

В освободительном движении, наряду с избавлением Кремля от власти весьма немногочисленного иноземного гарнизона, решалась также задача царского избрания. В течение семи лет после появления самозваного царевича Дмитрия и смерти Бориса Годунова в стране не было согласия по поводу того, кто должен царствовать. Все эти годы шла междоусобная, гражданская война, пока в 1613 году не был наречен на царский престол шестнадцатилетний юноша Михаил Романов и не началась история новой династии. Важно рассказать о биографиях разных «героев Смуты»: тех, кто первым начинал дело земских

ополчений, кто выступил в союзе с земскими силами, поддержал или, наоборот, не принял патриотический почин, и, наконец, тех, кто в итоге составил правительство «Совета всея земли» и находился на земском соборе, избравшем на царство Михаила Романова. Увидеть высоко оцененные потомками организаторские и полководческие дарования Минина и Пожарского можно, прежде всего, взглянув на исторический контекст, в котором они проявились. Не только одни вожди нижегородского движения открыли и завершили короткую эпоху «междуцарствия»; это была работа целого поколения, навсегда изменившего страну.

Люди времен Смуты — ее герои и изгои, те, кто не молчал и действовал, и те, кто только «угадывал», что будет дальше, — все они на столетия вперед определили путь, по которому пошло развитие Русского государства.

# *Год 7119-й.*
# «МЕЖДУЦАРСТВИЕ»

# БОЯРЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

## *ПРОКОФИЙ ЛЯПУНОВ*

Тем, кто видел старый фильм «Минин и Пожарский», должен быть памятен персонаж рязанского воеводы Ляпунова — тяжелая фигура воина на коне, окладистая, мужицкая борода, про которую в исторических романах обычно пишут: «черная как смоль». Раненый Пожарский, которого увозят из Москвы после страшного мартовского пожара 1611 года и боев в столице, виноватый разговор с ним воеводы Ляпунова и упрек, брошенный ополченцам: «Опоздали!» Вся эта картина — не больше, чем кинематографический вымысел, хотя бы потому, что такая встреча не могла случиться. Раненого Пожарского увозили из Москвы в суздальскую вотчину по одной дороге на северо-восток, через Троицесергиев монастырь, а ополчение Ляпунова двигалось по другой — со стороны Коломны… Но это детали, которые интересны прежде всего историкам. Идея же общего союза Пожарского и Ляпунова, пожалуй, схвачена верно: восстание в Москве 19 марта 1611 года и поход Первого земского ополчения действительно связаны между собой.

В годы Смуты судьба не раз сталкивала стольника князя Дмитрия Михайловича Пожарского с рязанским воеводой, думным дворянином Прокофием Ляпуновым. Умеренный и даже в чем-то консервативный князь Пожарский, никогда не метавшийся в своих политических предпочтениях, вряд ли мог благосклонно относиться к Ляпунову, чьи безудержные порывы иногда повергали в шок современников. Ляпунов, вторгаясь в политические дела, каждый раз увлекался всерьез, для него они становились вопросом жизни и смерти. Вспомним, что происходило с рязанским дворянином в Смуту: сначала Прокофий Ляпунов участвовал в мятеже против Годуновых, потом вступил в союз с Иваном Болотниковым. В решительный момент бросил повстанцев, пришедших в Москву с именем самозваного царя для свержения царя законного — Василия Шуйского. Впрочем, царь Василий Иванович, происходивший из суздальских князей-Рюриковичей, сам оказался у власти в результате переворота, но это другая история. Как писали о царе Шуйском в Хронографе 1617 года: «Возведен бысть в царский дом, и никим же от вельмож не пререкован, ни от прочего народа умолен, и устройся Россия вся в двоемыслие: ови убо любяще его, овии же ненавидяще»[3]. В итоге Ляпунов становится последовательным

защитником власти Шуйского, получает от него высокий чин думного воеводы, то есть будет допущен даже к заседаниям Боярской думы. Мятежный Ляпунов в своей биографии в чем-то предвосхитил действия будущих «тушинских перелетов», которые также переходили от царя Шуйского к его врагу Лжедмитрию II — Тушинскому вору, стоявшему с лета 1608 года военным лагерем под столицей. В Тушине были созданы параллельные органы власти, дума и приказы, куда и уходили служить из Москвы члены Государева двора и многие приказные дельцы. Возвращаясь на службу к царю Василию Ивановичу, «перелеты» каялись и получали еще больше пожалований, по сравнению с теми, кто, как тогда говорили, не был замечен в «шатости», а продолжал служить Шуйскому. Но служба Прокофия Ляпунова царю Василию Ивановичу все равно не была ему «по сердцу». Как только возникала возможность или какая-то альтернатива власти скоропостижно избранного на престол и несчастливого царя, мы снова видим Ляпуновых участниками таких событий.

Ляпуновы — один из немногих родов, кто сумел рано выделиться из числа рядовых дворянских фамилий. Имена их предков в ранних источниках не встречаются. Правда, найдя в Государевом родословце Ляпуновых-Осининых — потомков князя Дмитрия Ивановича Галицкого, жившего в XIV веке, рязанские Ляпуновы попытались приписаться к этому роду. В «Бархатную книгу» было включено известие о выезде родоначальника Ляпуновых из Новгорода к последнему великому рязанскому князю Ивану Ивановичу, правившему в начале XVI века: «И Семен де Иванов сын Ляпунов из Новагорода приехал служить на Резань к Великому Князю Ивану Ивановичу Резанскому и Великий де Князь Резанской пожаловал ево Семена поместьем на Резани»[4]. Упоминание о приезде из Новгорода, скорее всего, понадобилось Ляпуновым для обоснования принадлежности к галицким князьям, так как Ляпуновы-Осинины были новгородскими помещиками. Претензии Ляпуновых на родство с галицкими князьями-Рюриковичами были приняты составителями «Бархатной книги» в конце XVII века. Хотя, как писал известный генеалог Степан Борисович Веселовский, Ляпуновы выводили свое происхождение от Ляпуна Осинина «без всякого основания». Историк недоумевал, как обычно добросовестные составители «Бархатной книги» «могли допустить такую явную нелепость, как семь-восемь поколений на один XVI в.»[5].

Достоверно известно лишь о служившем в середине XVI века Савве Семеновиче Ляпунове[6]. Имя его сына Петра Саввича Ляпунова попало в разрядные книги, в 1583 году он служил головой в Чебоксарах вместе с воеводой князем Михаилом

Бахтеяровым-Ростовским и другим головой Григорием Шетневым[7]. Тогда подобная служба в отдаленном гарнизоне в так называемых городах «по Низу», то есть в Среднем и Нижнем Поволжье, могла быть связана с какой-то опалой. Хотя отца Прокофия Ляпунова — Петра «з детми и с племянники» — считали принадлежащим к «роду и племяни» царского любимца Родиона Петровича Биркина[8], и они должны были пользоваться покровительством одного из приближенных царя Ивана Васильевича.

Впервые рязанские мятежники из рода Ляпуновых проявили себя достаточно рано, в обстоятельствах странных московских событий, произошедших после смерти Ивана Грозного в 1584 году. В это время решалось, что делать с опричным наследием, поддерживать ли притязания на власть тех, кто возвысился благодаря одному преимуществу — близости к тирану. У историков нет единого мнения, на чьей стороне выступили тогда братья Петр Саввич и Иев Саввич Ляпуновы (об участии Прокофия Петровича в событиях можно говорить только предположительно). Вместе с московскими посадскими людьми рязанские дворяне готовы были стрелять в Кремль из пушек и высадить ворота Фроловской (будущей — Спасской) башни Кремля[9]. Однако, учитывая дружеские и родственные связи Ляпуновых с одним из видных членов особого двора Ивана Грозного — Родионом Петровичем Биркиным (а через него с «дворовым» дьяком Андреем Шерефединовым), можно предположить, что они шли защищать Богдана Вельского и других опричных дельцов, стремившихся удержаться у власти. Ляпуновы впервые «всем родом» оказались на общерусской исторической сцене, вмешавшись своими действиями с поворотом пушек в сторону Московского Кремля во внутренние дела русского двора. Демарш служилых людей и московского посада в итоге едва не помешал будущему правителю Борису Годунову справиться с обстоятельствами. И он хорошо запомнил провинциальных выскочек. Уже в 1584/85 году Захар Ляпунов был назначен на службу в Елец «в стонишных головах», но сбежал из-за того, что первым головой елецких казаков был назначен еще один участник выступления 1584 года Федор Кикин. За «нетство» Захара Ляпунова били батогами, посадили в тюрьму и взыскали «прогоны» от Ельца до Москвы и обратно[10]. Отец Прокофия и Захара Ляпуновых, Петр Саввич, умер 17 мая 1587 года. Перед смертью он принял постриг с именем Пафнутия в Облачинском монастыре, находившемся неподалеку от села Исад — впоследствии родового владения Ляпуновых. Запись о смерти отца Прокофия Ляпунова сохранялась на камне, положенном

рядом с Воскресенской церковью села Исад. Она была процитирована в одной из краеведческих работ 1920-х годов[11].

Служба в рязанских и украинных городах была основным уделом Ляпуновых при Борисе Годунове. Но они сумели извлечь из нее очевидную выгоду, наладив контакты с донскими казаками. Дворяне Ляпуновы проявили не свойственную тогда понятиям честности дворянской службы предприимчивость и начали выгодную торговлю с Доном вином, хлебом, оружием и доспехами. В 1601/02 году братья Григорий, Прокофий и Захар Ляпуновы провожали хлебные запасы из Валуек в новопостроенный Царев Борисов город. В боярском списке 1602—1603 годов в перечне рязанских выборных дворян они записаны в разделе «Все в Борисове» с поместными окладами, соответственно 600, 550 и 500 четвертей[12]. Очень скоро возникло судное дело о их незаконной торговле «заповедными товарами» с донскими казаками, что противоречило политике Бориса Годунова, пытавшегося организовать государственную монополию на такие торговые операции. В 1604 году был устроен специальный розыск: «хто на Дон донским атаманом и казаком посылали вино, и зелье, и серу, и селитру, и свинец, и пищали, и пансыри, и шеломы, и всякие запасы, заповедные товары». Одним из главных обвиняемых оказался младший брат Прокофия — Захар Ляпунов, снова примерно наказанный за нарушение запрета на торговлю с донскими казаками. Выяснилось, что «Захарей Ляпунов вино на Дон козакам продовал, и пансырь, и шапку железную продовал». В итоге было «велено ево, Захара, с товарыщи кнутом бить»[13].

Еще раз заметную роль в общерусских событиях Ляпуновы сыграли в момент присяги сыну царя Бориса Годунова — царевичу Федору Борисовичу под Кромами в мае 1605 года. В тот момент, как писал автор «Нового летописца», рязанские, украинные и заоцкие «города», бывшие в войске под Кромами, — то есть дворянские отряды, представлявшие Рязань, Тулу, Каширу, Алексин, — поддержали действия воеводы Петра Басманова, выступившего на стороне самозваного царевича Дмитрия, будущего Лжедмитрия I. Они изменили уже состоявшейся ранее присяге царевичу Федору Борисовичу и «начата бояр имати», то есть арестовывать сторонников Годуновых.

Вместе с Басмановым участниками заговора под Кромами летопись называла князя Василия Голицына с братом Иваном и Михаила Салтыкова[14]. Правда, князь Василий Голицын еще колебался и даже приказал связать себя наравне с остальными воеводами, оставшимися верными Годуновым[15]. «Новый летописец» прямо не называет Ляпуновых участниками событий,

но из других источников известно о их решающем влиянии на позицию своего «города».

Автор «Карамзинского хронографа» — арзамасский дворянин Баим Болтин, который мог участвовать в событиях под Кромами или, по крайней мере, слышать рассказы очевидцев, приписал инициативу выступления Петру Басманову. Но он ничего не говорил о князьях Голицыных и Салтыкове, напротив, рассказывал о действиях таких же провинциальных дворян, как и он сам. Согласно его сведениям, начало мятежа под Кромами было связано с изменой Годуновым Прокофия Ляпунова и других дворян из заоцких («заречных») «городов»: «И в полкех под Кромами немного время погодя после крестного целованья резанцы Прокофей Лепунов з братьею и со советники своими и иных заречных городов втайне вору (самозванцу. — *В. К.)* крест целовали и назвали его прямым царевичем Дмитреем Ивановичем царя Ивана Васильевича всея Руссии сыном». Самое интересное содержится в описании действий рязанцев во главе с Прокофием Ляпуновым, открыто не повиновавшихся боярам и воеводам и диктовавших им свою волю: «…и собрався приехали к розрядному шатру, где бояре и воеводы сидели, и они бояр били, а иных везали и всяких ратных людей приводили ко кресту к вору к Ростриге». Конечно, не было никакой тайны в том, что действия рязанских дворян под Кромами, рушившие привычный порядок вещей, стали возможны только благодаря оставшимся в тени главным заговорщикам. «А своровали резанцы и иные дворяне и дети боярские, которые втайне крест целовали вору Ростриге, по совету и умышлению Петра Басманова», — заключает автор «Карамзинского хронографа»[16]. О том, что Ляпуновы поддержали будущего царя Дмитрия Ивановича, забыть было невозможно. Поэтому Прокофий и остальные рязанские дворяне поначалу столь непримиримо выступили против свергнувшего самозванца с престола нового царя Василия Шуйского.

Имена Ляпуновых появлялись в исторических хрониках каждый раз, когда в Москве происходила смена власти, — после смерти Ивана Грозного, затем — Бориса Годунова. Не удивительно поэтому, что они не могли принять и переворот против Лжедмитрия I. И хотя самозванец не отметил каким-то особым образом услуг Ляпуновых (что очень показательно для него), именно в тех городах, где начиналось движение в пользу царя-ниспровергателя Годуновых — Путивле, Монастыревском остроге, Чернигове, Стародубе, Новгородесеверском, — снова выступили в поддержку Дмитрия, считая, что ему опять удалось чудесным образом спастись[17]. По сообщению «Нового летописца», именно в Путивль состоялась отсылка челобитчиков

из Рязани, Тулы и других украинных городов, с чего стали отсчитывать историю «прихода под Москву Болотникова». Правда, тогда, по словам летописи, рязанские посланцы вернулись из Путивля ни с чем, но это их не остановило, и они продолжили войну с Шуйским под предводительством «соловского сына боярского» Истомы Пашкова (на самом деле, вопреки известию «Нового летописца», дети боярские Пашковы служили по Веневу, а Истома Иванович в конце правления Лжедмитрия I был назначен на службу в сотниках в Епифани)[18].

В своей изначальной ненависти к новому царю Василию Шуйскому, вступившему на престол без настоящего совета с «землею», Прокофий Ляпунов выбрал не тех союзников. Происходивший из служилого рода холоп князя Андрея Телятевского Иван Болотников или городовой сын боярский и сотник Истома Пашков, при всей их неординарности, не имели никаких исторических шансов на успех. Их бунт (не первый и не последний в русской истории) был обречен, по пушкинскому определению, на «бессмысленность» и «беспощадность». Всё это и было продемонстрировано, пока болотниковцы шли походом на Москву: они казнили дворян, «изменивших» царю Дмитрию, разоряли чужие владения и грабили их — ничего нового. Описывая начавшуюся «прелесть» (обман) и «смуту», автор «Карамзинского хронографа» писал: «…а в тех в украйных в полских и в северских городех тамошние люди по вражию наважению бояр и воевод и всяких людей побивали разными смертми, бросали с башен, а иных за ноги вешали и к городовым стенам распинали и многими разноличными смертми казнили и прожиточных людей грабили, а ково побивали и грабили и тех называли изменники, а оне будто стоят за царя Дмитрея»[19]. Когда болотниковское войско попало в Рязанскую землю, оно продолжило свой жуткий поход: повстанцы, по словам современных грамот, разоряли церкви, насиловали и убивали. Не этого, конечно, желал Прокофий Ляпунов, вступая в союз с Болотниковым.

Осенью 1606 года под Москвой можно было увидеть совсем неожиданную картину: лагерем в Коломенском стояли друг рядом с другом одетый в стеганый тягиляй сын боярский с луком и саадаком, бросивший свою торговлю посадский человек в кафтане и с бердышом в руках, расправившийся со своим владельцем крестьянин, одетый и вооруженный как мог, тем, чем успел поживиться из разграбленного имения своего хозяина. Придя под Москву, Ляпуновы и другие дворяне сделали новый, более отвечавший здравому смыслу выбор. Надо еще учесть, что в источниках по-разному говорится о выступлении рязанцев «всем

городом». Вполне заслуживают доверия известия арзамасца Баима Болтина о том, что во главе рязанской дворянской корпорации стояли воеводы Григорий Федорович Сунбулов (потомок рода рязанских бояр) и Прокофий Петрович Ляпунов. Они занимали первое место в болотниковском войске как по своему происхождению, так и по военному значению и численности той силы, которой они командовали. У епифанского сотника Истомы Пашкова были в подчинении Тула и Кашира, а у Ивана Болотникова — Калуга, Алексин и другие заоцкие «города»[20]. Такова была иерархия в дворянской части войска повстанцев, всей же армией мог командовать только сам Болотников. Впрочем, одна деталь ускользнула от внимания Баима Болтина, когда он составлял свою роспись. Для понимания позиции Прокофия Ляпунова важно помнить, что Сунбулов находился раньше в Туле, где командовал сотнями тульских дворян, пришедших «в сход» в Рязань. Следовательно, именно Прокофий Ляпунов оставался главным из тех, кто принимал решение о поддержке войска Болотникова в Рязанской земле. Тот же Ляпунов, по сути, первым и вышел из этой опасной игры, перестав верить в спасшегося царя Дмитрия, якобы убежавшего из Москвы в Путивль или еще куда-то. Для царя Василия Шуйского переход на его сторону Ляпунова и других рязанских дворян стал решающим обстоятельством, что и позволило одержать победу в битве с болотниковцами под Москвой 2 декабря 1606 года. Всех рязанцев одарили наградными золотыми монетами, как при самых больших победах русской армии. Но выше других и единственным из всех (и это лишний раз подчеркивает его роль в тех событиях) был впоследствии почтен чином думного дворянина Прокофий Ляпунов.

Выскочек никогда не жаловали в истории, но особенно их не принимали в обществе, где весь уклад построен на иерархии, обусловленной родовыми связями, принадлежностью к определенному чину или сословию. Прокофия Ляпунова, несмотря на полученный им высокий думный чин, предпочли удалить подальше от Москвы, отдав ему в безраздельное управление Переславль-Рязанский — так в официальном делопроизводстве XVII века называлась Рязань. С этим городом будут связаны последующие четыре года жизни мятежного воеводы. Случилось это уже после поражения болотниковцев под Москвой в декабре 1606 года, когда Ляпунова направили в Рязань вторым воеводой вместе с боярином князем Борисом Михайловичем Лыковым[21]. Воеводу Ляпунова щедро наградили рязанскими землями, в том числе отдали в поместье село Исады недалеко от Старой Рязани, упоминавшееся когда-то в летописях

как владение рязанских князей[22]. Позднее эти земли стали для потомков Прокофия Ляпунова родовой вотчиной.

Ляпунов подтвердил свою верность царю Василию Шуйскому участием в решающей битве с войском Ивана Болотникова на реке Восме (неподалеку от Каширы) 5 июня 1607 года. Успешный для царя итог этого сражения не в последнюю очередь был обеспечен участием сотен рязанских дворян и детей боярских под командованием воевод Федора Булгакова и Прокофия Ляпунова. Рязанцы, судя по описанию битвы, оставленному автором «Карамзинского хронографа», попали в самое пекло: «воровские казаки», укрепившиеся в «бояраке», по ним «из ружья стреляли… и людей ранили и самих и лошадей побивали». Выстояв под обстрелом, рязанцы совершили неожиданный маневр, они отошли от укрепления, из которого их обстреливали, и «… скочили всем полком к речке к Восме», «напустили на воров» и заставили их побежать. После этого основные силы всего правительственного войска во главе с воеводой боярином князем Андреем Васильевичем Голицыным начали преследовать казаков и полностью разбили их. Оставалось только справиться с окруженными казачьими сотнями, которых маневр рязанских дворян отрезал в «бояраке» от остального болотниковского войска[23]. Как видим, на этот раз умение Прокофия Ляпунова действовать решительно и самостоятельно оказалось вполне востребованным.

Новому «рязанскому князю» Ляпунову было где приложить свои силы. Он должен был обеспечить главное — бесперебойное поступление в столицу хлеба. И Ляпунов с успехом отработал свои пожалования. За все время царствования Василия Шуйского, после отбития болотниковцев, Рязанская земля ни разу ему не изменяла, хотя всюду по соседству — в Касимове и Муроме, с одной стороны, и Туле и Калуге — с другой — побеждали противники царя, а не его сторонники. Рядом с Прокофием Ляпуновым был его брат Захар, служивший воеводой в Ряжске в 1607 году. Во время осады Тулы царем Василием Шуйским он помог справиться с «изменниками» — «пронскими и Михайловскими мужиками», воевавшими совсем неподалеку, «в двадцати верстах» от Переславля-Рязанского[24]. Сын Прокофия Ляпунова Владимир непосредственно участвовал в тульской осаде. После пленения Ивана Болотникова в Туле царь Василий Шуйский 20 ноября 1607 года отправил младшего Ляпунова к отцу с милостивым словом и дарами. В грамоте, привезенной Владимиром Ляпуновым в Рязань, перечислялись царские подарки: «камка золотная, сорок соболей, кубок золочан, четыре чарки серебряные, ковш серебряной». Помимо этого, воеводе и

думному дворянину Прокофию Ляпунову разрешалось взять 50 рублей из собранных в Рязани доходов и был обещан еще один подарок — «оргомак в наряде», то есть конь со всем убранством, которым царь собирался наградить его при встрече: «как, аж даст Бог, увидишь наши царские очи». Отдавалось должное и заслугам Ляпунова: «А службы твоей и дородство и разуму нам и всему Московскому государству нет число, и ты б как начел, так и совершал»[25].

Понятно, по какой причине в Москве впоследствии закрывали глаза на действия главы дружественного рязанского анклава, увлекавшегося чрезвычайными методами управления. Уже после удаления Василия Шуйского от власти вскрылись дела, показывающие, что думный дворянин Прокофий Ляпунов вел себя в Рязани как безраздельный правитель. Немало дворян, и каких — из первых рязанских родов, потомков княжеских бояр Измайловых, Кобяковых, Сунбуловых, — вспоминали о «недружбе» с Прокофием, кончавшейся для них плачевно. Так, Дмитрий Григорьевич Кобяков подал челобитную на имя царя и патриарха в 1627 году, где перечислял злоключения своей семьи двадцатилетней давности: «…во сто пятом на десеть году (1606/07) недруг Прокофей Лепунов у отца моего у Григорья животы все пограбил и ваши, государи, жаловонныя старыя помесныя и вотчинныя грамоты и заемныя кобалы, и многая людцкия крепости поймал, и отца моего хотел убить до смерти. И отец мой, государи, от таво Прокофья прибежал с матерью нашею да и с нами к Москве — кормился именем Божьим»[26]. Впрочем, вряд ли у этой вражды были только личные корни. Шла по существу гражданская война, и Ляпунов расправлялся с теми, кто переходил на службу к самозванцу, то есть с врагами законной власти. В этом контексте стоит, например, воспринимать сохранившиеся прямые известия об убийстве Прокофием Ляпуновым в 117-м (1608/09) году «по недружбе» князя Ивана Щетинина, чьи родственники отъехали служить в Тушино[27]. У Ляпунова было прямое разрешение царя Василия Шуйского беспощадно расправляться с изменниками: «…велел бы еси воевати и жечь те села и деревни, которые нам не прямят»[28].

Ляпунов подчинил себе «черных» посадских людей, заставив их работать на оборону — ну и попутно на себя тоже. Впечатляющий перечень того, что принуждал их делать воевода Прокофий Ляпунов в «смутные годы», содержится в коллективной челобитной жителей рязанского посада: «И городовые, и острожные и всякие многие поделки делали, и рвы копали и роскатные башни делали… и гребцы под Прокофьев запас[29] многие имали, и щиты делали, и к Москве с щитами возили, и

запасы всякие многие на Прокофья делали; и повоски всякие многие возили мимо (помимо. — *В. К.)* ево Прокофьевых крестьян, и на городе, и на остроге и на Прокофьеве дворе кораулы кораулим зиму и лето беспрестанна в день и ночь. И дрова на Прокофьев двор секали, и кашу на Прокофьев двор варивали, и на вино солод дирали, и вино курили… и дворы на Прокофья ставили, и мосты к ево двором мостили и по улицам, и пруды около города прудили… И всякие многие работы работали». Слова «тяглецов» черной слободы Переславля-Рязанского Степана Дементьева с товарищами не нуждаются в особенных комментариях, а ведь это еще не полный перечень их жалоб. Они страдали от непомерных подводных и постойных повинностей, от того, что им приходилось вместо уездных крестьян служить «в целовальникех в таможне, и на кобакех, и на винокурнях, и у бань», от злоупотреблений при сборе разных запасов[30]. Воеводе Ляпунову были обязаны данью все торговцы, проезжавшие по Оке мимо Рязани; он свободно обращался с церковными землями в Рязанском кремле, если надо, самостоятельно выделяя «осадные дворы» для дворян и детей боярских, которые не могли сохранить свои вотчины и поместья в неприкосновенности от врага и шли на службу в город. Конечно, здесь упомянута лишь малая толика дел, оставивших свой документальный след. Даже двадцать лет спустя в Рязани разбирали дела Прокофия Ляпунова (например, о том, что он «поставил» воеводскую съезжую избу на средства «из таможенных доходов»)[31]. Вряд ли мы ошибемся, расценив действия Ляпунова как поведение обычного наместника московских царей. Необычным было лишь то, что он сам принадлежал к рязанскому дворянству и был связан с городом невидимыми нитями дружеских, родственных, клиентских и прочих связей. Однако он носил чин думного дворянина, и его службы царю попадали в разрядные книги, что поднимало честь воеводы, ставя его выше остальных рязанских дворян, не говоря о прочем населении Переславля-Рязанского.

Возглавив дворян своего «города», Прокофий Ляпунов организовывал помощь соседним городам, куда приходили войска тушинцев. Особенно тяжелыми были бои 1608—1609 годов.

Уже в мае 1608 года рязанских воевод князя Ивана Андреевича Хованского и думного дворянина Прокофия Петровича Ляпунова известили об опасности похода полковника Лисовского, собиравшегося «с воры» в Михайлове[32]. Сам Прокофий Ляпунов ходил с отрядом под Пронск. Во главе объединенной арзамасской и рязанской рати царь Василий

Шуйский отправил князя Ивана Андреевича Хованского. Именно этому воеводе рязанцы некогда помогали в памятных боях у восминских «бо-яраков», а потом он был назначен на службу в Переславль-Рязанский. Славно повоевали и под Пронском, причем воевода Прокофий Ляпунов был тогда ранен. Эта рана потом, возможно, избавит его от смерти под другим городом — Зарайском — во время встречи на поле боя, пожалуй, с лучшим воеводой тушинского самозванца — полковником Александром Лисовским.

О боях под Пронском и Зарайском рассказал упоминавшийся автор записок о Смуте Баим Болтин, которому те события были особенно памятны как самая большая трагедия арзамасских дворян за все время Смуты. «И Переславля Резанскова с весны ходили воеводы под Пронеск, — писал автор «Карамзинекого хронографа» о событиях 116 (1608) года, — а Пронеск был в измене, и у Пронска острог взяли, и в остроге дворы выжгли, и к городу Пронъску приступали и не много городу не взяли, из города ранили из пищали воеводу Прокофья Лепунова по ноге и от города воеводы и ратные люди отошли прочь и пошли в Переславль Резанской».

Пронский поход был признан вполне удачным, и с победным известием о нем воеводы послали в Москву специального вестникасеунщика. Но самое тяжелое для участников пронского похода было еще впереди. Вернувшись в Рязань, они поспешили на помощь другому городу — Зарайску, «а в городе Зараском сидел литовской полковник Александр Лисовской, а с ним литовские ратные люди и черкасы (запорожские казаки. — *В. К.)* и русские всякие воры». Раненого Прокофия Ляпунова в походе под Зарайск заменил его брат Захар. Далее же случилась катастрофа: как писал Баим Болтин, «и паки московские люди пришли под город под Зараской на поле, и Лисовской со всеми людми из города вышел на бой, и с резанцы и с арзамасцы был у нево бой, и резанцов и арзамасцев побил и могих живых поймал». Автор «Нового летописца», по своему обыкновению, не упустил случая подчеркнуть провал Ляпуновых, обвинив воевод в том, что они пришли «под Зарайской город не промыслом со пьяна». Печальным памятником тех событий остался существующий поныне курган «велий», насыпанный победителем Лисовским над большой братской могилой, где осталось лежать несколько сотен дворян Арзамаса и Переславля-Рязанского[33]. Впоследствии рязанцы пытались помочь Коломне справиться с осаждавшим город полковником Млоцким, однако неизвестно, ходил ли в этот поход сам Прокофий Ляпунов.

Ляпунов отслуживал доверие, сколько мог, выполняя самые

ответственные поручения царя Василия Шуйского. Осенью 1608 года, когда Москва оказалась в осаде от тушинцев, завоевывавших на свою сторону один за другим почти все города Замосковного края, именно к Ляпунову обращался царь с отчаянной просьбой «наспех» привезти хлеб, собранный в рязанских дворцовых селах. Без запасов хлеба, во враждебном окружении Москва была обречена, поэтому в столице не стали дожидаться, когда крестьяне привезут хлеб на своих подводах (рискуя тем, что они вообще не проедут в город). Ляпунова просили нанять суда и еще «до заморозов» привезти хлеб «в судех тотьчас… чтоб наши обиходы за хлебом не стали и ратным людем быти без нужды»[34]. И на следующий год, в августе—сентябре 1609 года, Прокофий Ляпунов тоже охранял окский судовой путь, чтобы по нему беспрепятственно везли запасы в Москву[35].

Вскоре, однако, правление неудачливого царя Шуйского перестало быть легитимным в глазах его подданных. Все беды и напасти, связанные с бунтом Болотникова, разделением страны из-за продолжавшейся истории самозваного царя Дмитрия, оказались связаны с нарушением воли Земли при избрании князя Василия Шуйского на царство. Не было забыто и то, что царь Василий Иванович неоднократно нарушал свои же клятвы, в том числе и ту, которую сам добровольно дал при восшествии на престол. Именно тогда в обществе вызрела идея, ставшая для современников главным объяснением Смуты. Происходившее вокруг виделось наказанием за грехи и «безумное молчание» всего мира[36]. И снова Ляпунов одним из первых уловил эти изменения в настроениях общества. Перед нами нетерпеливый, но искренний порыв рязанского воеводы, обратившегося с посланием к князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому. Успешные действия союзной со шведскими наемниками русской рати, собранной молодым боярином в Великом Новгороде, дали надежду на освобождение государства от присутствия самозваного царя Лжедмитрия II и его польско-литовского войска. Успешно сражаясь с тушинцами, князь Михаил Скопин-Шуйский триумфально прошел в 1609 году путь от Торжка к Твери, Калязину и Александровой слободе. Туда, в Слободу, по сообщению «Нового летописца», думный дворянин Прокофий Ляпунов отправил «станицу» (небольшой отряд всадников) с отпиской, адресованной родственнику царя. Фактически, если верить летописи, один думец призывал другого к перевороту. Ляпунов предлагал заменить одного князя Шуйского другим — князем Скопиным-Шуйским. Идея Ляпунова отнюдь не была фантастичной. Скорее, наоборот, он всего лишь озвучил и выразил на бумаге в своем послании Скопину то, о чем вокруг,

видимо, говорили многие. У идеи смены царя при желании можно было найти даже родословное обоснование, ибо отец Михаила Скопина-Шуйского принадлежал к старшей ветви рода и в боярских перечнях его имя писалось выше имени его тезки и родственника, будущего царя Василия Ивановича. Для людей той эпохи, находившихся на верху социальной иерархии, такая «мера» службами отцов была делом само собой разумеющимся. Только вот нормальный и понятный порядок родовых связей сильно пострадал в царствование Ивана Грозного, а потом еще более был запутан при его преемниках, особенно когда род князей Шуйских попал в опалу во второй половине 1580-х годов.

Приведем пространный рассказ «Нового летописца», предупреждая читателя о пристрастном отношении автора этого памятника к рязанскому герою, что обусловлено более поздними событиями. В статье «О приезде с Резани от Прокофья Ляпунова» говорилось: «Придоша в Слободу с Резани от Прокофья Ляпунова станица и писаше ко князю Михаилу грамоты. Аки змия уезвяюще люди смертоносною язвою, такоже и он лстивый человек, хотя остудити князь Михаила Васильевича царю Василью, а князь Михаила возъярити на царя Ва-силья, написаша грамоты и здороваша на царстве, а царя же Василья укорными словесы писаше». Как видим, летописец вполне определенно оценивал «льстивые», то есть обманные, действия Ляпунова, вознамерившегося разрушить родственный союз князей Шуйских и посеять между ними рознь. Но так ли это было на самом деле? Текст ляпуновского послания не сохранился, его тогда же благоразумно уничтожил сам князь Скопин-Шуйский, помиловавший посланцев рязанского воеводы: «Князь Михайло ж, прочетчи грамоты и изодрав их, тех же посланников повеле поимати, хотя их послати к Москве. Они же начаша плакати и бити челом и поведаша Прокофьево житие все и к себе его Прокофьево насилие. Он же, милостивый боярин, не хотя их крови, отпусти их опять на Рязань»[37].

Приведенное летописное свидетельство не датировано. Можно лишь предположить, что Ляпунов не случайно обратился в Александрову слободу, ставшую после всех побед рати Скопина-Шуйского и ее долгожданного объединения с войском боярина Федора Ивановича Шереметева своеобразной столицей земских сил. Посланники Ляпунова могли приехать в Слободу, освобожденную от тушинцев, в ноябре 1609 года, скорее всего, по установившемуся зимнему пути, когда морозы прочно сковали реки. Следовательно, летописец повествует о времени примерно с конца 1609-го по начало 1610 года. Однако в тот момент происходили разные события, совершенно менявшие

политическую обстановку в Московском государстве. Распадался тушинский лагерь, а сам «царик» бесславно бежал от своего войска, требовавшего уплаты огромных долгов, спрятавшись в дровяных санях. Из Александровой слободы по городам рассылались радостные грамоты с известием о мнимой гибели самозванца, с обращением от «государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии бояр и воевод князя Михаила Васильевича Шуйского с товарыщи»[38]. Не такая ли грамота натолкнула Ляпунова на идею посылки своих людей с обращением к князю Скопину-Шуйскому в Слободу? Зная витиеватый и торжественный стиль, присущий другим грамотам Ляпунова этого времени, можно предположить, что рязанский воевода в своем очередном порывистом душевном движении всего лишь в преувеличенных словах отозвался о роли Скопина, сравнил ее с бездействием царя Василия Шуйского. Не в характере Ляпунова было писать тайные письма о заговоре, если он действительно уже тогда думал о перевороте.

В известии летописца акценты смещены. Он ничего не сообщает о содержании письма, зато умело рассказывает о кающихся вестниках из «станицы» Ляпунова, которые перед лицом грозившей им опасности отреклись от рязанского воеводы и сослались на его «насилие». То, что Ляпунов чувствовал себя полным хозяином в Рязани, — повторять не стоит, но широко об этом стало известно много позднее, после его трагической гибели под Москвой в 1611 году. В «Новом летописце» содержится немало примеров переноса позднейших сведений на более ранние известия. Критическое осмысление событий навязано автором летописи, чтобы выставить в неприглядном свете «змия»-Ляпунова и оттенить благородные качества Скопина-Шуйского. Это оказавшиеся рядом с ним неназванные доносчики известили царя Шуйского о грозящей ему измене: «Злии же человецы клеветники написаху о том ко царю Васи-лью на князь Михаила, что он их к Москве, переимав, не прислал. Царь же Василей с тое поры на князь Михаила нача мнение держати и братья царя Василья»[39].

Как, однако, ловко все получилось! Косвенным образом Ляпунов (а не авторы интриги!) оказался виноватым еще и в грядущей трагедии. Между тем рядом со Скопиным были и другие бояре, поставленные в «товарищах» у молодого боярина — не им ли выгодно было осадить притязания земского героя? Когда князь Михаил Скопин-Шуйский триумфально войдет в Москву, молва свяжет внезапную смерть молодого воеводы после пира у князя Воротынского с враждебным отношением к нему «братьи» царя Василия Шуйского. На пиру воевода Скопин вроде бы выпил

чашу с отравленным вином, поданную ему боярыней Екатериной Шуйской, женой царского брата князя Дмитрия Ивановича Шуйского, а еще и родной сестрой бывшей царицы Марии Годуновой и дочерью известного опричника Малюты Скуратова. Создается впечатление, что вся история с посланием рязанского воеводы боярину Михаилу Скопину-Шуйскому, приведенная в «Новом летописце», нужна была для того, чтобы отвлечь внимание от действий других «ушников» царя Василия Шуйского, намеренно ссоривших его с прославленным племянником.

Многие после успехов молодого князя Скопина-Шуйского — победителя Тушинского вора и освободителя Троицесергиева монастыря — стали видеть в нем нового претендента на престол. Хотели, чтобы он сменил царя Василия, успевшего своими действиями оттолкнуть от себя даже бывших друзей и союзников. Прокофий Ляпунов, наверное, чуть раньше других не только задумался о смене власти в Москве, но и стал действовать — сначала своими грамотами и обращениями. Время для открытого неповиновения придет чуть позже, когда царя Василия Шуйского вынудят отречься от царства в июле 1610 года. С этого момента начинается настоящая всероссийская слава рязанцев Ляпуновых, успевших оставить заметный исторический след в эпоху «междуцарствия».

В рассказе «Нового летописца» о свержении царя Василия Ивановича умалчивается об истинных основаниях придворной борьбы и влиянии на ход событий московских бояр, вскоре образовавших свое правительство. Вместо этого летопись с удовольствием «развенчивает» изменнические действия всё того же Прокофия Ляпунова. Рязанский воевода удостоился отдельной статьи, в заголовке которой недвусмысленно говорится о его главной роли в случившемся перевороте: «О умышленьи на царя Василья Прокофья Ляпунова». Если верить летописцу, то получается, что Ляпунов не успокоился после того, как его гонцы были отправлены ни с чем от князя Михаила Скопина. После внезапной смерти этого боярина и воеводы в Москве в конце апреля 1610 года Ляпунов с новой силой возобновил агитацию против царя Василия Шуйского. На этот раз адресатом его обращения стал не кто иной, как стольник князь Дмитрий Михайлович Пожарский, служивший в то время воеводой в Зарайске — соседнем городе с Переславлем-Ря-занским. История эта давно известна, однако меньше обращается внимания на то, что первым, к кому обратился Прокофий Ляпунов, по версии «Нового летописца», был изгнанный Скопиным самозванец Лжедмитрий II, чей новый двор находился в Калуге: «В то же время слышав Прокофей Ляпунов, что князь Михайло Васильевич

преставись, и нача на царя Василья умышляти всякими умыслы и по городом нача писати от себя и в Колугу к Вору посылаше». Другими словами, в действиях Ляпунова в мае—июне 1610 года можно усмотреть практически ту же модель общего союза различных сил, которая впоследствии будет реализована в создании Первого ополчения. Однако время для этого, видимо, еще не пришло. О реакции в Калуге на обращение Ляпунова (если оно было) ничего не известно. Не будет преувеличением сказать, что письма, полученные от Ляпунова или каких-то других членов двора, в тот момент могли только оживить надежды самого самозванца и его супруги Марины Мнишек на приход к власти. К тому же венчанная на царство в 1606 году московская царица ожидала ребенка. Конечно, об этом не было широко известно, но Лжедмитрий II уже учитывал это обстоятельство. Как только Шуйского отрешат от власти, самозванец снова появится под Москвой, и не один, а в сопровождении своего калужского двора и царицы.

Выбор еще одного адресата посланий Ляпунова — стольника князя Дмитрия Михайловича Пожарского — тоже не был случайным. Ожегшись в 1606 году на союзе с болотниковцами и сотником Истомой Пашковым, Ляпунов стремился больше не допускать таких ошибок. Его выбор сначала в пользу князя Михаила Скопина-Шуйского, потом — князя Пожарского показывает, что он учитывал их репутацию последовательных сторонников земских сил. Противоречие было в том, что он призывал к нарушению присяги, на что многие не готовы были идти даже тогда, когда полностью разуверились в способности царя Василия Шуйского управлять государством и защищать его. Обращению к зарайскому воеводе князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому был придан менее официальный, даже родственный характер. Ляпунов на этот раз избрал своим вестником близкого родственника — Федора Ляпунова, младшего из сыновей его старшего брата Григория Петровича[40]: «К Николе Зараскому приела племянника своего Федора Ляпунова, чтоб с ними был в совете, и в грамоте к ним писаше, чтоб ему мстити смерть царю Василью князь Михаила Васильевича». Следовательно, миссия Федора Ляпунова состояла в том, чтобы привлечь Пожарского к союзу разных городов (где уже числился и Калужский вор!), и речь шла о мести царю Шуйскому, обвиняемому молвой в смерти царственного «племянника».

Реакция самого князя Дмитрия Пожарского оказалась вполне прогнозируемой. Он не только отказался примкнуть к такому сомнительному объединению, но и известил обо всем царя Василия Шуйского: «В то же время был у Николы Зараскова

воевода князь Дмитрей Михайлович Пожарской и не приста к совету его и того Федора отпустиша к нему, а с тою грамотою посла ко царю Василью наскоро, чтоб к нему на помощь прислал людей». Пожарский сделал то, что должен был сделать, и Ляпунов вынужден был считаться с тем, что союз с калужским самозванцем оказался невозможным. Именно в этом контексте произнесены летописцем и слова о «думе» рязанского воеводы и боярина князя Василия Голицына: «Прокофей же, слыша то, что пришли на помощь люди в Зараской город, и с Вором не нача ссылатися. Дума ж у него большая на царя Василья з боярином со князь Васильем Васильевичем Голицыным, и от Москвы отложися и не нача царя Василья слушати»[41].

Из «Нового летописца» и других источников становится очевидным только одно — Прокофий Ляпунов отказался подчиняться царю Василию Шуйскому значительно раньше, чем того принудили оставить престол. Попытка создать какую-то коалицию против Шуйского не удалась, бесперспективной оказалась и идея объединения с калужским самозванцем. Члены бывшего тушинского двора Лжедмитрия II самостоятельно попробовали в феврале 1610 года договориться о будущем устройстве Русского государства с польско-литовским королем Сигизмундом III, осаждавшим Смоленск. Многие тогда проторили дорожку в королевский лагерь, да не всех ждал теплый прием. В королевской ставке рассматривали статьи договора, подготовленные тушинским «патриархом» Филаретом (бывшим боярином Федором Романовым), боярином Михаилом Глебовичем Салтыковым и другими бывшими тушинцами, но думали, похоже, только о главной цели — завоевании Смоленска, что в итоге должно было принести славу королю. У недавних тушинцев оставался небольшой выбор: либо возвратиться в Москву, покаявшись перед ничтожным для них царем Василием Шуйским, либо снова искать счастья вместе с самозванцем в Калуге. Между тем у самого «царика», освободившегося от своих одиозных сторонников-«панов», разорявших присягнувшие ему на верность города и уезды, снова появлялся шанс. И видеть это мог не один Ляпунов.

Прокофия Ляпунова не смутила неудача с обращением к князю Пожарскому. Он все равно, как мог, противодействовал царю Василию Шуйскому. Новый повод представился тогда, когда верные царю Василию войска под руководством воеводы князя Василия Федоровича Мосальского пытались отстоять от «воровских» притязаний Шацк — центр Мещерского уезда. Однако победа осталась за воеводой калужского «цари-ка» князем Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским. Шуйский еще пытался

удержать за собой этот богатый край, где располагались дворцовые земли, и послал на помощь князю Василию Федоровичу Мосальскому голову Ивана Можарова, скорее всего со стрелецким войском. Но этот отряд был задержан Ляпуновым в Рязани: «И Прокофей сведал то, что идут к Шацкому и, посла, повеле Ивана переняти и их не пропустиша, повеле им быти у себя»[42]. Известие это можно воспринять по-разному, даже как действия Прокофия Ляпунова в пользу калужского самозванца. Но, возможно, всё объяснялось интересами укрепления обороны Переславля-Рязанского. В Москве же очередное самоуправство Ляпунова приняли за измену.

Вскоре в столице произошел переворот, лишивший власти царя Василия Шуйского. Поводом для смены царя стало тяжелое поражение московского войска в битве с гетманом Станиславом Жолкевским под Клушином 24 июня 1610 года. Меньше чем через месяц судьба князей Шуйских была решена, и, условно говоря, «договор» с ними, заключенный сразу после свержения самозваного царя Дмитрия в 1606 году, был окончательно разорван.

Царю Василию Шуйскому мало что удалось сделать за четыре года. Не выполнил он и своей присяги «миру», которую дал при восшествии на престол: никого не казнить без вины, не разорять людей всем родом, учитывать мнение Боярской думы. Расправы с опальными людьми продолжались и, по московской традиции, они опять затрагивали всех родственников, а не одного провинившегося человека. Все обещания остались неисполненными, а самозванство не только не исчезло, но и стало мучительным признаком государственной жизни, укрыться от которого нельзя было ни в каком уголке страны. Чрезвычайные события, связанные с отрешением от власти царя Василия Шуйского, требовали решительных действий.

Значительный след Ляпуновы оставили и здесь. На этот раз в числе заговорщиков упоминается Захар Петрович, родной брат Прокофия. Но и Прокофия Ляпунова автор «Нового летописца» по-прежнему не забывает, утверждая, что именно он в союзе с князем Василием Голицыным стал зачинщиком переворота. Когда царь Василий Шуйский в последней надежде после клушинского разгрома обратился по городам, чтобы оттуда шли спасать Москву, то никого не дождался. Не помог ему и Ляпунов в Переславле-Рязанском: «…а резанцы отказаша по умышлению Прокофья Ляпунова. Прокофей же наипаче нача со князем Васильем Голицыным умышляти, как бы царя ссадити».

Описывая события в Москве 17 июля 1610 года — последнего дня царствования Василия Шуйского, автор «Нового летописца»

опять-таки прежде других вспоминал Прокофия Ляпунова: «В то же время приела Прокофей Ляпунов к Москве ко князю Василью Васильевичу Голицыну да к брату своему Захарью Ляпунову и ко всем своим советником Олешку Пешкова, чтоб царя Василья з государства ссадить. Той же Захарей Ляпунов да Федор Хомутов на Лобно место выехаша и з своими советники завопиша на Лобном месте, чтоб отставить царя Василья»[43]. Захар Ляпунов и Федор Хомутов активно участвовали и в развитии этой политической драмы, когда царя Шуйского вынуждали принять постриг[44]. Кроме русских летописных памятников, интересные сведения об устранении Шуйского с престола оставил в своих записках польский гетман Станислав Жолкевский. Двигаясь после Клушина с войском к Москве, Жолкевский забрасывал столицу подметными письмами, чтобы еще больше ослабить власть Шуйских. Но ему не пришлось лично вмешиваться в события, это сделали сами москвичи. Всё началось, по сведениям гетмана, еще 12 (22) июля, когда «несколько тысяч дворян» пришли к царю. (Трудно сказать, как могла собраться такая большая толпа людей перед царским дворцом.) Из всех прочих участников событий гетман Жолкевский, как и русские летописи, выделил Захара Ляпунова. Он «сурово» вопрошал царя Василия Шуйского: «… Долго ли за тебя будет проливаться христианская кровь? Земля наша опустела, в царстве ничего доброго в твое правление не делается, сжалься над упадком нашим, положи посох (т. е. скипетр), пусть мы постараемся о себе другими средствами». В ответ Шуйский набросился с матерной бранью на рязанского дворянина. Ему уже удавалось осаживать разного рода челобитчиков, укоряя их тем, что они выступали только сами от себя, а не от «всей земли». На этот раз царь Василий Иванович решил использовать тот же прием и сослаться на послушную ему Боярскую думу: «Как ты мне это смел сказать, когда бояре… не говорят мне сего?» Не стерпев обиды, царь даже замахнулся на Ляпунова длинным ножом, который был при нем. Рассказ этот явно передавался из уст в уста и, с некоторыми фольклорными искажениями, дошел до гетмана Жолкевского. Захар Ляпунов не только был храбрецом, но и обладал подобающей силой и статью: «Ляпунов был мужчина большого роста, дюжий и смелый; он закричал на него громко: не бросайся на меня, — как возьму тебя в руки, так всего изомну»[45]. После этого Ляпунов, а также «некто Хомутов», Иван Никитич Салтыков и другие вышли на Лобное место. Там они призвали народ сойтись за городскими заставами для сведения царя Василия Шуйского с престола.

Получается, что и русские, и польские источники говорят об одном: Ляпуновы в этот важнейший момент истории не остаются

рядовыми наблюдателями, но активно влияют на ход событий. Рязанские дворяне одними из первых произнесли вслух то, о чем говорили все вокруг. «А в народе говорят, что он государь несчастлив», — передавал эту мысль автор «Карамзинского хронографа». Однако время Смуты уже кое-чему научило русских людей, и речь совсем не шла о физическом устранении неугодного «миру» царя, как это было с самозванцем или еще раньше с Федором Годуновым. Заслуги князей-Рюриковичей Шуйских в истории были столь памятны, что ни у кого не поднималась рука на то, чтобы тайно или явно расправиться с отрешенным от власти царем. Бояре—враги Шуйского плохо себе представляли, что делать с ним: ведь убийство царя могло всколыхнуть страну так, что все «несчастья» его правления обернулись бы против тех, кто взял управление в свои руки. Поэтому-то в свержении царя Василия Ивановича стремились опереться на ставшую уже баснословной удельную практику: собрали «вече» из московского народа, выйдя куда-то за Москву-реку, требовали благословения патриарха, хотели просить, чтобы «царь взял себе в удел Нижней Новгород»[46], которым предки суздальских князей Шуйских владели в XIV веке.

Пытаясь объяснить политические предпочтения Ляпуновых в тот момент, надо учитывать менявшиеся обстоятельства придворной борьбы. В боярском списке 1610/11 года перечислены имена 33 бояр, 22 окольничих и 7 думных дворян (многие из них приняли участие в «вече» за городскими воротами). Прокофий Ляпунов занимал в перечне членов Боярской думы… последнее место. И вообще отсутствовал в Москве. В обычное время это не оставляло ему никаких шансов на то, чтобы играть какую-либо самостоятельную роль в происходивших событиях. Но в чрезвычайных условиях «междуцарствия» он сумел стать одним из главных действующих лиц, вызывая, впрочем, ожидаемое раздражение своих современников, не прощавших самостоятельности там, где она не была «положена» по обычаю или чину В Московском государстве всегда существовали боярские «партии», представленные «сильными», то есть правящими людьми той эпохи, заседавшими в Боярской думе. Дума была единой, когда речь шла об отстаивании ее аристократического характера. Однако внутри нее тоже имелась своя родословная иерархия: князья Рюриковичи спорили за первенство с князьями Гедиминовичами, старомосковские бояре охраняли свое положение от новых родов, попавших в Думу благодаря одной благосклонности Ивана Грозного или его преемников. Меняло положение думцев пожалование чинами бояр и окольничих новых царских

родственников. Рядом с каждым боярином, входившим в Думу, издавна складывался «свой круг» родственников и приближенных, которые и поддерживали его при любых поворотах московской политической жизни.

Братьев Прокофия и Захара Ляпуновых, скорее всего, можно причислить к «партии» боярина князя Василия Васильевича Голицына. Выше этого аристократа Гедиминовича в боярском списке стояло всего лишь несколько человек, и всех их можно назвать по именам. Первенствующее положение в Думе давно и прочно было занято князем Федором Ивановичем Мстиславским. Однако залогом такой устойчивости, восходящей ко временам правления его полного тезки царя Федора Ивановича, был полный отказ от каких-либо притязаний на верховную власть (сам он объяснял это тем, что всегда крепко держался принятой присяги). Иначе боярин не выжил бы сначала при Борисе Годунове, потом при свергнувшем его Лжедмитрии I, затем при пришедшем к власти в результате переворота Василии Шуйском. Следующий по старшинству (не возрастному, а своего положения) боярин — князь Иван Михайлович Воротынский. Это на крестинах его сына-младенца Алексея случилась история с признанной молвой отравленной чашей, поданной князю Михаилу Скопину-Шуйскому. Князь Иван Михайлович Воротынский большую часть своей жизни провел в ссылке, в отдалении от двора. Если бы не Смута, то ему, наверное, так бы никогда и не вернуться в Думу. Происхождение, как и в случае с Мстиславским, давало ему почетное первенство, но не означало политического преимущества. А вот дальше шли князь Андрей Васильевич Трубецкой и три брата Голицыных — Василий, Иван и Андрей (показательно почти полное доминирование князей-Гедиминовичей в Думе после исторического поражения последних Рюриковичей на троне — князей Шуйских).

Между князьями Трубецкими и Голицыными шел давний, длившийся десятилетиями местнический спор. Царь Борис Годунов возвысил князей Трубецких, а князей Голицыных держал в отдалении от себя. Именно по этой причине князь Василий Голицын и его братья оказались в числе первых сторонников якобы чудесно спасшегося «царевича Дмитрия», изменив под Кромами в мае 1605 года наследнику Годунова — царю Федору Борисовичу. С этого момента можно проследить сложившийся союз с Голицыными братьев Ляпуновых, которых Годунов также не жаловал после их памятного политического выступления, последовавшего за смертью Ивана Грозного. Когда же пришел другой исторический час, после смерти самого Бориса Годунова, все недовольные им собрались под знамена самозваного царя

Дмитрия Ивановича. Напомню, что князья Голицыны и Прокофий Ляпунов оказались тогда в числе первых, кто поддержал Лжедмитрия. Для князя Василия Голицына кромский «подвиг» оказался не последней услугой самозванцу. С именем родовитого князя-Гедиминовича связывают факт позорной расправы над несчастным семейством Бориса Годунова. Роль же Ляпуновых среди сторонников самозваного царя Дмитрия дальше Кром не видна. Вопрос о том, была ли их поддержка, оказанная князьям Голицыным под Кромами, делом политической минуты или далеко просчитанным шагом, остается открытым. Хотя постоянство в поддержке князей Голицыных, продемонстрированное в событиях 1610 года, заставляет думать, скорее, о давнем и хорошо осознанном выборе Ляпуновых в пользу князя Василия Голицына как своего политического покровителя.

В результате свержения царя Василия Шуйского власть в Москве, как стали потом говорить, перешла в руки «семибоярщины». По точному смыслу известия статьи Хронографа 1617 года «О болярском державстве Московского государства», речь шла о своеобразном «временном» правительстве, просуществовавшем чуть больше двух месяцев. После царя Шуйского, как писал автор Хронографа, «прияша власть государства русьскаго седмь Московских боляринов, но ничто же управльшим, точию два месяца власти насладишася». Все, что они сделали, — избрали на царство королевича Владислава, после чего у них самих отобрали власть: «Седмочисленныя же боляре Московския державы и всю власть Русския земли предаша в руце литовских воевод»[47]. Историк Сергей Федорович Платонов в «Очерках по истории Смуты» причислял к правительству «семибоярщины» тех, кто вел переговоры о призвании Владислава. Это были упоминавшиеся князья Федор Иванович Мстиславский, Иван Михайлович Воротынский, Андрей Васильевич Трубецкой и Андрей Васильевич Голицын, а также бояре Иван Никитич Романов, Федор Иванович Шереметев и князь Борис Михайлович Лыков. Полностью отождествить их имена с составом боярского правительства, правившего после царя Василия Шуйского, мешает ряд обстоятельств. Не все из перечисленных бояр принадлежали к верхней части боярского списка, а князя Василия Васильевича Голицына, без которого трудно представить это правительство, приходится считать восьмым членом «семибоярщины»![48] В ряде трудов понятие «семибоярщина» распространяется на весь период 1610—1612 годов, и правительство семи бояр превращается в правительство уже даже не восьми, а десяти бояр, которые *могли*

входить в его состав. Существуют даже изощренные построения историков, пытавшихся доказать, что «семибоярщина» — едва ли не традиционный институт для чрезвычайного управления в Русском государстве[49]. Однако нет никаких оснований для буквального чтения статьи Хронографа 1617 года: как ни считай по именам тех, кто подписывал грамоты Думы, их все равно получается больше семи.

В нарицательном понятии, которым автор Хронографа обозначил характер власти, наступившей после свержения царя Шуйского, прежде всего, указано на бессилие «седмочисленных» бояр в решении главных проблем русской «земли». Кроме иронического подтекста в разговорах о «семибоярщине», безусловно, отражено еще одно обстоятельство, связанное с тем, что влияние и значение одних бояр перед другими заметно возросло. В Думе столкнулись интересы бояр, недавно входивших в ближний круг царя Василия Шуйского, и возвратившихся в Москву тушинцев. В тех условиях заметной оказывалась роль «неприсоединившихся» боярских родов, кого и царь Шуйский особо «не привечал» и чьи ближайшие родственники «не бегали» в Тушино. Так произошло выдвижение князя Василия Голицына, ставшего к тому же одним из возможных претендентов на престол. Всё это давало исторический шанс и Ляпуновым как членам его «партии».

Прокофий Ляпунов пытался представлять порядок в беспорядке, думая о возвращении к привычному ходу дел. И этот порядок он примерял, скорее всего, к одному из следующих по рангу претендентов на царство — боярину князю Василию Васильевичу Голицыну. Гетман Станислав Жолкевский в своих «Записках» тоже передавал слух о совместных действиях Ляпуновых с князем Василием Голицыным при устранении князей Шуйских от власти: «Носилась такая молва, что это сделалось по наущению Голицыных, ибо вышеупомянутые (то есть Ляпуновы. — *В. К.)* были клиентами их, и один из старших Голицыных князь Василий, когда Шуйский был низвергнут, по знатности своего происхождения, благородству, влиянию и уму, которым обладал, явно питал надежду на обладание государством»[50]. Как и бывает во времена политической неустойчивости, недостатка в фантастических прожектах и в объявлении имен претендентов на царскую власть не было. Оценить справедливость выбора и историческое предвидение можно только с исторической дистанции, несчастным же и полностью дезориентированным современникам, над которыми довлело полное нестроение, даже призрачная возможность устройства казалась уже спасительной. Такими обстоятельствами обычно и пользуются авантюристы и

политические проходимцы, для которых это и есть самое дорогое время. Несмотря на то что доля авантюрности была в характере Прокофия Ляпунова, речь, конечно, не о его позиции и не о его действиях в тот момент.

Князь Голицын и Прокофий Ляпунов должны были считаться с еще одной политической угрозой, связанной с приходом под Москву калужского самозванца — «царя Дмитрия Ивановича». «Царик» думал, что снова наступил его час, однако им всего лишь собирались воспользоваться как «пугалом» для того, чтобы все были сговорчивее при устранении от власти Шуйского. «Карамзинский хронограф» сохранил детали циничных переговоров сторонников самозванца, пришедших с ним из Калуги и вставших в лагере в Коломенском (в том самом, где уже при начале правления Шуйского видели его врагов, собравшихся в армию Ивана Болотникова). Из лагеря Лжедмитрия II обратились в Москву — скорее всего, к тем боярам и другим служилым людям, с кем когда-то вместе они служили в Тушине. План состоял в том, чтобы убрать с дороги обоих надоевших претендентов: «чтоб оставил царь Василей царство, а мы де своево вора, что называется царевичем Димитрием, и поймаем и приведем к Москве»[51]. Согласно «Новому летописцу», инициатива переговоров принадлежала, напротив, самим москвичам, обратившимся к сторонникам самозванца. Когда в июле 1610 года «на Москве на царя Василья пришло мнение великое», начались съезды и уговоры, «чтоб они отстали от Тушинского, "а мы де все отстанем от Московского от царя Василья"», — что и было обещано: «Тушинские ж воры лестию им сказаша, что отстанем, а выберем сопча государя».

Разрешить спор о том, кто начал переговоры, трудно. Возможна и третья версия: что вся переговорная игра шла под контролем Лжедмитрия II, который в случае ее удачного завершения оставался бы единственным «царственным» претендентом. Думать так заставляет сообщение о сведении с престола царя Василия Шуйского еще в одном повествовательном памятнике времен Смуты — «Сказании» келаря Троице-сергиева монастыря Авраамия Палицына. Он писал, что действительно призыв к переговорам шел из лагеря самозваного царя Дмитрия: «Бывший же правители у ложнаго царя неправ совет изъявляют защитником царьствующаго града Москвы: Вы убо оставите своего царя, — глаголюще Василиа, — мы також-де оставим своего и изберем вкупе всею землею царя и станем обще на Литву»[52]. Однако как только условие с избавлением от царя Василия Шуйского было выполнено, тушинцы немедленно отказались от своих слов, насмехаясь над наивностью поверивших

им бояр. По словам автора «Нового летописца», из подмосковного лагеря самозванца начали поучать москвичей: «что вы не помните государева крестново целования, царя своего с царства ссадили, а нам де за своево помереть»[53]. Расчет бояр на избрание нового царя «всею землею», на земском соборе, после того, когда не будет ни Шуйского, ни «Дмитрия», не оправдался. С отказом от законного царя Василия Шуйского ситуация только усугубилась.

На что же тогда могли рассчитывать боярин князь Василий Голицын и поддержавший его Прокофий Ляпунов? Да всё на то же манившее многих избрание на Московское царство. Князь Голицын был очень осторожен (вспомним его непоследовательность под Кромами) и предпочитал пока что оставаться в тени, снова связав себя какими-нибудь воображаемыми веревками. Но где-то и он не удержался. На переговорах с поляками в 1615 году хорошо информированные в русских делах дипломаты Речи Посполитой вспомнили эпизод с поведением князя Голицына, в самый момент сведения с престола царя Шуйского. Свидетельство, в котором сказано и о Ляпуновых, стоит привести целиком: «А князь Василий Голицын еще в тот час, которого дня князя Василия Ивановича с господарства складали, и бояре со всякими людьми за Деревянный город в поле для совету вышли, и он смотря на город вымовился и дался узнать многим дворяном, што он сам господарем Московским быти умышлял». Конечно, задержанного в плену посла князя Василия Голицына выгодно было обвинить в чем-нибудь подобном. Но по дипломатическому обычаю такие ответы основывались на проверенных фактах, только трактовавшихся с точки зрения собственной пользы. Многие, наверное, слышали вырвавшиеся у князя Голицына в виду Москвы слова о желании царствовать. Отсюда, как считали в Речи Посполитой, и началась агитация Захара Ляпунова, прямо предлагавшего избрать боярина в цари: «За чим дворяне з Резани, Захарей Лепунов с товарыши учали в люди вмешати и сами о том в-голос говорити, штоб князя Василия Голицына на гос-подарстве поставити»[54]. Но вся эта агитация если и была, то имела смысл лишь в условиях нестабильности, наступившей с началом «междуцарствия».

Спустя некоторое время в Москве, как известно, возобладала другая кандидатура — королевича Владислава. Договор об этом был заключен с клушинским триумфатором гетманом Станиславом Жолкевским 17 августа 1610 года. Правда, уже несколько дней спустя после заключения договора гетман Жолкевский получил другие королевские инструкции от присланного из-под Смоленска управлять делами польско-литовского гарнизона Александра Госевского[55]. Поэтому-то

Жол-кевскому, находившемуся в Москве, приходилось делать всё для того, чтобы скрыть планы короля Сигизмунда III. Жолкевский убеждал патриарха Гермогена, что никакой угрозы православию будущий династический союз с Речью Посполи-той не несет, — и даже в чем-то добился успеха. Судя по его докладам королю Сигизмунду III, он был сторонником постепенного сближения двух государств, напоминая, что и самой польской Короне и Великому княжеству Литовскому понадобилось более полутора веков для объединения в полноценный государственный союз. Однако под Смоленском побеждали другие советники короля, толкавшие его к немедленному захвату Смоленска, Москвы и всего, что только можно в Московском государстве.

Князь Василий Голицын не просто подчинился мнению большинства, а встал во главе посольства под Смоленск к королю Сигизмунду III, который должен был утвердить состоявшийся договор с Боярской думой. Почетное удаление из Москвы князя Василия Голицына, а также духовного руководителя посольства, ростовского и ярославского митрополита Филарета было хитростью гетмана Станислава Жолкевского — он сам признавался в этом в своих «Записках»[56]. Тем самым устранялись главные лица, те, кто мог в первую очередь влиять на ход событий и позицию Думы, а также возможные претенденты на власть в Москве — сам князь Василий Голицын и сын митрополита Филарета Михаил Романов, чье имя, как и имя князя Голицына, уже тогда называлось при обсуждении возможных претендентов на царство. Гетман Жолкевский обещал справиться с оставшейся угрозой со стороны Калужского вора. Бояре же, как писал Авраамий Палицын, рассудили, что «лучши убо государичю служити, нежели от холопей своих побитыми быти и в вечной работе у них мучитися»[57]. Так корыстный расчет одних и дальний политический умысел других привели к самому темному провалу в анналах русской истории, связанному с добровольной отдачей столицы иноземному гарнизону. «Самохотением своим отдаша Московское государство в Латыни и государя своево в плен!» — сокрушался позднее летописец[58].

По договорам, написанным на бумаге, выходило всё достаточно гладко: королевич крестится в православие, вечный союз двух славянских государств, который обсуждали еще за десять лет до того при приеме посольства литовского канцлера Льва Сапеги при Борисе Годунове, мог наконец-то стать явью, а два государства получили бы новое, конфедеративное устройство под властью представителей одной династии. Только ради этого, только ради преодоления династического кризиса и была организована присяга королевичу Владиславу, которую принесли

Боярская дума, Государев двор и все жители Московского государства. На деле же получилось то, что получилось, хотя никто тогда, что бы ни писали впоследствии историки, не считал дело, благословленное патриархом Гермогеном, «актом национальной измены».

Бывают такие тупиковые ситуации в истории, когда теряются все современники. Когда легко выбрать совсем не тот вариант действий, который нужен; когда ждут легких решений и избавителя от всех бед. Нечто подобное произошло в начале «междуцарствия». Все хорошо представляли себе первый шаг с освобождением престола от ставшего ненавистным Шуйского, но никто не знал, что будет дальше. Решительность Ляпуновых была необходима в самом начале; потом же, когда в дело вступили бояре, началась высокая политика. Но в этой политике гетман Станислав Жолкевский и советники короля Сигизмунда III под Смоленском явно переигрывали не привыкшую к самостоятельным решениям Боярскую думу. Ее сила была в другом — в умении скрыть свои истинные намерения, подчиниться обстоятельствам, дождаться нужного момента. «Земля» передоверяла боярам право действия, оставляя себе право вмешиваться всем «миром» в дела управления, если они шли не так, как надо. После 17 августа вся ответственность легла на плечи «седмочисленных бояр» и все взгляды были обращены в их сторону. Ляпуновы, заслужившие славу самых последовательных сторонников князя Василия Васильевича Голицына, конечно, шли в фарватере его политики, а потому тоже присягнули королевичу Владиславу. В августе—сентябре 1610 года Ляпуновы в Рязани действовали, как все остальные жители Московского государства, и никто не мог бы оспорить того, что в этом и состояло их искреннее желание.

К Прокофию Ляпунову и к его брату Захару, проявившим себя во время свержения царя Василия Шуйского, было явно повышенное, но поначалу вполне доброжелательное внимание. На каком-то этапе Прокофий Ляпунов в своем неприятии как царя Шуйского, так и самозванца оказался союзником гетмана Жолкевского. Сказывались известные обстоятельства их близости к Голицыну, которого Жолкевский уговорил возглавить «великое дело» с посольством под Смоленск. Вслед за поддавшимся на лестное предложение Жолкевского князем Василием Васильевичем Ляпуновы всячески поддерживали идею такого посольства. Прокофий слал необходимый рязанский хлеб и даже, чтобы укрепить свои связи с гетманом, отправил к нему своего сына Владимира (характерный для него жест: вспомним посылку племянника Федора к князю Дмитрию Пожарскому в Зарайск). В

«Записках» Жолкевского сказано, что Владимира Ляпунова, «бывшего в совершенном возрасте», гетман «почтил благоволением», «угостив и одарив», после чего отослал обратно к отцу. В благодарность за поддержку гетман Жолкевский включил Захара Ляпунова в смоленское посольство и 13 (23) сентября 1610 года дал ему рекомендательное письмо к канцлеру Великого княжества Литовского Льву Сапеге: «Между другими послами едет и господин Захарий Ляпунов к его королевскому величеству. Человек этот знатного происхождения, а брат его Прокопий Ляпунов большая особа, который в Рязани»[59].

Старший из братьев Ляпуновых очень скоро подтвердил справедливость отзыва Жолкевского. 16 сентября 1610 года он начал осаду Пронска (того самого, под которым когда-то был ранен) и очень умело, в три дня, завершил всё дело, взяв под контроль один из оказавшихся на стороне «Вора» рязанских городов. Описание боев под Пронском сохранилось в переписке Александра Госевского с королевской ставкой под Смоленском (даты указаны по новому стилю): «26 сентября Прокопий Ляпунов подошел изгоном под Пронск, побил и забрал в плен множество пронских воров, овладел всеми слободами кругом крепости, поставил туры под крепостью, отнял везде воду, перепортил водопроводы и три дня штурмовал крепость со всех сторон, так что осажденные не могли выдержать и 28 сентября били челом королевичу и с повинными головами вышли из крепости целовать крест»[60]. Там же упомянуто о возвращении еще одного рязанского города воеводой Мироном (Мирошкой) Андреевичем Вельяминовым, будущим соратником Ляпунова по Первому ополчению. Он отвоевал у сторонников самозванца Шацк и разбил под этим городом большие «воровские» отряды[61].

Захар Ляпунов под Смоленском «отличился» по-другому. Он сполна воспользовался рекомендацией гетмана Жолкевского для приумножения своих земельных владений. 24 сентября (4 октября) Захар Ляпунов уже получил грамоты на свою вотчину; следовательно, он успел приехать под Смоленск даже раньше того, как туда 7(17) октября официально въехало московское посольство во главе с князем Василием Васильевичем Голицыным и митрополитом Филаретом. Новые владения из числа земель, конфискованных у князя Дмитрия Ивановича Шуйского, были отданы рязанскому служилому человеку 15 (25) ноября (припись у этого пожалования была сделана самим канцлером Львом Сапегой); еще одна запись о землях Захара Ляпунова в реестре пожалований датирована 3(13) декабря[62]. Прокофия Ляпунова не было среди искателей милости новых временных управителей Московского царства. Это, конечно, показательно, но все равно не

объясняет причин случившегося позднее переворота в позиции братьев Ляпуновых.

Недоверие стало нарастать, когда под предлогом борьбы с «похлебцами» и «ушниками» царя Шуйского власть в Думе взяли в свои руки случайные люди, опиравшиеся на поддержку из-под Смоленска. Гетман Жолкевский вспоминал, что уже два дня спустя после того, как был заключен в Москве договор с Боярской думой, там появился, наверное, самый одиозный из всех новых королевских назначенцев — торговый человек из Погорелого городища Федор Андронов, сразу сделанный казначеем (именно он должен был известить гетмана о желании короля царствовать в Москве). Король рад был привечать любого, кто ему присягнет, и щедро награждал таких людей чинами и землями. В Москве сложилась целая партия «пущенных при Литве» заседать в Думе, руководить приказами, распоряжаться казной. Во главе же иноземного гарнизона встал Александр Госевский. Позднее на переговорах 1615 года бояре с горечью выговаривали польско-литовской стороне: «Уж и не было в худых никого, кто бы от государя вашего думным не звался»[63]. Таково было начало, а продолжением стали невыполненные обещания. Вместо того чтобы собраться в поход против самозванца в Калугу, польско-литовский гарнизон, усиленный немецкими наемниками, вольготно устроился в Москве на зимние квартиры. Как писал Жолкевский, бывшего гетмана войска самозванца Яна Сапегу едва удалось уговорить, чтобы он повернул свое войско не в сторону богатой Рязани, а в Северскую землю, ближе к Калуге[64]. Другие польско-литовские отряды, получив в «приставство» богатые земли Замосковного края, вернулись к тушинским традициям, нещадно обирая местное население и требуя с него многие «кормы»[65].

«Странные» обстоятельства введения в Москву иноземного гарнизона вызвали тревогу патриарха Гермогена, и он попытался в первый раз вмешаться в события. По сведениям дневника королевского похода под Смоленск, 30 сентября (10 октября) 1610 года на патриаршем подворье собралось «великое множество людей, не столько из простого народа, сколько из дворян и служилых людей». Происходило нечто похожее на недавние события, связанные со свержением князя Василия Шуйского. (Не хватало только Ляпуновых, но тогда их в Москве и не было.) Патриарх Гермоген дважды посылал за членами Боярской думы, чтобы они вышли к собравшимся. Бояре отговаривались очередными важными делами. В третий раз пришлось прибегнуть к угрозам, что все дворяне, пришедшие к патриарху, сами пойдут с ним в Думу… Прения с боярином

князем Федором Мстиславским продолжались около двух часов, но тому нечего было ответить на простой вопрос, почему же польско-литовское войско не идет воевать с самозванцем в Калугу. Хитрый Госевский, как всегда, придумал интригу, сумев убедить и Думу, и патриарха, и требовавших ответа служилых людей, что польско-литовское войско готово выступить хоть завтра и что гетман Жолкевский держит свое обещание. Александр Госевский, по сообщению Иосифа Будилы, отправил для вида посланца к главе Думы князю Федору Мстиславскому, чтобы убедить всех сомневающихся, что он находится в Москве как представитель гетмана Жолкевского (а не короля). Глава польско-литовского войска извещал, что гетман назначил его «полковником над всем войском», и выражал свою готовность идти в поход против самозванца. Для этого он просил назначить на следующий день место, «где бы русские могли его выслушать». Довольные таким поворотом дел бояре даже выговорили патриарху Гермогену, «чтобы смотрел за церковию, а в мирские дела не вмешивался, потому что никогда прежде не было того, чтобы попы управляли делами государственными»[66].

Выступления против присутствия в Москве польско-литовского гарнизона продолжились и позже. Одно из них оказалось связано с именем Прокофия Ляпунова. В ответной грамоте «панов-рад» новому московскому посланнику Федору Григорьевичу Желябужскому в 1615 году вспоминали о том, что бояре посылали на Рязань Василия Бутурлина, который там «сговорился» с Прокофием Ляпуновым. Происходило это еще в то время, когда гетман Жолкевский находился в Москве. Возвратившись в столицу из Рязани, Василий Бутурлин «пехоту его короля милости немецкую перемовлял и до змены приводил» (то есть пытался подговорить к измене немецких наемников в польско-литовском войске)[67]. Больше подробностей о «заговоре» Бутурлина с Ляпуновым знал, как всегда, Александр Госевский. Он запомнил, что всё происходило на той неделе, когда в Москву вошел иноземный гарнизон (то есть вслед за собранием служилых людей у патриарха Гермо-гена 30 сентября)[68]. Побывавший по боярскому разрешению в своих рязанских поместьях (тоже точная деталь) Василий Бутурлин успел там сговориться с Прокофием Ляпуновым, чтобы начать новую «смуту»: «…и в те поры зараз они вздумали и на слово тайно промеж себе положили, как вновь смуту в Московском господарстве завести, людей польских и литовских в Москве побить и, собрався, против короля его милости и против королевича войною стоять». На переговорах 1615 года Госевский указывал, в чем состояла вина Ляпунова: «А делал то Ляпунов, сам на господарство замыщляючя, и говаривал

с своими советники: да ведь же Борис Годунов, Василий Шуйской или Гришко Отрепьев не лутшые за него были, а на господарстве сидели»[69].

Так могли передавать слова Ляпунова доносчики, но они, конечно, явно искажали намерения Прокофия. Думать самому о занятии престола ему не пристало, иначе бы он не обращался с предложением своей помощи и разными идеями о смене царя то к князю Михаилу Скопину-Шуйскому, то к князю Дмитрию Пожарскому. Не простил бы Ляпунову таких речей и князь Василий Голицын. По поводу этого эпизода в русско-польских дипломатических отношениях можно сказать одно: воевода Александр Госевский, так успешно повлиявший своей клеветой на известные обстоятельства расправы с Прокофием Ляпуновым в полках земского ополчения, не оставлял интриг и после смерти воеводы. Против Прокофия Ляпунова стали действовать задолго до начала сбора им земских сил. Спасало его лишь то, что он находился в Рязани: в Москве быстро бы нашли способ его тайного или явного устранения от дел. Поэтому Ляпунова пытались оклеветать, оговорить, приписать ему и то, что было, и то, чего не было. Странность «дела Бутурлина» подтверждается еще и тем, что оно открылось в тот момент, когда оставались надежды на успех переговоров под Смоленском.

Для отвлечения внимания московских жителей и укрепления собственных позиций поляки продолжали использовать страхи перед угрозой возможного похода на Москву калужского «царика». Как только возникало недовольство ходом дел с избранием королевича Владислава, все разговоры немедленно дезавуировались обвинениями в связях с самозванцем, адресованными сомневающимся. Например, упреки в тайных контактах с «Вором» были адресованы смоленскому воеводе Михаилу Борисовичу Шеину, отказавшемуся сдать город, пока не будет подтвержден московский договор. В ссылке с калужским самозванцем, причем чуть ли не со времени отъезда из столицы, обвиняли также князя Василия Голицына. Главе смоленского посольства приписали и желание самому воцариться. В 1613 году, принимая посланника земского собора Дениса Оладьина, польско-литовские дипломаты вполне определенно говорили о претензиях князя Василия на царство: он будто бы «умыслил сам быти вашим великим государем». Для этого Голицын якобы вступил в тайную переписку с Калужским вором.

История со старыми обвинениями тянулась с того времени, когда Александр Госевский 10 (20) ноября 1610 года прислал королю Сигизмунду III сведения о раскрытом в Москве заговоре. По его словам, некий поп Иларион сознался в том, что возил

письма «от всех сословий» к самозванцу, и сообщил о готовившемся 18 (28) октября выступлении, в ходе которого должны были перебить всех сторонников королевича Владислава. Главу Боярской думы князя Федора Ивановича Мстиславского собирались оставить в живых, но ограбить и в одной рубашке привести на поклон к «Вору». Рядом в донесении шла речь о допросе попа Харитона (из текста неясно, не был ли это тот же самый Иларион или уже другой священник), который на пытках, в том числе перед всеми боярами, полковниками и ротмистрами, показал, что в сговоре с «Вором» были князья Василий и Андрей Голицыны[70].

На переговорах 1615 года, которые велись с участием бывшего главы московского гарнизона Александра Госевского, снова вспомнили о показаниях попа Харитона против князя Василия Голицына. Особенно подчеркивалось, что лазутчика допрашивали в присутствии многих дворян, гостей и представителей московского посада[71]. Князь Голицын, судя по этим показаниям, выбрал для осуществления своих честолюбивых планов непрямую дорогу, начав переговоры с бежавшим из-под Москвы в Калугу самозваным царем Дмитрием. Расчет Голицына основывался на повторении истории первого самозванца: «зараз выехавши з Москвы под Смоленск, з дороги сослался с вором Калужским и промышлял, штобы ему с своими советники (намек на Ляпуновых и других сторонников голи-цынской партии. — *В. К.)* учинити на Москве господарем вора Калужского, а учиня убити, також как прежнего Дмитра розстригу убили, а убивши самому господарем учинитися, так как преже того Шуйский зделал»[72]. Сам князь Голицын готов был «Богу жаловаться» на оговор, и все подозрения с него сняли еще в королевской ставке под Смоленском[73].

Не стоит вслед за дипломатами Речи Посполитой думать, будто о престоле мечтали оба — и князь Василий Голицын, и Прокофий Ляпунов. Поддерживать князя Василия должны были более родовитые люди, включая его брата Андрея. Собственно, если судить по итогам рассмотренного дела попа Харитона, главными фигурантами следствия были оговоренные им бояре князь Иван Воротынский и младший из князей Голицыных Андрей Васильевич (хотя от показаний на последнего поп Харитон впоследствии отказался). Однако дело было сделано: те, кто открыто выражал недовольство захватом власти в Думе Александром Госевским, были отстранены отдел, обоих бояр посадили под стражу. В городе было введено военное положение, ключи от города оказались в руках главы иноземного гарнизона. Формально московскую Думу стал представлять только князь

Федор Иванович Мстиславский, с которым король Сигизмунд III и его советники продолжали вести переписку из-под Смоленска[74].

Конечно, боярин князь Василий Голицын очень быстро был извещен о переменах в столице и судьбе брата, что и заставило его действовать иначе, чем было до тех пор. По общепринятому мнению, именно глава московского посольства пустил «в народ» самые опасные для польско-литовской стороны сведения о том, что король Сигизмунд III не хочет давать своего сына королевича Владислава на Московское царство. Посольская переписка, естественно, была под контролем. В королевской ставке под Смоленском специально следили за тем, кто, когда и с кем из членов московского посольства обменивался даже частными письмами — «грамотками». Поэтому там хорошо были информированы о том, что боярин князь Василий Голицын посылал письма патриарху Гермогену, предупреждая его о намерениях короля самому воцариться в Москве. Глава московского посольства становился в глазах советников Сигизмунда III едва ли не первым подозреваемым в противодействии интересам короля.

Возможно, среди адресатов князя Голицына был и Прокофий Ляпунов, хотя руководитель посольства не признавал факт переписки с ним[75]. В грамоте, выданной Денису Оладьи-ну в 1613 году, о действиях главы московского посольства под Смоленском писали так: «…и к Ермогену патриарху в столицу, и на Рязань к Прокофью Ляпунову, и к иным многим изменником по городом грамоты росписал неправдиве, будто государь король, его милость, не хочет дати сына своего королевича его милости Владислава на Московское государство, а будто хочет Московское государство прилучити к Полше и к Литве»[76]. Но ведь то была правда! Не случайно в этом и оказался главный побудительный мотив действий Прокофия Ляпунова в начале агитации за объединение земских сил.

Московская политика была не так проста, как могло показаться. На «безвременье» вяло реагировали лишь до поры. Ляпунов, выйдя из тени в свет большой политики, действительно оказался самым последовательным противником идеи короля Сигизмунда III о возможном присоединении Московского государства к польской короне. Именно Ляпунов начал земское движение, итогом которого окажется освобождение Москвы. Но до этого оставалось еще около двух лет… Рязанский строптивец не сразу разорвал с Боярской думой; более того, он еще долго (даже во времена организации земского ополчения) показывал, что готов служить королевичу Владиславу. Для начала Ляпунов в ультимативной форме требовал от Боярской думы подтвердить,

что договор о королевиче будет выполняться. Иначе он отказывался «на Резани» кормить московских нахлебников, отправлять доходы и хлеб в столицу, причем призывал последовать его примеру и другие города.

Гетман Станислав Жолкевский тоже связывал начало московского сопротивления с действиями Прокофия Ляпунова после того, как повсеместно стали распространяться сомнения «в приезде королевича». В «Записках» Жолкевского передается содержание обращения Ляпунова к московской Думе: Прокофий «писал к думным боярам письмо, спрашивая: какое они имеют известие и будет ли королевич или нет, по условию, учиненному с гетманом? Объявляя при том от имени своего и всей Рязанской земли, что, согласно присяге своей, с готовностью желает иметь государем королевича». Само письмо, по характеристике Жолкевского, «было весьма длинно и начинено изречениями из Священного писания, но смысл был окончательно такой»[77]. К сожалению, грамота Ляпунова, переправленная боярами в королевскую канцелярию под Смоленск, там и затерялась (хотя нельзя исключать, что если не она сама, то хотя бы ее перевод просто не разысканы до сих пор). Обращения к Священному Писанию были характерны и для других посланий Ляпунова. В этом, безусловно, содержался самый важный посыл для Думы. Ее бездействие в тех обстоятельствах подлежало уже не людскому, а Высшему суду. Но согласиться с мнением рязанского дворянина — напомню, последнего человека в Думе — означало бы уронить остатки своего авторитета. И бояре предпочли пожаловаться на Ляпунова новому арбитру во всех московских делах — королю Си-гизмунду III.

Историков всегда интересовали время и причины выступления Прокофия Ляпунова «на Резани», а также связь его грамот с призывами патриарха Гермогена. К сожалению, из-за отсутствия источников дату первого открытого обращения рязанского воеводы к Боярской думе точно установить нельзя. Первое послание Ляпунова (в передаче гетмана Жолкевского) содержало только один главный вопрос к Боярской думе — о сроках выполнения договора о призвании королевича Владислава. Обращение из Рязани было вызвано слухами об изменившихся намерениях короля Сигизмунда III. Сведения об этом, напомню, приходили из-под самого Смоленска. Прокофий Ляпунов мог получить их и от князя Голицына, и от патриарха Гермогена или даже напрямую от своего брата Захара. Московские бояре написали целое письмо, где просили короля Сигизмунда III наказать члена московского посольства Захара Ляпунова за «измену»: «…и ныне он под Смоленском, и ис-под

Смоленска з братом своим с Прокофьем ссылаетца грамотками и людьми. А которые люди были с ним з Захарьем под Смоленском, и он тех людей своих ис-под Смоленска отпущал на Резань к брату своему к Прокофью, и те люди ныне объявилися у брата его»[78]. Собственно, крамольным было не то, что брат переписывался с братом и отсылал из-под Смоленска в Рязань своих людей. Боярам во главе с князем Федором Ивановичем Мстиславским важно было показать, что они «верные подданные» Сигизмунда III (так они и именовали себя в своем послании), а Ляпуновы всего лишь сеют смуту. Однако полностью отмахнуться от подозрений в отступлении от условий московского договора 17 августа 1610 года тоже не удалось.

Остается только выяснить, откуда и когда пришли достоверные известия о провале с делом избрания королевича Владислава[79]. Переговоры, торжественно начавшиеся под Смоленском 12 (22) октября с королевского приема, сопровождались обязательным церемониалом целования руки короля Сигизмунда III всеми членами посольства, включая митрополита Филарета. Но оказалось, что послы напрасно смиряли себя, проходя этот ритуал. Московское посольство увязло в сложных переговорах об обсуждении судьбы Смоленска. Город не сдавался благодаря твердой позиции воеводы боярина Михаила Борисовича Шеина, отказавшегося повторить то, что сделали в Москве, — впустить внутрь стен Смоленской крепости польско-литовский гарнизон. На московских послов давили со всех сторон, король Сигизмунд III и его сенаторы на переговорах требовали немедленного подчинения Смоленска. На возражения послов отвечали грубо, но определенно: «не Москва де государю нашему указывает, государь наш Москве указывает»[80]. Боярская дума готова была изменить инструкции, согласованные «всею землею» в августе 1610 года, но этому противился патриарх Гермоген. Рядовые члены посольства, в том числе Захар Ляпунов, чувствовали себя пешками в чужой игре, так как с ними никто не советовался[81]; смысл их пребывания под Смоленском, особенно после получения грамот на поместья и вотчины, быстро терялся. И над всем этим стало витать одно общее подозрение жителей Московского царства в том, что их обманули в главном. Король Сигизмунд III не желал отправлять королевича Владислава в Москву, а хотел воцариться сам. Одна мысль об этом немедленно делала союзников поляков и литовцев врагами.

Спустя месяц переговоры зашли в тупик. Московская сторона не уступила требованиям немедленной сдачи Смоленска, послы говорили, что не хотят быть «в проклятье и ненависти» у патриарха Гермогена, освященного собора и «ото всех людей

Московского государства». В ответ на это 28 октября (7 ноября) послам было разрешено отправить в Москву гонца для совета с Думой — в сопровождении королевского дворянина, проще говоря, польско-литовского конвоя. Однако, по собственному признанию послов, их три недели только кормили обещаниями. Даже пользовавшемуся авторитетом гетману Станиславу Жолкевскому, уговорившему короля приостановить военные действия под Смоленском на время переговоров, не удалось в итоге повлиять ни на московских послов, ни на тех, кто оборонял Смоленск. Представители «земли» не желали одновременно присягать как королевичу Владиславу, так и королю Сигизмунду III и соглашаться на сдачу Смоленской крепости. Перелом произошел 18 (28) — 19 (29) ноября, когда поляки и литовцы демонстративно прервали переговоры, угрожая вскоре снова начать осаду Смоленска. Не помог даже последний компромисс, предложенный московскими послами: разрешить польско-литовским отрядам занять смоленский посад, но не саму крепость. За несколько дней до этого были отосланы из-под Смоленска «в Литву» царь Василий Шуйский и его братья. Оказалось также, что дипломаты короля Сигизмунда все время, пока безуспешно шли переговоры, готовили особый аргумент — пороховой заряд, заложенный под стены Смоленской крепости. 21 ноября (1 декабря) 1610 года, озлобленный неуступчивостью Шеина, король Сигизмунд III пошел на штурм Смоленска. Однако такие очевидные недружественные действия, да еще совершенные в большой церковный праздник Введения Богородицы, обернулись против самих поляков, с которыми тоже начали «говорить» на языке войны.

В конце ноября 1610 года смоленским послам все-таки удалось прислать в Москву грамоту и статейный список переговоров[82]. Привезший их Елизар Безобразов должен был посоветоваться с патриархом Гермогеном и боярами, чтобы решить, как послам «чинити» дальше по статьям договора о призвании королевича Владислава в связи со вновь открывшимися обстоятельствами. Глава церкви чем дальше, тем больше утверждался в правоте своих первоначальных опасений по поводу присутствия в столице вооруженного иноземного войска. Свои подозрения под давлением Боярской думы он должен был до времени держать при себе, но с прямым обращением к нему послов из-под Смоленска дело менялось. В течение двух дней 30 ноября и 1 декабря 1610 года патриарха безуспешно пытались склонить на сторону Сигизмунда III, заставить подчиниться его требованиям. Дело дошло до того, что боярин Михаил Салтыков не только обращался к патриарху с бранными словами, но и, как

писал автор «Нового летописца», замахнулся на него ножом («выняв на нево нож, и хотяше ево резати»). И хотя боярин, главный сторонник Сигизмунда III в Думе, повинился в своем поступке, пути назад уже не было.

Патриарх Гермоген собрал в Успенском соборе в Кремле гостей и торговых людей. Сообща решили, что не будут целовать крест королю Сигизмунду III. Началась рассылка патриарших обращений по городам — с тем, чтобы там добивались твердого исполнения прежнего договора. Всё это происходило «перед Николиным днем», то есть ранее 6 декабря 1610 года, когда праздновался «Никола Зимний», «в пятницу, в вечеру» (так сказано в расспросных речах дьяка Афанасия Евдокимова, которого допрашивали в Казани 3 января 1611 года)[83].

Существует много оснований для того, чтобы увязать послания патриарха Гермогена с выступлением «на Резани» Прокофия Ляпунова. То, что имя рязанского бунтаря не раз звучало во время событий накануне «Николина дни», подтверждает и «Новый летописец». По словам его автора, бояре пришли к патриарху Гермогену с двумя требованиями: подписать новую грамоту послам под Смоленск и остановить Прокофия Ляпунова: «…а к Прокофью послать, чтобы он к Москве не збирался». Благословить московских послов на подчинение всем действиям короля Сигизмунда III патриарх отказался и пригрозил: «…а к Прокофью Ляпунову стану писати: будет королевич на Московское государство и крестится в православную християнскую веру, благословляю его служить, а будет королевич не крестится в православную христианскую веру и литвы из Московского государства не выведет, и я их благословляю и разрешаю, кои крест целовали королевичю, итти под Московское государство и померети всем за православную християнскую веру»[84].

Уже второй раз за время Смуты возникала необходимость избавить жителей Московского государства от присяги, данной ими когда-то: сначала — «царю Дмитрию», а теперь — королевичу Владиславу Сделать это мог только высший церковный иерарх, потому-то так важно было, на чьей стороне в итоге он окажется. Не случайно, что после слов о «разрешении» от крестоцелования боярин Салтыков и схватился за нож. Это означало полный крах той политики, которую проводили его покровители и все те, кто, подобно Салтыкову, служил королю Сигизмунду III.

Однако приходится воздержаться от окончательного заключения о прямом призыве патриарха Гермогена к Ляпунову с организацией земского ополчения уже в декабре 1610 года. Более

того, было бы ошибочным приписывать главе церкви какие-то конкретные шаги в этом направлении. Современников смущало противоречие между саном первосвятителя и возможностью призывов к насилию. Именно в этом и состояло обвинение противников патриарха: «…и крови пролияшая велицы от его учителства, и от Резани и Северы воставил воя, и писанием подощряя». Писание патриарха Гермогена было показано рязанским архиепископом Феодоритом некому рязанскому воеводе «дуксу Ивану» — автору сочинения под названием «Словеса дней, и царей, и святителей московских». Рукопись, автором которой считается князь Иван Андреевич Хворостинин, обрывается на словах из обращения патриарха рязанскому владыке: «О Христе возлюбленный брате наш и сослужителю нашего смирения…»[85] Патриарх Гермоген повлиял на развитие событий, образно говоря, сказанным словом правды среди моря лжи. Он дал опору многим людям, в том числе и Прокофию Ляпунову. Тогда-то о патриархе и заговорили как о «втором Златоусте», которым крепка православная вера[86]. Именно защита веры стала первым побудительным мотивом его призывов. Хотя у историков существуют разные мнения на этот счет, в революционном 1917 году Лев Михайлович Сухотин опубликовал специальную статью, посвященную выяснению вопроса о влиянии патриарха Гермогена на создание Первого ополчения. Историк писал: «…Слухи о стойкости патриарха и его ободряющее слово (но не призывные фамоты, каковых не было вовсе) *должны были сыграть известную роль».* При этом Л.М. Сухотин был категоричен: «…мы настаиваем на том, что самое восстание Ляпунова и присоединение к его восстанию городов Рязанских, Украинных и Заоцких произошло *независимо от Гермогена».*

Восстанавливая последовательность событий, можно связать первую грамоту Прокофия Ляпунова московской Думе с тайной просьбой князя Василия Голицына, переданной через Захара Ляпунова. Обращает на себя внимание известная осторожность Ляпунова, всего лишь просившего подтвердить членов Думы, что они придерживаются августовской присяги королевичу Владиславу. Такое подтверждение в ответ на обращение Ляпунова и других людей, слышавших о нарушении договора королем Сигизмундом III, хотели получить от патриарха Гермогена при обсуждении просьбы послов накануне Николина дня. Когда это не удалось, из-под Смоленска в Москву были отправлены видные члены смоленского посольства Василий Борисович Сукин и дьяк Сыдавной Васильев. На приеме у короля перед отпуском в столицу 8(18) декабря им было передано обращенное к Думе требование повлиять на защитников Смоленска. В одно время с

ними в Москву возвратились представители духовенства — игумен Спасонового монастыря Евфимий и келарь Троицесергиева монастыря Авраамий Палицын[88]. Василий Сукин с товарищами привезли грамоту с подтверждением «королевским жаловальным словом» желания короля Сигизмунда III дать на царство своего сына; обещал король исполнить и другую договоренность — о борьбе с «чариком» в Калуге: «…и над Вором учнем промышляти вскоре». Правда, в дневнике королевского похода цель отправки послов была сформулирована точнее — как посылка «за наказом касательно Смоленска»[89]. С приездом Василия Борисовича Сукина и дьяка Сыдавного Васильева московские бояре наконец-то получили, как им казалось, все необходимые аргументы, чтобы победительно ответить Ляпунову на его подозрения, что король Сигизмунд III будто бы не желает выполнять своего обещания. Они усиленно просили короля в ответном письме, чтобы тот не медлил с присылкой королевича Владислава и снизошел к тому, что «многочисленный народ Российского царствия, ожидаючи государя королевича многое время, скорбят душею и сердцем, и такова тяжка времяни долго терпети не могут, яко овца без пастыря, или яко зверь велик главы не имеет»[90].

Но далее события приняли совершенно неожиданный оборот. 11 декабря 1610 года в Калуге ногайским князем Петром Урусовым был убит Лжедмитрий II. Это событие стало поворотным для всего хода Смуты. Странным сближением с калужской драмой кажется неожиданный образ «великого зверя без главы», которым представляли свой российский народ бояре! Противники самозванца, в течение трех лет угрожавшего Москве, могли больше не бояться его. Сторонники второго Лжедмитрия избавлялись от любых обязательств по отношению к нему. И самое важное: с ликвидацией угрозы «воровского» вторжения в столицу исчезала необходимость содержать там вспомогательный иноземный гарнизон. Именно под этим предлогом польско-литовские войска входили в Москву, и теперь, следуя логике, они могли ее покинуть…

Прокофий Ляпунов снова сумел сориентироваться одним из первых. Именно ко времени, наступившему после гибели тушинского «царика», можно отнести обвинения бояр в том, что Ляпунов преступил крестное целованье королевичу Владиславу и «отложился» со всею Рязанью: «…и вашего государского повеления сам ни в чем не слушает и слушати не велит, и в городы, которые были вам, великому государю, послушны, воевод и голов с ратными людьми от себя посылает, и городы и места заседает, и в городех дворян и детей боярских прельщает, а

простых людей устращивает и своею смутою от вашей государской милости их отводит; а ваши государские денежные доходы и хлеб всякой збирает к себе»[91].

Рязанский воевода раньше других понял, что сулит в будущем союз с бывшими сторонниками самозванца. Он немедленно связался с ушедшими в Тулу донскими казаками под командованием Ивана Мартыновича Заруцкого. Свидетельство об этом содержится в боярской грамоте с обвинением Ляпуновых, отправленной королю Сигизмунду III под Смоленск: «А на Тулу, государь, прислал от себя вашего государского изменника Ивашка Зарутцкого с казаки»[92].

В Москве к моменту отправки грамоты, видимо, еще не имели достоверных сведений из Калуги и Тулы, поэтому и предположили, что Ляпунов направлял Заруцкого, хотя последний в этом ничуть не нуждался. Атаман донских казаков до последнего оставался с самозванцем в Калуге, куда он приехал после недолгого пребывания в смоленской ставке короля Сигизмунда III. После смерти Лжедмитрия II Заруцкий сделал сильный политический ход, взяв под охрану вдовую «царицу» Марину Мнишек с ее новорождённым сыном «царевичем» Иваном, появившимся на свет примерно две недели спустя после событий 11 декабря[93]. Вместе с «царицей» Заруцкий уехал из Калуги в Тулу. С этим городом Прокофию Ляпунову было удобно установить прямые контакты, минуя Москву. Вряд ли Боярская дума упустила бы возможность сказать об этом, если бы ей была известна полная картина событий. В королевском лагере под Смоленском тоже следили за судьбой сына Марины Мнишек и даже получили сведения о том, что Прокофий Ляпунов со своим отрядом в несколько сотен человек приезжал в Калугу, чтобы забрать младенца с собой[94].

Исходя из того, что нам известно о составе будущего триумвирата главных воевод Первого земского ополчения — а ими, напомню, были Прокофий Ляпунов из Рязани, князь Дмитрий Трубецкой из Калуги и Иван Заруцкий из Тулы — эти три города, вероятно, первыми и договорились о начале движения. Прокофия Ляпунова давно, еще в период низложения Шуйского, подозревали в контактах с «Вором» и его окружением. Тем логичнее ему было снова обратиться к бывшим сторонникам самозванца и заручиться их поддержкой. Честолюбивые «тушинцы» никогда не соглашались быть на вторых ролях; очевидно, конструкция будущего земского движения подразумевала их ведущую роль. Однако и остальная «земщина», которую вначале представлял один Ляпунов, тоже оставалась грозной силой. Нужна была какая-то большая цель, заставлявшая

забыть прежние обиды. И такой целью стал призыв «всей земли» под Москву, где предлагалось «учинить совет, кому быть на Московском государстве государем».

Приведенные слова — цитата из грамоты, составленной Прокофием Ляпуновым в конце декабря 1610-го — самом начале января 1611 года и отправленной в Муром и Нижний Новгород. Грамоту перехватили, и уже 10 (20) января 1611 года она была доставлена в Москву Александру Госевскому. Московским боярам несложно было понять, какую угрозу несли действия городов, один за другим выходивших из повиновения. Прокофий Ляпунов прямо осуждал «первых людей Московской земли», членов Боярской думы, в отступлении от веры, именовал их «иудами». Бояре уже никогда не простят ему этих слов. Правда, Ляпунов еще не исключал возможности избрания на московский престол королевича Владислава, но теперь это должно было стать не только предметом боярских договоров, но делом «всей земли», которая и должна была собраться под Москвой[95]. Обидные слова и обвинения в предательстве, конечно, не касались двух братьев князей Голицыных, один из которых, князь Василий, оказался в смоленской ловушке, а другой, Андрей, — под домашним арестом. Только третий брат — князь Иван — по-прежнему заседал в Думе. Но Прокофий Ляпунов уже не искал покровителей. Он повернулся к Москве спиной.

Рязанскому воеводе нужно было связать в одном освободительном движении уезды к юго-востоку от столицы Русского государства — Рязань, Тулу и Калугу — с северо-востоком страны, где располагались главные центры Замосковного края — Владимир, Ярославль, Кострома, Тверь и Нижний Новгород. И, опираясь на поддержку упомянутых городов, распространять свое влияние всё дальше и дальше. С одной стороны, на северские и «польские» (от Дикого поля, или просто Поля) земли, выходящие к польско-литовскому и татарскому пограничью, а также к владениям донских казаков; с другой — на Понизовые города с центром в Казани, города «от Немецкой украйны» — Новгород Великий и Псков, а также на Поморье — земли Русского Севера.

Для успеха земского движения, начатого Прокофием Ляпуновым в Переславле-Рязанском, решающим обстоятельством стало срединное положение этого города на путях от Калуги и Тулы, остававшихся под влиянием прежних сторонников «царика», к Нижнему Новгороду как центру земщины. Сработала очень простая мысль: объединиться для общего дела можно и без посредничества Москвы. В то же время все понимали, что главный бой с врагом — польско-литовским королем

Сигизмундом III — будет за столицу и ее святыни, поэтому Москва и становилась местом сбора отрядов ополчения. Но об этих совместных действиях еще нужно было договориться друг с другом. Мысль о сопротивлении королю, задержавшему московское посольство и продолжавшему осаду Смоленска, зарождалась повсюду, а не в одной Рязани. Известия об утеснениях, творимых патриарху Гермогену, о подчиненном положении Думы, о бесчинствах иноземных солдат в Москве и разных уездах — всё это вызывало протест жителей Московского царства. Однако приходится вспомнить извечную и больную тему огромных российских пространств, в которых легче затеряться, чем думать о союзе. Тем более когда государственные скрепы слабеют и распадаются, как это происходило в годы Смуты, или, напротив, становятся просто удушающими в другие времена…

* * *

Существует не одна, а несколько историй про то, как Прокофий Ляпунов начинал земское движение в Рязани. Основу рассказа об этом, конечно, составляют подробности, оставшиеся в грамотах времен организации ополчения, подписанных, а может, и написанных самим рязанским воеводой. Другие сведения собирались Боярской думой, а также главой польско-литовского гарнизона, «московским старостой» Александром Госевским. От них информация переходила в королевскую ставку, где ее могли перепроверить расспросными речами тех людей, кто приезжал к королю под Смоленск. Конечно, можно было бы попытаться нарисовать какую-то усредненную картину, отовсюду взяв разные детали. Обычно в исторических исследованиях так и делается. Однако интереснее другое: не вторгаясь со своими трактовками и не нарушая восприятие событий их современниками, последовательно рассмотреть, что думали о земском движении в разных городах Московского государства, в Боярской думе и в королевской ставке под Смоленском.

Прокофий Ляпунов от имени «всех чинов» из Рязани обращался в Нижний Новгород несколько раз в январе 1611 года. Самая первая грамота, возможно, была перехвачена по дороге муромским воеводой князем Василием Федоровичем Мосальским и отослана в Москву. Там Александр Госевский быстро принял меры и стал договариваться (впрочем, безуспешно) об отправке в поход против Прокофия Ляпунова отрядов полковника Николая Струся и гетмана Яна Сапеги. Попытались направить в Рязанскую землю и донцов Ивана Заруцкого, но опоздали. Союз Рязани и Тулы уже сложился. Заруцкий попросту отослал боярскую грамоту из Москвы самому рязанскому воеводе, подтвердив, что действует сообща с земскими силами. В итоге набег на рязанские города в середине января 1611 года совершили запорожские казаки во главе с атаманом Наливайко. Одновременно против Ляпунова выступил отряд во главе с одним из рязанских дворян Исаком Сунбуловым. Им едва не удалось захлопнуть «капкан», осадив Ляпунова в Пронске.

Трудно даже представить, что бы произошло дальше, если бы мятежный рязанский воевода, с именем которого уже начинали связывать организацию сопротивления «литве», был тогда захвачен в плен или убит. Но этого не произошло, и выручил Прокофия Ляпунова не кто иной, как хорошо известный ему зарайский воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский,

сумевший собрать под свое командование для броска из Зарайска в Пронск «коломничей и рязанцев». Сюжет сам по себе достойный исторического романа. Но так было в действительности: двух главных воевод земских ополчений, с чьими действиями в 1611—1612 годах во многом будет связано освобождение Москвы, судьба на короткую минуту свела вместе. Уже одно имя князя Пожарского, как пишет автор «Нового летописца», заставило «черкас» (запорожских казаков) отойти от Пронска в Михайлов. Из Пронска оба воеводы — князь Дмитрий Пожарский и Прокофий Ляпунов — вместе возвратились в Переславль-Рязанский. К сожалению, неизвестно, о чем они беседовали, едучи по пронской дороге в Рязань, но случайной такую историческую встречу не назовешь. В летописи осталось свидетельство, что князь Дмитрий Михайлович, «приня» благословение от рязанского архиепископа Феодорита, вернулся в Зарайск[96]. Архиепископ Феодорит, несомненно, получал грамоты патриарха Гермогена. Так не благословил ли рязанский владыка тогда еще и другой, военный союз героев Смуты?

История совместных действий Прокофия Ляпунова и князя Дмитрия Пожарского в январе 1611 года лишний раз показывает, что освободительное движение зарождалось не только в Рязани, но и в других местах. В первую очередь инициатива движения исходила из Рязани и Нижнего Новгорода, практически одновременно обратившихся друг к другу с посланиями. 24 января в Рязань прибыла грамота из Нижнего Новгорода, в которой сообщалось о гонениях в Москве на патриарха Гермогена. Сведения об этом нижегородцы получили из первых рук, специально послав для встречи с патриархом в Москву представителей разных чинов — нижегородского служилого человека Романа Пахомова и посадского Родиона Моисеева. Возвратившись из Москвы 12 января, они смогли только на словах передать то, что хотел сказать патриарх Гермоген, которого лишили приказных людей. Своею «речью» патриарх благословил нижегородцев на действия, о которых они и писали в Рязань. В Нижнем Новгороде и Балахне была составлена крестоцеловальная запись и организована присяга. В ней говорилось о целях земского ополчения, создававшегося для освобождения Москвы: «что нам за православную крестиянскую веру и за Московское государьство стояти и от Московского государьства не отстати». Согласно крестоцеловальной записи будущие ополченцы договаривались «стояти заодин» против польского короля Сигизмунда III и его русских сторонников. Для этого необходимо было сохранить мир среди тех, кто собирался в ополчении: «…и меж собя смутных слов никаких не вмещати, и

дурна никакого не всчинати, скопом и заговором и никаким злым умышлением никому ни на кого не приходити, и никому никого меж собя не грабити, и не побивати, и лиха ни которого меж собя никому ни над кем ничем не чинити». Вопрос о будущем царе не предрешался: «А кого нам на Московское государьство и на все государьства Росийского царьствия государя Бог даст, и нам ему государю служити и прямити и добра хотети во всем вправду, по сему крестному целованью». С принятием крестоцеловальной записи не исключалась возможность призвания королевича Владислава. «А буде король не даст нам сына своего на Московское государьство и полских и литовских людей с Москвы и изо всех московских и из украинных городов не выведет, и из под Смоленска сам не отступит, и воинских людей не отведет: и нам битися до смерти»[97]. Тем самым отвергались возможные обвинения в клятвопреступлении и определенно говорилось о намерении идти до конца в прекращении междуцарствия.

По этой записи предлагалось присягнуть и в Рязани, чтобы «стати за Московское государство заодин». В Нижнем Новгороде готовы были «тотчас» идти к Москве и просили «прислать всяких чинов добрых людей для совету и с ними отписати, где нам с вами сходиться»[98]. Но оказалось, что всего несколькими днями ранее из Рязани также обращались в Нижний Новгород с предложением совместных действий. В Нижнем Новгороде грамоту получили 27 января 1611 года. В ней сообщалось, что Прокофий Ляпунов и «всякие люди Рязанския области», по благословению патриарха Гермогена, «собрався со всеми Северскими и Украйными городы, и с Тулою и с Калужскими со всеми людьми, идут на польских и на литовских людей к Москве». Нижегородцам предлагалось «свестяся с окольными и с Повольскими городы», организовать сбор ратных людей и идти с ними сначала на Владимир, а потом под столицу. Кстати, слова рязанской грамоты почти дословно совпадают с тем, как сами нижегородцы раскрывали суть призыва патриарха Гермогена: «… да приказывал к нам святейший Гермоген патриарх, чтоб нам, *собрався с окольными и с Повольскими городы,* однолично идти на польских и литовских людей к Москве вскоре»[99]. Тот же самый мотив звучит и в другой грамоте, отправленной из Ярославля в Вологду в феврале 1611 года: «…и с Москвы, господа, святейший Ермоген, патриарх Московский и всеа Русии, и московские люди писали на Резань, к Прокофью Ляпунову, и во все Украйные города и в Понизовые, и словом приказывали, чтоб им, *собрався с околными городы и с Поволскими,* однолично идти на полских и на литовских людей, к Москве, и Московскому б государьству помочь учинити вскоре, докаместа Литва Московского

государьства и окрестных городов не овладели»[100]. Такое совпадение косвенным образом подтверждает то, что начало обмену грамотами, возможно, положил сам патриарх, обратившийся к своим сторонникам по городам, чтобы там не сидели сложа руки, а действовали против врагов государства.

Словом, несмотря на то, что ранние грамоты Прокофия Ляпунова были перехвачены, это не помешало Рязани и Нижнему Новгороду быстро объединиться в одном земском союзе. Изначально такой союз отличало стремление заручиться благословением патриарха Гермогена[101] и опереться на действия всех чинов — земского «совета». Цель движения тоже была определена сразу и состояла в походе на Москву. Откликаясь на просьбу нижегородцев, из Рязани отправили в посольство «о всяком договоре и добром совете» стряпчего Ивана Ивановича Биркина, дьяка Степана Пустошкина «с дворяны и всяких чинов людей». Рязанские представители прибыли в Нижний Новгород 31 января 1611 года. Начало сбора земских сил сам рязанский воевода Прокофий Ляпунов подробно охарактеризовал в посланной с ними грамоте. В этом наиболее раннем свидетельстве по истории Первого ополчения интересно всё: к кому обращается в Нижний Новгород Ляпунов, как называет себя сам, что говорит о своих союзниках, как видит цели будущего движения. В стране снова вспомнили, как в условиях острого противостояния с тушинцами в 1608—1609 годах создавались городовые советы из местного духовенства, воевод и приказных людей, дворян и посадских людей, и обратились к этой практике[102]. Ляпунов писал «в преименитый Новгород Нижний, священного причта архиманритам, и игуменам, и протопопам, и всему освященному собору, и государственного ж сана господам воеводам, и дьякам, и дворянам и детем боярским Нижняго Новгорода…». Здесь каждое слово на месте и обращено к своему конкретному адресату, не забыты даже идущие дальше «головы» — начальники отрядов у стрельцов, казаков и служилых иноземцев — «литвы и немец»: они тоже придут потом воевать под Москву на стороне земских ополчений. И еще рязанский воевода обращался к жителям Нижнего Новгорода — «всему христоименитому народу»: «земским старостам, и целовальникам, и всем посадским людем, и пушкарем, и стрельцам, и казакам, и разных городов всяким людям, обитающим в Нижнем Новгороде». Для лучшего понимания текста этих грамот следует помнить, что они относятся к жанру так называемой публицистики Смутного времени. Расчет тех, кто пересылал грамоты, был не на то, что они осядут где-то в архивах приказных изб, а на публичное чтение посланий со ступеней

соборной церкви, как обычно в городах объявляли царские указы. Показательно, что, несмотря на торжественный стиль, Ляпунов не присваивает себе никаких титулов, пишет одно свое имя. Так же делал Михайло Скопин, когда отсылал свои грамоты, так что рязанскому воеводе было с кого взять пример. Но он обращался не один, а от имени такого же городового совета, как в Нижнем Новгороде: «Прокопий Ляпунов, и дворяне, и дети боярские, и всякие служилые люди, и торговыя и черные Рязанския области челом бьют».

Прежде всего Прокофий Ляпунов подтверждал, что знает о «гоненье» и «тесноте», учиненных патриарху Гермогену «богоотступниками» боярами и «литвой». Он упоминал о своих обращениях в Москву: «и мы боярам Московским давно отказали и к ним о том писали, что они, прельстяся на славу века сего, Бога отступили и приложилися к Западным и к жестокосердным, на своя овца обратились». Основным обвинением боярам было по-прежнему нарушение «договорного слова» и «крестного целованья»: «на чем им договоряся с корунным гетманом Желковским Королевскою душею крест целовали, ничего не совершили». После его писем, не без гордости писал Ляпунов, патриарху даже стало «повольнее, и дворовых людей ему немногих отдали». Тем самым Ляпунов показал, что знает о положении патриарха Гермогена даже чуть больше, чем сами нижегородцы.

В послании рязанского воеводы в Нижний Новгород говорилось также о том, что они «давно крест целовали» вместе с жителями Калуги, Тулы, Михайлова, северских и украинных городов, «что нам за Московское государство с ними и со всею землею стояти вместе заодин, и с Литовскими людьми битись до смерти». Получалось, что дополнительная присяга по нижегородской записи была в Рязани излишней. Для подтверждения серьезных успехов своего движения Ляпунов описывал, как «бояре из Москвы» собирались послать на него «войною пана Сопегу, да Струса со многими людьми Литовскими», однако боярскую грамоту об этом, направленную в Тулу, переправили ему в Рязань. Не случайным было и упоминание о Владимире, куда Ляпунов раньше предлагал нижегородцам идти в сход: «…а Володимир, господа, и иные городы с нами одномысленны ж, хотят за веру все помереть». Уже в это время у Ляпунова сформировалось представление о дальнейших шагах. Сам он предполагал собраться «со всеми людьми и с Понизовок) силою, которые ныне стоят под Шацким», и пойти с ними на Коломну. Кстати, не с этими ли переговорами был связан поход Прокофия Ляпунова в Пронск, едва не

закончившийся для него плачевно? Союзник Ляпунова в Туле Иван Заруцкий, как и «из Калуги бояре» должны были двигаться самостоятельно к Москве, «чтоб нам к царствующему граду Москве придти всем в один день»[103]. Нижегородцев просили поддержать обращения для совместного похода к столице, отосланные ранее из Рязани в понизовые (Казань) и поморские (Вологда и другие северные земли) города. Велись переговоры и с известным сторонником Лжедмитрия II — казачьим атаманом Андреем Просовецким, воевавшим в 1610 году вместе с полковником Александром Лисовским в Псковской земле, а теперь готовым присоединиться к земскому союзу.

О начале похода на Москву 28 февраля 1611 года рассказывает отписка из Ярославля в Казань. К ней была приложена «Роспись, кто из которого города пошел воевод с ратными людми», дающая представление о первоначальном составе Первого ополчения:

«С Резани, с воеводою Прокофьем Петровичем Ляпуновым, Резанские городы и Сивера.

Из Мурома, с околничим со князем Васильем Федоровичем Масалским, муромцы с околними городы.

Из Нижнего, с воеводою со князем Олександром Ондреевичем Репниным, Понизовые люди.

Из Суздаля, да из Володимеря, с воеводою с Ортемьем Измайловым, да с Ондреем Просовецким, околние городы, да казаки волские и черкасы, которые подо Псковом были.

С Вологды и из Поморских городов, с воеводою Федором Нащекиным.

С Романова, с мурзы и с татары и с рускими людми, воевода князь Василий Романович Пронской да князь Федор Козловской.

С Галицкими людми воевода Петр Иванович Мансуров.

С Костромскими людми воевода князь Федор Иванович Волконской».

Ярославцы сообщали, что у них в городе «собрались с воеводою Иваном Ивановичем Волынским ярославцы дворя-ня и дети боярские» и приказ московских стрельцов в 500 человек с головою Иваном Толстым (их послали из Москвы в Вологду, но они присоединились к земскому союзу: «не ходя на Вологду, поворотились и крест целовали в Ярославле, что им на литовских людей идти к Москве и битись до смерти»); в ополчение вступили казаки, стрельцы и даточные люди. Присоединились к ополчению и другие города Замосковного края — Кашин, Бежецк, Углич (во главе с воеводой Федором Ивановичем Погожим)[104]. В ярославских отписках перечислялись только города одной части ополчения, которую возглавил Прокофий Ляпунов, упомянутый в

росписи на первом месте. Воеводами другой части ополчения, состоявшей из бывших сторонников царя Дмитрия, стали соответственно тушинские бояре князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой и Иван Мартынович Заруцкий.

Как же реагировали на появление земского движения бояре в Москве? Они сделали свой выбор и не оставались пассивными наблюдателями. С их точки зрения, Прокофий Ляпунов и все, кто выступил вместе с ним, были клятвопреступниками и изменниками, заслуживавшими кары. Боярам приходилось подтверждать перед старостой Александром Госевским и королевской ставкой под Смоленском, что они в состоянии управлять ситуацией и могут самостоятельно справиться с очагами неповиновения. Однако без помощи короля Сигизмунда III у них это не получалось. Вместе с Госевским московские бояре придумали отослать из Москвы войска для того, чтобы пресечь неповиновение. Но выгодно это было только главе иноземного гарнизона в столице, так как чем меньше там оставалось стрельцов и других вооруженных людей, тем спокойнее он мог себя чувствовать. Отсылавшиеся из Москвы отряды служилых людей и стрельцов воевали плохо и при первой возможности переходили на сторону объединившихся в ополчение людей. Месяц спустя после памятных для Прокофия Ляпунова событий под Пронском уже по всей стране преувеличенно рассказывали о его подвиге: «…да с Москвы же де была посылка против Прокофья Ляпунова, и Божиею де милостию и Пречистыя Богородицы помощию Прокофей Ляпунов литовских людей побил, а досталные прибежали к Москве». Рязанский воевода на глазах превращался в народного заступника, которому помогают высшие силы: он устрашал врагов уже одним своим именем.

Посланный Боярской думой во Владимир для карательного похода боярин князь Иван Семенович Куракин потерпел там поражение и вынужден был отойти от города. Приехавший из Владимира в Ярославль гонец Никита Рагозин рассказывал подробности этих событий. Во Владимире тоже существовал свой городовой совет из освященного собора, воевод, служилых, посадских и даже «уездных людей», то есть крестьян. Свою присягу «стояти со всеми городы всем заодин» там приняли «по совету Резанских и Украинных и околных городов». Может быть, поэтому Дума и решила разорвать союз Рязани и Владимира, направив туда войско? Боярин князь Иван Семенович Куракин, командовавший «рускими и литовскими людми», пришел из Юрьева Польского под Владимир 11 февраля. Но тут сказались успехи объединительного движения, потому что казаки Андрея Просовецкого, укрепившиеся незадолго перед тем в Суздале,

явились на выручку, «и дело у них под Володимером было». Куракин стал отходить московской дорогой, но в селе Ундол его достигли вести, «что от Прокофья Ляпунова многие люди пришли в Вохну, и они де от тех людей поворотили и отошли опять в Юрьев Полской»[105]. Никаких отрядов Ляпунова в Вохне не было, но там уже знали имя главного воеводы земского ополчения, и этого оказалось достаточно. Бегство князя Куракина подтверждает правоту прежних обвинений Ляпунова, адресованных боярам в Москве, — те не особенно стремились воевать за свою власть за пределами столицы.

В своих официальных контактах с королевской ставкой под Смоленском бояре постоянно извещали короля Сигизмунда III о начавшемся земском движении. «А о Резани ведомо нам чините, — писалось в королевском ответе, — что Прокофей Ляпунов ссылаетца с Понизовными и с Сиверскими городы, и наших государьских грамот ни в чом не слушает». Это еще сведения о самом начале действий Ляпунова, призвавшего к неподчинению Боярской думе в Москве до приезда королевича Владислава: «… покаместа сын наш Владислав королевич приедет на свой царский престол на Москву, и до тех мест грамот наших ни в чом слушать, и доходов денежных вести и никаких иных доходов на сына нашего королевича да-вати не хотят»[106]. Московские бояре озаботились таким ходом событий. Видя «по отпискам приказных людей изо всех городов», что власть уходит у них из рук, Дума решила обратиться к королю. Московские бояре и король Сигизмунд III обменялись в феврале 1611 года посольствами Михаила Мошинского (Мошинковского) и ловчего Ивана Романовича Безобразова. Из грамот, которые отсылались из Кремля под Смоленск и обратно, можно понять только одно: король Сигизмунд III успокаивал Боярскую думу, чтобы достичь главной цели — сломить «непокорство» смоленских сидельцев. Бояре же велеречиво вспоминали времена последнего «прирожденного» великого государя Феодора Ивановича, Бориса Годунова, «вора Отрепьева» и Василия Шуйского; говорили о том, откуда началась Смута, и обвиняли во всем тех, кто никак не хочет подчиниться договору о призвании королевича Владислава, несмотря на подтверждения короля Сигизмунда III, что он готов дать своего сына на царство и не желает разрушения православной веры. Бояре выделяли действия двух центров: «Нижних» (так) и «Понизовных городов», отступивших от королевича Владислава, а также Рязани. Текст их послания королю Сигизмунду III, сохранившийся в изложении в королевской грамоте, звучал следующим образом: «И городы Нижные и Понизовные, целовав крест, отступили; а на Резани

Прокофей Ляпунов ссылаетца и с Понизовными и с Северскими городы, наших грамот ни в чем не слушает, и денежных доходов к Москве не везут и впредь давати не хотят, покаместа сын наш будет на Московском государстве»[107].

Боярская дума опаздывала со своими страхами и подозрениями. Поход под Москву был уже подготовлен совместными действиями Прокофия Ляпунова и воевод разных городов. Определились города — центры сбора земских сил, выбраны пути, по которым должны были одновременно подойти к столице отряды ратных людей. Достичь такой согласованности было непросто, однако для прихода под Москву символично был выбран особый «Велик» день — день Пасхи. В Москве тоже знали о подходе рати Ляпунова и ждали ее. Отношения с польскими и литовскими войсками становились всё более напряженными; у бояр имелись все основания подозревать, что в столице находится немало людей, готовых по первому призыву примкнуть к действиям повстанцев. Тут-то и случилось «конечное разорение» Московского государства, как стали называть великий пожар в Москве 19 марта 1611 года. Вооруженные поляки, литовцы, «немцы» — те, у кого оставалось оружие, — повернули его против мирных жителей города, пытавшихся защитить себя и свое имущество. В боях 19 марта 1611 года был ранен оказавшийся у себя на дворе на Сретенке князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Приехал ли он случайно в столицу или заранее договорился об этом с Прокофием Ляпуновым, — этот вопрос для историков остается открытым. Однако самого князя Пожарского в Москве после пронской истории считали «изменником», его убрали с воеводства в Зарайске, поэтому представление о его совместных действиях с воеводами земского движения совсем небезосновательно[108].

События, сопровождавшиеся кровопролитными боями и опустошающим пожаром, невозможно было забыть. Они показали, что бессмысленно, как раньше, обсуждать вероятное воцарение в Москве королевича Владислава. Надежда на выход из тупика и освобождение могла быть связана только с земским ополчением.

Король Сигизмунд III, получив известия о московском пожаре 19 марта, возложил всю вину на Прокофия Ляпунова и других «изменников». Он повторял придуманное объяснение: что события в Москве начались-де как превентивные действия, что существовали угроза польско-литовскому гарнизону и заговор против самих бояр в Москве. Пусть так, но масштабы бедствия, постигшего Московское государство, оказались несоизмеримыми с возможными последствиями от появления под Москвой земских ратников. Под Смоленском вряд ли до конца понимали, что

происходило в тот момент за пределами разоренной Москвы. Началом всех событий там посчитали слухи о том, что король Сигизмунд III не хотел дать на царство королевича Владислава, «а хочем будто Московъсково государства доступати к Польше и к Литве». Выступление Ляпунова напрямую связывали с действиями патриарха Гермогена: «…и после того по сылке и по умышлению Ермогена, патриярха Московъскаго с Прокофьем Ляпуновым почала на Москве во всяких людех быти великая смута, и на наших польских и литовских людей ненависть и неверство положили, и хотели наших людей выслати из Москвы неволею, и иные многие свои грубости учинили, послуша злого умышления».

Конфигурацию ополчения, пришедшего под Москву, в королевской грамоте интерпретировали своеобразно, выделив, кроме Ляпунова, прежде всего ярославского воеводу некняжеского происхождения (со знакомым формантом фамилии на *ский /-цкий)* и казачьих предводителей: «…а надеялись на Прокофья Ляпунова с товарыщи, да на Ивашка Волынсково, да на Ивашка Заруцково, да на Ондрюшка Просовецково и на иных воров, которые з городов пошли к Москве розными дорогами». Последнее обстоятельство — о разных путях, какими ополчение шло к Москве, — передано верно. Под Смоленском обвиняли людей, собравшихся в поход, что они «свое крестное цолованье преступили», то есть нарушили присягу королевичу Владиславу, «и с нашими польскими и литовскими людьми бои учинили». Говорили и об опасности, грозившей московской Думе и всем сторонникам короля и королевича в Москве: «…и над вами бояры и надо всеми теми, которые нам добра хотели, всех вас смерти довести хотели». Разорение Москвы объявлялось Божьей карой и наказанием за «измену и воровство»: «…и затем многая кровь изменничья пролилась, посад в каменном городе и в деревяном весь вызжен»[109].

Как воспринимали произошедшее те, кто ждал освобождения страны? Об этом дает представление «Новая повесть о преславном Российском царстве». Она полна призывов к тому, чтобы спасти столицу: «Что стали, что оплошали? Чего ожидаете и врагов своих на себя попущаете и злому корению и зелию даете в земле вкоренятися и паки, аки злому горкому пелыню распложатися?» У людей появилось ощущение, которое переживается в очень редкие периоды истории, когда нужно сделать свой выбор и действовать по принципу «сейчас или никогда». «Время, время пришло», — буквально кричит автор «Новой повести» своим современникам о наступившей беде. Он призывает их к «подвигу», просит не терпеть дальше, проявляя

свое «нерадение» и «недерзновение», а умереть «за правду», выступив против своих врагов[110].

Действия Прокофия Ляпунова и других воевод земского ополчения «освятили» своими грамотами в Троицесергиевом монастыре. Трудно найти в публицистике Смутного времени слова сильнее, чем те, что звучат в грамотах архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына[111], рассылавшихся из Троицесергиева монастыря «в Казань и во все Понизовые городы, и в Великий Новгород и Поморье, на Вологду и в Пермь Великую». Троицкие грамоты должны были заставить эти города оказать помощь земскому движению. «Где святыя Божий церкви и Божие образы? — риторически вопрошали архимандрит Дионисий, келарь Авраамий и «соборные старцы». — Где иноки многолетными сединами цветущия и инокини добродетелми украшены, не все ли до конца разорено и оборугано злым поруганием? Где народ общий християнский, не все ли лютыми и горкими смертьми скончашася? Где множество безчисленное во градех и в селех работные чади християнства, не все ли без милости пострадаша и в плен розведены? Не по-щадиша бо престарившихся возрастом, не усрамишася седин старец многолетных и с(о)савших млеко младенец, незлобивая душа, вси испиша чашу ярости праведного гнева Божия». Вслед за этими проникновенными словами следовал призыв к объединению, «чтоб служивые люди безо всякого мешкания поспешили к Москве, в сход, ко всем бояром и воеводам и всему множество народу всего православного християнства». Троицкие власти умоляли не пропустить время и как можно быстрее помочь «ратными людми и казною», для того «чтоб ныне собранное множество народу хрестьянского войска здеся на Москве, скудости ради, не розошлося»[112].

В конце марта — начале апреля 1611 года такую войну начали под Москвой люди, собравшиеся в Первом земском ополчении. Уже «в Великий понедельник», 25 марта 1611 года, передовые отряды стали подходить под столицу и «встали за Москвой-рекой у Симонова монастыря». То, что они могли увидеть, вряд ли поддавалось описанию. Вид сожженной Москвы, недавних погребений, плач погорельцев — всё это никого не могло оставить равнодушным. Оставалось жалеть об одном, что ополчение не пришло раньше под Москву и не успело предупредить беду. Архиепископ Арсений Елассонский датировал приход «русского главнокомандующего Прокопия Ляпунова из Рязани с большим и многочисленным войском» 27 марта. По сообщению «Нового летописца», земское войско сначала собралось в Николо-Угрешском монастыре (бывшей ставке

Лжедмитрия II): «Придоша ж все воеводы изо всех городов к Николе на Угрешу и совокупишася вси за едино, поидоша под Москву»[113]. Дети одного из воевод Первого ополчения Мирона Андреевича Вельяминова, много позже вспоминая о заслугах своего отца — шацкого воеводы в 1610—1611 годах, тоже писали в своей челобитной, как отец их пришел с Прокофием Ляпуновым под столицу: «…и сошлися з боярином и воеводою со князем Дмитреем Тимофеевичем Трубецким с товарищи у Николы на Угреше и пошли под Москву»[114].

В грамотах, рассылавшихся из ополчения, днем начала московской осады называлось 1 апреля 1611 года. С этого дня земские отряды заняли позиции около ворот Белого города. Началась осада. Сил ополченцев, оставшихся без поддержки московских стрельцов и посада, не могло хватить на то, чтобы организовать планомерное окружение города. Ополчение расположилось, по сообщению «Карамзинского хронографа», «станами близко Каменова города»; в челобитной Вельяминовых уточняется: «И пришед стали в Никитцком монастыре и, устроеся, сели по Белому городу с Покровские улицы до Трубы Неглинненские». Прокофий Ляпунов «с Резанцы своим полком» имел стан «у Яузских ворот». «Князь Дмитрей Тимофеевич Трубецкой да Ивашка Заруцкой, а с ним атаманы и казаки, которые были у Вора в Калуге», встали «подле города до Покровских ворот». Сретенские ворота «по обе стороны» заняли нижегородцы, арзамасцы, муромцы и владимирцы. «На Трубе» стояли «костромичи, ярославцы, угличане и кашинцы». «У Петровских ворот» расположился «воевода Исак Семенов сын Погожей, а с ним дети боярские и атаманы и казаки». В Тверских воротах оказался уже упоминавшийся воевода «Мирон Андреев сын Вельяминов, а с ним ратные люди и казаки»[115]. Сидевший в осаде в Москве польский ротмистр Николай Мархоцкий написал впоследствии в своих «Записках» о том, что Александр Госевский разместил в Никитских воротах две сотни немецкой пехоты. Тут же неподалеку находились Тверские ворота, «которыми москвитяне владели прочно». Дети Мирона Вельяминова, занимавшего Тверские ворота, подтверждают эту деталь: «…отец наш сидел у Тверских ворот и бился с польскими и литовскими людьми на приступех и на выласках, и на конных боех, и сидел против немец глаз на глаз…»[116]

Вместо создания «кольца» вокруг Каменного города ополчение попыталось овладеть теми воротами, захват которых позволял дальше штурмовать стены Китай-города. В руках польско-литовского гарнизона оставались Никитские, Арбатские, Чертольские и Всехсвятские ворота, а также ряд башен Белого

города. Сил на то, чтобы окружить деревянные укрепления Замоскворечья (или то, что от них осталось после пожара), уже не хватило. Контроль над смоленской, звенигородской и волоцкой дорогами, а также Новодевичьим монастырем оставался по-прежнему у неприятеля. 9(19) мая секретари Яна Сапеги записали со слов приехавшего под Смоленск из Москвы «пана Коморовского», что половину столичного города удерживала «москва», а другую половину — королевское войско[117]. По характеристике же самого Ляпунова, придя «всею землею» под Москву, они «литовских людей в Деревянном городе и в Болшем Цареве городе побили и, с Божиею помощию, в Каменном Цареве городе сели со многими людми, а литовских людей в Китае городе да в Кремле осадили»[118].

Начавшиеся бои приняли затяжной характер, а ополчению надо было решить множество задач, чтобы утвердиться в качестве признанной земской власти. В ополчении была принята новая крестоцеловальная запись, согласно которой полностью исключалось воцарение королевича Владислава. От него как от возможного русского самодержца решительно отказывались. В новой присяге прямо говорилось: «Королю и королевичу полскому и литовскому креста не целовати и не служити и не прямити ни в чем ни которыми делы»[119]. Таково было следствие мартовских московских событий: тот, кто видел не-остывшие московские пожарища, не мог думать иначе.

Сохранилась грамота в Сольвычегодск, лично подписанная Прокофием Ляпуновым 11 апреля 1611 года. Она много дает для понимания побудительных мотивов собирания земских сил. В начале грамоты содержалось обращение: «Росийского Московского великого государьства бояре и воеводы, и думной дворянин Прокофей Петрович Ляпунов, и дети боярские всех городов, и всякие служилые люди всею землею челом бьют». Ляпунов пока еще один представлял «всю землю», упоминая свое имя и чин думного дворянина (при сборе городовых отрядов о его статусе думца особенно и не упоминалось). В ополчении вспоминали о действиях Михаила Салтыкова, Федора Андронова и других «советников», которые «привели на Московское государьство вечных врагов и богоборцов литовских людей». С болью говорили о судьбе «отцем отца» и «второго Златоуста» патриарха Гермогена, о действиях иноземцев в Москве 19 марта 1611 года, последовательно создавая образ врагов православной веры: «Московское государьство выжгли и высекли, и Божия святыя церкви разорили, и чудотворные мощи великих чюдотворцов Московских обругали, и раки чудотворных мощей розсекли, и в монастырех иноческому чину многое убьение и

поругание учинили, и в церквах для поруганья лошади поставили; и великого пресвятейшаго отцем отца, патриарха Ермогена Московского и всеа Русии, с престола сведчи, и в нужной смертной тесноте держат… и многой безчисленной народ християнской лютой смерти предаша»[120].

Пришедшие под Москву ратные люди организовали новый центр власти. Возглавили его «Великого Московского государьства бояре и воеводы», первым среди которых по праву был назван Прокофий Ляпунов. По городам в церковных службах «на многолетье» стали поминать «благоверныя князи и бояря» и обращаться под Москву с челобитными к «Великого Росийского Московского государьства и всей земли бояром»[121]. Тем самым бояре, выбранные «от земли» и находившиеся в походных шатрах под Москвой, противопоставлялись московским боярам, заседавшим в Кремле. Повсюду рассылались призывы действовать «обще со всею землею» и в ополчение приглашались новые ратники, вплоть до «крепостных» людей. Была назначена дата — 29 мая (по другим сведениям — 25 мая): к этому времени приезд в полки ополчения становился уже не просто желателен, а обязателен для всех. В противном случае по земскому приговору предлагалось конфисковать поместья не являвшихся на службу «нетчиков» и отдавать их «в роздачу».

Кроме военной задачи — блокирования польско-литовского гарнизона в Москве и принуждения его к сдаче, ополчение занялось созданием земского правительства. Прокофий Ляпунов очень рано обратился к этой практической стороне дела — еще тогда, когда прекратил отсылать доходы в Москву и призвал делать то же самое своих сторонников. Когда ополчение только организовывалось, рязанский воевода говорил о необходимости закупать и запасать порох и свинец. Теперь, под Москвой, все доходы и запасы, которые собирались в городах, должны были послужить общему делу. Придя под Москву, «бояре Московского государства» призывали везти собранную казну в ополчение — ведь в самом деле, не отдавать же ее сидевшим в столице полякам и литовцам! Эта часть земского устроения тоже находилась в ведении Прокофия Ляпунова. «По земскому приговору» было решено сменить воевод в ряде городов. В обычное время смена городового воеводы была рутинным делом, но, находясь под Москвой, Прокофий Ляпунов должен был еще доказать, что у него есть право на такое распоряжение. Оправдывало всё, как уже говорилось, борьба за веру. Кроме того, представителей «мира» пытались привлечь к управлению на местах. Об этом свидетельствуют слова сольвычегодской грамоты, которая как раз и была послана для смены воеводы. Присланному

из подмосковных полков «для земского дела» новому воеводе дали наказ «земские дела и росправу чинити, советовав с лутчими земскими людми о всяких делах». Воеводе поручалось «для избавленья православныя християнския веры и всего Московского государства» собрать денежные доходы и прислать их ратным людям к Москве, «ко всей земле, чтоб ратные люди со скудости, стоячи против врагов наших вопчих, розно не розбрелися»[122].

И всё же собравшиеся под Москвой воеводы не преуспели в создании полноценного земского союза. «Скудость» казны и кормов еще можно было как-то пережить, но оказалось, что никуда нельзя деться от междоусобной вражды. Когда города договаривались друг с другом идти в поход под Москву — это было одно; когда же дворянские и казачьи отряды стали воевать вместе, то старое недоверие и обиды вернулись. Не было согласия прежде всего среди главных воевод ополчения. «Новый летописец» написал о начале раздоров с того момента, как только Первое ополчение оказалось у стен столицы: «Бысть у них под Москвою меж себя рознь великая, и делу ратному спорыни не бысть меж ими». Выборы трех главных ратных воевод — князя Дмитрия Трубецкого, Ивана Заруцкого и Прокофия Ляпунова — тоже не внесли окончательного успокоения. Получалось, что бывшие тушинские бояре должны были подтверждать в подмосковных полках пожалования, сделанные служилым людям «за царя Васильево осадное сиденье», то есть за оборону Москвы от сторонников «Вора» — фактически, от них самих! Прокофий Ляпунов, в свою очередь, стремился унимать казаков от тушинских повадок, от привычки выделять себе «приставства» и распоряжаться ими по собственному усмотрению. Ничего хорошего от такого «правительства», отягощенного старыми счетами, ожидать не приходилось. Не случайно «ратные люди» били челом о том, чтобы записать в будущем приговоре: «…меж бы себя друг друга не упрекати, кои б в Москве и в Тушине».

Ко всему добавилось и то, что вожди ополчения стали думать больше о собственных интересах, чем об общем земском деле, ради которого они пришли под Москву. В продолжении рассказа «Нового летописца» о делах Первого ополчения читаем: «В тех же начальниках бысть великая ненависть и гордость: друг пред другом чести и начальство получить желаста, ни един единого меныии быти не хотяше, всякому хотяшеся самому владети».

Чем же, кроме этого поистине «враждотворного» местничества, запомнилась история ополчения автору летописи? Оказывается, безмерной гордостью Прокофия Ляпунова, который «не по своей мере вознесеся», и картинами ожидания приема у

главного воеводы, внимания которого добивались многие «отецкие дети» и сами бояре: «Приходяху бо к нему на поклонение и стояху у него у избы многое время, никакова человека к себе не пущаше и многокоризными словесами многих поношаше, х казаком жесточь имеяше». «Другой начальник», Иван Заруцкий, «поймал себе городы и волости многие», из-за чего «на того ж Заруцкого от земли от всей ненависть бяше». Лишь для одного князя Дмитрия Трубецкого у летописца не нашлось никаких бранных слов — может быть, потому, что «Трубецкому же меж ими чести никакие от них не бе»[123].

Упреки, адресованные Прокофию Ляпунову, могли быть справедливы, но в оценках летописца заметно стремление принизить значение действий тех, кто принимал участие в событиях на стороне земского ополчения. Прокофий Ляпунов, как видно из его грамот, не особенно щадил чувства своих противников — бояр, сидевших в Москве. Во время возобновившихся в июне 1611 года переговоров с гетманом Яном Сапегой (который уже побывал в королевском лагере под Смоленском и договаривался в то время об уплате денег за службу с Александром Госевским, а потому хотел показать, что может договориться о соединении и с Прокофием Ляпуновым) глава земского ополчения пышно титуловал себя так: «приобщитель преже бывших преславных царей преименитого Московского государства, неотклонной их царского величества думной дворенин и воевода Прокофий Ляпунов». Обращаясь к Сапеге с призывом «за православную нашу веру и за правду стояти», он прямо обозначал, каких врагов имел в виду: «против лжесловного неисправления, лукавых под присягою старосты Гасевского, и полковников, и ротмистров, и всего злопагубново их рыцерства, и против московских бояр непостоятелного предания Московского государства и отступления древняго своего благочестия»[124].

Главным памятником земского дела под Москвой остался знаменитый Приговор Первого ополчения 30 июня 1611 года. Приговор был необходим ополченцам для того, чтобы остановить новое «нестроение» власти, связанное уже с авторитетом «всей земли». «Новый летописец» упоминает, что принятию Приговора 30 июня 1611 года предшествовала совместная челобитная «ратных людей» ополчения — объединившихся ради этого дворян и казаков. В ней они просили, «чтоб бояре пожаловали быть под Москвою и были б в совете и ратных людей жаловали б по числу, по достоянию, а не через меру». Считалось, как писал летописец, что из трех главных воевод ополчения двоим — Трубецкому и Заруцкому — «та их челобитная не люба бысть», и только

«Прокофей же Ляпунов к их совету приста, повеле написати приговор». (Впрочем, подпись князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, как и Ивана Заруцкого, за которого расписался сам Прокофий Ляпунов, все-таки присутствует на Приговоре, поэтому слова летописца являются преувеличением[125].) Получается, что собравшиеся в ополчении люди уже тогда стремились остановить начавшиеся раздоры и пагубное стремление к новым чинам и наживе тех, кто оказался под Москвой. К сожалению, не были исключением из этого ряда и собравшиеся в ополчении «бояре» (здесь это слово упоминалось в широком смысле, обозначая всех, кто облечен властью и правом командовать над ратными людьми). Бояр под Москвой просили, чтобы они «себе взяли вотчины и поместья по достоянию боярские; всякой бы начальник взял одного коего боярина». Вместо этого в ополчении началась безудержная раздача в частные руки дворцовых и черносошных земель, которые ратные люди считали общим источником обеспечения кормами и жалованьем. Справедливости ради надо сказать, что инициатор земского движения Прокофий Ляпунов ни в чем подобном замешан не был. Источники не сохранили никаких свидетельств о его участии в начавшейся гонке обогащения.

Преамбула Приговора перечисляет все чины, участвовавшие в создании ополчения, и содержит наказ «боярам и воеводам», выбранным «всею землею». Новое «правительство», в котором первое место занял Ляпунов, получало свои полномочия не от царя, как в обычное время, а властью «всей земли»: «…и всяким земским и ратным делом промышлять бояром, которых изобрали всею Землею по сему всее Земли приговору». В задачи выборных бояр входили ведение боевых действий против польского гарнизона в Москве («промышлять земскими и ратными делами»), суд и управление территорией, подвластной руководителям ополчения («расправа всякая меж всяких людей чинити вправду»). Вспоминали в приговоре и о крестном целованье собравшихся в ополчении людей и требовали исполнить свой долг «как душа Богу и всей Земле дана». Следование «Земли» вслед за «Богом» показывает сакральную значимость, придававшуюся всему земскому обществу[126].

Приговор 30 июня 1611 года был посвящен прежде всего решению земельного вопроса. Самой важной могла считаться его первая статья: «А поместьям за бояры быти боярским, а взяти им себе поместья и вотчины боярския и окольничих и думных дворян, боярину боярское, а окольничему окольническое, примеряся к прежним большим бояром, как было при прежних Российских прироженных государях». Таков был новый,

выстраданный в Смуту идеал земского устройства, к которому предстояло стремиться. Но если посмотреть на другие нормы Приговора как на источник по внутренней истории ополчения, то можно увидеть целый список злоупотреблений властью, оказавшейся в руках у воевод.

В следующей статье предлагалось остановить бесконтрольную раздачу земли без «земского приговору», в том числе из «дворцовых сел» и «черносошных волостей». Эти имения «розняли бояры по себе», поэтому в Приговоре содержалось постановление вернуть их во «Дворец», то есть в приказ, который в обычное время ведал царским хозяйством, оказавшимся в период «междуцарствия» без особенного присмотра. По Приговору земского ополчения вводилось управление такими землями по прежним образцам; кроме дворцового приказа, учреждались еще и финансовые — Приказ Большого прихода и четверти — для сбора хлебных и денежных доходов[127]. В Первом ополчении хотели решительно бороться с теми, кто «имали себе поместья самовольством, без боярсково и всей земли совету». Наделе оказывалось так, что служилый человек подавал челобитную о 100 четвертях поместной земли, а захватывал и 500, и 1000 четвертей (статья 3). Приговор подтверждал прежний указ царя Василия Шуйского о раздаче поместий в вотчины «за московское осадное сиденье». Однако объединившись с «тушинцами», другие служилые люди — последовательные сторонники Шуйского — вынуждены были признать их право на получение таких же вотчин «против московских сидельцев». То есть те, кто воевал некогда против Лжедмитрия II, уравнивались в правах со своими бывшими врагами! Единственное, но важное уточнение заключалось в том, что тушинские оклады, полученные «втаборех», признавались недействительными. Кроме того, перевод поместий в вотчинную землю, как это предполагалось по известному указу царя Василия Ивановича о пожаловании осадных сидельцев, должен был происходить для тушинцев и тех людей, кто потом служил самозванцу в Калуге, с учетом родословного принципа: «кто кому в версту» (статья 9).

Все эти распоряжения не достигли цели. Хотя в созданный в ополчении Поместный приказ и должны были «для поместных дел» посадить «дворянина из больших дворян», но без архивов и справки об окладах и земле во владении служилых людей ему ничего нельзя было поделать. Понимали это и те, кто в ополчении добивался выдачи поместий. Соблазн легкого обогащения, видимо, был сильнее. С другой стороны, иногда трудно было винить пришедших в ополчение служилых людей, чьи земли действительно были разорены и «от Литовской

стороны», и «от Крымские стороны». По разным причинам они потеряли связь со своими поместьями и вотчинами, не получая никаких доходов, и захват поместья во время службы в ополчении становился залогом их выживания. В первую очередь это касалось служилых людей из «порубежных городов» — Смоленска, Белой, Дорогобужа, Вязьмы и Можайска, пострадавших «от литовского разоренья». Им в Поместном приказе Первого ополчения обязаны были «поместья давати наперед», да и вообще сначала испомещать «бедных» и «разоренных» (статьи 10, 16). Конечно, это не вина, а беда Первого ополчения, что годы Смуты отучили русских людей от следования таким прекраснодушным порывам.

Приговор еще раз высветил основную проблему ополчения: соединение под Москвой двух противоположных по своему статусу и действиям сил — дворян и казаков. Было установлено, что за теми атаманами и казаками, которые «служат старо», признавалось право верстания поместными и денежными окладами, то есть переход их на службу «с городы». Конечно, не все атаманы и казаки после получения права влиться в состав уездного дворянства захотели воспользоваться им. Поэтому в Приговоре предлагали выдавать им «хлебный корм с Дворца» и денежное жалованье из Приказа Большого прихода и четвертей «во всех полкех равно». Таким способом пытались решить главную проблему, связанную с казаками, — проблему казачьих приставств. Но включив в Приговор статью о их отмене, воевода Прокофий Ляпунов, и без этого выказывавший «жесточь» к казакам, подписал себе смертный приговор. Вот строки Приговора: «…а с приставства из городов и из дворцовых сел и из черных волостей атаманов и казаков свесть и насильства ни которого по городом и в волостях и на дороге грабежев и убивства чинити не велети» (статья 17). Ослушникам полагались «наказанье и смертная казнь», для чего воссоздавались Разбойный и Земский приказы опять-таки по всем хорошо известным образцам бывших царствований: «по тому ж, как преж сего на Москве было» (статья 18).

«Бояр», которых «изобрали всею землею по сему всее земли приговору», обязывали «строить землю и всяким земским и ратным делом промышлять», но у них изъяли право приговаривать к смертной казни: «…а смертною казнью без земского и всей земли приговору бояром не по вине не казнити и по городом не ссылати, и семьями и заговором никому никого не побивати, и недружбы никоторыя никому не мстити». Виновных в нарушении этой статьи самих ожидала казнь: «А кто кого убьет без земского приговору, и того самого казнити смертью» (статья 19). В последних статьях Приговора определялся порядок

исполнения «земских и ратных дел», устанавливалась иерархия «бояр» и полковых воевод, принимались меры для сбора денежных доходов и казны только в финансовых приказах, а не самими воеводами. Ополчение учреждало земскую печать, которую нужно было прикладывать к грамотам «о всяких делах»[128]. Для легитимности грамот «о больших, о земских делах» требовались еще боярские рукоприкладства («у фамот быти руке боярской»). Приговором была проведена своеобразная «централизация» управления. Для ведения ратных дел создавался один «большой Розряд», где и должна была вестись вся документация о службе и «послугах» ратных людей, о их ранении и гибели на земской службе. В противном случае в полковых разрядных шатрах создавалась возможность для злоупотреблений, о чем не преминули напомнить в Приговоре: «…а послуги всяким ратным людем писати про себя вправду, как душа Богу и всей земле дана, а не лгати». С этой же целью наведения порядка запретили ведать поместные дела непосредственно «в полкех», сосредоточив их «в одном Поместном приказе». Запрет о выдаче таких отдельных поместных и вотчинных фамот принимался для того, «чтоб в поместных делах смуты не было» (статьи 20—22).

И наконец, стоящая в конце документа, но особенно важная для истории Первого ополчения статья 23 Приговора. В советской историографии она воспринималась как важное звено в истории закрепощения крестьян, потому что в ней определялось «по сыску крестьян и людей отдавать назад старым помещикам». Однако при этом упускалось из виду, что речь в статье шла только о тех крестьянах и холопах, которые были вывезены по указам Бориса Годунова 1601 и 1602 годов, а также о беглых. Те, кто «выбежав живут по городом, по посадом», действительно подлежали возврату, а о тех, кто продолжал служить в ополчении и поступил там в казаки, не говорилось ни слова. И такое умолчание красноречивее всех более поздних обвинений в крепостничестве свидетельствует о том, что так просто крестьянский вопрос в Первом ополчении не решался[129].

Приговор, подписанный всеми «чинами», присутствовавшими в ополчении, устанавливал порядок смены бояр, «выбранных ныне всею землею для всяких земских и ратных дел в правительство». «Бояре» князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, Прокофий Ляпунов и Иван Заруцкий должны были «о земских делех радети». Полковые воеводы подчинялись боярам, но как те, так и другие руководители ополчения назначались и сменялись «всею землею» (статья 24). Всё это показывает, что в Первом ополчении уже выработался общий принцип приоритета

«земского дела» перед всем остальным, не исключая личные амбиции бояр из подмосковного «правительства».

Более того, Приговор создавал предпосылки для оформления нового порядка управления Московским государством, где наряду с традиционными приказами — Разрядом, Поместным, Дворцом, Большого прихода, Разбойным и т. д. существовал постоянный собор «всея земли». Земский собор составляли разные «чины», перечень которых отражают рукоприкладства на Приговоре 30 июня 1611 года (к сожалению, сохранившиеся только в пересказе) [130]. Именно земскому собору — «Совету всей земли» — и принадлежала тогда верховная власть в полках под Москвой летом 1611 года.

Короткое согласие, достигнутое в Первом ополчении принятием Приговора, все-таки безнадежно опоздало. В несчастливом июне 1611 года король Сигизмунд III взял «приступом» Смоленск[131], что стало едва ли не главным военным триумфом всего его долгого правления. Он возвращался из московского похода «со щитом», добившись того, что Смоленск на несколько десятилетий снова вошел в состав Речи Посполитой. Потеряло всякий смысл и посольство митрополита Филарета Романова и боярина князя Василия Васильевича Голицына, превратившихся уже в настоящих пленников, а не просто в задержанных на время переговоров представителей Боярской думы из Москвы. Смоленская победа короля Сигизмунда III вдохнула силы в польско-литовские войска, участвовавшие в русских событиях. Упомянутые переговоры Прокофия Ляпунова с гетманом Яном Сапегой сорвались[132]. Тот предпочел действовать совместно с Госевским в Москве, получив «после многих споров» обещание, что его солдатам выдадут «заслуженные» деньги «вещами». Сапежинцы дали недвусмысленный ответ послам Ляпунова: держаться присяги королевичу Владиславу. Предложения, переданные из стана гетмана через Федора Плещеева, звучали надменно, если не издевательски. Как писал в своем дневнике мозырский хорунжий Иосиф Будило, русским предлагалось, чтобы они «разъехались по домам, дали продовольствие войску и сейчас же обдумали, как бы уплатить ему деньги за четверть».

Сапежинское войско встало лагерем у Донского монастыря и вступило в бои с отрядами Первого ополчения. «Новый летописец» упоминал о боях с гетманом «противу Лужников». Большое сражение случилось и в Тонной слободе во время наступления сапежинцев на острожек у Тверских ворот: «быша с ними бою чрез весь день, и на обе стороны людей много побита». Повоевав под Москвой, Сапега около 4 (14) июля 1611 года ушел

в хорошо известные ему «Переславские места». По дороге сапежинскими отрядами была взята Александрова слобода и осажден Переславль-Залесский. Посланные упредить поход гетмана Сапеги ратные люди ополчения во главе с князем Петром Владимировичем Бахтеяровым-Ростовским и Андреем Просовецким ни в чем не преуспели и едва сами убереглись от разгрома. В Александровой слободе, покинутой Просовецким, последние защитники города были осаждены в башне и заложили вход в нее, но вынуждены были сдаться спустя несколько дней. Создавалось впечатление своеобразного «реванша» гетмана за чувствительное поражение, нанесенное ему и другим тушинцам из Слободы князем Михаилом Скопиным-Шуйским. Но за полтора года значение Александровой слободы в русской истории упало[133].

Однако как бы ни была неприятна угроза, исходившая от войска Сапеги, ему не удалось изменить расстановку сил под Москвой. Более того, в момент принятия земского Приговора ополченцы смогли достигнуть также и самых значительных военных успехов. К концу июня 1611 года были полностью отвоеваны все башни Белого города. Бояре, сидевшие в Москве с польско-литовским гарнизоном, оказались в тяжелой осаде; они впервые стали испытывать «и в своих и в конских кормех недостаток и голод великой», в противоположность тому, что к «вором» — то есть в полки подмосковного ополчения — «живность везут отовсюду и во всем у них достаток великой»[134].

Еще в марте 1611 года к Первому ополчению присоединились новгородцы. Жители Новгорода заручились благословением новгородского митрополита Исидора, одного из главных лиц на лестнице церковной иерархии, и целовали крест «помогати и стояти нам всем за истинную православную христьянскую веру единомышленно»[135]. Выступление новгородцев на стороне земщины немало способствовало успеху объединения ее сил. Однако оказать более действенную поддержку «боярам Московского государства» и послать свой отряд под Москву «Новгородское государство» не могло. Наоборот, «начальники» подмосковного ополчения отослали в Новгород Василия Ивановича Бутурлина «и повелеша ему збиратися с ратными людьми и Нова города оберегати». На северо-западе России шла настоящая война со шведами, повернувшими оружие против вчерашних союзников, когда стало известно о принятии на московский престол королевича Владислава. Однако присылка отряда воеводы Василия Бутурлина только запутала управление в Новгороде, где имелся свой воевода боярин князь Иван Никитич Одоевский: «в воеводах не быть радения, а ратным людем с

посадцкими людми не бяше совету». В июле 1611 года штурмом была взята Софийская сторона Новгорода и создалась реальная угроза полной потери Новгородской земли[136].

В Великом Новгороде повторилась история с избранием королевича, только имя его было Карл Филипп (а мог быть и Густав Адольф, будущий шведский монарх и знаменитый полководец времен Тридцатилетней войны). Вместо гетмана Жолкевского договор заключал другой неплохо разбирающийся в русских делах иноземный военачальник Якоб Делагарди. Кандидатуру шведского королевича на русский трон поддержали в Первом земском ополчении еще до новгородского взятия. Трудно представить, что это происходило без ведома Ляпунова; напротив, именно в нем надо видеть одного из тех политиков, кто решил тогда вспомнить про союз со шведами, столь успешно помогавшими князю Михаилу Скопину-Шуйскому Не случайно, видимо, в Великий Новгород был отправлен именно Василий Бутурлин, с которым Прокофий Ляпунов раньше других начал переговоры о сопротивлении иноземцам в Москве, еще до того, как было организовано само ополчение. По известиям, полученным московскими боярами к 23 июня 1611 года, для переговоров «в воровские полки к Прокофью Ляпунову с товарыщи» прибыл присланный Якобом Делагарди «капитан Денавахоб с товарыщи». Он утверждал, что шведский король Карл обещал дать своего сына на Московское государство, «которой московским людем люб будет». При этом дано было обещание, что король Карл «крестити его хочет в греческую веру на границе»[137].

Посольство это, по сведениям московских бояр, оказалось весьма успешным. Для заключения договора из подмосковных полков были посланы князь Иван Федорович Троекуров, Борис Степанович Собакин и дьяк Сыдавной Васильев. Земское ополчение получало шанс повторить успехи, связанные с совместными действиями рати князя Михаила Скопина-Шуйского с «немцами». Так понимались цели посольства к Якобу Делагарди в Новгород и московскими боярами, жаловавшимися королю Сигизмунду III: «А пишут де к нему, чтоб он с воинскими людьми шол к ним тотчас, и над нами верными вашими государскими подданными, и над вашими людьми хотят промышлять сопча и Московское государство очищати»[138].

Переговоры о призвании Карла Филиппа на русский трон велись Прокофием Ляпуновым и воеводами Первого ополчения тогда, когда в Новгороде шла сложная дипломатическая игра с приступавшим к городу Якобом Делагарди. Новгородцам удалось выговорить сохранение собственной независимости, хотя и в виде

странного Великого княжества Новгородского, от имени которого был заключен договор в форме «политической унии» с Московским государством после того как шведы взяли Новгород в результате штурма 16—17 июля 1611 года[139].

Однако не это оказало решающее влияние на исход противостояния под Москвой. Здесь произошло событие, поставившее под угрозу само существование только что налаженного земского дела. Исходом розни между дворянами и казаками в Первом ополчении стала, увы, гибель его вождя.

По сообщению «Карамзинского хронографа», после принятия Приговора 30 июня 1611 года Прокофий Ляпунов продолжал преследовать казаков и требовал от них в большом Разрядном приказе, «чтоб оне от воровства унялися, по дорогам воровать не ездили и всяких людей не побивали и не грабили, а в села и в деревни и в городы на посады не ездили ж, по тому ж не воровали, чтоб под Москву всякие ратные люди и торговые люди ехали без опасенья, чтоб под Москвою б ратным людем нужи не было». Ляпунов смог добиться от Ивана Заруцкого и Андрея Просовецкого, под началом которых в основном и служили казаки, чтобы другие начальники войска тоже боролись с мародерами: «И Заруцкой и Ондрей Просовецкой, призвав атаманов и казаков, всем им говорили, чтоб унелися от воровства». Более того, казачью старшину заставили пообещать «перед Розрядом боярину и воеводам», что пойманных на воровстве будут «казнить смертью; а будет не поймают и тех воров побивать».

Вместо следования земскому приговору казаки просто стали осторожнее и в свои походы за добычей начали ездить большими станицами, чтобы их не могли захватить: «и пуще почел и воровать и по дорогам ездили станицами, человек по двести и по триста и болши, и воровство стало быть пуще и прежнева»[140]. Всё это означало, что ополчение, видимо, уже готово было развалиться на части. Не хватало только повода, и этот повод не замедлил явиться.

Автор «Нового летописца» отсчитывал «начало убьения Прокофьева» со случая, произошедшего с казачьей станицей в 28 человек, посаженных «в воду» Матвеем Плещеевым у Николо-Угрешского монастыря. Плещеев своей жестокой казнью лишь выполнил тот уговор, с которым казаки согласились в Разряде. Однако когда это случилось, казаки не смогли стерпеть и вмешались в судьбу своих товарищей: «казаки же их выняху всех из воды и приведоша в табары под Москву». После этого казачье войско забурлило, стало собираться «кругами», на которых казаки привыкли решать главные дела своих станиц. Видимо, какое-то

предчувствие беды посетило и Прокофия Ляпунова, который, по свидетельству «Нового летописца», даже «хотя бежати к Резани»[141], но его уговорили вернуться.

Опасность случившегося понимали многие, не исключая главы польско-литовского гарнизона в Москве Александра Госевского, внимательно наблюдавшего за всем, что происходит в подмосковных полках. Им-то и была придумана политическая интрига с подделкой подписи Прокофия Ляпунова. Мало кто тогда догадывался, что «грамота от Прокофья по городом, что будто велено казаков по городом побивать», была фальшивкой, изготовленной новым хозяином Московского Кремля. Тайный «подвиг» своего патрона раскрыл много лет спустя ротмистр Николай Мархоцкий. Ему не терпелось рассказать потомкам об изобретательности предводителя польско-литовского гарнизона, и он посвятил отдельную главку «ловким действиям пана Госевского». Госевский нашел случай передать с попавшим в плен казаком поддельную грамоту Ляпунова (на самом деле сочиненную им самим): «мол, где ни случится какой-нибудь донской казак, всякого следует убивать и топить. А когда даст Господь Бог московскому государству успокоение, он [Ляпунов] этот злой народ [казаков] якобы весь истребит»[142].

После этого становится понятной настойчивость казаков, добивавшихся приезда Прокофия Ляпунова в их общий «круг». Уговорили его приехать только тогда, когда несколько человек поручилось «душами», что ему ничего не будет, а зовут его в «круг» «для земского дела». Этим делом и была злополучная грамота, которую предъявили Прокофию Ляпунову. Авторы русских летописей были убеждены, что грамоту написали сами казаки: слишком уж удобным был повод для расправы. Дальнейшее известно со слов очевидцев, оказавшихся в казачьем «кругу» вместе с главными героями драмы, — в частности от автора «Хронографа» арзамасца Баима Болтина. Посмотрев на грамоту, Прокофий Ляпунов сказал, что «грамотка де походила на мою руку, толко аз не писывал». Ошибкой воеводы был уже сам приезд для разбирательства в казачий «круг», хотя он не мог не знать о том, что все обвинения против него были ложными. Однако еще большей ошибкой стало то, что Ляпунов начал что-то объяснять казакам. Их отношение к нему определилось давно, и самому Прокофию уже нельзя было ничего изменить. Казаки кричали в лицо своему врагу: «Велел де ты нас побивати». Атаман Сергей Карамышев, первый же позвавший Ляпунова на казачий «круг», первым и ударил саблей главного земского вождя…

Нелепость произошедшего убийства была понятна даже недоброжелателю Ляпунова Ивану Никитичу Ржевскому, тоже

оказавшемуся в тот момент среди казаков. Иван Ржевский в конце 1610 года получил от короля Сигизмунда III чин «окольничего», однако когда он приехал в Москву со своим «листом», то его назначение в Думу перессорило между собой бояр и главу московского гарнизона Александра Госевского. В земском ополчении притязания Ржевского на чин окольничего тоже не были приняты, что и могло стать причиной его вражды с Ляпуновым. Ржевскому, видимо, надо было много раз подумать, прежде чем ехать в казачий «круг», где с ним также расправились всего лишь за невинное замечание: «за посмешно де Прокофья убили, Прокофьевы де вины нет»[143]. О степени ненависти, которую вызывал Ляпунов у казаков, свидетельствует и тот факт, что тело главного воеводы «держали собакам на снеденье на площеди 3 дни»[144]. Лишь несколько дней спустя Ляпунов всё же был похоронен в церкви Благовещения на Воронцовом поле — видимо, на ближайшем к месту расправы кладбище. И только в 1613 году сын Прокофия Ляпунова Владимир перенес прах отца в Троицесергиев монастырь, где останки одного из самых ярких героев Смуты были преданы земле на почетном месте у входа в Успенский собор. Прокофий Ляпунов и Иван Ржевский, погибшие в один день 22 июля 1611 года, так и были похоронены рядом[145].

Смерть Ляпунова случилась именно тогда, когда земское ополчение достигло реальных успехов и захватило почти все башни Белого города, едва ли не впервые устроив полноценную осаду Москвы. На подходе к Москве оказалась «понизовая сила», собранная в Казани… Однако после смерти главного воеводы всё пошло по-другому, и это еще раз свидетельствует о той значимой роли, которую сумел сыграть Прокофий Ляпунов в начальной истории земского движения. За ошибочность своего порывистого стремления к организации общего союза и расчета на казаков Заруцкого Ляпунов заплатил жизнью. Но на его ошибках будут учиться воеводы следующего, нижегородского земского движения, которым и суждено будет стать настоящими освободителями Москвы в 1612 году.

## *ИВАН ЗАРУЦКИЙ*

Иван Заруцкий — редкий человек Смуты, сумевший пройти невозможный в обычное время путь — от казака до боярина. Пусть боярский чин ему дал самозванец в Тушине, но Иван Мартынович сумел подтвердить его земской службой в подмосковных полках Первого ополчения и сам же стал главным зачинщиком его распада. Человек, которого в повседневной жизни Московского царства никто бы даже не заметил, стал покровителем русской царицы Марины Мнишек и опекуном ее сына, «царевича» Ивана Дмитриевича. Его удостаивал аудиенции король Речи Посполитой Сигизмунд III, ему писали грамоты царь Михаил Романов и Боярская дума, он правил Астраханью именем царя Дмитрия, с ним вел переписку персидский шах. За Иваном Заруцким тянется кровавый след, среди его деяний даже организация покушения на князя Дмитрия Пожарского в Ярославле в 1612 году. Не удивителен и печальный конец казачьего атамана, собиравшегося если не стать царем, то уж точно править Россией…

Заруцкий появляется в русской истории как-то сразу — тоже верный признак Смутного времени. Человек, о котором еще вчера никто ничего не знал, становится очень заметным и влиятельным. Русские летописцы особенно не интересовались биографическими подробностями жизни казачьего атамана. Им они были совсем ни к чему. Сведениями о начале его жизненного пути мы обязаны гетману Станиславу Жолкевскому. В Речи Посполитой, напротив, хотели побольше узнать о Заруцком, видимо, числя его по разряду «своих» — тех подданных короля Сигизмунда III, кто пришел воевать под знамена Лжедмитриев. Начиная рассказ о ляпуновском ополчении, гетман в своих «Записках» вспоминал и о казачьем вожде:

«Об этом Заруцком, как о человеке, игравшем важную роль в сей комедии, надобно сказать несколько слов. Отец его был родом из Тарнополя. Романовские татары, воевавшие Русские земли, захватили его небольшим еще мальчиком; в Орде он достиг совершенного возраста и каким-то случаем ушел от татар к Донским казакам. Потом, во время смут, пришел с Донцами к первому самозванцу, по умерщвлении коего в числе первых пристал к другому, и в первых порах славы этого самозванца Заруцкий был ему великою помощию; как неугомонная голова, ему доставало сердца и смысла на всё, особенно ежели предстояло сделать что-либо злое. Впоследствии, когда партия самозванца пришла в силу, он имел большой доступ к его

милости и предводительствовал Донцами; ежели нужно было кого взять, убить или утопить, исполнял это с довольно великим старанием. В стане Тушинском достаточно приметна была неусыпность его, ибо, при всегдашней почти нетрезвости князя Рожинского он заведовал передовыми стражами, подкреплениями, а также собиранием известий; когда же самозванец ушел из стана и с ним почти все Донцы, Заруцкий остался при нас и приехал к его величеству королю под Смоленск, а потом с гетманом в Белую; был в Клушинском сражении и при взятии острожка, где и отличил себя. Но по причине питаемой им ревности к молодому Салтыкову, который, как человек знатного происхождения, и в милости гетмана и во всем имел пред ним преимущество, Заруцкий, не в состоянии будучи стерпеть этого, когда пришли под Москву, снова предался к самозванцу и находился при нем до самой смерти»[146].

Гетман Жолкевский перечислил все основные биографические вехи жизни Заруцкого, но в этом перечислении есть немало загадок и темных мест. Тарнопольское происхождение отца Заруцкого — мещанина Мартына (или по-польски Марцина) — единственное, что по-настоящему связывает с «Литвой» будущего предводителя донских казаков. По сведениям, собранным гетманом Жолкевским, Иван Заруцкий с малых лет уже находился на территории Московского государства. Упомянутая гетманом война романовских татар в «Русской земле» (так назывались земли Древней Руси, оказавшиеся на территории Речи Посполитой), скорее всего, заставляет связать пленение мальчика Заруцкого с каким-то из походов Ливонской войны, в котором участвовали служилые татары. Если это так, то вывезенный татарами из соседней Речи Посполитой молодой пленник родился на рубеже 1560—1570-х годов. К этому же времени можно отнести и предполагаемое время рождения Прокофия Ляпунова. Следовательно, оба руководителя ополчения вполне могли быть сверстниками: к 1611 году им обоим было около сорока лет. Правда, стоит оговориться, что возраст их можно вычислить лишь приблизительно по косвенным упоминаниям в источниках.

Сходные известия о жизни Ивана Заруцкого оставил также участник похода Лжедмитрия II под Москву и тушинский «ветеран» ротмистр Николай Мархоцкий в «Истории Московской войны». Он также решил записать для потомков, «кто такой Заруцкий»: «Родом из Тарнополя Заруцкий, будучи ребенком, был взят в орду. Там он и научился хорошо понимать татарский язык, а когда подрос, ушел к донским казакам и прятался у них много лет». Польский ротмистр лично знал Ивана Мартыновича,

поэтому особую ценность приобретают сведения о знании Заруцким татарского языка, о его положении на Дону, отношении к полякам и литовцам, воевавшим в России, и, конечно, о том, как выглядел атаман донских казаков: «С Дона, будучи среди казаков уже головой и человеком значительным, он вышел на службу к Дмитрию. К нам он был весьма склонен, пока под Смоленском его так жестоко не оттолкнули. Был он храбрым мужем, наружности красивой и статной»[147].

Основываясь на упоминании гетманом Жолкевским романовских татар, круто изменивших судьбу тарнопольского парубка, можно многое объяснить в последующей биографии Ивана Заруцкого. Город Романов на Волге был отдан потомкам владетелей Ногайской орды Иваном Грозным в середине 1560-х годов[148]. Поступив на службу к русскому царю, ногайские мурзы несли службу в царских полках, в том числе и в военных походах Русского государства. Один из таких заметных царских походов «в Немецкую и Литовскую землю» состоялся в 1579 году, когда для участия в нем были мобилизованы «ногайские люди» из Романова[149]. Бои тогда шли вокруг Полоцка, взятого королем Стефаном Баторием; с ним в поход пришло немало людей из разных земель Речи Посполитой. Словом, версия о пленении Заруцкого, вероятно, идущая от его собственных рассказов в Тушине и королевской ставке под Смоленском в 1610 году, отнюдь не невероятна.

Ногаи в Романове на Волге жили небольшим анклавом в русских землях: на высоком правом берегу реки располагалась дворцовая Борисоглебская слобода, а на низкой, «романовской» половине — земли служилых татар. Ногайская орда, кочевавшая около Астрахани, напротив, контролировала огромную территорию и была независима от русского царя. С ногаями издавна вели дипломатические переговоры как с наследниками другой — Золотой — Орды, еще недавно владевшей всей Русью. Романовские татары присягнули на подданство царю Ивану Грозному, который использовал рознь в среде ногайской знати в своих целях. Так в русской истории появились ногайские по происхождению князья Урусовы и Юсуповы (изначально связанные с Романовом). Следовательно, попав в плен к ногайским татарам, жившим в Романове, мальчик Заруцкий оказался не в какой-то «Орде», как писали гетман Жолкевский и ротмистр Мархоцкий, а в верховьях Волги, неподалеку от Ярославля, на достаточно обжитой территории в центре Русского государства.

В Москве косо посматривали на то, что кто-то из «басурман» владел крестьянскими душами и холопами. Другое дело, когда

речь шла о пленниках «немецкого» или «литовского» происхождения. В посольской книге по связям с Ногайской ордой 1576 года говорилось, что отпущенным ногайским послам разрешили покупать по особой росписи «немецкого полону» по дороге из Москвы до Касимова. Полученное разрешение сопровождалось, однако, целым рядом оговорок, свидетельствующих о злоупотреблениях в торговле пленными, которых оказалось немало в Русском государстве после походов Ливонской войны. Главное, за чем должны были следить приставы, чтобы в полон не попадали русские люди: «того беречи накрепко, чтоб нагайские послы покупали немецкой полон… а русских бы людей за немецкой полон однолично не продавали»[150].

Романовским татарам выгодно было обучить «литвина» Заруцкого, наверняка изначально говорившего по-польски, еще и своему языку, сделать из него оруженосца, брать с собою в походы. Могли они потом и выгодно продать пленника. Так что Заруцкий очень рано познакомился с ногаями, с которыми судьба сведет его и под конец жизни в Астрахани, где кочевала основная Ногайская орда. Вряд ли при этом он должен был испытывать какие-то добрые чувства к тем, кто оторвал его от семьи и сделал бессловесным пленником.

В том, как круто менялась судьба Заруцкого, можно видеть проявления непростого характера. Гетман Жолкевский пишет, что Иван Заруцкий сам, «каким-то случаем» смог уйти от татар к донским казакам; Мархоцкий — о том, что Заруцкий «прятался» у казаков. В упоминавшемся царском походе 1579 года донские казаки тоже участвовали, следовательно, встреча романовских татар и донских казаков во время походов была возможна. У ногаев с донцами, в отличие от волжских казаков, существовали достаточно мирные отношения. Сам Заруцкий не рассказал, каким образом он ушел на Дон. Очевидно только, что его уход (или побег?) связан с его страстным желанием освободиться от клейма пленника, стать хозяином своей судьбы. «С Дону выдачи нет» — с такой известной присказкой жили все, кто уходил «казаковать». После вступления в казачью станицу становилось неважно, кем ты был до того, к какому чину относился и из какого рода происходил. Казачий круг уравнивал всех в главном казацком праве — жить по своему усмотрению и служить тому, кому хотел служить. Именно ногайский плен, помноженный на опыт донского казака, сформировал тот облик жестокого и коварного, ни перед чем не останавливавшегося человека, с которым Заруцкий остался в истории.

К Дону были обращены взоры и Григория Отрепьева —

«царевича Дмитрия», когда он начинал свою войну против Бориса Годунова. Самозванец хотел поднять казаков против «узурпатора» наследственной власти Рюриковичей. И отчасти ему это удалось. Оказавшись в Речи Посполитой, Отрепьев делал всё для того, чтобы привлечь на свою сторону запорожцев и донцов. Он принимал послов от донского войска и даже послал на Дон свое царское знамя[151]. Где был в тот момент Иван Заруцкий, можно только догадываться. Не возил ли он послание от войска «царевичу Дмитрию» в Литву вместе с атаманом Андреем Корелой и Михаилом Межаковым? Не был ли рядом с атаманом Войска Донского Смагой Чертенским в Туле, куда донцы приехали присягать новому царю Дмитрию, накануне его вступления в столицу в июне 1605 года? Автор «Нового летописца» передавал обиды приехавших с повинною в Тулу бояр на казаков, которым самозванец, как своим первым сторонникам, отдал предпочтение: «В то ж время приидоша к нему казаки з Дону: Смага Чертенской с товарыщи. Он же им рад бысть и пусти их к руке преже московских боляр. И яко же бо лютый звери зляхуся на человецы, тако же и сии воры казаки лаяху и позоряху боляр, кои приидоша с Москвы»[152]. Даже если Заруцкого не было среди свидетелей этой незабываемой сцены, когда прирожденный «царевич» оказал казакам преимущество перед первыми боярами Московского государства, о ней много должны были рассказывать на Дону. А там, судя по всему, Заруцкий был уже не рядовым человеком. Иначе бы не оказался он вскоре во главе донских казаков, как это случилось во времена восстания Ивана Болотникова[153].

В «Истории ложного Дмитрия» Иосифа Будилы, служившего второму Лжедмитрию, можно прочитать, что Болотников и Заруцкий встали во главе движения, начатого против царя Василия Шуйского в Северской земле: «У них были вождями Болотников и Заруцкий»[154]. Другими современными источниками такое выдающееся положение Заруцкого при начале антиправительственного выступления не подтверждается. Напомню, что там больше говорилось о присоединении к Ивану Болотникову рязанских дворян и детей боярских во главе с Ляпуновым. Было бы очень соблазнительно отнести первые возможные контакты двух воевод земского ополчения — Ляпунова и Заруцкого — уже к 1606 году. Однако приходится воздержаться от такого скоропостижного заключения.

В записках немецкого наемника на русской службе Конрада Буссова осталось еще одно примечательное свидетельство, что сам Иван Болотников отправил Заруцкого из Тулы (?!) на поиски якобы снова чудесно спасшегося царя Дмитрия: «Болотников

послал из осажденного города одного поляка, Ивана Мартыновича Заруцкого, который должен был разузнать, что с государем, которому Болотников присягал в Польше. Собирается ли он приехать сюда и как вообще обстоит дело с ним? Заруцкий доехал до Стародуба, не отважился ехать дальше, остался там и не принес никакого ответа»[155]. Сама история с отсылкой гонцов из Тулы поставила в тупик даже выдающегося знатока истории болотниковского движения Ивана Ивановича Смирнова. Хотя он и ссылался на свидетельство Буссова о гонце по имени Iwan Martinowitz Sarutzki, но делал оговорку, что источники не позволяют определить, куда на самом деле отправлялись «эти посланцы Болотникова»[156].

Свидетельств об Иване Заруцком так мало, что известие Конрада Буссова приобретает особое значение. Можно легко увлечься рассказом «Московской хроники» и представить Заруцкого едва ли не инициатором всей интриги с объявлением Лжедмитрия II в Стародубе, сделать из казачьего предводителя одного из главных воевод самозванца уже с момента объявления нового Лжедмитрия[157]. По сведениям Буссова, Заруцкий вместе со всеми узнал в Стародубе о «спасении» царя Дмитрия. Как и все, сначала он обрадовался, что может, наконец, исполнить свою миссию, с которой направил его Болотников, однако ему сразу пришлось убедиться, что «это не прежний» Дмитрий. Заруцкий всё же не подал вида, а поклонился самозванцу как царю. Тот милостиво принял царские почести и немедленно приблизил к себе столь выгодного свидетеля, доказавшего стародубцам, что перед ними настоящий московский царь. Затем Иван Заруцкий еще раз удачно «подыграл» «царику», сразившись с ним в неком рыцарском турнире на глазах Стародубцев. Заруцкий, надо думать, опытный воин, легко опрокинул с коня бывшего Шкловского домашнего учителя, которого убедили объявить себя царем Дмитрием. Но когда все ринулись наказать обидчика московского «царя», тот раскрыл перед толпой свой предварительный уговор с Заруцким: оба якобы хотели испытать преданность Стародубцев царю Дмитрию[158]. Конрад Буссов передает те рассказы, которыми питались осажденные в Калуге войсками царя Василия Шуйского (где автор «Московской хроники» и оказался). В этих рассказах, конечно, преувеличивалась сила объявившегося самозванца, якобы немедленно пославшего свои войска на освобождение Тулы и Калуги. В действительности всё было по-другому. Участь осажденных была решена еще до того, как Лжедмитрий II успел набрать свою армию. Заруцкий смог избежать участи пленника и почти сразу оказался в окружении нового самозванца, поэтому

молва приписывала ему столь видную роль и при появлении Лжедмитрия II.

Поход самозванца из Стародуба к Брянску осенью 1607 года не дал царю Василию Шуйскому сполна насладиться плодами своей победы над Болотниковым. Уничтожив одного врага, он столкнулся с другим, которого поддержали уже не свои подданные, а наемные польско-литовские отряды и донские казаки во главе с Иваном Заруцким. Не полуфантастические рассказы Конрада Буссова, а прямое свидетельство ротмистра Николая Мархоцкого, участвовавшего в походах Московской войны, должно быть принято во внимание в первую очередь. В своих записках он вспоминал, как в Орел к самозваному царю пришел большой отряд донских казаков в пять тысяч человек под командованием атамана Заруцкого[159]. «Царь Дмитрий» зимовал в Орле начиная с 6 (16) января 1608 года. Мархоцкий, в отличие от других авторов, писал не понаслышке, а о том, чему был сам свидетелем. В тот момент он служил под командой князя Романа Ружинского, пришедшего в Кромы 20 (30) марта и избранного после этого новым гетманом войска самозванца[160]. Рядом с ним и встал предводитель донцов — Заруцкий (то же позднее сообщал другой хорошо информированный в русских делах наблюдатель, гетман Станислав Жолкевский). Таким образом, уверенно можно говорить лишь о том, что началом большой политической карьеры Ивана Заруцкого стала служба новому «царю Дмитрию» с первых месяцев 1608 года.

Какие-то две сотни донцов еще раньше служили под началом полковника Лисовского. Весной 1608 года их отправили в поход в Рязанскую землю[161]. От Орла они прошли к Михайлову, затем воевали под Зарайском и Коломной. Памятником этого похода стал упомянутый в предыдущей главе «курган велий» в Зарайске, где были похоронены рязанские и арзамасские дворяне, первыми столкнувшиеся со знаменитыми «лисовчиками» (еще до того как это имя стало нарицательным сначала в России, а потом и в Европе времен Тридцатилетней войны). Торговавший с Доном заповедными товарами во времена Бориса Годунова Захар Ляпунов, предводительствовавший отрядом рязанских дворян, должен был столкнуться на поле боя с участниками своих прежних торговых сделок. Однако донские казаки были уже совсем не теми, кому раньше нельзя было без дозволения приехать с Дона в Москву. Теперь, благодаря поддержке Лжедмитриев, они превратились в заметную политическую и военную силу и могли всюду диктовать свою волю. Захватив богатые трофеи и пленных, отряд Лисовского (и донцы — участники похода) возвратился под Москву, чтобы соединиться с

войском самозванца, утвердившимся в июне 1608 года в Тушине. Однако здесь их поджидали воеводы царя Василия Шуйского, вступившие с ними в бой у Медвежьего Брода 28 июня 1608 года. Как рассказывал Иосиф Будило, «пришел также из Рязани с донскими казаками Лисовский, который много раз громил русских, когда еще был в Рязани, и еще прежде, когда царь посылал его от Орла в Михайлов. Когда он подходил к Тушину и проходил мимо Москвы, то русские напали и разбили его, но он опять собрался с силами и пришел в Тушин»[162]. Лисовскому пришлось на некоторое время отступить от Москвы, чтобы вскоре возвратиться в лагерь самозванца.

Иван Заруцкий с основными силами донских казаков оставался всё это время в свите «царика». История создания Тушинского лагеря под Москвой летом 1608 года, первые бои с правительственной армией царя Василия Шуйского — всё это происходило с участием казачьего атамана. 25 июня 1608 года в победной для Лжедмитрия II битве при Ходынке атаман

Иван Заруцкий командовал донскими казаками. По сведениям Иосифа Будилы, Заруцкому был поручен правый фланг: он должен был сразиться со служилыми татарами, пришедшими на помощь Шуйскому[163]. А как воевать с ними, Иван Заруцкий, должно быть, знал очень хорошо. Подробности можно найти у Николая Мархоцкого, еще одного участника Ходынской битвы, в разгар которой московские войска едва было не разбили обоз самозваного царя, преследуя его отступавшее войско. «Хорошо, что там оказался Заруцкий с несколькими сотнями донцов… — писал Мархоцкий в «Истории Московской войны», — иначе неприятель ворвался б на наших плечах прямо в обоз»[164].

О значительной роли Ивана Заруцкого среди тушинцев свидетельствует уникальная история переговоров членов Боярской думы с сандомирским воеводой Юрием Мнишком и сторонниками Тушинского вора под Москвой 7 (17) сентября 1608 года. Полковник Лисовский и атаман Заруцкий приехали в столицу в качестве заложников для успешного проведения этих переговоров, проходивших где-то в открытом поле[165]. Они пробыли в столице при затворенных городских воротах целый день, пока воевода Юрий Мнишек стремился выторговать для себя и своей дочери как можно больше преференций и пожалований. Ходил слух, что он требовал, чтобы Марине Мнишек был выделен особый удел в Русском государстве. Обе стороны ни в чем не хотели уступать друг другу, поэтому исход переговоров трудно было предсказать. Вероятно, «царице» Марине Юрьевне было известно, кто рисковал своей жизнью ради

нее и ездил во враждебную Москву. Для такого поступка требовалась недюжинная отвага. Дело окончилось тем, что воевода Юрий Мнишек и его дочь триумфально въехали в Тушинский лагерь, подтвердив тем самым, что второй самозванец и есть спасшийся царь Дмитрий Иванович. Именно Заруцкий стал поручителем нового союза гетмана «царика» князя Романа Ружинского и полковника Яна Сапеги, благодаря которому Марина Мнишек и оказалась в Тушине. По дневниковым записям секретарей Яна Сапеги, 13 (23) сентября «пан Заруцкий» был вместе с другими панами-начальниками польско-литовского войска на пиру у гетмана. Встретившись в Тушине, два гетмана самозванца (настоящий — князь Ружинский и будущий — Сапега) поклялись действовать вместе и не чинить препятствий друг другу. В зарок будущей дружбы они обменялись саблями[166].

Последовательность Заруцкого в поддержке обоих Лжедмитриев и Марины Мнишек показывает, что его главный расчет состоял в службе самозваным царям. В дальнейшем в Тушине полностью раскрылся его талант воина. Он оказался одним из немногих, кто среди тушинского разгула сохранял трезвую голову, в отличие от «царика» и его гетмана князя Романа Ружинского. Заруцкому были поручены самые важные сферы жизни подмосковной столицы самозванца: охрана и разведка. И с этим ему удавалось хорошо справляться, направляя находившихся в его подчинении донцов. Донские казаки участвовали не только в охране Тушинского лагеря, но и во многих сражениях, развернувшихся тогда в центре Русского государства. Они вместе с Яном Сапегой, опять под командованием Александра Лисовского, начали осаду Троицесергиева монастыря, позднее, весной 1609 года, воевали под Ярославлем[167]. Заруцкий всё это время как царский боярин оставался под Москвой. Его даже стали называть «паном» Заруцким и «полковником у всех русских людей»[168], то есть в его подчинении оказались не только казаки, но и дворяне и дети боярские. Тогда же он стал вхож как к самому Тушинскому вору, так и к его «царице» — Марине Мнишек, с которой он, скорее всего, мог изъясняться по-польски. Атаман донцов, командовавший значительной частью армии самозванца, быстро прошел в Тушине путь от обычного начальника казачьей стражи до боярина.

Полученный им боярский чин достаточно свидетельствовал о его амбициях. Так, Заруцкий встал во главе Казачьего приказа. О существовании этого приказа известно из грамоты Лжедмитрия II от 6 декабря 1609 года, адресованной гетману Яну Сапеге с тем, чтобы тот берег служивших под его началом под Троицей донских

казаков[169]. Впрочем, в грамоте отразились противоречия, накопившиеся между разными группировками тушинского войска перед его распадом.

Положение самозванца и Марины Мнишек в Тушине изменилось после того, как летом и осенью 1609 года князь Михаил Скопин-Шуйский сумел нанести серьезные поражения сторонникам самозванца. Еще один удар Тушинскому вору был нанесен походом короля Сигизмунда III под Смоленск. Приехавшее из-под Смоленска в Тушино посольство даже для вида не стремилось обсуждать с «цариком» детали дальнейшей службы подданных короля в Московском государстве. Все переговоры велись напрямую с гетманом князем Романом Ружинским и другими полковниками польско-литовского войска. Тогда-то самозванец и вспомнил о том, что надо «поберечь» донских казаков.

Тайное бегство Лжедмитрия II из Тушина в дровяных (или даже, по версии Конрада Буссова, «навозных») санях стало скорее поражением боярина Заруцкого, ничего не знавшего о планах самозванца. Гетман Жолкевский не мог помнить всех обстоятельств бегства «Дмитрия» из Тушинского лагеря, поэтому считал, что вместе с ним ушли сразу чуть ли не все донские казаки. Самозванцу действительно помогли уехать верные донцы, но их было, наверное, не более десятка человек. Большинство же осталось в Тушине в подчинении боярина и главы Казачьего приказа Ивана Заруцкого. Самозваный царь Дмитрий, оказавшись в Калуге, поспешил взять инициативу в свои руки и направил оттуда своего эмиссара к оставленному войску. Ссылка «царика» на опасность, исходившую от гетмана Романа Ружинского и боярина Салтыкова, была, видимо, не пустым звуком. Теперь же перед всеми представал новый калужский владелец, начавший самостоятельную борьбу за русский трон. Польско-литовские наемники, приведшие его под Москву, становились его первыми врагами, так как они перешли на службу королю Сигизмунду III. Боярина Ивана Заруцкого калужский царь тоже попытался привлечь на свою сторону, но не преуспел в этом. Однако на донцов, в отличие от главы Казачьего приказа, агитация Лжедмитрия II подействовала, и они, видя, что никакой уплаты их прежних «заслуг» королем Сигизмундом III не предвидится, повернули своих коней из Тушина на калужскую дорогу.

Николай Мархоцкий так писал о времени, наступившем в Тушинском лагере после бегства Лжедмитрия: «Много было в нашем обозе и таких, которые хотели разыскать Дмитрия и поправить его дела». Сложилась целая интрига. Русские сторонники самозванца подговорили донских казаков уйти из

Тушина, убеждая их, что они ударят в тыл их преследователям. «Бунты донских казаков» Мархоцкий датировал временем после Рождества, «в середине мясопуста» 1610 года (примерно в конце января — начале февраля). Но заговорщики не сумели привлечь Заруцкого на свою сторону. Когда казаки двинулись из Тушинского лагеря, он доложил обо всем гетману князю Ружинскому. В польско-литовском войске решили, будто казаки хотят уйти в Москву (а может быть, просто придумали эту версию в оправдание случившегося побоища). Выстрелила пушка — обычный знак тревоги в Тушине, и войско гетмана ударило на казаков, а те ответили, надеясь на поддержку русской части тушинского войска. Заруцкий должен был оказаться перед мучительным выбором, но он пошел до конца, чтобы наказать отступников. Донцы приняли бой, стоивший им немалых жертв. Как вспоминал Николай Мархоцкий, «две тысячи казаков полегли на поле боя, другие уходили, куда могли, третьи вернулись в свой обоз к Заруцкому»[170]. Казачий бунт оказался предвестником окончательного распада Тушинского лагеря. Заруцкий отказался далее поддерживать «царика». Вместе с другими русскими тушинцами он принял сторону бояр во главе с Михаилом Глебовичем Салтыковым и «патриархом» Филаретом Романовым, которые сделали ставку на заключение договора с королем Сигизмундом III. Но, как показали дальнейшие события, это был лишь временный выбор. После боя с донцами и другими русскими людьми, бывшими у него под началом, Заруцкий оказался полководцем без армии.

Думал ли он, что ему «зачтется» происхождение его отца из Тарнополя? Или, может быть, надеялся на свои известные всему Тушинскому лагерю заслуги? Мечтал ли встать в один ряд с «прирожденными» московскими боярами, получавшими свой чин в силу знатного происхождения? В королевском лагере к Заруцкому отнеслись благосклонно, но не более того. Непонятно, чего мог ждать человек, о жестокости которого в исполнении приказов Тушинского вора ходили такие рассказы, как передавал Жолкевский. Палачи нужны в известное время, но обычно ими брезгуют даже те, кто нуждается в их услугах. Вот и Ивана Заруцкого восприняли в королевской свите прежде всего как воспитанного татарами жестокого дикаря, донского казака, а не бывшего подданного Короны. Никто и не думал ставить на него как на сколь-нибудь значимую фигуру в большой московской игре, когда рядом были более интересные персонажи. Например упомянутый гетманом Жолкевским «молодой Салтыков», то есть Иван Михайлович Салтыков. За Салтыковым-младшим, богатым и знатным человеком, было всё, что нужно, — боярское

происхождение и полная лояльность королю Сигизмунду III. Его отец боярин Михаил Глебович Салтыков привез под Смоленск договор бывших тушинцев с королем Сигизмундом III в феврале 1610 года. Оба Салтыкова — старый и молодой — становились главными проводниками королевской политики в Московском государстве. Когда распался Тушинский лагерь, Заруцкий выбрал продолжение войны с царем Василием Шуйским, в которой он участвовал еще со времен восстания Болотникова. Но в 1610 году такая война была уже не просто внутренним делом Русского государства, она направлялась королем Сигизмундом III.

Посланный из королевской ставки под Смоленском вместе с гетманом Жолкевским на выручку польско-литовского гарнизона крепости Белой, бывший тушинский боярин Заруцкий отличился в боях, теперь уже на королевской стороне и под чужим командованием. Еще раз верно послужил он королю и в печально памятном для войска царя Василия Шуйского клушинском сражении 24 июня 1610 года. Однако гетман Жолкевский, отправляя донесение королю Сигизмунду III об этой битве, счел возможным упомянуть только про действия Ивана Салтыкова, «хорошо старавшегося» для короля. «Другие в это время бывшие тут московские бояре» личного упоминания не удостоились[171]. Ивану Заруцкому пришлось смириться с тем, что от его былой влиятельности в лагере тушинского самозванца не осталось и следа. Но когда князя Шуйского все-таки свели с престола, бывший тушинский боярин должен был заново решить, кому служить дальше. Выслужиться перед королем Сигизмундом III у Заруцкого не получилось (не по его вине: ротмистр Николай Мархоцкий прямо написал, что его «жестоко оттолкнули» под Смоленском). В Москве боярину казачьего происхождения делать вообще было нечего, никто бы никогда не признал его чин и не пустил на заседания Боярской думы. Так Заруцкий опять возвратился на службу к «царику», приехавшему из Калуги вместе со своим двором и царицей Мариной Мнишек под Москву в июле 1610 года.

В эти месяцы «царь Дмитрий» и его царица всех звали на службу и всем раздавали обещания. Рядом с самозванцем вновь оказался Ян Сапега, получивший наконец-то чин гетмана его войска. «Боярин» Иван Заруцкий, разочарованный в перспективах службы королю Сигизмунду III, хорошо вписался в компанию самых последовательных тушинцев. В дневнике секретарей Сапеги сохранилась точная дата ухода Заруцкого (его пока вспоминали без обращения «пан») от короля к «царю». Случилось это вскоре после сведения с престола Шуйского 28 июля (7 августа)[172]. Следовательно, боярин самозванца стремительно

принял свое решение. Старые обиды между «цариком» и предводителем донских казаков, долго не откликавшимся на призывы из Калуги, были забыты. Отныне и до конца Заруцкий остается с «царем Дмитрием» и Мариной Мнишек.

Заруцкий очень вовремя оказался в подмосковном войске Лжедмитрия II. Один из претендентов на пустовавший русский трон не останавливался ни перед чем, чувствуя, что пробил его час. Всё то время, пока гетман Жолкевский вел трудные переговоры с Боярской думой в Москве о присяге королевичу Владиславу, калужский «царик» стремился захватить Москву или даже сжечь ее. Сведения о его боях под Москвой сохранились в записях секретарей Сапеги, они же засвидетельствовали ранение Ивана Заруцкого (снова названного и «паном», и «полковником у русских людей в войске царя») в бою под столицей 14 (24) августа.

Давление Лжедмитрия II только подтолкнуло бояр к решению служить королевичу Владиславу. 17 (27) августа 1610 года был заключен известный договор об этом, и в Москве принесли присягу новому царю, похоронив надежды на царствование других претендентов. В начале сентября двор Лжедмитрия II вынужден был покинуть свою ставку в Николо-Угрешском монастыре и возвратиться в Калугу. До гибели самозванца оставалось совсем немного времени.

В последние месяцы калужского сидения Лжедмитрия II боярин Иван Заруцкий совсем незаметен — возможно, он залечивал раны, полученные в подмосковных боях. По-прежнему он должен был входить в Думу Лжедмитрия II и участвовать в разработке плана, занимавшего самозванца. В ожидании рождения Мариной Мнишек наследника «царик» задумал поход к Воронежу и Астрахани. По свидетельству Конрада Буссова, имевшего достоверные сведения из Калуги, оттуда в низовья Волги послали передовой отряд казачьего атамана Ивана Кернозицкого[173]. Самозванец хотел привлечь на свою сторону татар Ногайской орды. Позднее именно этот план осуществит сам Иван Заруцкий, в том числе опираясь на почву, подготовленную эмиссарами Калужского вора. Следовательно, есть основания думать, что Заруцкий не просто знал об этих планах, а был одним из советников в разработке стратегической операции, которая помогла бы вдохнуть в движение сторонников «царя Дмитрия» новые силы. Однако внезапная смерть самозванца отменила все планы. 11 декабря 1610 года князь Петр Урусов отсек Лжедмитрию II голову…

К концу жизни Лжедмитрия II вокруг него оставались люди, которым некуда было отступать. В его русском дворе больше

нельзя было увидеть множество «перелетов» из знатных родов. С Заруцким пришли донские казаки; они вместе с ногаями — «юртовскими татарами», жившими в Калуге отдельной слободой, и заменили прежнее наемное польско-литовское войско. Некоторые из наемников еще оставались в войске самозванца, но их численность была не сравнима с тушинскими временами. Как выясняется, находились в Калуге и «старые знакомые» Заруцкого — романовские татары. Все они в страхе бежали из города, опасаясь мести за действия своего соплеменника — ногайского князя Урусова. Из расспросных речей двух романовских татар, Чорныша Екбеева и Яна Гурчеева, 14 (24) декабря 1611 года известно о большой тревоге, возникшей в Калуге. Неуютно почувствовал себя даже Иван Заруцкий, который на следующий день после убийства самозванца «в среду ввечеру хотел бежати из острогу». В дело вмешались калужские посадские люди: «и его изымали миром, а из острогу не упустили»[174].

В момент гибели Лжедмитрия II многие в Калуге растерялись и были в состоянии неопределенности и страха. Марина Мнишек, беременная ребенком убитого самозванца, была уверена, что ей осталось жить несколько дней — пока не родит. Дума и двор убитого «царика» раскололись, волновался калужский «мир». Оставшийся во главе калужской Думы погибшего самозванца князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой еще мог питать надежду на снисхождение Боярской думы в Москве к действиям заблудшего Гедиминовича после присяги королевичу Владиславу. Все же другие сторонники «царя Дмитрия» должны были определиться, кому служить дальше. Известный участник самозванческого движения еще со времен Ивана Болотникова князь Григорий Шаховской «и все лутчие воровские люди» предложили послать «с повинною к Москве». Но в такой переворот в действиях князя Шаховского, по расспросным речам упоминавшихся романовских татар, «не поверили» даже сами калужане. Угроза Ивана Заруцкого уйти из Калуги могла быть связана тоже с предложением о присяге королевичу Владиславу. У Заруцкого уже имелся опыт службы королю и королевичу, и он не ждал от такой присяги ничего хорошего. И всё же в Калуге в итоге решили присягнуть королевичу.

Иван Заруцкий, напротив, нашел возможность продолжить «дело Дмитрия» даже после того, как «царика» не стало. Он взял под свое покровительство Марину Мнишек и рожденного ею сына-«царевича», нареченного Иваном Дмитриевичем. Православный крещеный царевич Иван был противопоставлен католику Владиславу. Заруцкий вместе с Мариной перебрался в Тулу. Расчет тех, кто ушел вместе с ним, был прост: заставить

считаться с собой главных врагов — московскую Боярскую думу и короля Сигизмунда III. Раньше казаки служили отцу, теперь готовы были послужить сыну, тем более что управление и сама судьба семьи убитого калужского «царика» оказались в руках Ивана Заруцкого. Казачий предводитель повторил действия Ивана Болотникова, сделав каменные укрепления Тульского кремля своей резиденцией, куда для борьбы с ним снова надо было отправлять целое войско.

Из внутренней усобицы армию убитого калужского самозванца, разделенную на две части в Калуге и Туле, вывело обращение в Северские города организатора земского движения рязанского воеводы Прокофия Ляпунова. В конце декабря 1610-го — начале января 1611 года были достигнуты первые договоренности о совместных действиях и сложился союз Рязани, Тулы и Калуги. И не случайно, что именно Прокофий Ляпунов, Иван Заруцкий и князь Дмитрий Трубецкой стали главными руководителями Первого ополчения. Однако готовить их поход под Москву приходилось с большой осторожностью.

Действия Ляпунова, первым поставившего под сомнение присягу королевичу Владиславу, давно вызывали ненависть как у короля Сигизмунда III, так и у главы московского гарнизона старосты Александра Госевского. Лучшим способом для того, чтобы покарать рязанского строптивца, было отправить против него и его союзников верные королю силы. В первую очередь запорожских казаков — «черкас», ходивших разбоями всюду и не разбиравших, кто и в чем виноват. Ивану Заруцкому в Туле приходилось сдерживать «черкас», направленных в украинные города королем Сигизмундом III[175]. Из грамоты гетмана Яна Сапеги запорожцам от 21 (31) января 1611 года известно, что он просил, чтобы те «внимательно смотрели» за действиями Ляпунова и Заруцкого, препятствуя их неприятельским замыслам. В свою очередь запорожские казаки атамана Наливайки сообщали гетману Сапеге 22 января (1 февраля) 1611 года о большой силе, собранной Заруцким[176].

Положение гетмана Яна Сапеги, со времен подмосковного стояния самозванца в Николо-Угрешском монастыре отказавшегося от поддержки «царя Дмитрия», было очень сложным. Сапега и его войско не пошли сразу на королевскую службу, но позволили себя «уговорить», чтобы им отдали в кормление Северские земли. Встав в Можайске, Мещовске и ряде других «малых» калужских городов, сапежинцы — бывшие союзники тушинцев — образовали живой щит между войском Лжедмитрия II в Калуге и силами короля Сигизмунда III, оберегая от «забегов» и нападений королевских фуражиров в Брянской и

Смоленской землях. Позицию гетмана по отношению к действиям земских сил внутри Русского государства можно обозначить как нейтральную, но всё же она была более враждебной, чем союзнической. На словах гетман мог говорить о союзе, но прежде всего ему необходимо было добиться уплаты в полном размере жалованья, «заслуженного» его войском в боях за самозванца. Король же соглашался платить жалованье только тем, кто поступал к нему на службу, игнорируя все прежние службы самозванцу «Дмитру». За долги «обманщика», как называли Калужского вора в окружении Сигизмунда III, король расплачиваться не собирался. Боялись калужане и того, что «союз» нужен не с ними, а, образно говоря, с калужской городской казной.

Гетман Ян Сапега получил письмо от Боярской думы, призывавшее его выступить против Ляпунова, 14 января 1611 года. Однако он использовал это письмо в собственных интересах, решив показать, что готов действовать заодно с калужанами, где во главе города оказался присланный из Москвы для приведения к присяге королевичу Владиславу боярин князь Юрий Никитич Трубецкой. «Да генваря, господине, 14 день, — сообщал он князю Юрию Трубецкому «с товарищи», — писали ко мне с Москвы бояра князь Федор Мстисловской с товарыщи, что отложились от Москвы Прокофей Ляпунов со многими городы; и писали ко мне с великим прошеньем бояре с Москвы, чтоб я шел на Рязанские места на Прокофия Ляпунова, и на вас, и на те городы, которые с вами в совете». Однако вместо этого гетман обратился в Калугу, предупреждая земские силы о своей готовности к общему «совету» с ними: «…А я московских бояр не слушаю и с вами битися не хочу, хочу с вами быти в любви и братьстве»[177]. Дело дошло до того, что в своем стремлении уничтожить Ляпунова бояре не остановились и перед тем, чтобы послать от имени московской Боярской думы грамоту и Ивану Заруцкому в Тулу, надеясь привлечь бывших сторонников самозванца на свою сторону. Однако Иван Заруцкий переслал грамоту московских бояр самому Прокофию Ляпунову. Рязанский воевода уже знал о нависших над ним угрозах. 31 января 1611 года он писал нижегородцам: «Да бояре, господа, пишут с Москвы на Тулу, чтоб они к нам не приставали, а к нам они на Рязань шлют войною пана Сопегу…»[178]Позднее у Прокофия Ляпунова оказалась и грамота гетмана Сапеги в Калугу, из которой становилось ясно, что бывший гетман самозванца не собирается воевать на Рязани. Осторожность калужских воевод князей Юрия и Дмитрия Трубецких, переславших грамоту Ляпунову, объяснялась тем, что они хорошо знали, что было на уме у Сапеги, и тоже стремились

найти союзников. Переписка Рязани, Тулы и Калуги еще больше укрепила их «общий совет», и они совместно решили все-таки вступить в переговоры с войском Сапеги.

Воевода Ляпунов прямо объяснял, что договор нужен для того, чтобы во время движения к Москве войско Сапеги не угрожало земским силам. В случае удачного договора с сапежинцами он предполагал поручить гетману встать «в Можайске на дороге, для прибылных людей к Москве от короля, беглой литвы с Москвы». 11 февраля, как мы уже знаем, Ляпунов отослал в Калугу своего племянника, предлагая «укрепиться закладами» при заключении договора. Цель переговоров была определена следующим образом: «…а велел ему с бояры и с гетманом Сопегою о таком великом Божий деле говорить, чтоб ему быти с нами в соединенье и стояти бы за православную крестьянскую веру нашу с нами вместе заодин»[179]. Участвовал в переговорах с Сапегой и Иван Заруцкий, стремившийся сохранить известную самостоятельность в этом деле. В дневнике секретарей Сапеги остались свидетельства о получении писем Прокофия Ляпунова и Ивана Заруцкого, пересланных из Калуги 14 (24) февраля, и письма одного Заруцкого от 18 (28) февраля[180]. Пришли письма в очень сложный момент для гетмана, занятого устроением дел в своем бунтовавшем войске: накануне генеральное войсковое собрание («коло») решило, что король Сигизмунд III кормит их одними обещаниями, и поэтому гетману предлагалось самому ехать под Смоленск и договариваться об интересах войска. Свою «братью», сидевшую в Москве, сапежинцы предлагали известить, что не могут оказать им помощь по вине короля. Однако когда Ян Сапега тронулся в дорогу в Смоленск, его вернули с полпути, а обсуждение дальнейших перспектив войска продолжилось. Многие вопреки мнению гетмана склонялись к тому, чтобы идти «за леса», к польской границе. Дело дошло до столкновений внутри войска, и Сапега вынужден был пойти на компромисс[181].

Гетману часто приходилось ездить по разным калужским городам, чтобы договариваться о единой позиции на переговорах с королем Сигизмундом III. В одной из таких поездок он получил из Перемышля письмо от Федора Кирилловича Плещеева, извещавшего о приезде туда людей из Тулы от Ивана Заруцкого и об отсылке Прокофием Ляпуновым своих послов: «Да и от Прокофья к тебе идут послы о том же о добром деле и о совете; а совету де с тобою Прокофей и все городы добре рады». Это оказалось на руку Сапеге, который стремился удержать свое войско в калужских городах в ожидании решения короля. Во всяком случае, Федор Плещеев с большой радостью передавал

слова послов Ляпунова: «А про заслуженное де они так говорят: не токмо что де тогды заплатим, коли кто будет царь на Москве, нынече де ради заслуженное платить»[182]. Не случайно, что именно Федора Плещеева отправили из Перемышля в Тулу 19 февраля (1 марта) 1611 года[183]: видимо, он должен был продолжить переговоры с Заруцким от имени гетмана Сапеги.

Выжидательная тактика гетмана и начало его переговоров с вождями земского движения в Калуге и Туле помогли ему в достижении своих целей. В королевском лагере под Смоленском вынуждены были все-таки пойти на уступки сапежинцам: их согласились уравнять в заслугах с полком Александра Зборовского, перешедшим на службу к королю сразу после распада Тушинского лагеря. 3(13) марта Сапега уехал под Смоленск, оставив войско на попечение войскового маршалка Чарнецкого. Проведя переговоры в Смоленске, гетман известил войско о их результатах и отправился в свое литовское имение в Усвят, где пробыл до конца апреля 1611 года[184]. Там он получил письмо от короля Сигизмунда III, извещавшего его о действиях Первого ополчения, начавшего осаду Москвы. Гетману напоминали про его обещание вернуться к своему войску, что он вскоре и исполнил.

В отсутствие Сапеги воеводы Первого ополчения продолжали переговоры о совместных действиях с сапежинцами, бывшими куда сговорчивее, чем их гетман. Сохранилось адресованное Сапеге послание от *«великого державного Московского государъста царъского величества боярина и воеводы»* Ивана Заруцкого[185]. При публикации письмо было датировано февралем 1611 года, но на самом деле совместные переговоры Заруцкого и Ляпунова велись с сапежинцами во время прихода ополчения под Москву в конце марта — начале апреля 1611 года. Прокофий Ляпунов обратился с таким же посланием к маршалку сапежинского войска Чарнецкому[186]. Текст обоих посланий Заруцкого и Ляпунова совпадает. В грамотах земских воевод говорилось о присылке послов от сапежинского войска для договора «к Москве». Титул, употребленный Заруцким в послании Сапеге, несколько отличается от того, который позднее будет дан ему в Первом ополчении: *«великого Росийские державы Московского государьства боярин и воевода»т.* Вставка в титул упоминания о *«царьском величестве»* могла свидетельствовать о том, что в самом начале движения Иван Заруцкий отстаивал преемственность службы самозваному «царику». Он не случайно находился рядом с Мариной Мнишек и ее сыном «царевичем» Иваном Дмитриевичем, поэтому такое упоминание было ему важно. Местническими обстоятельствами можно объяснить и

появление двух полностью совпадающих по содержанию обращений: Заруцкого — к Сапеге и Ляпунова — к маршалку его войска[187]. Причем почетнее, конечно, было напрямую обратиться к Сапеге, хотя тот и отсутствовал в момент обращения в войске, да и вообще в Русском государстве.

Переписка с сапежинцами показывает, что начало переговоров предварял оживленный обмен грамотами. В послании Ивана Заруцкого гетману Яну Сапеге говорилось: «…И писанные твои листы, в Колугу и на Тулу к бояром и воеводам, и ко мне, прочитая, душевне веселюся»[188]. В грамоте Прокофия Ляпунова маршалку Чарнецкому почти так же: «…И писанные от вас к нам листы, в Колугу и на Тулу к бояром и воеводам, и на Резань ко мне к Прокофью, прочитая, душевне веселимся»[189]. Оба воеводы земского ополчения писали о своей радости, видя обращение сапежинцев к союзу с ними: «…зря ваше крепкое утвержение и от неправды отлучение».

Они вспоминали «польского короля неправое востание на Московское государство и всемирное губителство в настоящее сие время» (в этом, как и в других местах послания, осуждалось пролитие «крови неповинной и неискусозлобивых младенец», в чем можно видеть намек на события 19 марта 1611 года). В грамоте Ивана Заруцкого Сапеге вставлен даже пассаж о вине короля Сигизмунда III и гетмана Жолкевского в том, что сапежинское войско не получило своих денег: «Да не токмо к Московскому государьству полской король под присягою неправды свои показал, но и вам, природным людем своим, всему рыцерству, которые в правде с тобою служили и скарб свой утратили, как пришол к Москве гетман Желковский и вам всему рыцерству заслуженное ваше и что скарбов своих утратили, под присягою обещали; и как гетмана Желковского с королевскими людми в Москву пустили и они тебе и всему рыцерству в заслугах ваших посмеялись и во всем вам солгали; что вам и самим королевская правда ведома»[190]. Сапежинцам предлагалось «прислати послов своих к нам к Москве, а самим бы вам всему великому рыцарству побыти, ожидая послов своих от нас, в тех же украинах, где вам годно». С представителями сапежинского войска обещали заключить «истинный договор», отпустить их «тотчас» и, главное, прислать впоследствии с послами из ополчения «заслугу вашу». И Ляпунов, и Заруцкий говорили при этом, что действуют, «воздавая должное» своим будущим союзникам, от имени «всей земли». В итоге сапежинцы всё же предпочли договор с королем Сигизмундом III, узнав о королевской ассекурации 17 (27) марта 1611 года, по которой король соглашался выплатить жалованье, правда, не ранее того

времени, «как только Бог даст нам сесть на Московском престоле». Если бы король и потом, спустя полтора года, не исполнил своего обещания, то гарантией обеспечения королевской ассекурации становились все «крепости» и доходы с уездов Северской и Рязанской земель. В отсутствие Сапеги войско согласилось на эти условия и на генеральном «коло» 16 (26) апреля 1611 года приняло решение о походе в Москву. В мае оно шло походом через Козельск, Мещовск и Медынь. Однако без гетмана далеко уйти им не удалось. Сомнения по поводу королевских обещаний тоже никуда не исчезли. 10 (20) мая 1611 года, когда «колеблющиеся» сапежинцы находились в Медыни, к ним приехали послы от Трубецкого, Ляпунова и Заруцкого (воеводы ополчения названы именно в таком порядке), «чтобы войско вошло с ними в какое либо соглашение». Тогда же гетман Ян Сапега снова оказался в королевской ставке и получил сведения о том, что его войско перешло на службу королю и отправилось на помощь столичному гарнизону. Один казак, приехавший под Смоленск, сообщал даже, что сапежинцы нанесли поражение войску Заруцкого, причем было убито якобы 12 тысяч человек. Скорее всего, в королевском лагере намеренно хотели создать у Сапеги иллюзию того, что его полк давно и успешно воюет на стороне короля[191].

Как показало время, именно единства в действиях воевод Первого ополчения и не хватало. Как мы помним, в подмосковных полках, главным образом под влиянием Прокофия Ляпунова, обратились с посольством в Великий Новгород, чтобы договориться о кандидатуре шведского принца Карла Филиппа на русский трон. Но это никак не могло отвечать интересам Ивана Заруцкого, продолжавшего оказывать покровительство Марине Мнишек, в «удел» которой были выданы Коломна и Зарайск. Не было тайной такое противостояние и для современников. Не случайно автор «Нового летописца» напишет потом об этом времени: «У Заруцкого же с казаками бысть з бояры и з дворяны непрямая мысль: хотяху на Московское государство посадити Воренка Калужсково, Маринкина сына»[192].

От «непрямых мыслей» до разных судеб у Ляпунова и Заруцкого окажется скорая дорога. После смерти одного из главных организаторов ополчения земское дело остановилось. Но если для многих дворян пребывание в подмосковных полках перестало иметь какой-то смысл, то для казаков во главе с боярином Иваном Заруцким, напротив, наступало лучшее время. Именно они оказывались хозяевами положения, продолжая полковую службу и сбор доходов на нужды тех, кто осаждал сидевшего в Москве врага. Большинство людей за пределами

столицы, конечно, не могли воспринять такие перемены иначе как полный провал всех усилий по созданию союза сторонников царя Василия Шуйского с бывшими тушинцами. Но действительно ли всё было так плачевно, как посчитали современники? И только ли одни казаки остались под Москвой?

На формирование наших позднейших представлений о разложении ополчения в июле 1611 года повлияли популярные сочинения о Смуте, распространявшиеся во множестве списков на протяжении XVII и XVIII веков. «По неправедном же оном убиении Прокопиеве бысть во всем воиньстве мятежь велик… Казаки же начаша в воиньстве велико насилие творити, по дорогам грабити и побивати дворян и детей боярских… И таковаго ради от них утеснения мнози разыдошяся ис-под царствующего града», — писал в своем «Сказании» Авраамий Палицын[193]. Он указал имена трех воевод, оставшихся под Москвой: князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, Ивана Заруцкого и Андрея Просовецкого «с казаки своими». В «Новом летописце» причинами «разъезда» ратных людей из-под Москвы названы «теснение от казаков» и почему-то хула в адрес царя Василия Шуйского (?!), которого «понизовые казаки» «лаяху и позоряху»[194]. Сохранилось еще подробное известие «Карамзинского хронографа», автор которого тоже рассказал о времени, наступившем после гибели Ляпунова: «И после Прокофьевы смерти столники и дворяне и дети боярские городовые ис-под Москвы разъехались по городом и по домом своим, бояся от Заруцкого и от казаков убойства; а иные у Заруцкова купя, поехали по городом, по воеводством и по приказам; а остался с ними под Москвою их стороны, которые были в воровстве в Тушине и в Колуге»[195].

Суть произошедших тогда изменений наиболее полно определена именно автором «Карамзинского Хронографа» арзамасским дворянином Баимом Болтиным, писавшим о двойном расколе в земском лагере: во-первых, между дворянами и казаками, а во-вторых, между земцами и бывшими «тушинцами». В этом, безусловно, была значительная доля истины, но если до конца прочитать ту же запись Хронографа, можно увидеть, что правительство, созданное в ополчении, осталось, а осада столицы была продолжена: «А под Москвою владели ратными всеми людми и казаками и в городы писали от себя боярин князь Дмитрей Тимофеевич Трубецкой да боярином же писался Ивашко Мартынов сын Заруцкой, а дал ему боярство Тушинской вор. Да с ними же под Москвою были по воротам воеводы их и советники; да под Москвою же во всех полкех жили москвичи, торговые и промышленные и всякие черные люди,

кормилися и держали всякие съестные харчи. А Розряд и Поместной приказ и Печатной и иные приказы под Москвою были, и в Розряде и в Поместном приказе и в иных приказех сидели дьяки и подьячие, и из городов и с волостей на казаков кормы збирали и под Москву привозили, а казаки воровства своего не оставили, ездили по дорогам станицами и побивали»[196].

Первое ополчение отнюдь не перестало существовать со второй половины 1611 года, как об этом обычно скороговоркой пишут в учебниках. Власть в нем перешла к двум «боярам» — князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому и Ивану Мартыновичу Заруцкому Позднейшие исторические обстоятельства отменили значение их службы под Москвой со второй половины 1611 года, но идея земского объединения осталась. Более ста лет назад, в 1911 году, Степан Борисович Веселовский впервые собрал и издал «Акты подмосковных ополчений», куда в том числе вошли документы правительственной деятельности Первого ополчения в период, наступивший после убийства Прокофия Ляпунова. Увы, такова сила инерции исторического восприятия, что до сих пор эти акты почти не принимаются в расчет. Говоря о судьбе Первого ополчения, ссылаются, как правило, на оценки историков от Карамзина до Ключевского, у которых просто не было возможности познакомиться с этими документами. Между тем изучение источников позволяет сделать вывод о том, что Первое ополчение продолжало свою деятельность с оставшимися в полках «боярами Московского государства» и главными воеводами.

Под Москвой была создана система управления, основанная на нормах Приговора 30 июня 1611 года: существовали общие для всех полков Разрядный и Поместный приказы, заведена земская печать, собирались пошлины с документов в Печатный приказ. Продолжали обеспечивать «кормами» казаков и стрельцов, хотя, конечно, навести порядок «по Ляпунову» больше не удалось. Прав историк Николай Петрович Долинин, писавший в книге «Подмосковные полки (казацкие "таборы") в национально-освободительном движении 1611 — 1612 гг.», изданной в 1958 году: «Политика казацкого войска после смерти Ляпунова и сосредоточения власти в руках Заруцкого и Трубецкого не дает повода думать о каком-то крутом повороте в деятельности подмосковного правительства в смысле предоставления центральной власти казачеству, точнее, той его части, которая образовала в подмосковных полках низший слой из беглых холопов, боярских людей и крестьян. Не видно в мероприятиях временного правительства и "воровского казацкого обычая",

который приписывал подмосковному ополчению Д. Пожарский, изображая Заруцкого новым Болотниковым»[197].

Кроме бесспорных противоречий между дворянами и казаками в подмосковных полках во времена верховенства боярина Ивана Заруцкого имели значение такие насущные проблемы, как обеспечение служилых людей жалованьем, продовольствием, да и просто, выражаясь языком военных уставов, необходимость перехода на зимнюю форму одежды. Сохранились вполне рядовые документы, на которые при других обстоятельствах можно было бы и не обратить внимания. Они касаются шубного сбора, организованного Первым ополчением в августе 1611 года. Есть росписи служилых людей — дворян и детей боярских, посланных для этих целей по городам и уездам, челобитные о сложении этой повинности из-за бедности. Объяснить сбор тулупов иначе чем целями подготовки полков ополчения к зимним боям под Москвой невозможно. Сами акценты в разговорах о распаде подмосковного ополчения следует перенести с политических противоречий (конечно, никуда не исчезнувших после гибели Ляпунова) на другие, природные факторы, традиционно не позволявшие русскому войску в полной мере вести зимой какие-либо военные кампании.

Летом 1611 года в Первое ополчение к воеводам князю Дмитрию Трубецкому и Ивану Заруцкому продолжали прибывать значительные отряды ратных людей из Казани и Смоленска, что также свидетельствует о сохранении подмосковных полков и продолжении ими своей деятельности. Более того, приезд казанского войска во главе с настоящим, а не выборным или назначенным боярином Василием Петровичем Морозовым повышал и статус Думы в ополчении. Принесенный казанцами список чтимой иконы Казанской Божьей Матери имел важное символическое значение для остававшихся под Москвой людей. Некогда само обретение этой иконы было связано с именем казанского митрополита, будущего патриарха Гермогена. Поэтому появление ее списка в полках ополчения имело дополнительный смысл, усиливая отклик на призывы томившегося в заточении первоиерарха Русской церкви. Ратная сила, пришедшая из Казани, уже на следующий день вступила в бой и освободила Новодевичий монастырь от стоявших там немецких рот.

Архиепископ Арсений Елассонский писал, что это событие произошло 28 июля 1611 года: «28-го, в воскресение, с большим трудом русские взяли женский монастырь, не сделав никаких убийств в монастыре, потому что добровольно покорилось большинство»[198]. И здесь также — очевидное расхождение с

оценкой событий в русских источниках, авторы которых стремились во всем обвинять Ивана Заруцкого. «Новый летописец», говоря о вине казаков в распаде Первого ополчения, начинает противоречить сам себе. Его автору нужно было примирить сообщение о появлении в ополчении списка иконы Казанской Божьей Матери и связанном с этим военном успехе с одновременным обличением казаков. Из летописного сообщения о взятии Новодевичьего монастыря явствует, что это было не что иное, как его «разорение». Заруцкий якобы не выказал никакого почтения чудотворному образу: «Все же служилые люди поидоша пешие, той же Заруцкой с казаками встретил на конех». По освобождении «понизовой силой» Новодевичьего монастыря «инокинь из монастыря выведоша в табары и монастырь разориша и выжгоша весь, старицы же послаша в монастырь в Володимер». Понимая, что не одни казаки участвовали в боях под Новодевичьим монастырем, автор «Нового летописца» пытается защитить дворян, остававшихся в ополчении (еще одно косвенное признание их присутствия там): «Многия же под тем монастырем дворяне и столники искаху сами смерти от казачья насилия и позору и многия побиты и от ран многия изувечены быша». Но перелистав несколько страниц летописи, можно обнаружить небольшую повесть «о походе под Москву иконы Пречистыя Богородицы Казанския» и упоминание, что именно «Ею помощию под Москвою взяли Новой Девичей монастырь»![199]

Примечательно, что летописное описание совпадает с тем, что сообщали бояре из самой Москвы в начале 1612 года: «А как Ивашко Заруцкий с товарыщи Девич монастырь взяли, и они церковь Божию разорили, и образы обдирали и кололи поганским обычаем, и черниц королеву княжь Володимерову дочь Ондреевича (ливонскую королевну Марию, дочь великого князя Владимира Андреевича Старицкого. — *В. К.)* и царя Борисову дочь Ольгу, на которых преже сего и зрети не смели, ограбили до нага, и иных бедных черниц и девиц грабили и на блуд имали; а как пошли из монастыря, и они и до-сталь погубили и церковь и монастырь выжгли… Ино то ли крестьянство?»[200]

Конечно, такие утверждения современников не могли быть полностью голословными. Грабеж и дележ добычи при штурме городов были для казаков обычным делом и даже связывались с казачьей доблестью и «правильным» порядком вещей. Однако бояре, сидевшие в Москве вместе с поляками и литовцами, намеренно смешивали два события: взятие Новодевичьего монастыря в конце июля и его сожжение при оставлении подмосковными полками в сентябре 1611 года. Между тем воевода Мирон Вельяминов включал бой у Новодевичьего

монастыря в свой послужной список, о чем его дети писали в челобитной царю Михаилу Федоровичу: «И как, государь, Девичь монастырь взяли, и в то, государь, время отец наш был у наряду, а до приступу ходил с казаки». Иосиф же Будило, напротив, считал, что Заруцкий предпринял штурм Новодевичьего монастыря, «желая показать русским свою верность» после гибели Прокофия Ляпунова[201].

Дальнейшее пребывание Ивана Заруцкого в подмосковных «таборах» связано с борьбой за власть. Как покажет время, казачий атаман так до конца и не избавится от идеи самозванства, а будет только выжидать удобного случая, чтобы снова начать движение в пользу сына Лжедмитрия II и Марины Мнишек — царевича Ивана Дмитриевича. Все его маневры и закулисная деятельность не оставались тайной. Чем больше пытался Заруцкий укрепить свою власть в полках, тем сильнее и глубже становились противоречия между дворянами и казаками. После неудачного покушения на князя Дмитрия Пожарского в Ярославле (об этом речь впереди) войско Заруцкого покинет подмосковные полки. Казачий атаман бежит через Коломну, где располагался двор Марины Мнишек, в направлении Переславля-Рязанского. По сообщению «Пискаревского летописца», Заруцкий даже откажется от собственной семьи: «…умысля своим воровским обычаем, сослався з жонкою с Маринкою, которая была за Ростригою, сердомирсковою дочерью, жену свою постриг (это единственное указание на то, что Заруцкий был женат! — *В. К.),* а сына своево послал на Коломну к ней, Маринке, в стольники, а хотел на ней женитца, и сести на Московское государьство, и быти царем и великим князем»[202].

С этого момента начнется отсчет неуклонного падения Заруцкого. Он потеряет право называться «боярином» земского ополчения, а дело освобождения столицы, которое когда-то начиналось им вместе с Ляпуновым и князем Трубецким, будет завершено уже без него.

Иван Заруцкий сам выбрал свой путь исторического изгоя, последовательно придерживаясь самозванства и начав в конце концов войну со всеми, кто был против его планов утвердить на престоле сына Марины Мнишек. Когда войска объединенного ополчения освобождали Москву, Заруцкий собирал силы для броска на юг. «Боярину» мерещилось, что, как и во времена Болотникова, он сможет организовать поход из Астрахани на Москву, призвав под свои знамена Ногайскую орду и заручившись поддержкой персидского шаха. Марина Мнишек после стольких лет приключений готова была вернуться домой, в «Литву», но она уже давно была несвободна и ее саму и сына «царевича» Ивана

Дмитриевича использовали как козырные карты в чужой политической игре.

Пока земская власть в освобожденной Москве была откровенно слаба и шли выборы царя, Заруцкий не уходил далеко от столицы. Он перезимовал в Михайлове, потом, теснимый ратью воеводы Мирона Вельяминова, ушел в Епифань, в верховьях Дона[203]. Сразу же после избрания царя Михаила Федоровича земский совет направил туда с грамотами трех казаков из полка князя Дмитрия Трубецкого — Ваську Медведя, Тимошку Иванова и Богдашку Твердикова. Что из этого получилось, они рассказали сами в своей челобитной: «Как, государь, всею землею, и все ратные люди целовали крест на Москве тобе государю, посылоны мы с Москвы от твоих государевых бояр и ото всей земли к Заруцкому. И как мы холопи твои приехали на Епифань к Заруцкому з боярскими и з земскими грамотами, и Заруцкой нас холопей твоих подавал за крепких приставов и переграбил до-нага, лошеди и ружье и платье и деньженка все пограбил. И из-за приставов, государь, нас холопей твоих переграбленных душею да телом отпустил з грамотами к Москве к твоим государевым бояром и ко всей земле»[204].

О содержании и стиле переписки «Совета всея земли» с мятежным казачьим атаманом можно только догадываться. Судя по всему, ему было предложено (как это будет еще раз сделано позднее, в 1614 году, когда Заруцкий окажется в Астрахани) отказаться от поддержки претензий Марины Мнишек на царские регалии для своего сына. Однако Иван Заруцкий уже перешел грань, отделяющую борца за «правильного» претендента от обыкновенного фабителя, что вскоре он и докажет своим походом на тульские и орловские города — Крапивну, Чернь, Мценск, Новосиль, Ливны. Казачье войско сжигало крепости, «высекало» людей и с особым ожесточением разоряло поместья выборных представителей, находившихся в Москве при избрании Михаила Романова[205]. В одной из челобитных начала царствования Михаила Федоровича, поданной сыном боярским из Соловы Афанасием Лопатиным, говорилось о действиях Ивана Заруцкого: «Отца, государь, моего и мать и брата Заруцкий побил и нас разорил совсем без остатка за то, что отец мой был на Москве для твоего царского обирания и с Москвы послан на Крапивну с твоими царскими грамоты». Также были разорены поместья Нерона и Фомы Ерофеевых детей Кляпиковых, выборных на избирательном земском соборе от Черни[206].

Разграбив тульские города, Иван Заруцкий и его казачье воинство ушло к Воронежу. Страх перед ними отравлял все первые месяцы правления царя Михаила Федоровича, который

даже задержал официальное венчание на царство. Лишь в конце июня — начале июля 1613 года войско воеводы князя Ивана Меньшого Никитича Одоевского нанесло поражение отрядам Ивана Заруцкого под Воронежем. Заруцкий после поражения отошел еще дальше к Астрахани. Он оставался опасным врагом, но уже не настолько, чтобы непосредственно угрожать столице. Хотя отпадение Астраханского государства, присягнувшего под давлением Ивана Заруцкого несуществующему самозваному царю Дмитрию (а вместе с ним его жене и сыну), тоже окажется чувствительным ударом для новой власти.

В итоге царю Михаилу Романову удастся собрать армию для похода на Астрахань и заставить Заруцкого капитулировать. Против мятежного казачьего атамана выступят сами астраханцы, уставшие от чрезвычайных мер Смуты, насаждавшихся Заруцким. Побег в низовья Волги, на волжские острова, станет агонией бывшего боярина Московского государства, оставшегося без своих верных казаков. Конец Заруцкого, как и Марины Мнишек с сыном «царевичем» Иваном, которых он не отпускал от себя, окажется печален и страшен. Привезенные вместе в Москву, они найдут здесь жуткую смерть. Заруцкий будет посажен на кол, ребенка повесят, да и Марина Мнишек не переживет этой трагедии, которой завершится обещанная ей некогда жизнь сказочной принцессы в далекой Московии. Иван Заруцкий окончательно превратится в злодея русской истории, а его земская служба в «боярах Московского государства» окажется забытой. На голову поверженного «черкашенина» (так станут называть его после смерти[207]) посыплются одни проклятия…

## *КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ТРУБЕЦКОЙ*

Родственник великих князей литовских, главный освободитель Москвы и претендент на Московское царство — это всё о нем, самом «молчаливом» герое событий «междуцарствия», чье имя когда-то, напротив, гремело повсюду, затмевая собой даже привычные нам имена Минина и Пожарского. Объяснение исторического забвения для потомков лежит на поверхности: воевода обоих ополчений, проложивший дорогу Романовым к трону, некогда сам всерьез рассчитывал, что будет избран на царский трон. Когда этого не случилось, князь Дмитрий Трубецкой оказался в двусмысленном положении, присягнув юному царю Михаилу Романову, которого в своих мечтах видел всего лишь стольником у «царя Дмитрия Тимофеевича». Но народ явно устал от царей Дмитриев… Оставшись одним из бояр нового царя, князь Дмитрий Трубецкой быстро растерял свой прежний

авторитет спасителя царства и вынужден был смириться с участью исторического неудачника.

Князья Трубецкие принадлежали к князьям Гедиминовичам, находящимся на русской службе. Их старшие родственники — князья Мстиславские, давно стояли во главе Боярской думы. В 1611 году, как и при царях Федоре Ивановиче, Борисе Годунове, Дмитрии Ивановиче и Василии Ивановиче, в Москве на заседаниях Думы первенствовал боярин и конюший князь Федор Иванович Мстиславский. Князья Мстиславские и князья Вельские, служившие московским великим князьям и царю Ивану Грозному, состояли в родстве с правящей династией, поэтому их положение при дворе было незыблемым. Остальные князья Гедиминовичи — Хованские, Голицыны-Булгаковы, Куракины-Булгаковы и Трубецкие — тоже входили в состав аристократических родов Московского царства[208]. Однако их судьба складывалась по-разному.

Трубецкие испытывали особое благоволение царя Ивана Грозного и долго сохраняли свой статус служилых князей. Им, в отличие от других князей, разрешалось владеть вотчинами в родовом Трубчевске, от которого пошла их фамилия. Даже за князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким в 1613 году еще числились старые отцовские вотчины в Трубчевском уезде[209]. Старшие родственники князя Дмитрия Тимофеевича служили в опричнине, а затем в особом дворе Ивана Грозного. Князь Федор Михайлович Трубецкой стоял во главе дворовой Думы и «сказывал» в 1578 году боярство самому Борису Годунову[210]. Старший брат отца, Никита Романович, успел послужить в опричнине. Отец князя Дмитрия Тимофеевича, князь Тимофей Романович Трубецкой, начинал службу стольником при дворе Ивана Грозного в послеопричное время. Он миновал обычную для юных аристократов службу в рындах (царских оруженосцах), и ему сразу же доверили руководство дворянскими сотнями в походах Ливонской войны. В 1577 году Тимофей Романович со своим отрядом из детей боярских и татар опустошил земли в Ливонии. Вскоре после этого, в 1579 году, он возглавил уже большой полк под Нарвой. Имя князя Тимофея Романовича Трубецкого — конюшего царевича Ивана Ивановича — встречается в разряде свадьбы царя Ивана Васильевича с Марией Нагой осенью 1580 года. Братья Никита Романович и Тимофей Романович были пожалованы в московские дворяне и получили боярский чин почти сразу после восшествия на престол царя Федора Ивановича (не позднее начала 1585 года)[211].

Вся их карьера в Думе была связана с принадлежностью к «партии» Бориса Годунова, которому они верно служили со

времени возвышения этого правителя Московского царства. Своим постоянным местническим спором с однородцами Голицыными Трубецкие помогали Годунову справляться с аристократическими притязаниями других князей Гедиминовичей. Бояре князья Никита Романович и Тимофей Романович оставались на стороне Бориса Годунова и в сложный момент попытки переворота, связанной с действиями князей Шуйских, стремившихся развести царя Федора Ивановича с царицей Ириной Годуновой и тем самым лишить царского шурина политического влияния. Трубецким даже достались кое-какие вотчины из «изменничьих животов» сторонников Шуйских. Отец князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого дерзнул, и вполне успешно, на местничество с самыми родовитыми Рюриковичами — князьями Скопиными-Шуйскими — в 1591 году. Борис Годунов, видимо, не раз опирался в своих расчетах и действиях на князей Трубецких, доверял им командование главным, большим полком Украинного разряда (самая высокая воеводская служба при охране южной границы от нашествия крымских татар). Именно князю Тимофею Романовичу Трубецкому было поручено разобрать громкое местническое дело 1600 года боярина Федора Никитича Романова, обвинения по которому стали прологом опалы на род Романовых. Его брат, князь Никита Романович, осенью 1604 года, в тяжелый момент войны с самозваным «царевичем Дмитрием», руководил успешной обороной Новгорода-Северского вместе с Петром Федоровичем Басмановым. Все эти факты позволили известному исследователю политической борьбы при Борисе Годунове Андрею Павловичу Павлову сделать вывод о «видном положении», которое занимали князья Трубецкие как «союзники» царя Бориса[212].

Последней службой князя Тимофея Романовича Трубецкого, попавшей в разряды, было участие во встрече датского королевича Иоганна — жениха Ксении Годуновой[213]. Следом за несчастным королевичем, скончавшимся в Москве, умер и отец князя Дмитрия. Перед смертью Тимофей Романович Трубецкой принял постриг (схиму) с именем Феодорит и был погребен в Троицесергиевом монастыре 12 ноября 1602 года[214]. У вдовы княгини Ксении Семеновны Трубецкой остались сыновья Дмитрий и Александр. Обширные земельные владения отца в Трубчевском и Рязанском уездах, приданная вотчина в Юрьев-Польском уезде, другие поместья и вотчины, в том числе в Московском уезде, перешли к князю Дмитрию[215]. Его записали в стольники, но служить он пока не мог. В момент сбора войска для борьбы с самозванцем он выставил отряд даточных людей — в Росписи русского войска 1604 года сказано: «Стольников: князя

Дмитрея княж Тимофеева сына Трубетцково 25 чел[овек] конных»[216].

Эта запись, по сути, является первым упоминанием в источниках имени князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого. Она позволяет хотя бы приблизительно рассчитать время его рождения. В Росписи русского войска 1604 года встречаются также сведения о взимании даточных людей с других юных аристократов — стольника князя Ивана Андреевича Хвороетинина (14 конных) и князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского (56 конных). Показателем совершеннолетия Дмитрия Тимофеевича (как и князей Ивана Хворостинина и Михаила Скопина-Шуйского) стало начало службы при дворе царя Дмитрия Ивановича. Князь Дмитрий Трубецкой будет призван на службу царя Дмитрия в самом конце его царствования — следовательно, он был еще моложе, чем князь Скопин-Шуйский, дата рождения которого вычисляется приблизительно — 1586 или 1587 год.

Первое назначение князя Дмитрия Трубецкого оказалось необычным, он стал участником царского «веселья». В разряде свадьбы царя Дмитрия с Мариной Мнишек 8 мая 1606 года Юрий и Федор Никитичи Трубецкие вместе с их двоюродным братом Дмитрием Тимофеевичем Трубецким будут упомянуты среди «мовников», помогавших в «мылне» ближайшим друзьям царя — боярину Петру Басманову, окольничему Ивану Крюку-Колычеву, чашнику Ивану Курлятеву и кравчему Ивану Хворостинину[217]. Так, «мыльщиком», или «парщиком» (это старинное значение слова «мовник», по словарю Владимира Ивановича Даля), и начинал свою службу молодой князь Дмитрий Трубецкой, который в то время едва должен был перешагнуть свое пятнадцатилетие — возраст начала службы.

В боярском списке 115 (1606/07) года имя князя Дмитрия Трубецкого записано в перечне стольников. Там же встречается и имя его младшего брата князя Александра Тимофеевича (в списке оно стояло значительно ниже, что подтверждает записи родословцев о том, что князь Дмитрий был старшим из братьев) [218]. Князь Александр Тимофеевич в службе больше не упоминался. 22 апреля 1610 года он умер и был, как и отец, погребен в Троицесергиевой лавре. На надгробии указано его крестильное имя — князь Меркурий Тимофеевич[219]. В отличие от многих стольников, рядом с именами которых стояла помета о службе «под Колугою», в боярском списке 1607 года не было никаких сведений о назначении стольника князя Дмитрия Трубецкого, как и других князей Трубецких, видимо, служивших при дворе. Старший сын боярина Никиты Романовича Трубецкого,

Юрий Никитич, был записан вторым в списке стольников, сразу после ногайского князя Петра Урусова. Имя его брата Федора Никитича следовало сразу за именем князя Дмитрия Тимофеевича где-то в середине перечня. Князь Федор Никитич Трубецкой, по свидетельству «Бархатной книги», был «убит под Тулой»[220]. Скорее всего это случилось в ходе осады болотниковцев в Туле во второй половине 1607 года. Его отец, боярин князь Никита Романович Трубецкой, входил в Думу и при царе Василии Шуйском. Во время тульского похода он вместе со своим родственником боярином князем Андреем Васильевичем Трубецким был оставлен в Москве. Возможно, чтобы хотя бы немного утешить князя Никиту Романовича, потерявшего одного из сыновей в боях с мятежниками, царь Василий Шуйский, возвратившись из похода, пригласил его отпраздновать «у государя новоселье в хоромех» в январе 1608 года[221]. Вскоре появляются сведения о новой службе его племянника, князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого.

Согласно разрядам князь Дмитрий был назначен рындой при приеме «литовских» послов 28 января 1608 года[222]. Послов Николая Олесницкого и Александра Госевского задержали в Москве после майских событий 1606 года, когда свергли с престола Лжедмитрия I. Добиваясь решения участи послов Речи Посполитой, царицы Марины Мнишек и ее отца воеводы Юрия Мнишка, знатных гостей и участников брачных торжеств в Москве, король Сигизмунд III прислал новое посольство с наказом вести переговоры только с участием прежних послов. После долгих споров царь Василий Шуйский на волне своих успехов под Тулой, после недавних собственных свадебных торжеств (он женился в середине января 1608 года) решил пойти навстречу «литовской» стороне и принять послов Речи Посполитой, полтора года находившихся в фактическом заточении. Свидетелем и участником этого события и должен был стать князь Дмитрий Трубецкой.

Торжественность приема послов подчеркивалась тем, что они удостоились личной аудиенции у царя Василия Шуйского. Показать пышность церемониала, не уступавшую прежней встрече послов самозваным царем Дмитрием Ивановичем, должны были в том числе и рынды «с топоры в белом платье». Рындами обычно назначали представителей самых знатных родов, и свидетельства нескольких списков разрядных книг об этой службе князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, кажется, не должны вызывать никаких сомнений. Однако в материалах Посольского приказа, где в первую очередь сохранялись сведения о приеме польско-литовского посольства, вместо князя Трубецкого упомянут другой

молодой вельможа — князь Иван Михайлович Одоевский. Не приходится сомневаться, что разряды и посольские документы имели в виду встречу послов с царем именно 28 января 1608 года. В отчете о приеме посольства подробно описывались все этапы встречи послов, включая описание ближней свиты царя Василия Ивановича, который «в то время был в Подписной в Золотой полате, сидел в своем царском месте, в царском платье и в диадиме с [с]ки-фетром. А рынды стояли по обе стороны государя в белом платье и в золотых чепях: с правую сторону — князь Иван княз Михайлов сын Одоевской да Дмитрей Погожево; с левые стороны князь Василий Иванов сын Туренин да Исак Погожево. А при государе сидели в полате бояре, и окольничие, и дворяне большие и диаки в золотном платье»[223]. Имена рынд вписаны вместо других, зачеркнутых имен — князя Василия Семеновича Куракина, князя Юрия Дмитриевича Хворостинина. Но как те рынды, кто участвовал в приеме 28 января, так и другие, чьи имена «почернили» в посольских документах, — все упоминаются в разрядных книгах. За исключением одного — князя Дмитрия Трубецкого, свидетельств о службе которого в посольских документах не оказалось.

В чем же тут дело? Можно представить, что вокруг этого редкого для времени царя Василия Шуйского дипломатического события развернулась нешуточная придворная борьба. Молодой рында, стоявший первым, справа от царя, сразу же оказывался на виду. Лжедмитрий I учитывал эту особенность придворного этикета и ввел должность мечника (по сути, еще одного рынды, но стоявшего отдельно от остальных с церемониальным мечом), которую поручил князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому. Царь Василий Шуйский вернулся к традиционной расстановке рынд при приеме «литовских» послов в начале 1608 года. Конечно, он испытывал давление со стороны своих советников, помогавших определять посольский церемониал. Не исключено, что эта служба была обещана сначала одному человеку — князю Дмитрию Трубецкому, но потом досталась другому — князю Ивану Одоевскому. Ведь не зря же про последнего говорили, что он «был у Шуйского шептун»[224]. Если это предположение верно, тогда многое объясняется и в последующей биографии князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого.

Обычно считается, что он предал царя Василия Шуйского и сделал свой выбор в пользу службы самозванцу Лжедмитрию II. В разрядных книгах подчеркивали, что он изменил царю Шуйскому одним из первых; имелась в них даже отдельная запись об отъезде стольника князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого

вместе с неким «литвином новокрещеном», датируемая 24 июля. Этот отъезд «с дела», то есть во время битвы, совпал с большим церковным праздником — днем Бориса и Глеба[225]. Строго говоря, князь Дмитрий Трубецкой был не первым и не последним из тех, кто стал покидать царя Василия Шуйского, как только под Москвой в Тушине образовался лагерь нового самозванца, объявившего себя спасшимся царем Дмитрием Ивановичем. Первым «тушинским перелетом» в разрядах назван князь Василий Мосальский, а в те же дни, что и князь Трубецкой, изменили царю Василию Шуйскому ногайские князья Шейдяковы и князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский (не считая менее заметных и не включавшихся в разряды служилых людей низших чинов двора). Когда автор «Карамзинского хронографа» писал об отъезде в Тушино членов Государева двора, он в первую очередь вспоминал имена «князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского, князя Алексея Юрьевича Сицкого, Михаила Бутурлина, князь Ивана да князь Семена Засекиных»[226]. Мотивы отъезда от царя Шуйского могли быть разными: ведь не все же еще знали, что под Москву снова пришел самозванец. У кого-то оставалась надежда на чудо, кто-то руководствовался циничным расчетом. На службе тому, кто назвался именем царя Дмитрия, значительно быстрее, чем у Шуйского, можно было выслужить и новые чины, и новые вотчины.

В действительности отъезд князя Дмитрия Трубецкого объясняется изменившимся отношением к Трубецким царя Василия Шуйского. Царь вряд ли мог до конца простить им то, что они находились в приближении у Бориса Годунова. При первой же опасности столице от войска самозванца, выигравшего стратегически важную битву под Волховом и двинувшегося на Москву по калужской дороге, все старые страхи и недоверие царя Василия Шуйского обострились. 29 мая 1608 года он отправил свое войско во главе с князем Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским на реку Незнань[227]. Однако оказалось, что Лжедмитрий II шел «не той дорогой», а в войске открылась некая «шатость». По сообщению «Нового летописца», обвинения посыпались прежде всего на князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского, Юрия Никитича Трубецкого и князя Ивана Федоровича Троекурова. Подозрения в том, что они «хотяху царю Василью изменити» привели к пыткам, ссылкам и тюрьмам; людей, чином поменьше, якобы замешанных в заговоре, казнили[228]. Родственник князя Дмитрия Трубецкого, князь Юрий Никитич Трубецкой, был отправлен в ссылку в Тотьму. С этого времени исчезает из разрядов и имя его отца, боярина князя

Никиты Романовича Трубецкого, вскоре умершего. Нет упоминаний в разрядах о службе при дворе царя Василия Шуйского другого боярина, князя Андрея Васильевича Трубецкого. Значение этого дела явно выходило за пределы преследования нескольких аристократов. За каждым из тех, кого обвинили в участии в заговоре, стоял свой родственный круг. Вольно или невольно, опалы затрагивали еще и Романовых (князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский приходился зятем бывшему боярину Федору Никитичу Романову, ставшему ростовским и ярославским митрополитом), Салтыковых (князь Юрий Никитич Трубецкой был женат на дочери боярина Михаила Глебовича Салтыкова) и князей Мосальских (из этого рода происходила жена князя Ивана Федоровича Троекурова). Возникла угроза того, что царь Василий Иванович нарушит клятвенную запись, выданную при восшествии на престол, и начнет мстить всему роду опальных, их родственникам и друзьям, как это всегда бывало при московских царях. Но ждать такого продолжения событий никто не хотел. «Незнанское дело» стало прологом к созданию партии наиболее последовательных врагов царя Василия Шуйского. Вскоре все они перебрались в лагерь нового самозванца и вошли в состав его Боярской думы.

Князь Дмитрий Трубецкой после Незнани тоже не мог видеть перспектив своей дальнейшей службы царю Василию Шуйскому. Автор исследования о движении Лжедмитрия II Игорь Олегович Тюменцев подчеркивал, что такие настроения возникли у «молодых представителей боярских родов, оппозиционных Шуйским, которые, вероятно, утратили всякие надежды на успешную карьеру после репрессий, последовавших за неудачным походом на реку Незнань»[229]. Не сыграла ли здесь роковую роль еще и несостоявшаяся служба рындой на приеме «литовских» послов 28 января? Даже в более спокойное время князя Дмитрия Трубецкого оттеснили от трона и отдали назначение в рынды с золотым топориком другому стольнику! Во времена прихода Лжедмитрия II под Москву и образования Тушинского лагеря выбор для князя Трубецкого был уже более серьезный, он не захотел оставаться в Москве на положении родственника опального. Впрочем, на момент отъезда из Москвы Дмитрию Тимофеевичу могло быть всего около восемнадцати лет, и не стоит судить его поступок по тому же счету, что и действия других, многоопытных бояр.

В Тушине, конечно, были рады почтить приехавшего к ним на службу князя Гедиминовича. Тем более что гетманом Лжедмитрия II был князь Роман Ружинский, тоже происходивший из этого знатного рода потомков великих князей литовских. Князь

Дмитрий Тимофеевич Трубецкой немедленно получил боярский чин, с которым служили его отец и дядя. Были приняты меры к охране владений князей Трубецких. Сохранилось письмо князя Дмитрия Тимофеевича известному воеводе тушинских сил полковнику Яну Сапеге, осаждавшему со своим войском Троицесергиев монастырь. В своей «грамотке», написанной 11 ноября 1608 года, Трубецкой благодарил за посылку охраны «десяти панов» к его «матушке». Про себя он писал в следующих выражениях: «…и я Божиею милостию и государя царя и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии жалованьем при его царьских светлых очах»[230]. Потомок рода князей Трубецких, близких к царю Борису Годунову, оказался в окружении второго Лжедмитрия одним из самых родовитых членов его Думы. Впрочем, тогда всё перемешалось, и среди бояр второго самозванца были и сами Годуновы, и их родственники Вельяминовы, пострадавшие от действий сторонников первого Лжедмитрия, и выходцы из других княжеских родов — Оболенских и Ярославских, и представители старомосковских боярских родов — Бутурлиных, Плещеевых и Салтыковых.

Пребывание в Тушине Дмитрия Трубецкого мало чем запомнилось, и в этом есть некая загадка. Объяснить, почему политику тушинской Думы определяли другие люди, конечно, можно. Как первый, так и второй самозванец приближали к себе людей прежде всего не по происхождению, а по принципу преданности. Но князь Трубецкой был всё же слишком заметен, поэтому остается неясным, почему его служба никак не отмечена ни в тушинских документах, ни в воспоминаниях польско-литовских участников событий. Сохранилось единственное свидетельство о поручении князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому вести дела Разрядного приказа. Об этом говорил плененный в Тотьме новгородский сын боярский Андрей Федорович Палицын. Некогда он «самоволно» отъехал служить в Тушино, но, оказавшись в конце 1608 года в северных городах — центрах земского противостояния, «одумался» и снова перешел на сторону царя Василия Шуйского[231]. Описывая состав двора, сложившийся в первые месяцы существования Тушинского лагеря, Андрей Палицын говорил: «…а в полкех у вора у Дмитрея в дворецких князь Семен Григорьевич Звенигородский, а в Розряде дияк Денисей Игнатьев сын Софонов, да боярин князь Дмитрей Тимофеевич Трубецкой, а болше(й) гетман князь Роман Ружинской литвин»[232].

Поручение князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому ведать делами Разрядного приказа необычно. В Разрядный приказ назначали одного думного дьяка, чтобы не создавать поводов для

местнических споров. Иначе кто-то из воевод мог отказаться от назначения, посчитав, что ему «невместно» исполнять распоряжения приказного судьи, чей род ниже по местническому счету. Заметим, что такое правило соблюдалось и при царе Василии Шуйском, и позднее[233]. Следует учесть, что служба князя Дмитрия Трубецкого во главе Разряда упоминается в таком своеобразном источнике, как расспросные речи. Андрей Палицын рассказал лишь то, что ему было известно об общем разделении управления тушинскими силами. Но это еще не означало, что все разрядные дела были поручены исключительно князю Дмитрию Трубецкому. По его молодости и при отсутствии «заслуг» по организации движения Лжедмитрия II такая служба была скорее почетной, чем действительной. Реальная власть в Разрядном приказе по-прежнему должна была принадлежать печатнику и думному дьяку Денису Софонову Он, видимо, хорошо поладил с князем Дмитрием Трубецким: позднее, когда бывший тушинский боярин остался во главе подмосковного ополчения, дьяк Денис Софонов опять управлял Разрядным приказом[234]. Словом, то немногое, что известно о тушинском периоде жизни князя Дмитрия Тимофеевича, позволяет думать, что он входил лишь в придворное окружение «царя Дмитрия». Военными же делами распоряжались более опытные «бояре» и дьяки самозванца.

Можно сказать и так, что в годы подмосковного стояния князь Дмитрий Трубецкой «привязался» к своему покровителю. Во время распада Тушинского лагеря он в числе немногих думал о воссоединении с «царем Дмитрием Ивановичем», бежавшим в Калугу. Наиболее заметные тушинцы во главе с митрополитом Филаретом, боярином Михаилом Глебовичем Салтыковым, его сыном Иваном Михайловичем, князем Василием Михайловичем Мосальским отреклись «от того Вора, который называетца Дмитром, прямым господарем»[235]. В начале 1610 года они отправили посольство в королевскую ставку под Смоленск, чтобы договориться о призвании на русский престол королевича Владислава. Даже казачий предводитель Иван Мартынович Заруцкий поначалу поддался на агитацию сторонников короля и решил попытать счастья на его службе. На фоне этих переговоров демарш князя Дмитрия Трубецкого, возглавившего отход части войска из Тушина в Калугу, выглядит смелым и последовательным поступком. Случилось это в конце января — начале февраля 1610 года[236], после чего стало очевидно, что Тушинский лагерь доживает последние дни. О причинах, по которым князь Трубецкой не захотел служить королю или возвратиться на службу к царю Василию Шуйскому, можно только догадываться. Вряд ли он решил бы уйти в Калугу, если бы не

продолжал связывать для себя с этой службой определенные ожидания. Важно помнить, что в тот момент политика Лжедмитрия II изменилась, он стал последовательно избавляться от иноземных сторонников — «литвы» и «немцев», всё более опираясь на традиционный по составу Государев двор и служилых татар. В новой, калужской Думе царя Дмитрия Ивановича князь Дмитрий Трубецкой даже упрочил свое первенство не только по знатности, но и по времени службы одному из главных на тот момент претендентов на трон.

Калужский самозванец действительно едва не стал русским царем. Повторялась прежняя история, когда его стремились использовать в противостоянии с царем Василием Шуйским. Договорившись о совместных действиях с Яном Сапегой, получившим от калужского царя заветный титул гетмана, Лжедмитрий II пришел под Москву. Вместе с ним там оказался и его двор, а значит, спустя два года службы в Тушине у князя Дмитрия Трубецкого появилась возможность беспрепятственно приехать в столицу Как мы уже знаем, попытка московских людей договориться с «тушинцами» о низложении обоих царей — и Василия Шуйского, и «Тушинского» — провалилась: когда царя Василия действительно свели с трона, осуществившие переворот бояре услышали от «тушинцев» обидные слова в измене своей присяге: «что вы не помните государева крестново целования, царя своего с царства ссадили; а нам де за своево помереть». Хотя автор «Нового летописца» пишет обобщенно о «тушинцах», из его слов видно, что речь идет именно о тех сторонниках Лжедмитрия II, которые решили следовать за ним до конца. И в первую очередь это был, конечно, один из самых заметных членов его Думы — князь Дмитрий Трубецкой.

Самозванческая попытка в июле—августе 1610 года окончилась ничем. Выбор был сделан в пользу королевича Владислава, сомнений по поводу легитимности которого ни у кого не возникало. Парадоксально, но это придало новое значение калужской ставке царя Дмитрия. Боровшиеся с «Вором» и его сторонниками московские бояре всё дальше увязали в войне с призрачной угрозой, исходившей от самозванца. После того как они впустили в Москву иноземный гарнизон якобы для организации похода в Калугу, главная опасность государству, как оказалось, поселилась в самом Кремле. Затянувшиеся переговоры под Смоленском о призвании королевича Владислава, стремление короля Сигизмунда III самому получить московскую корону поставили крест на усилиях тех тушинцев, кто отказался от самозванца в начале 1610 года. В конце этого тяжелого года действия тех, кто, несмотря ни на что, оказался

последовательным сторонником тушинской присяги, стали выглядеть как образец дальновидности. Во всем Русском государстве остался единственный претендент на престол «из своих», которого можно было противопоставить иноземцам, бросившимся грабить чужую для них страну. Но калужскому самозванцу так и не удалось до конца избавиться от тяжелого наследства тушинских казней, грабежей и жестокостей. То, что Тушинский вор насаждал сначала под Москвой, а потом и под Калугой, «догнало» его самого бесславной гибелью в ходе кутежа на речке Ячейке под Калугой 11 декабря 1610 года.

После смерти Лжедмитрия II было неясно, в какую сторону повернет оставшаяся без защиты «царика» Калуга. Члены его Думы должны были выйти из тени и начать действовать самостоятельно. В этот момент в Калужском лагере самозванца оказалось два самых влиятельных боярина. Один, Иван Мартынович Заруцкий, стоявший за продолжение прежней политики, немедленно взял под свое покровительство «семью» убитого царя Дмитрия — Марину Мнишек, вскоре родившую наследника, «царевича» Ивана Дмитриевича. Позиция другого, князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, была более осторожной и учитывала различные влияния. Вместе с именем князя Дмитрия Трубецкого называлось еще имя князя Григория Шаховского. По словам гетмана Станислава Жолкевского, оба воеводы, «запершись в Калуге и снесясь с боярами столичными, учинили также присягу на имя королевича Владислава»[237].

Большинство горожан в Калуге действительно готовы были, как и в Москве, присягнуть королевичу. Но за пределами столицы уже было известно, что эта присяга завела Боярскую думу в тупик. Отдельную опасность для Калуги представляло войско гетмана Яна Сапеги, тоже состоявшее из бывших сторонников Лжедмитрия II. Отчаявшись получить свое «заслуженное» жалованье как от самозванца, так и от короля Сигиз-мунда III, оно придерживалось нейтралитета. Войско Сапеги быстро подошло к Калуге, когда стало известно о гибели самозванца, тем более что царица Марина Мнишек умоляла спасти ее. Но калужане встали на защиту своего города, а Марина Мнишек с новорожденным «царевичем», как говорилось выше, оказалась под покровительством боярина Ивана Заруцкого, уехавшего с нею из Калуги в Тулу.

Из Москвы в Калугу приводить калужан к присяге на имя королевича Владислава был послан боярин князь Юрий Никитич Трубецкой. Выбор не в последнюю очередь был связан с тем, что ему легче было договориться со своим родственником Дмитрием Тимофеевичем. Юрий Трубецкой должен был привести к кресту

бывший двор самозванца, главную роль в котором стал играть его двоюродный брат. Старшие родственники князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого к тому времени успели вернуть себе первые места в Думе. Имя князя Андрея Васильевича Трубецкого было записано в боярском списке 119 (1610/11) года на почетном третьем месте после имен двух, безусловно, самых авторитетных членов Думы — князей Федора Ивановича Мстиславского и Ивана Михайловича Воротынского. При «литве» был «пущен» в Думу князь Юрий Никитич Трубецкой, некогда тоже служивший в Тушине. Перспектива вхождения в Думу при королевиче Владиславе открывалась и перед князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким, так как тесть его двоюродного брата — Михаил Глебович Салтыков — оказался первым советником «литвы» в Москве.

По сведениям «Нового летописца», калужане отправили целое посольство в Москву, подтверждая, что присягнут королевичу Владиславу. Однако оговаривали это условием его прибытия в столицу. Не этого, естественно, ждала Боярская дума, а потому калужское посольство вернулось домой. Положение князя Юрия Никитича Трубецкого в Калуге оказалось незавидным: его и слушаться не слушались, и отпускать не отпускали. Не случайно летописец написал, что тот в итоге «убежал к Москве убегом»[238].

Еще раньше из Калуги бежал один из наиболее заметных бояр самозванца — князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский. Между ним и князьями Трубецкими могли существовать местнические противоречия. Недовольный тем, что происходило в городе, князь Дмитрий Черкасский со своими сторонниками (спальником Игнатием Ермолаевичем Михневым и дворянином Данилой Андреевичем Микулиным) 24 января 1611 года явился в расположение гетмана Яна Петра Сапеги. Гетман хотел использовать раскол в Калуге, чтобы заключить союз с бывшими придворными Лжедмитрия II. В своем письме «господину князю Юрию Никитичу с товары-щи», написанном по поводу приезда князя Черкасского, гетман вспоминал, что и ранее писал в Калугу «многажды о совете», и даже обвинял калужских воевод в том, что они бегают от него «за посмех». Письмо Сапеги в Калугу было декларацией его стремления к союзническим отношениям с вождем нового земского движения Прокофием Ляпуновым и калужскими воеводами. Гетман готов был даже сражаться за православную веру в ожидании нового государя, который выплатит долги тушинского самозванца: «а кто будет на Московском государстве царем, тот нам и заслуги наши заплатит»[239].

Ответное послание князей Юрия Никитича и Дмитрия

Тимофеевича Трубецких тоже сохранилось. В нем они объясняли, почему не готовы «за один стояти» с гетманом Сапегой; здесь же давалась нелицеприятная характеристика перебежчикам из Калуги. В миролюбие Сапеги Трубецкие не верили и напоминали, что совсем недавно его войска «Олексин высекли и сожгли и к Крапивне и к Белеву приступали». Калужские воеводы писали о том, что хорошо знали и видели сами:

«…и около Калуги и во всех городах, где вы воюете и крестьян сжете, и пытками пытаете, и в Перемышле и в Лихвине стоите не по договору». Князья ссылались на авторитет «всей земли», с которой вместе решено было держаться присяги Владиславу, но добиваться того, чтобы король Сигизмунд вывел свои войска из Русского государства и прекратил кровопролитие: «…и сам бы от Смоленска отшел и со всей бы земли Российского государства польских и литовских людей вывел, а земли б пустошить и разорять не велел». В случае отказа от выполнения договора, заключенного с гетманом Жолкевским, требовалось, чтобы король Сигизмунд III «ведомо учинил». Воеводы в Калуге готовы были обсудить «заслуги» сапежинского войска, но не хотели делать этого в одиночку. Для этих целей они «писали» в Тулу, к Прокофию Ляпунову и в другие города, чтобы учредить общий совет. Конечно, им выгодно было, чтобы Сапега не повернул свое войско против земских сил по призыву Боярской думы из Москвы. Поэтому письмо написано так, чтобы не отталкивать сапежинцев от обсуждения дальнейшего союза.

Грамота князей Трубецких позволяет точно определить позицию оставшейся в Калуге части бывшего двора «царика», сформировавшуюся к концу января 1611 года: «…стоим все всею землею за истинную православную християнскую веру греческого закона, и у Жигимонта короля польского всею землею того просим, чтоб по обещанью своему и по договору сына своего королевича Владислава Жигимонтовича дал на Московское государство государем царем и великим князем, и литву из земли вывел и сам вышел, а кроволитья и разоренья унял; а будет не даст, и он бы ведомо учинил. За то, господине, стала вся земля, а от Московского государства никто не отставает и дурна не заводит никто»[240].

Подтверждая свою присягу королевичу Владиславу, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой тем не менее пришел в конце Великого поста под Москву и соединился под Николо-Угрешским монастырем с отрядами земского ополчения. Дальнейшая история ополчения во главе с Прокофием Ляпуновым хорошо известна: князь Трубецкой становится одним из «бояр Московского государства», его имя официально писалось первым

в документах среди других подмосковных «триумвиров». Однако на самом деле главная власть в ополчении принадлежала не ему, а другим воеводам. Помимо военных задач, где голос Трубецкого должен был всё же учитываться, в ополчении принялись за организацию новой власти. И здесь возникло соперничество дворян и казаков, персонализированное в именах двух других «бояр Московского государства» — Ляпунова и Заруцкого. Оба они, в отличие от князя Дмитрия Тимофеевича, который и в подмосковных полках земского ополчения был поначалу не слишком заметен, взяли в свои руки дела управления: принимали челобитчиков, выдавали грамоты (за печатью Прокофия Ляпунова), собирали денежные доходы и припасы на войско. Возможно, всё опять-таки объяснялось молодым возрастом князя Трубецкого, которому в то время едва исполнилось двадцать лет. По своему жизненному опыту и авторитету у «земли» он, безусловно, уступал двум другим выборным воеводам; его одного вряд ли кто-то стал бы слушать, кроме разве что тех, кто помнил времена существования калужского двора Лжедмитрия II.

Всё изменилось со смертью Прокофия Ляпунова, обстоятельства которой выдвинули на авансцену русской истории именно князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого. Хотя даже в этот момент он ничем особенным себя еще не проявляет. Иначе у современников не сложилось бы впечатление, что земское войско из-под Москвы почти всё разбежалось и повсюду хозяйничали одни лишь казаки Ивана Заруцкого. Впрочем, говорилось об этом в пылу активной политической борьбы. В грамотах, рассылавшихся из следующего, нижегородского ополчения Минина и Пожарского, писали о разъезде дворян из Первого ополчения как о следствии действий казаков, убивших Прокофия Ляпунова: «Столники же и стряпчие, и дворяне, и дети боярские всех городов, видя неправедное их начинание, ис-под Москвы розъехолися по городом и учали совещатися со всеми городы, чтоб всем православным християном быти в совете и соединение, и выбрати государя всею землею»[241]. Тем самым в Нижнем Новгороде стремились объяснить, какими путями многие из сторонников Первого ополчения после службы под Москвой оказались под знаменами нового земского движения.

У королевского же войска, окруженного в столице Московского государства, напротив, создалось впечатление, что после гибели Ляпунова, вопреки их ожиданиям, воеводы подмосковных полков только сплотились: «Уничтожив таким образом Ляпунова, мы надеялись, что москвитяне будут вести себя тише. Но они между собой помирились и вместо Ляпунова выбрали себе старшим князя Трубецкого»[242]. Оценка,

содержащаяся в «Истории Московской войны» Николая Мархоцкого, явно противоречит описаниям подмосковной катастрофы в русских летописях.

Здесь надо вспомнить, что еще в конце июня — начале июля 1611 года подмосковные полки смогли решить важную военную задачу, окружив весь Белый город. Об этом писал архиепископ Арсений Елассонский: «Прокопий со многим войском взял все большое укрепление кругом, и большие западные башни, и всех немцев, одних взял живыми, а других убил; и заключил всех поляков внутри двух укреплений; и воевали старательно день и ночь, русские извне, а поляки изнутри»[243]. «Большие западные башни» из этого известия можно отождествить с Никитскими, Арбатскими, Чертольскими и Всехсвятскими воротами, осаду которых ополчение не смогло начать сразу после прихода под Москву. Подтверждение этих известий находим также в упоминавшейся выше «Челобитной Вельяминовых», где сыновья воеводы Мирона Андреевича перечисляли самые значимые события, в которых их отец участвовал под Москвой: «И как, государь, на Никитских воротах поймали немцев, а на Орбацкой и на Олексеевской башне поймали польских и немецких людей, и отец наш ходил к приступу. И перед Сопегиным приходом отец наш за Москвою-рекою лугом ров вел и остроги ставил»[244].

Согласно свидетельствует об овладении противником всеми воротами и башнями Белого города ротмистр Николай Мархоцкий. В его записках говорилось: «…москвитяне взяли вокруг нас все Белые стены с башнями. Каждую башню и ворота они хорошо укрепили и расставили людей, а на следующий день пошли под Девичий монастырь добывать разместившихся там иноземцев. Те также упорно сражались, но не смогли удержать монастырь и отступили». Иноземный гарнизон оказался затворенным в Кремле и в стенах Китай-города и не мог быть освобожден без помощи извне, так как ополченцы выкопали вокруг укреплений «глубокий ров». Ротмистр Николай Мархоцкий так прямо и назвал этот раздел своих записок: «Наши заперты в Китай-городе и Крым-городе». Он говорил о том, что чувствовали попавшие в ловушку осажденные: «Захватив стены вокруг нас, москвитяне, чтобы зажать нас со всех сторон, быстро поставили за Москвой-рекой два острожка и разместили в них сильные отряды. А до этого ими был вырыт глубокий ров от одного берега реки на всю протяженность Крым-города и Китай-города, — прямо до другого берега. В течение целых шести недель мы находились в плотной осаде. Выбраться от нас можно было, разве что обернувшись птицей, а человеку, будь он хитер, как лис, хода не было ни к нам, ни обратно»[245]. Учитывая, что длившаяся «шесть

недель» осада была снята войском гетмана Яна Сапеги 5 (15) августа 1611 года, можно рассчитать, что полки ополчения овладели стенами Белого города около 24 июня (4 июля) 1611 года.

Особенно серьезной была потеря Новодевичьего монастыря. По свидетельству Иосифа Будилы, в нем поляками был создан опорный пункт, «чтобы оберегать дорогу в Можайск и в Польшу»[246], — ведь по этой дороге ждали помощь от литовского гетмана Яна Карла Ходкевича, назначенного руководить московскими делами после отъезда короля Сигизмунда III из-под Смоленска в Речь Посполитую[247]. Сами осажденные уже не надеялись на приход гетмана, а русские люди в открытую издевались над их безвыходным положением: «Идет к вам литовский гетман с большими силами: а всего-то идет с ним пятьсот человек». Они уже знали о пане Ходкевиче, который был где-то далеко. И добавляли: «Больше и не ждите — это вся литва вышла, уже и конец Польше идет, а припасов вам не везет; одни кишки остались». «Так они говорили потому, что в том войске были ротмистры пан Кишка и пан Конецпольский», — объясняет Мархоцкий[248]. В этот момент высших успехов Первого ополчения, напомню, и был принят Приговор 30 июня 1611 года. Позднее князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой получит грамоту на Вагу, в которой будет сказано о его заслугах: «…болшой каменной Царев-город все ворота и башни взятьем взяли. А после того Новый Девичь монастырь»[249].

Выручил московский гарнизон гетман Ян Сапега, но это стало последним его «подвигом» в русских делах. Сапежинцы и пахолики (солдаты), уходившие из столицы для сбора запасов 4 (14) июля, вернулись из похода под Переславль-Залесский и Александрову слободу спустя месяц. 27 июля (7 августа) в войске Сапеги получили известие о том, что ляпуновскому ополчению удалось захватить все укрепления Белого города и затворить ворота, а еще несколько дней спустя, 1(11) августа, пришло известие о гибели Ляпунова. Сапежинцы немедленно поспешили обратно в Москву Как писал архиепископ Арсений Елассонский, дезорганизованное смертью главного воеводы войско не сумело оказать им сопротивления: «…так как русские стражи по случаю волнения и смерти Прокопия не находились в воротах, воины пана Яна Сапеги неожиданно вошли внутрь [города] через Никитские ворота. И после этого поляки изнутри и пан Ян Сапега извне со всем польским войском отворили западные ворота Москвы; и поляки, освобожденные из заключения, ожидающие помощи и войска от великого короля день на день, входили в Москву и выходили»[250].

Из записок офицеров польского гарнизона выясняется следующая картина: первоначальный штурм стен и башен Белого города сапежинцам не удался, но они захватили один из острожков в Замоскворечье и переправились к Кремлю по Москве-реке. Дальнейшее уже стало делом случая, так как, вопреки «мнению пана Госевского», которому «казалось невероятным», что удастся вернуть ворота Белого города, осажденные успешно штурмовали Водяную башню, а потом бои, как пожар в ветреный день, стали перекидываться к Арбатским, Никитским и Тверским воротам. С защитниками Арбатских ворот польско-литовские хоругви не могли справиться целый день и, чтобы не останавливать наступление, оставили их в своем тылу. Никитские ворота им удалось отвоевать, а вот Тверские ворота воевода Мирон Вельяминов, получивший подкрепление от полков, стоявших за Неглинной, смог удержать. Итогом похода войска Сапеги к Москве стало то, что осада города опять ослабла, осажденные получили продовольствие, а со стороны Арбатских и Никитских ворот снова можно было въезжать и выезжать из Кремля.

8(18) августа Иван Заруцкий и другие бояре начали переговоры с Сапегой о том, чтобы вернуться к заключению договора с королем Сигизмундом III.[251] Хотя переговорам этим не придавалось большого значения, сапежинцы, действовавшие совместно с Александром Госевским, оставались настороже. Войско Яна Сапеги встало лагерем близ Новодевичьего монастыря на Москве-реке (сам монастырь был в руках ополченцев, но теперь это уже было не столь важно). Большего гетману Сапеге достигнуть не удалось; к тому же он заболел и через две недели, в ночь с 4 (14) на 5 (15) сентября, умер в Кремле, в бывших палатах царя Василия Шуйского.

На подмогу осажденному войску пришел новый гетман, Ян Карл Ходкевич. Появившись под Москвой десять дней спустя после смерти Яна Сапеги, он вошел в Кремль. В этот момент полкам Первого ополчения удалось зажечь Китай-город, для чего его специально «обстреляли калеными ядрами»[252]. Архиепископ Арсений Елассонский писал: «Едва они вошли внутрь Москвы, как в течение трех дней сгорела срединная крепость, так как русские извне бросили в крепость огненный снаряд и, при сильном ветре, был сожжен весь центральный город». В огне погибли многие шляхтичи, вместе с ними пропали всё их оружие, лошади и награбленное имущество: «Оставшиеся поляки от великих злоключений своих и скорби и от громадного пожара бежали из домов крепости, чтобы не сгореть»[253]. Земля действительно горела в Москве под войском гетмана. «Новый летописец»

упоминает серьезные бои в «первой гетманской приход». Войско Ходкевича наступало «от Ондроньева монастыря», но подмосковные «таборы» устояли[254]. О серьезных потерях в войске «полководца Карла», побежденного «дважды и трижды в большом сражении», писал архиепископ Арсений Елассонский.

Вмешательство Ходкевича ни к чему хорошему не привело. Он еще на подходе к Москве зачем-то завернул посольство столичной Боярской думы во главе с боярином князем Юрием Никитичем Трубецким, отправленное на варшавский сейм. Гетману не понравилось, что посольство держалось прежних договоренностей и просило дать «на свое государство» королевича, а не самого короля Сигизмунда III. Однако заставить бояр изменить цели посольства он тоже не смог. Не решил гетман Ходкевич и самой насущной проблемы обеспечения польско-литовского войска. Он только санкционировал разграбление московской казны, из которой выплатил залог принятым им на королевскую службу сапежинцам — короны и посох московских царей. В середине октября бывшие сапежинцы, вставшие под знамена нового гетмана, поехали на зимние квартиры в Гавриловскую волость под Суздалем. За ними последовал и сам Ходкевич, выбравший для постоя Ро-гачев (по дороге на Дмитров) [255].

К тому времени возникла прямая угроза Троицесергиеву монастырю. Возвратившееся в Москву войско Сапеги, уже без своего гетмана, снова было готово повторить попытку штурма Троицы. Для спасения монастыря троицкие власти во главе с архимандритом Дионисием обратились в подмосковные полки, чтобы им прислали воеводу для защиты обители. Отписка об этом сохранилась, она давно была опубликована в «Сборнике князя Хилкова» в 1879 году. Однако при публикации ее неверно датировали 1609 годом — временем первой осады Троицесергиева монастыря, хотя из текста документа видно, что отписка относится именно ко времени стояния под Москвой полков земского ополчения. Монастырские власти — архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын — обращались к «Великие Росии державы Московского государьства боярину и воеводе государю князю Дмитрею Тимофеевичю» (пропуск имени казачьего предводителя более чем красноречив). Именно у Трубецкого они просили прислать в монастырь «для нынешнево времени» Андрея Палицына с воеводой Наумом Плещеевым[256]. Более точно датировать это обращение помогают документы, сохранявшиеся в архиве Палицы-ных, обнаруженные и опубликованные в «Археографическом ежегоднике за 1989 год» Светланой Петровной Мордовиной и Александром Лазаревичем

Станиславским. Им посчастливилось разыскать указную грамоту от воевод земского ополчения Дмитрия Трубецкого и Ивана Заруцкого с благодарностью воеводе Андрею Федоровичу Палицыну за земскую службу Грамота датирована 25 октября 1611 года. В ней признавались заслуги воеводы, которому по приговору троицких властей «архимарита Дионисья и всего собору», а также целого воинского совета из оказавшихся в монастыре боярина князя Андрея Петровича Куракина, думного дворянина Василия Борисовича Сукина, «дворян и детей боярских, и атаманов, и казаков, и всяких ратных людей» поручили защиту Троицы. В грамоте из подмосковных полков так сказано о заслугах воеводы: «…ты, Ондрей, ходишь под литовскими людми из Тро-ецкова монастыря, а с тобою дворяне и дети боярские, и троецкие слуги, и стрелцы, и Божиею милостию литовских людей побиваете и живых многих емлете панов шляхтичей и пахолков… И ты б, господине, и вперед Богу и всей земле служил так же, как начал, так и совершал…»[257]

Следовательно, в этот момент в Троицесергиевом монастыре и не думали о каких-то других спасителях, кроме тех главных воевод Первого ополчения, которые направили к ним Андрея Палицына из-под Москвы. Впоследствии тот продолжал свою земскую службу и зимой 1611/12 года оказался в Переславле-Залесском вместо покинувших город прежних воевод. Палицыну удалось наладить оборону города и сохранить контроль Первого ополчения над разными дорогами, шедшими от Переславля-Залесского в другие стратегически важные города Замосковного края — Юрьев-Польский, Владимир, Ростов, Ярославль и Кострому.

«Сопегин приход», а затем «Хоткеевич приход» стали теми вехами, которые заставили Первое ополчение изменить свои планы. Первую волну разъездов из ополчения служилых людей действительно можно отнести к концу июля — началу августа 1611 года. Только не всё объяснялось гибелью Прокофия Ляпунова; сказалась и военная неудача подмосковных полков, потерявших захваченные ранее башни Белого города. Земскому правительству под Москвой не просто приходилось удерживать свою власть. В подмосковных полках Трубецкого и Заруцкого первоочередной задачей стал поиск денег для уплаты жалованья ратным людям — дворянам и казакам. В документах ополчения рассказывалось о том, что к походным шатрам воевод неоднократно приходили голодные, страдающие от холода служилые люди, казаки и стрельцы. Они отказывались нести сторожевую службу, угрожали вовсе разойтись из-под Москвы, а многие так и делали. Чтобы удержать войско, из полков

рассылали грамоты по городам с просьбой запросных денег. С.Б. Веселовский, опубликовавший документы и материалы подмосковных ополчений, писал, что «чуть не в каждой грамоте, посланной от воевод, мы читаем одну и ту же жалобу: ратные люди бьют боярам челом о жалованье "безпрестанно", а дать им нечего, и они от голода (можно добавить и от холода. — *В. К.)* хотят от Москвы идти прочь»; «А ратные люди приходят к бояром с великим шумом, что озябли и гол одни, и на сторожу не идут, а дать им нечево»[258]. Поэтому «Великие Росийской державы Московского государства бояре», как стали называть под Москвой князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и Ивана Мартыновича Заруцкого, думали не столько об организации осады, сколько о решении насущных правительственных задач, о сохранении войска. Они должны были обеспечить участников ополчения необходимым денежным жалованьем и поместными дачами. Ополчение рассылало по городам своих воевод, давая им наказы собирать окладные и неокладные доходы в таможне, на торгах, перевозах, мельницах, строить самим «кабаки» для торговли «питьем» и как можно скорее присылать собранные на местах деньги, «а дати их служилым людям на жалованье для земские подмосковные службы».

Список полка князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, составленный 2 ноября 1611 года, беспристрастно зафиксировал службу в «распавшемся» ополчении как членов Государева двора — стольников, стряпчих, московских дворян, жильцов, так и уездных дворян по крайней мере из двенадцати городов. Кто-то из них был записан на службе «без съезду», как стольник Тимофей Васильевич Измайлов (брат окольничего Артемия Измайлова), воеводы отдельных отрядов Мирон Андреевич Вельяминов и Исак Семенович Погожий (Измайловы и Вельяминов скрепили своими подписями Приговор 30 июня 1611 года). Другие продолжали приезжать «с Москвы» или «из деревень» еще в августе и в сентябре, то есть после гибели Прокофия Ляпунова. В ополчении продолжал служить Иван Петрович Шереметев, подписавший Приговор 30 июня 1611 года (во Втором ополчении его считали человеком, близким к князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому, и едва ли не виновником расправы с Ляпуновым)[259]. Более того, в сентябре в полк князя Дмитрия Трубецкого приехал из Брянска еще и брат Ивана Петровича стольник Василий Петрович Шереметев. К ноябрю 1611 года в полках ополчения оказались представители московских дворянских родов Змеевых, Измайловых, Исленьевых, Колтовских, Коробьиных, Одадуровых, Охотиных-Плещеевых, князей Приимковых-Ростовских, Пушкиных, Самариных. Многие

участники боев ополчения под Москвой продолжали получать придачи четвертного жалованья «при боярех», в том числе служилые люди из замосковных, понизовых, приокских и рязанских городов[260]. Основанием для этого могла быть, согласно Приговору 30 июня 1611 года, только запись в послужных списках, которых просто не было бы, если бы ополчение не продолжало вести войну с польско-литовским гарнизоном в Москве.

Николай Петрович Долинин составил список из 45 городов, признававших власть подмосковного боярского правительства к январю 1612 года. В него вошли ближайшие к Москве Серпухов, Зарайск, Коломна (она почему-то пропущена в списке Н. П. Долинина, хотя хорошо известно о присутствии там двора Марины Мнишек). Продолжал поддерживать полки Первого ополчения Замосковный край — Владимир, Ярославль, Кострома, Нижний Новгород, Тверь, а также Вологда и Поморские города (Тотьма, Соль Вычегодская, Чаронда). Вполне благоприятно относились к подмосковным «боярам» в землях Строгановых. Грамотам и указам, рассылавшимся из подмосковного ополчения, подчинялись в Украинных, Рязанских и Заоцких городах (Тула, Орел, Кромы, Переславль-Рязанский, Калуга) и даже в мятежном Путивле в Севере кой земле. На северо-западе в союзе с «боярским» правительством князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и Ивана Заруцкого действовали Торопец, Великие Луки, Невель и Псков[261].

Власть бояр и воевод Первого ополчения князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и Ивана Мартыновича Заруцкого удерживалась по инерции до марта 1612 года. Тогда произошло событие, окончательно отделившее дворянскую или «земскую» часть войска от казаков, вернувшихся к старой идее самозванства. Под Москвой учинили присягу Лжедмитрию III — «Псковскому вору» Сидорке, принятому сначала ивангородцами и жителями Яма, Копорья, Гдова, а впоследствии и псковичами. В годы Смуты не всегда срабатывала защита здравого смысла, подсказывавшего, что никакого Дмитрия больше нет на свете. Для всей псковско-новгородской округи имели значение другие обстоятельства: столкновение интересов шведов и польско-литовских сил полковника Александра Лисовского вокруг Пскова, попытки земских воевод привлечь на свою сторону города, сопротивлявшиеся шведской оккупации. Лжедмитрий III, разыгрывавший «патриотическую» карту, показался удобной кандидатурой для продолжения противостояния с иноземцами[262]. Однако многие в Русском государстве уже поняли, что поддержка самозванцев заводит в тупик, и не

захотели становиться участниками фарса. Все, кого еще удерживало в полках чувство долга перед «землею», теперь могли отказаться от продолжения подмосковной службы и выступить против казачьих планов поддержки «Псковского вора». Тем более что к этому времени уже началось земское движение в Нижнем Новгороде. Показательна судьба воеводы Андрея Федоровича Палицына, геройски проявившего себя в защите Троицесергиева монастыря осенью 1611 года. Он обратился к организаторам нового земского движения князю Дмитрию Пожарскому, чтобы быть с ним «одномышленно», как только стало известно о присяге казаков Лжедмитрию III.[263]

В общем земском деле произошел новый раскол, вызванный действиями казаков и слабостью подмосковного правительства. Объединившиеся под Москвой служилые люди не смогли решить военной задачи освобождения Москвы от «литвы», не достигнуты были ими и общие цели земского движения. Впрочем, система управления, созданная в Первом ополчении, по-прежнему позволяла контролировать значительную часть городов и уездов Русского государства. В этот момент и возникло нижегородское движение Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского, перехватившее инициативу земского ополчения у подмосковных «таборов». После перехода нижегородского ополчения в Ярославль можно говорить о его открытом противостоянии с казаками. Роль же князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого оставалась неопределенной. Он разделял с Иваном Заруцким ответственность за всё, что делалось под Москвой, хотя в открытом противостоянии с новой земской силой, тем более в заговоре против князя Дмитрия Пожарского не участвовал. Конечно, дружественной позицию князя Дмитрия Трубецкого тоже назвать нельзя. Преобладающим оказалось стремление казаков Ивана Заруцкого помешать новому земскому движению. Князь Трубецкой, видимо, не имел самостоятельного выбора. Для создававшегося же сначала в Нижнем Новгороде, а потом в Ярославле ополчения был важен и обычный нейтралитет одного из главных воевод Первого ополчения.

Князь Дмитрий Тимофеевич настолько привык не проявлять своей позиции под Москвой, что когда ополчение Кузьмы Минина и князя Пожарского появилось у стен столицы, он не захотел (или опять не смог) объединиться с ним. Только угроза поражения от гетмана Ходкевича заставила подмосковные полки Трубецкого и земские полки Пожарского действовать вместе против общего врага. Дальнейшее освобождение Москвы связано уже с совместными усилиями двух ополчений (подробнее об этих событиях будет рассказано в очерке о князе Дмитрии Пожарском).

На избирательном земском соборе 1613 года князь Дмитрий Трубецкой будет рассматриваться как один из претендентов на царство и соперник Михаила Романова. Но это уже не только его личная история.

* * *

Биография боярина князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого после совершения главного дела его жизни оказалась чередой триумфов и поражений. О его роли освободителя Москвы сказано в «Утвержденной грамоте» об избрании на царство Михаила Романова; боярский чин, полученный им еще от Тушинского вора, был признан новой властью, а сам князь Трубецкой оказался на почетном месте во время торжества царского венчания. Однако о том времени, когда он стоял во главе временного земского правительства, получал грамоты на доходы с Ваги и претендовал на избрание в цари, тоже никто не забыл. Под разными предлогами опытные бояре-царедворцы, прощенные «землей» и вернувшиеся в столицу, стремились сосредоточить управление при молодом царе Михаиле Романове в своих руках. Князь Дмитрий Трубецкой с его земскими заслугами представлял угрозу для тех, кто еще недавно поставил страну на грань национальной катастрофы. В Думу он, разумеется, был допущен; боярский чин принадлежал князьям Трубецким уже по одному их происхождению. В то же время еще один боярин князь Трубецкой — князь Юрий Никитич, некогда посланный боярами договариваться о кандидатуре королевича на московское царство, — оказался на службе у короля Владислава в Речи Посполитой. С ним московские бояре впоследствии спорили и страшно ругались. Показательно письмо князя Юрия Никитича Трубецкого, относящееся ко временам похода королевича Владислава на Москву в 1618 году. Оно адресовано «прежде бывшим православным хрестианом, ноне ж крестопреступником у великого господаря царя и великого князя Владислава Жыгимонтовича всея Руси изменником». Продолжавший держаться присяги королевичу князь Юрий Трубецкой вопрошал московских думцев, служивших, по его словам, «неприродным государям» (то есть царю Михаилу Федоровичу): «Положите на розсудок свой: хто на сем свете глупее вас и изменнее?» Вспоминал он и о временах «междуцарствия», впрочем, умалчивая о роли своего двоюродного брата князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и упрекая бояр, что они, находясь под Москвою, «колько себе господарей обрали: королевича швецкого, Иваша Заруцкого, Проню Ляпунова, Митю Пожарского, Матюшу Дьякова и того детину, кой назывался сыном Ростригиным». В этом же ряду шел и выбранный из бояр царь: «…а потом выбрали меж себя своего брата Михаила Романова». Бояре отвечали князю

Юрию Трубецкому и другим оказавшимся в Литве перебежчикам в стиле известных посланий Ивана Грозного, с гневом именуя Юрия Трубецкого «собакой и бешеным перескоком»[264].

Боярину князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому было нелегко находиться при дворе царя Михаила Федоровича. Было время, когда от его воли зависела жизнь многих людей, оказавшихся в московской осаде. Кто-то из челобитчиков выпрашивал у него грамоты на поместья и вотчины, просил вознаградить земские заслуги и свое участие в боях ополчений. Оставались и те, кто сначала поддерживал его царские притязания, а потом присоединился к выбору Михаила Романова. Двусмысленное положение князя Дмитрия Трубецкого при дворе нового царя понимали многие, даже люди совсем далекие от участия в придворных интригах. Поэтому вскоре после царского венчания, осенью 1613 года, Трубецкому была поручена внешне почетная, но, как оказалось, безнадежная служба. Он должен был отправиться в военный поход, чтобы отвоевать обратно от шведов Великий Новгород. В разрядной книге о порученном ему деле говорилось: «промышлять над неметцкими людьми, чтоб Великий Новгород от немец очистить»[265]. При этом у князя Дмитрия Тимофеевича не имелось достаточного количества войска и никакого обеспечения кормами, которые он должен был взять с разоренного населения на пути из Москвы в Новгород. В довершение ко всему началось восстание казаков, которых тщетно понуждали отказаться от «воровства» и идти на службу к Трубецкому.

В расспросных речах стольника Ивана Ивановича Чепчугова и его товарищей, попавших в шведский плен в Новгороде в 1614 году, говорилось об обстоятельствах назначения боярина князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого: «…бояре и думские советники в Москве, бывшие прежде заодно с поляками и сидевшие вместе с ними в осаде в Москве, послали этого Трубецкого из Москвы больше из ненависти, чем желая сделать хорошее дело, потому что им надоело, что он получил большое уважение у всего народа за осаду и взятие Москвы; поэтому они искали случая и нашли послать его с небольшим войском в такие места, где он мог бы осрамиться»[266]. В итоге сначала князь Дмитрий Тимофеевич долго простоял, собирая войско, в Торжке, а потом выступил к Новгороду, где около Бронниц потерпел тяжелое поражение от шведского войска. Сначала даже не знали, выжил ли главный воевода, вынужденный отходить от Бронниц через леса и болота. Так и получилось, что «боярин Трубецкой потерял свое войско»[267], а вместе с этим — и ореол успешного освободителя Московского государства. Уже в конце 1614 года его имя с первых

мест в перечнях бояр опустилось на десятое[268]. Подстерегли его и другие, личные потери. Одна за другой умерли его мать, княгиня Ксения Семеновна, в иночестве Капитолина, — 10 июля 1615 года, и первая жена, княгиня Мария Борисовна, — 6 августа 1617 года[269].

Как бы ни складывалась служба боярина князя Дмитрия Трубецкого, полностью отрицать его прежние заслуги никто не мог. Показательно, что когда в июне 1619 года из польского плена возвращался царский отец — будущий патриарх Филарет, князь Дмитрий Трубецкой участвовал во всех торжественных встречах на самом почетном месте. Это был короткий и радостный для всех период времени, когда казалось, что с приездом Филарета будут забыты все прежние счеты по поводу того, кто и как служил или не служил Тушинскому вору и «Литве». Встречу митрополита Филарета на подъезде к Москве доверили тем боярам, кто больше всего сделал для освобождения Москвы и участвовал в царском избрании в 1613 году. В воспоминание о временах прежнего общего земского совета было организовано представительство как Думы, так и освященного собора. Первым митрополита Филарета встретили в Можайске князь Дмитрий Михайлович Пожарский и рязанский архиепископ Иосиф. Можно было бы подумать, что право самым первым встретить царского отца было предоставлено князю Пожарскому в виду исключительности его заслуг перед Московским государством. Но так было лишь отчасти, потому что наиболее почетной была не первая встреча на пути к Москве, а последняя — перед въездом в столицу. Следующими митрополита Филарета в Вязьме встречали известный воевода казанской рати и член ярославского «Совета всея земли» боярин Василий Петрович Морозов и вологодский архиепископ Макарий. А в Звенигороде дошла очередь до патриаршего местоблюстителя крутицкого митрополита Ионы и князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого. «Все бояре» встречали царского отца, как свидетельствовал «Новый летописец», «на последнем стану к Москве»[270].

Однако новая расстановка сил при дворе с возвращением и интронизацией патриарха Филарета оказалась в итоге не в пользу князя Дмитрия Тимофеевича. Наверху по-прежнему оставались те, кто входил в ближний родственный круг Романовых (хотя Филарет и устранил от власти Салтыковых и некоторых других, кто злоупотребил доверием юного царя). Ни разу князь Дмитрий Трубецкой не назначался в судьи какого-либо приказа. Верным признаком неустойчивого положения того или иного человека при дворе всегда были проигранные им местнические споры. В 1622 году у князя Трубецкого произошел спор при «сказывании»

боярства Семену Васильевичу Головину — потомку рода московских казначеев. Но катастрофой для его карьеры стало местническое дело, возникшее во время первой, несчастливой свадьбы царя Михаила Романова с княгиней Марией Долгорукой в 1624 году. Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой спорил о местах с младшим братом прежнего царя Василия Шуйского — князем Иваном Ивановичем Шуйским. Итогом стало обидное удаление Трубецкого из Москвы на службу первым сибирским воеводой в Тобольск. Там он и умер 24 июня 1625 года, совсем еще не старым человеком. Тело князя было перевезено из Сибири его вдовой княгиней Анной Васильевной и похоронено в родовом некрополе князей Трубецких в Троицесергиевой лавре.

# *Год 7120-й.*
# НИЖЕГОРОДСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ

# ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ

В новолетие 1 сентября 1611 года во многих концах страны уже знали о падении Смоленска и Новгорода и о распре воевод под Москвой, закончившейся гибелью Прокофия Ляпунова и, как говорили, исходом после этого чуть ли не половины земского войска. Большинству казалось, что остался только один выход: смириться и подчиниться неизбежному приходу в столицу нового правителя — королевича Владислава Сигизмундовича, которому уже присягнули на верность. Его по-прежнему поддерживала Боярская дума в Москве, добивавшаяся от короля Сигизмунда III подтверждения, что тот непременно даст своего сына на пустующий царский трон. Наконец желаемый королевский лист был получен. Надеясь, что на этот раз все обещания будут исполнены, бояре из Москвы писали в подмосковные полки воеводам князю Дмитрию Трубецкому и Ивану Заруцкому. От себя же они выслали в Речь Посполитую, на ближайший сейм, посольство во главе с боярином князем Юрием Никитичем Трубецким. Король Сигизмунд III тем временем наслаждался триумфальным возвращением в Вильно и Варшаву, где состоялось прославление смоленского победителя, пленившего русского царя Василия Шуйского.

Положение в Москве тоже благоприятствовало польско-литовским войскам, давно превратившимся из гостей в хозяев столицы Русского государства. Удачно для себя расправившись с Прокофием Ляпуновым, Александр Госевский и его войско одновременно решили в Москве главную стратегическую задачу, разорвав едва не сомкнувшееся кольцо блокады. В начале августа в столицу вошло с запасами войско гетмана Яна Сапеги, буквально растерзавшее московскую казну и наконец договорившееся с Госевским о разделе добычи. Не пощадили даже золотую статую Христа, когда-то изготовленную немецкими мастерами для грандиозного храма, строившегося Борисом Годуновым в Кремле. Фигуры апостолов еще раньше распилил (в прямом смысле) царь Василий Шуйский, отдавший годуновское золото на переплавку и выдачу жалованья шведским наемникам, воевавшим вместе с князем Михаилом Скопиным-Шуйским. А статуей Христа поживились «защитники веры» из войска Сапеги… Царские короны, хранившиеся в казне, достались отнюдь не королевичу Владиславу, а его нетерпеливым и жадным до сокровищ царской казны подданным из Польши и Литвы[271]. Другие же «подданные» — из Московского государства — могли лишь бессильно смотреть на то, что происходит у них на глазах.

Но так было не со всеми…

После гибели в полках воеводы Прокофия Ляпунова произошел раскол внутри земских сил. Именно с этими событиями в первую очередь связана история нижегородского движения Кузьмы Минина и князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Однако начальные обстоятельства создания ополчения в Нижнем Новгороде почти неизвестны. Город услышал призыв о создании нового движения от Кузьмы Минина, а сам Кузьма был вдохновлен призывами из Троицесергиева монастыря — такой обычно рисуется картина возникновения ополчения под влиянием прежде всего «Сказания» Авраамия Палицына. Пересмотр распространенных мнений начался с книги Ивана Егоровича Забелина о Минине и Пожарском. Историк считал, что троицкая грамота 6 октября 1611 года достигла Нижнего Новгорода тогда, когда новое земское движение там уже существовало. Новые аргументы добавили Сергей Федорович Платонов и его ученик Павел Григорьевич Любомиров, автор остающейся лучшей и до сих пор самой полной истории нижегородского ополчения[272]. Оказалось, что «программа», предлагавшаяся троицкими грамотами, никак не соответствовала первоначальным целям движения; власти Троицесергиева монастыря продолжали поддерживать подмосковные полки, в то время как в Нижнем Новгороде противопоставляли себя казакам[273]. Содержание троицких писем явно обусловливалось стремлением помочь воеводам подмосковного ополчения, которым Троицесергиев монастырь был обязан своей защитой.

На нижегородцев, несомненно, оказали влияние новые грамоты патриарха Гермогена. Во второй половине августа 1611 года, после того как войско гетмана Сапеги открыло часть ворот и башен Белого города для проезда, к патриарху сумели пробраться его доверенные люди из Нижнего Новгорода — Родион Моисеев и Ратман Пахомов. С ними патриарх Гермоген передал грамоту, ставшую политическим завещанием «Второго Златоуста», как называли его тогда. Патриарх писал, что в полках Первого ополчения после смерти Прокофия Ляпунова власть захватили казаки, которые обсуждают возможность возведения на престол «проклятого паньина Маринкина сына» (сына Марины Мнишек и самозванца Лжедмитрия II). Патриарх проклинал «Воренка» и всех, кто его поддерживал, призывал нижегородцев не допустить, чтобы в Москве воцарился казачий царь. Со всею страстною силой одаренного проповедника он твердил об опасности, грозившей Московскому государству: «что отнюдь Маринкин на царьство ненадобен: проклят от святого собору и от нас». Через Нижний Новгород он стремился побудить все земские города, принявшие

участие в создании Первого ополчения, чтобы они увещевали казаков удержаться от такой ошибки. Патриарх еще не отказывал полностью в поддержке подмосковным полкам, но уже разделял их на «бояр» и «казацкое войско», «атаманье» (введенное им словцо). Он просил церковные власти отовсюду — из Казани, из Вологды, из Рязани, — «чтоб в полки также писали к бояром учителную грамоту, чтоб уняли грабеж, корчму, блядню, и имели б чистоту душевную и братство и промышляли б, как реклись, души свои положити за Пречистыя дом и за чудотворцов и за веру»[274].

Для тех, кто услышал призыв патриарха, это стало основанием для действий по объединению расколовшихся земских сил. Проповедь патриарха Гермогена достигла также Казани. Там в полном соответствии с патриаршей грамотой «сослалися с Нижним Новым городом, и со всеми городы Поволскими, и с горними и с луговыми татары, и с луговою черемисою» и не позднее 16 сентября 1611 года договорились, чтобы «быти всем в совете и в соединенье, и за Московское и за Казанское государство стояти». Важный пункт этого договора состоял в противодействии казакам подмосковных «таборов», если они сами начнут выбирать царя: «…а будет казаки учнут выбирати на Московское государство государя, по своему изволенью одни, не сослався со всей землею, и нам бы того государя на государство не хотети»[275].

Однако это еще не было то движение, которое мы связываем с именами князя Дмитрия Михайловича Пожарского и Кузьмы Минина. Напротив, в Казани в то время произошел крайний случай сепаратизма. Казанские полки, напомню, пришли в июле 1611 года под Москву Однако после гибели Прокофия Ляпунова в Казани отказались признавать боярское правительство, и дело было не в высокой сознательности казанских властей, вступившихся за дворян, «притесняемых» казаками, как можно было бы подумать. До недавнего времени были известны лишь неясные оговорки «Нового летописца» о том, что казанскому дьяку Никанору Шульгину «хотящу в Казани властвовати». Однако только после находки комплекса документов о «деле Шульгина»[276] выясняются многие детали беспримерного даже для своего времени самоуправства этого дьяка, «присвоившего» себе в 1611—1612 годах Казанское государство[277].

Договоры между поволжскими городами, Казанью и Нижним Новгородом свидетельствуют о их готовности к защите интересов всей земли от казачьего произвола и продолжения самозванщины. Но нельзя было не считаться с тем, что казаки продолжали осаждать под Москвой сидевших в столице врагов

Русского государства. Поэтому от деклараций о «совете» и «соединенье» до каких-то общих действий было еще далеко. За годы Смутного времени люди приучились жить самостоятельно и по-своему распоряжаться в своих городах и уездах. Например, денежные доходы, которые требовало присылать ополчение, шли в раздачу дворянам, стрельцам, пушкарям и казакам на местах. Грамоту на поместье, выданную от очередного правительства, крестьяне могли просто не послушать, посчитав ее «воровской».

Показательна история служилых «городов» Смоленска, Вязьмы, Дорогобужа и Белой, которым пришлось первыми столкнуться с королевским вторжением и выбирать, кому служить дальше — королю Сигизмунду III, отобравшему их поместья, или «земле». Историк Борис Николаевич Флоря показал, что в мае 1611 года случилось целое восстание на всей западной окраине Русского государства. Во главе его встал пожалованный «при Литве» в бояре Иван Никитич Салтыков, повернувший оружие против короля Сигизмунда III.[278] Кто-то из дворян и детей боярских западных уездов пришел воевать под Москву, другие оказались в Калуге и Брянске, где сидели воеводы Первого ополчения. Дворяне и дети боярские этих уездов, контролировавшихся королевскими войсками, получили от подмосковных «бояр» поместья из дворцовых владений в возмещение потерянных поместий и вотчин. Однако когда смоляне попытались закрепить за собою дворцовые земли в Арзамасском, Курмышском и Алатырском уездах, а также в Ярополческой волости (Вязники) во Владимирском уезде, то встретили не поддержку уездной администрации, а мужиков с топорами. «Повесть о победах Московского государства», написанная одним из таких смолян, живописала их битву с арзамасцами, которые «неразумнии тогда явившеся, не разумеша помощи Божия и Московскому государству очищения, совету всей земли не послушаша и смольяном кормов и запасов дати не восхотеша, и начаша противитися и не возмогоша». Автор «Повести…» пишет о победе смолян над арзамасцами, побитыми «за непокорство» и «два острожка у них взяли». Однако арзамасские дворяне, наоборот, считали, что мужикам, соединившимся со стрельцами, удалось отстоять свои земли от новоявленных помещиков: «и бои с мужиками были, только мужиков не осилели»[279]. По тем же причинам не удалось исполнить распоряжение об испомещении дьяка Афанасия Евдокимова в Курмышском уезде: крестьяне отговаривались, «что за помещики-де мы не бывали ни за кем; сами-де мы земскую служим службу»[280].

Поход около двух тысяч смолян в арзамасских местах был

заметным событием во всем Поволжье. Достаточно вспомнить, какую серьезную угрозу представлял находившийся в «воровстве» Арзамас в 1608—1609 годах для остававшейся на стороне царя Василия Шуйского нижегородской рати под руководством воеводы Андрея Алябьева[281]. В июле 1611 года воеводой в Арзамасе был Иван Иванович Биркин. Он участвовал в организации первого земского движения и попал в нижегородские земли с посольством из Переславля-Рязанского. Потом с конца августа — начала сентября грамоты из полков Первого ополчения в Арзамас адресуются князю Ивану Семеновичу Путятину. Не позднее ноября 1611 года первым арзамасским воеводой был назначен известный сторонник Лжедмитрия II Григорий Андреевич Очин-Плещеев (князь Иван Путятин остался при нем вторым воеводой)[282]. Сопоставляя эти факты смены арзамасских воевод с известием «Нового летописца» о том, что после отпуска смолян, дорогобужан и вязьмичей из-под Москвы для испомещения в Арзамасе и Вязниках «Заруцкой писа, не повеле их слушати», можно считать, что вожди Первого ополчения действительно оттолкнули от себя дворян из разоренных уездов.

Соперничество двух земских центров власти становилось неизбежным. Но не стоит забывать о том, что в Нижнем Новгороде сидели воеводы, лояльные властям ополчения. Правда, подмосковное правительство больше не могло заставить нижегородцев отсылать деньги под Москву; не стала помогать ополчению и соседняя с Нижним Новгородом Балахна, которую без ее согласия отдали «в корм» московским стрельцам. Оттуда просто не привезли никаких запасов в «таборы». Дело было не в том, что нижегородцы по-прежнему, как во времена царя Василия Шуйского, хотели оказаться в стороне. Но у них появилось законное стремление к тому, чтобы их порывом к восстановлению порядка больше никто не воспользовался. Так следует воспринять прозвучавший призыв Кузьмы Минина о жертве на земское дело, разрушавшееся от казачьих бесчинств. Не мог не думать об этом, принимая на себя руководство нижегородским ополчением, и князь Дмитрий Пожарский.

История нижегородского ополчения Минина и Пожарского, казалось бы, настолько хорошо изучена, что остается лишь напомнить общеизвестные факты. Кому не знакомы эти хрестоматийные картины с обращением Кузьмы Минина сначала к нижегородцам, а потом к князю Пожарскому, еще не до конца оправившемуся от ран, но благородно согласившемуся возглавить собранное ополчение ради дела освобождения Москвы?! Между тем привычное для нас сочетание имен Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского (именно в таком порядке) отражает целую

концепцию «народного» восприятия тех событий, хотя для современников, конечно, более значимым было имя стольника и стародубского князя во главе движения. Князь Дмитрий Пожарский умел «не заноситься». Он не только доверился Кузьме Минину, но и в дальнейшем следил, сколько мог, чтобы заметная роль и значение нижегородского земского старосты не подвергались забвению. Но после успеха нижегородского движения и освобождения Москвы нашлось немало тех, кто хотел бы приписать себе исторические лавры. Так, настойчиво утверждал версию о решающем влиянии на нижегородцев призывов из Троицесергиева монастыря первый историк Смуты келарь Авраамий Палицын. Сквозь всё его «Сказание» проходит идея о том, что только мудрые троицкие власти смогли добиться нужного результата. Не остановился он даже перед упреками освободителям Москвы в том, что ополчение во главе с князем Дмитрием Пожарским зря простояло несколько месяцев в 1612 году в Ярославле, предаваясь там больше пьянству, чем сборам в поход под столицу.

Один из главных вопросов, на которые историческая наука еще не сумела дать удовлетворительный ответ, состоит в том, каковы были цели самого князя Дмитрия Михайловича, когда он согласился возглавить нижегородское движение? Обычно считается, что в Нижнем Новгороде создавали совершенно новое ополчение, которое впоследствии победоносно проследовало маршем от Нижнего на Москву. Но так ли это было на самом деле? Каково было князю Пожарскому, самому принимавшему участие в боях в Москве при подходе Первого ополчения к столице, выступить против остававшихся под Москвой воевод и «бояр Московского государства». Не означало бы это предательство земского дела с его стороны? В Нижнем Новгороде правили воеводы, присланные из подмосковных полков, но к ним Кузьма Минин обращаться не стал. Вместо этого нижегородское посольство отправилось в Мугреево, где князь Дмитрий Пожарский лечился от ран[283] (в этой связи называется еще Нижний Ландех). Включение в это посольство, помимо главы посада Нижнего Новгорода Кузьмы Минина, авторитетного представителя церковных властей архимандрита Нижегородского Печерского монастыря Феодосия[284] показывает, что вряд ли посланцы действовали только на свой страх и риск, не известив воевод. Но как в таком случае удалось избежать конфликта с нижегородскими властями, подчинявшимися Трубецкому и Заруцкому?

Задумавшись над этими вопросами, можно понять, что новая земская идея раскрывалась в Нижнем Новгороде постепенно.

Можно было даже подумать, что нижегородское ополчение начиналось для помощи подмосковным полкам, неизбежный конфликт с которыми изначально не обозначался, хотя и стремительно назревал[285].

Биографии князя Дмитрия Михайловича Пожарского и старосты Кузьмы Минина оказались настолько связаны между собой, что два эти человека уже почти не воспринимаются отдельно друг от друга. Хотя до встречи в мугреевской вотчине князя Пожарского их дороги вряд ли пересекались. Слишком уж далеко на лестнице чинов в Московском государстве отстоял царский стольник от рядового торгового человека. И больше всего вопросов и сложностей остается в изучении их биографий до того великого времени, когда они встали во главе земского движения. Поэтому вспомним сначала историю жизни князя Дмитрия Пожарского, а потом приведем те немногие сведения, которые известны о Кузьме Минине до времени его обращения к нижегородскому посаду в 1611 году. Попытаемся в первую очередь понять, что за люди стали спасителями Отечества, что вело их по выбранному пути. Дальнейшие же обстоятельства их биографий действительно оказались общими. Рассказывая об истории нижегородского ополчения, о складывании «Совета всея земли» и борьбе за освобождение Москвы, говорить отдельно о Минине и Пожарском попросту невозможно…

# *КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ПОЖАРСКИЙ*

Героями, как известно, не рождаются, а становятся. О большинстве исторических героев мы знаем одно: они были мало чем примечательны до того времени, пока обстоятельства или судьба не выносили их к каким-то недосягаемым вершинам, от которых веет вечным холодом состоявшейся раз и навсегда Истории. Человека ведет только одному ему понятный выбор, но иногда этот путь может пересекаться с выбором других современников. На этом перекрестье личного и всеобщего, в море случайных событий с неизбежностью вырастает сопричастность уже к историческому выбору всей страны. Человек ведет себя так или иначе не потому, что он стремится в герои, — он не может поступить по-другому, пойти против себя, против понятий чести рода и семьи. Его нравственные идеалы могут потерпеть катастрофу уже при его жизни, но он всё равно должен исполнить предначертанное. Жития пишутся потом…

Обращение к жизнеописанию князя Дмитрия Михайловича Пожарского настраивает именно на такой высокий стиль. На его белых одеждах не д***о***лжно видеть никаких пятен, он давно стоит на котурнах патриотических славословий, особенно любимых сочинителями исторических драм. По поводу одного из таких драматических опусов некогда отозвался едкой эпиграммой молодой А. С. Пушкин:

> *Пожарский, Минин, Гермоген,*
> или Спасенная Россия.
> Слог дурен, темен, напыщен —
> И тяжки словеса пустые[286].

Покушаться на образ главных героев Смуты нельзя, хотя у многих он связан не с реальными людьми, жившими в прошлом, а с памятником Минину и Пожарскому на Красной площади. Стоит предупредить, что в дальнейшем повествовании речь пойдет именно о человеке своей эпохи, а не о медном князе в классицистической римской тунике. Не просто о «князе Пожарском», которого почитала «благодарная Россия», как сказано в надписи на памятнике Ивана Петровича Мартоса, а о том князе, у которого были имя, семья, служебная карьера, друзья и враги, подвиги и поражения. О князе, у которого отец в родословии упоминался с прозвищем Глухой, а дед — Немой; это последнее прозвище, по дедичеству, едва не досталось и

народному герою (в одной из родословных книг князь Дмитрий Михайлович назван Хромым, но это, вероятно, искажение более древнего текста)[287]. Князь Дмитрий Пожарский, конечно, не нуждается в ложно понятой защите, основанной на исторических умолчаниях. Но рассказывая об одном из живших когда-то замечательных людей, которого сам народ возвел в свои герои, важно понять настоящую линию его жизни, а не довольствоваться ленивым повторением прописных истин.

Князь-Рюрикович… При этих словах обычно представляешь родовитого аристократа, участника всех крупных исторических событий своей эпохи, богатого и неприступного для других. Князь Дмитрий Михайлович действительно принадлежал к князьям Рюриковичам, происходил из ветви князей Стародубских. Однако к концу XVI века, когда появился на свет наш герой, ничего, кроме гордого осознания подобного родства, у князей Пожарских уже не осталось. Такова была судьба всего Дома Рюриковичей, неимоверно разросшегося за восемь веков и включавшего в свой клан тысячи и тысячи имен. С удельных времен оставалась только одна родовая спайка — происхождение от некогда самостоятельных князей-владетелей какой-то части огромного домена, принадлежавшего потомкам легендарного основателя Русского государства. От московских князей-Рюриковичей шли, как известно, русские цари, на время правления последних царей из этой династии — царя Ивана Грозного и его сына царя Федора Ивановича — пришлись детство и юность князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Следующими по значению среди потомков Рюрика были суздальские князья, тоже обладавшие правами на великое русское княжение. Суздальские князья Горбатые, Шуйские и другие считали себя даже выше по происхождению, чем московские удельные князья. Но им всегда приходилось считаться со сложившимися историческими реалиями. Так же как другим князьям-Рюриковичам из Твери, Ростова, Ярославля и Рязани.

Несколько особняком в роду Рюриковичей стояли князья Стародубские. Центр их владения — Стародуб Ряполовский (ныне село Клязьминский Городок Ковровского района Владимирской области) — находился на периферии прежнего владимирского великого княжения[288]. Земли стародубских князей граничили с Московским и Нижегородским княжествами, поэтому им очень рано пришлось выбирать, с кем связать свое будущее. Владетели Стародуба Ряполовского вместе с князьями Оболенскими первыми согласились на вассальные отношения с московскими сюзеренами, променяв статус независимых князей на службу потомкам Ивана Калиты — сильнейшим правителям Русской

земли. Произошло это уже при князе Дмитрии Донском в поколении современников Куликовской битвы 1380 года, одним из участников которой был князь Андрей Федорович Стародубский. Его старший сын, князь Василий Андреевич Пожарский, стал родоначальником князей Пожарских[289]. Родовое прозвище, как и полагалось в княжеских семьях, пошло от названия владения — волости Погара или Пожара. Другие князья Стародубские — Кривоборские, Ковровы, Ромодановские — происходили от второго сына князя Андрея Федоровича Стародубского, Федора Андреевича. Третий брат, Иван Андреевич, стал родоначальником князей Ряполовских и Хилковых, а четвертый, Давыд Андреевич, — Палецких, Гундоровых и Тулуповых[290].

Как некогда ордынские цари не считались с родовыми связями русских князей и действовали по своему усмотрению, так и великие московские князья, а потом цари самостоятельно решали, кого приблизить или, наоборот, отдалить из поступавших к ним на службу вассалов. Помогал им в этом и местнический счет внутри самих родов, согласно которому преимущество переходило не от отца к сыну, а от одного брата к другому Универсальным принципом было «всякий сын от отца своего четвертое место». Другими словами, дяди были выше своих племянников и сыну первого брата приходился «в версту» только четвертый дядя. У старших сыновей в роду, как видим, оставались особые права, но они всё равно уступали поколению своих отцов[291]. Особенным образом на старшинство влияла служба в боярских чинах и во Дворе московского великого князя. Еще в 1460—1470-х годах суверенные права на родовое гнездо сохраняли князья Ряполовские, они даже выдавали жалованные грамоты на земли. Не случайно самым заметным из стародубских Рюриковичей на службе великого князя Ивана III оказался боярин князь Семен Иванович Ряполовский. Правда, его боярская карьера оборвалась казнью в 1499 году, тогда же закончилась и история частично сохранявшегося стародубского суверенитета. Впрочем, земли Стародуба Ряполовского еще долгое время, даже в начале XVII века, оставались во владении князей этого дома[292].

Князья Пожарские, несмотря на их принадлежность к старшей ветви рода князей Стародубских, всё время находились в тени более ярких представителей рода — князей Ряполовских, Хилковых, Татевых и Ромодановских. До середины XVI века их имена скорее можно найти в актах Суздальского Спасоевфимиева монастыря[293], в котором была родовая усыпальница князей Пожарских, чем на листах разрядных книг, фиксировавших воеводские службы и принадлежность к Государеву двору. Это,

видимо, до поры позволяло роду князей Пожарских расти и сохранять единство. Очень рано, еще в середине XV века, один из предков князя Дмитрия Михайловича Пожарского, князь Данила Васильевич, променял своему родственнику князю Дмитрию Ивановичу Ряполовскому родовую вотчину в волости Пожар на другую волость — Мугреево и соседние земли (Коченгир)[294]. В дальнейшем именно Мугреево стало центром владений князей Пожарских.

Сам князь Дмитрий Михайлович выводил свое родство от князя Ивана Федоровича Третьякова Пожарского (младшего из пяти внуков князя Данила Васильевича Пожарского)[295]. О нем нет почти никаких сведений, кроме упоминания в родословных и прозвища Третьяков, которое перешло на его детей. Даже в документе о разделе вотчины князя Федора Даниловича его сыновьями, датированном 1490 годом, Иван Третьяк не упомянут, так как, скорее всего, еще был мал, чтобы совершать или удостоверять сделки[296].

Появление князей Пожарских на общерусской арене связано с эпохой Ивана Грозного. К началу «тысячной» реформы русского войска в 1550 году, связанной с испомещением «лутчих» слуг под Москвой, стародубские князья сохраняли привилегии служилых князей. Они упоминались в документах отдельно и выходили на службу всем родом вместе. Тысячная книга 1550 года зафиксировала иерархию стародубских князей: в первую статью тысячников попал представитель ветви князей Хилковых, во вторую — представители князей Татевых, Гундоровых и Ромодановских; они же, а еще князья Ковровы и Пожарские, были записаны в третьей статье. Среди тысячников третьей статьи упомянут и дед князя Дмитрия Михайловича Пожарского, князь Федор Иванович Третьяков Пожарский (вместе с братом Иваном они замыкали список тысячников по Стародубу)[297]. В обмен на новый привилегированный статус государевых слуг-тысячников они должны были подчиниться указам царя, изменявшим их права на владение землями Стародубского уезда.

В начальный момент реформ Ивана Грозного 1550-х годов можно было еще видеть шаги по сохранению родовых корпораций служилых князей. Указом 11 мая 1551 года для некоторых княжеских родов (в том числе стародубских князей) вводился запрет на передачу вотчин в монастыри и принимались другие меры, чтобы сохранить там, где это было возможно, общеродовое владение прежними удельными землями[298]. Изменения в характере распоряжения вотчинами князей-Рюриковичей коснулись и князей Пожарских, у которых установились давние и прочные связи с Суздальским Спасоевфимиевым монастырем.

Они давно делали земельные вклады в этот монастырь и не отказались от подобной практики, несмотря на запреты, и позже, в середине 1550-х годов[299]. Указом 15 января 1562 года были еще раз изменены правила наследования земель в княжеских родах, сохранявших связи со своими бывшими уделами. Право распоряжения родовыми вотчинами тогда было еще раз стеснено, с тем чтобы без царского ведома земля не уходила в руки чуждых, пришлых для уезда родов. А потом вся удельная «старина», гарантии которой Иван Грозный пытался соблюдать под влиянием своих советников из Избранной рады, была им же и отменена при введении опричнины. Стародубский уезд не попал в число опричных земель[300], но 11 марта 1566 года царь самостоятельно распорядился землями в Стародубе Ряполовском, променяв их вместе со Звенигородом на Верею своему двоюродному брату князю Владимиру Андреевичу Старицкому[301]. Земли родового села Волосинино (Волосынино), ставшего впоследствии называться «Мугреево тож», и другие деревни, принадлежавшие князьям Федору Ивановичу и Ивану Ивановичу Пожарским, оказались по соседству с землей князя Владимира Андреевича[302]. По воле царя на территории Стародубского уезда появился еще один могущественный владелец — служилый князь Михаил Иванович Воротынский. Судя по завещанию 1572 года, Иван Грозный сохранял верховные права на ряд вотчин стародубских князей (в том числе князей Пожарских) и передавал их сыну царевичу Ивану[303].

Предков князя Дмитрия Михайловича Пожарского события царствования Ивана Грозного, конечно, затронули напрямую, как затронули они представителей многих родов, переживших тогда опалы и казни. В роду князей Пожарских существовало устойчивое представление об опале, которой подвергся их род. Возможно, в этом можно услышать отголоски дела о большом пожаре в Москве 17 июля 1560 года, в котором, по печальной иронии судьбы, был виноват князь Федор Пожарский[304]. В известном местническом деле 1602 года с князем Борисом Михайловичем Лыковым князь Дмитрий Михайлович Пожарский ссылался на то, что его «родители» были «много лет в государеве опале». И хотя он признавал, что его дед князь Федор Иванович и дядя (видимо, Иван Иванович) «по городом… на городовых службах… во многих местех бывали», но оговаривался, что при этом их никогда не назначали на службу с теми, с кем было «невмесно» служить по местническим понятиям: «потерки, государь, нигде не бывало»[305]. На самом деле о службе князя Федора Ивановича Пожарского известно лишь то, что он был назначен «в городничих в приказе» в Свияжск в 1556/57 году; его

младший брат князь Иван Иванович тоже служил в этой должности в Казани в 1557/58 году[306]. Считать эти назначения намеренным понижением служебного статуса князей Пожарских было бы преувеличением, хотя князь Дмитрий Михайлович настаивал в пылу местнического спора: «…дед мой князь Федор Иванович Пожарской сослан в Казань в вашей государьской опале»[307]. Время службы братьев Пожарских в Казанской земле было одним из самых сложных. Почти весь период после взятия Казани, с 1552 по 1557 год, продолжалась война, сопровождавшаяся восстаниями «казанских людей»[308]. Князя Федора Ивановича Пожарского по разряду назначили быть «в приказе» у одного из главных воевод русской армии боярина Ивана Петровича Федорова. Свияжским воеводой был его однородец — князь Иван Борисович Ромодановский[309]. Это впоследствии «городничие» превратились в заурядную должность по наблюдению за осадными гарнизонами (не путать с чиновниками гоголевских времен). В чрезвычайных же условиях «казанской войны» круг обязанностей городничих и их ответственность были неизмеримо выше. На этом основании, кстати, выстраивал свою защиту в местническом споре 1602 года и князь Дмитрий Михайлович Пожарский: «…в тех годех городничество было не безчесно, и посыпаны, государь, бывали в городы за осадных мест воевод»[310]. Должность свияжского городничего оказалась в итоге самой заметной службой князя Федора Ивановича. Об этом же, в своих видах, говорили местники князей Пожарских, сравнивая службы их предков с назначениями своих «розрядных родителей», чьи службы часто упоминались в разрядных книгах: «…и лутчая их находка Пожарских князей, что в Казани и в Свияжском городе были деды их»[311]. Как заметил новейший биограф князя Д.М. Пожарского историк Юрий Моисеевич Эскин, князя Федора Ивановича действительно больше не упоминали с именными назначениями в разрядах, «поэтому объяснения Д.М. Пожарского и его родственников спустя 50 лет своей "захудалости" опалой были натяжкой»[312].

Князь Федор Иванович Третьяков Пожарский, как и его брат Иван Иванович, входил в Государев двор. Их имена были записаны в Дворовой тетради 1550-х годов среди помещиков, служивших по Ярославлю[313]. Наряду с ярославскими поместьями, у них имелись владения и в других уездах — Ржевском[314]и Мещовском. Князь Федор Иванович Пожарский (упомянутый как мещовский помещик) поручился в 1565 году за боярина Ивана Петровича Яковля. Возможно, он и раньше входил в число князей и детей боярских — поручителей по опальным боярам, которых царь подозревал в измене[315]. То, что его имя

встречается среди «печальников», бравших «на поруки» опальных, — небольшая, но характерная черта для понятий о лучших личных качествах, переданных им своему внуку. И пусть с местнической точки зрения дед князя Дмитрия Михайловича Пожарского не продвинулся высоко по лествице рода, но совсем незаметным на службе царя Ивана Грозного его назвать нельзя. Не исключено, что его прозвище — «Немой» — одно из объяснений относительной неудачи его карьеры.

Еще меньше сведений сохранилось о службе отца князя Дмитрия Михайловича, князя Михаила Федоровича Пожарского, названного в родословцах «Глухим». Это прозвище может быть показательно для передачи в роду некоего природного изъяна. Дело в том, что иногда прозвища действительно подчеркивали физические особенности, раны и увечья людей. Часто в них очень точно и беспощадно обыгрывались личные качества, присущие тому или иному человеку, то, как он выглядел или вел себя. Но не обязательно трактовать каждое прозвище буквально — не исключалась и возможность прозвища «от противного». Порой прозвище лишь намекает на что-то понятное современникам и неопределенное для историков. Откуда появилось прозвище князя Михаила Федоровича Пожарского, точно сказать нельзя, но, возможно, оно также объясняет причины, по которым и отцу князя Дмитрия Пожарского трудно было сделать ратную карьеру.

Около 1570/71 года князь Михаил Федорович женился на Евфросинье (Марии), дочери записанного в Дворовой тетради сына боярского по Коломне Федора Берсенева Беклемишева[316]. Свадьба пришлась на разгар опричнины, но князья Пожарские не побоялись вступить в родство с потомками знаменитого «Берсеня» — Ивана Никитича Беклемишева, казненного в 1525 году, — возможно, потому что царь Иван Грозный уже связал круговой порукой князей Пожарских и Беклемишевых, заставив их вместе выступить «печальниками» за опальных бояр в 1560-х годах[317]. Собеседник Максима Грека, человек весьма образованный, по отзывам современников, дед невесты Берсень Беклемишев входил в круг советников великого князя Василия III (хотя и не был членом Боярской думы). В оправдание своего «колючего» имени (означавшего колючий кустарник или крыжовник) он говорил «встречу» самому великому князю Василию Ивановичу[318]. Именно Берсеню Беклемишеву принадлежат часто цитирующиеся слова о государе, который «запершыся, сам третей у постели всякие дела делает»[319]. Так прадед князя Дмитрия Михайловича Пожарского по материнской линии характеризовал московское самодержавство, явственно проявившееся уже в начале XVI века. Породнившись с Беклемишевыми, род которых, впрочем, при

Иване Грозном уже не включили даже в Государев родословец, князья Пожарские наследовали и этот ореол опалы, наложенной за слова правды, пусть консервативной, но дорогой не одному Берсеню. Однако впоследствии окажется, что это родство поможет проложить князьям Пожарским дорогу в «Верх» (так тогда называли кремлевские покои царей и цариц). Считалось, что Берсень Беклемишев защищал отправленную великим князем Василием III в монастырь великую княгиню Евдокию Сабурову, а она была родственницей Годуновых.

У рода Беклемишевых всегда были особые отношения с Троицесергиевым монастырем, по соседству с которым издревле располагались их земли[320]. Федор Иванович Берсенев Беклемишев участвовал в заседаниях земского собора, решавшего вопрос «о Литовском деле и о ливонских городах» и о продолжении войны с польским королем в 1566 году[321]. Показательно, что князю Михаилу Федоровичу Пожарскому выпало исполнить последнюю волю своего свекра князя Федора Берсенева и сделать вклад в Троицесергиев монастырь — передать вотчину сельцо Калмань в Юрьев-Польском уезде в 1572/73 году. Распорядились берсеневским наследством оба князя Пожарских — князь Федор Иванович и князь Михаил Федорович, написав ее за монастырем, как сказано во вкладной книге, «по себе, да по Федоре Берсеневе, и по своих родителех»[322]. Для князя Федора Ивановича, сохранявшего старшинство в роду, исполнение воли своего богатого свойственника оказалось достаточно прибыльным делом, хотя, скорее всего, эта была компенсация за приданные земли. За вотчину Федора Берсенева князь Федор Иванович Пожарский получил из Троицесергиева монастыря огромную сумму денег — 400 рублей (для сравнения: царь Иван Грозный в 1571 году сделал вклад по своей царице Марфе в 700 рублей)[323]. Считается, что князь Федор Иванович Пожарский умер 2 июля 1581 года и был похоронен в Троицесергиевом монастыре. Однако недавно был обнаружен документ, в котором дед князя Дмитрия Михайловича упоминается еще осенью 1582 года[324]. Исследователи-генеалоги спутали двоюродных братьев и полных тезок. Мало кто обращал внимания на то, что захоронения князей Хворостининых и князей Пожарских расположены рядом[325]. А это было совсем не случайно, так как старшая ветвь князей Пожарских породнилась с известными опричниками князьями Хворостиниными[326]. Не этим ли, кстати, объясняется то, что бурная эпоха опричнины была пройдена Пожарскими почти без потерь?

К сожалению, этими сведениями исчерпывается то немногое,

что мы знаем о прямых предках князя Дмитрия Михайловича Пожарского по мужской линии. Пока был жив дед, князь Федор Иванович Пожарский, дела семьи должны были держаться на нем, так как его сыну князю Михаилу Федоровичу не удалось получить сколько-нибудь заметного чина в службе и войти во двор царя Федора Ивановича.

Первым ребенком в семье княжны Евфросиньи Федоровны и князя Михаила Федоровича Пожарского была дочь Дарья, родившаяся в самом начале 1570-х годов. Несколько лет спустя появился на свет старший сын Дмитрий, которому и суждено было на века прославить свой род. Считается, что он родился 1 ноября 1578 года. Однако точный день, месяц и год его рождения вычисляются лишь по косвенным признакам, а значит, существует вероятность ошибки.

Долгое время было непонятно, почему князя Дмитрия Михайловича Пожарского поминали 1 ноября: по святцам на этот день приходится память Космы и Дамиана Асийских, бессребреников и чудотворцев. Логично было бы связать его день ангела с памятью Дмитрия Солунского (26 октября) или других соименных святых. Не понимая причин «переноса» даты поминания князя Дмитрия, исследователи решили, что он принял схиму с именем Козьма. Историк Михаил Петрович Погодин в исследовании о месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского, опубликованном Академией наук в 1852 году, так прокомментировал запись в Синодике Золотниковской пустыни, где рядом с именем Козьма была сделана помета «рекомаго Димитрий Михайлович»: «Из этих слов не следует ли заключить, что князь Дмитрий принял пред смертию монашество и имя любезного для него в жизни человека, товарища и сотрудника в деле избавления Москвы от поляков, Козьмы Минина. Это прибавило бы трогательную, примечательную черту к его биографии». Так, благодаря авторитету историка, родилась красивая легенда о почитании общей памяти князя Дмитрия Пожарского и его соратника по земскому движению Кузьмы Минина. Но справедливости ради надо сказать, что Погодин обратил внимание и на записи в другом синодике — Спасоевфимиева монастыря, которые не давали оснований для таких предположений. Историк почти подошел к разгадке, сравнивая два источника: «Но странно, что в синодике Спасоевфимьевского монастыря нет о том ни малейшего указания, а там упоминается много князей-иноков: чем бы объяснить такой пропуск? Впрочем, и в этом Золотниковском синодике не сказано ничего об иночестве: что же значит это соединение имен Козьмы и Дмитрия? Или у него было два

имени?»[327]

Между тем никаких доказательств принятия князем Дмитрием Пожарским схимы нет. Помимо прочего, имя схимника, как правило, начиналось на ту же букву, что и крестильное имя. Первым о возможности существования двойного имени у князя Дмитрия Пожарского заговорил известный генеалог Николай Петрович Лихачев. Он обратил внимание на запись в кормовых книгах Спасо-Ярославского монастыря с упоминанием корма «по болярине по князе Козме Михайловиче Пожарском», причем без какого-либо упоминания имени Дмитрий[328]. Окончательно всё объяснилось после находки в 1999 году духовной князя Дмитрия Михайловича, в которой он сам назвал себя крестильным именем Козьма: «Се яз, раб Божий многогрешный боярин князь Козьма, прозвище князь Дмитрей Михайлович Пожарской…»[329]

В семье князя Михаила Федоровича и княгини Евфросиньи Федоровны (она, кстати, тоже упоминается в документах не с крестильным, а с мирским именем — Мария) родились еще двое сыновей — Юрий и Василий; последний был младше Дмитрия на семь лет. Но оба брата, вероятно, не дожили до совершеннолетия. О них остались упоминания в родословных книгах, а кроме того, в 1611 году князь Дмитрий Михайлович дал вклад по своем брате, иноке Вассиане[330]. В начале 1586 года князь Михаил Федорович получил ввозную грамоту на поместье в Серпейском уезде (в дополнение к другим своим землям)[331]. Однако отец князя Дмитрия Михайловича Пожарского вскоре умер, будучи еще совсем не старым человеком. Судя по записи на надгробии, найденном в конце 1980-х годов при реставрационных работах в Суздальском Спасоевфимиевом монастыре, произошло это 23 августа 1587 года[332]. Юный князь Дмитрий Пожарский всего через несколько дней после смерти отца исполнил его волю и передал часть вотчины деревни Три Дворища в Стародубском уезде в тот же Спасоевфимиев монастырь. Он выступил послухом (свидетелем) и собственноручно подтвердил сделанный вклад из отцовских земель в «7095 году». С 1 сентября начинался уже новый, 7096 год; следовательно, вдова княгиня Мария приехала на погребение мужа вместе с сыном князем Дмитрием, зная о выраженной ранее воле мужа, распорядившегося поминальным вкладом в Спасоевфимиев монастырь.

Дмитрий расписался сначала на «данной» грамоте. Его автограф отразил еще ученические ошибки и нетвердое знание правильного написания ряда слов: «Яз, князь Дмитреи Пожарской, вотчинную свою деревну Три двориша по приказу отца своево князь Михала Федоровича Пожарскова в Суздоль в

Спаскои Еуфимев монастир дал и потписал своею рукою»[333]. А затем князь-ребенок оставил помету еще и на прежней купчей своего отца на вотчинную деревню Три Дворища, приобретенную у его родственника князя Петра Тимофеевича Пожарского в 1571/72 году. Понятно, что за спиной Дмитрия в тот момент, когда он писал свое распоряжение, стояла мать, и происходило это в печальный момент прощания с отцом. Княгиня должна была объяснить сыну значение передачи вотчины в Спасоевфимиев монастырь, ибо за этот вклад монахи обязались вечно поминать его отца.

Первое самостоятельное появление юного князя Дмитрия Михайловича в мире взрослых дел и решений заслуживает того, чтобы процитировать всё, что он написал от себя на купчей грамоте: «Лета 7095-го сю купчюю яз, князь Дмитрей Михайлович Пожарской, по приказу отца своего князь Михаила Федоровича Пожарскова дал в Спаскои Еуфимиев монастырь по своих родителех в наследие вечных благ при архимандрите Левкии з братьею, или хто по нем иный архимандриты и братья в том монастыре будут, в Стародубе Ряполовском вотчину свою деревню Три Дворища. И им по сей нашей данной крепости тою вотчиною деревнею владети, дондеже святая обитель стоит. И данную есми особную на тое свою вотчинную деревню дал за своею за рукою. А подписал сю старую крепость своею рукою яз, князь Дмитрей Михайлович Пожарской»[334]. В государстве, где не каждый боярин был грамотен, полноправное участие девятилетнего князя в выдаче данной, удостоверявшей права Спасоевфимиева монастыря на полученную вотчину князя Михаила Федоровича Пожарского, весьма показательно.

На вдову Евфросинью-Марию Федоровну легли все заботы о судьбе детей. Как тогда было положено, она обратилась с челобитной, чтобы земли покойного мужа в Мещовском и Серпейском уездах были переданы ее детям. При подаче челобитной в Поместный приказ она упомянула о возрасте своих детей-недорослей — князя Дмитрия, который был «ныне десяти лет», и князя Василия, «ныне трех лет». Это указание еще со времен Алексея Федоровича Малиновского — первого биографа князя Дмитрия Пожарского, вероятно, и стало основанием для отнесения даты его рождения к 1578 году[335]. По ввозной грамоте, выданной 28 февраля 1588 года, братья князья Дмитрий и Василий Пожарский должны были вступить в полное распоряжение поместьями по достижении пятнадцатилетнего возраста, когда они начнут службу. Предполагалось, что вступив в службу, братья будут «ее мать свою княгиню Марью до ее живота и сестру свою княжну Дарью кормить». На них же лежала

обязанность выдать сестру замуж[336]. Понятно, что при малолетних детях такие пожелания могли быть лишь данью формальному этикету. Во главе этой ветви рода князей Пожарских оказалась вдовая княгиня Евфросинья-Мария Пожарская. И это обстоятельство, безусловно, повлияло на судьбу и воспитание князя Дмитрия Михайловича. У него рано должно было возникнуть особое чувство ответственности за семейные дела.

Всегда многое зависело от того, насколько умно вели себя опекуны, как защищали они интересы детей, остававшихся без старших родственников по мужской линии. В Московском царстве часто складывались ситуации, когда другие, дальние родственники или даже соседи, относились к вдовам не совсем дружелюбно и стремились поживиться за их счет. К счастью, подобных неприятностей княгине Марии Пожарской удалось избежать.

К роли матери князя Дмитрия Пожарского в период начала его самостоятельной служебной карьеры стоит присмотреться внимательнее. Она прожила рядом с князем почти до конца его жизни[337]. Княгиня больше не выходила замуж, -посвятив себя детям. В существовавшей в то время системе покровительства рядом с «сильными» людьми, представителями богатых аристократических родов, боярами и думцами всегда находилось место для бедных родственников. И Мария Пожарская, видимо, нашла своих покровителей. Удачной по родословным понятиям оказалась и женитьба сестры князя Дмитрия, княгини Дарьи, вышедшей замуж за князя-Гедиминовича стольника Никиту Андреевича Хованского. Князья Хованские, представители старшей ветви князей-Гедиминовичей, не занимали в Думе того положения, которое полагалось по их принадлежности к старшей ветви потомков Патрикея Наримонтовича, выехавшего на службу в Москву в начале XV века. Всему виной оказалось их родство со старицкими удельными князьями (на княжне Хованской был женат дядя царя Ивана IV князь Андрей Старицкий)[338].

Сравнительно недавно, благодаря архивной находке Сергея Васильевича Сироткина, удалось узнать о том, что князья Пожарские находились в родстве с могущественным думным дьяком Андреем Щелкаловым и его братом дьяком Василием Щелкаловым. В деле 1640-х годов о спорной вотчине Троицесергиева монастыря селе Переделец с деревнями в Московском уезде содержались ссылки на то, что князь Дмитрий Михайлович Пожарский выкупал «по родству» свой «жеребий» (часть) в этой вотчине Щелкаловых[339]. Думный дьяк Андрей Щелкалов почти четверть века стоял во главе Посольского

приказа; его влияние на дела в начале правления царя Федора Ивановича было столь высоко, что его имя ставили в один ряд с другими правителями — Никитой Романовичем Юрьевым (родным дядей царя Федора Ивановича) и царским шурином Борисом Годуновым. Историки иногда даже говорят о правительстве «Годунова—Щелкалова», хотя Щелкалов был все-таки ближе к Романовым[340]. Конечно, такое родство многое значило и могло поспособствовать вхождению князя Пожарского в Государев двор.

Своего пятнадцатилетия Дмитрий Пожарский достиг в 1592 или 1593 году, после чего был записан в стряпчие с платьем (чин дворцовой службы, связанный с заведованием царской одеждой и другими вещами). Начинал он службу не стольником, как большинство других аристократов из княжеских и боярских семей, но и служба в стряпчих была для него успехом. Ведь он оставался всего лишь сыном малоприметного серпейского и мещовского помещика. Если князья Пожарские и пользовались покровительством Щелкаловых, то очень недолго. В 1594 году могущественный дьяк был отправлен в отставку, и его заступничество могло даже повредить карьере князя Дмитрия.

Государев двор был буквально опутан разветвленной сетью родственных связей. Не были исключением и князья Пожарские. Возможно, что «ниточка» от них через родство с упоминавшимися князьями Хворостиниными лежала к самим Годуновым. Муж княгини Анастасии Ивановны (урожденной Хворостининой) был двоюродным братом деда князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Ее же родная племянница Авдотья Дмитриевна Хворостинина была замужем за одним из временщиков правления царя Бориса Годунова — Степаном Степановичем Годуновым[341]. Родственные земли старшей ветви князей Пожарских — село Могучее и другие земли, переданные в 7095 (1586/87) году княгиней Анастасией Ивановной Пожарской в Спасоевфимиев монастырь, — располагались рядом с родовым селом Волосынино (Мугреево) князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Впоследствии ему также удалось получить их обратно «по родству». В писцовых книгах 1620—1630-х годов они уже записаны вместе с другими его мугреевскими селами и деревнями. Князь Дмитрий Михайлович распорядился селом Могучим в своем завещании, хотя Спасоевфимьевский монастырь продолжал оспаривать владение этим селом детьми князя[342].

И всё же ссылок на родство с Щелкаловыми или Хворостиниными недостаточно, чтобы понять, каким образом мать князя Дмитрия, княгиня Мария Пожарская, стала со временем верховой боярыней царицы Марии Годуновой. Видимо,

причины лежали еще и в тесных родственных связях стародубских князей Пожарских и Гундоровых (на которые прежде не обращали достаточного внимания). Князь Андрей Иванович Гундоров и отец Дмитрия Пожарского князь Михаил Федорович вместе выступили в 1586/87 году душеприказчиками в духовной князя Федора Ивановича Стародубского[343]. Вскоре отца князя Дмитрия не стало, а карьера князя Андрея Ивановича Гундорова стремительно пошла вверх. В боярском списке 1588/89 года он сначала был записан в выборных дворянах по Рязани, а затем в том же году попал в «московский список». В чине московского дворянина князь Андрей Иванович Гундоров был назначен на Земский двор (полицейский приказ для управления Москвой), и был «з государем»[344]. Спустя десять лет, в 1598 году, он служил уже не где-нибудь, а во дворце, и именно ему Борис Годунов поручил ведать двор царицы Марии Григорьевны. В качестве «дворецкого» царицы князь Андрей Иванович подписал Утвержденную грамоту, а в Серпуховском походе того же года он «у государыни у ествы сидел»[345]. Сам князь Дмитрий Михайлович считал его «старейшим дядей»; в местническом споре князя Андрея Ивановича Гундорова с князем Василием Федоровичем Мосальским в сентябре 1603 года он отвечал на суде за своего родственника[346]. Большей протекции, чем знакомство и родство с дворецким царицы Марии Годуновой, вероятно, и не требовалось, чтобы попасть в ее двор.

Высокое положение матери в царицыном дворе помогало и сыну. В 1598 году князь Дмитрий Михайлович в чине стряпчего с платьем подписал Утвержденную грамоту об избрании на царство Бориса Годунова[347]. Пусть его подпись значится где-то в самом конце списка членов Государева двора, бывших на избирательном земском соборе, но Дмитрий Михайлович всё равно оказался не рядовым участником тех знаменательных событий. Двадцатилетний придворный впервые стал сопричастен к историческому решению о смене династии Рюриковичей на царском троне. На князя Дмитрия Пожарского, как и на других служилых людей, поддержавших избрание Бориса Годунова на царство, должны были просыпаться щедроты первых месяцев его царствования. Однако благоволением правителя он наслаждался недолго. По какой-то неясной причине князья Пожарские попали в немилость Годунову.

Как обычно бывало у царя Бориса Федоровича, он не действовал напрямую, но определенно давал понять неугодным, что недоволен ими. Один из родственников князя Дмитрия Михайловича по старшей линии, князь Петр Тимофеевич Пожарский, в 1599 году получил «невместное» назначение на

службу в объезжих головах в Москве с ростовским князем Михаилом Федоровичем Гвоздевым. Конечно, князь Петр Пожарский отказался от такого назначения и был сослан «на Низ» уржумским воеводой, что тогда однозначно трактовалось как опала[348]. Неудовольствие правителя почувствовали на себе и другие князья Пожарские, ведь это был уже не первый случай, когда князь Петр Пожарский отказывался от службы: по какой-то причине он пропустил Серпуховский поход 1598 года (предполагалось его назначение в «объезщики — огни вынимать»). Служба была «без мест», поэтому на всех челобитчиков была наложена государева опала[349]. Вот когда князь Дмитрий Михайлович горько вспомнил свое «бессемейство», отсутствие рядом с ним в роду и на службе отца, братьев, родных дядьев. Позднее, говоря об этом местническом деле 1599 года, князь Дмитрий Пожарский объяснял: «то… было зделалось нашим безсемейством… в те поры пришла на матушку мою и на меня государева опала, и в чем… ево государева по нашей вине была опала, в том ево царская воля»[350].

Жизнь при дворе рано приучала к тому, что в московской политической системе всё зависело от царской воли. Опала воспринималась как вполне заслуженное наказание. Иногда она длилась годами (князя Петра Пожарского сменили в Уржуме только в 1601 году)[351], иногда гнев правителя проходил очень быстро. Князь Дмитрий Михайлович тоже воспринял эту мудрость терпеливых придворных и говорил: «…и в чести живут и в безчестье»[352]. Вскоре ему самому пришлось убедиться в справедливости данных слов, когда возник его местнический спор с другим молодым придворным князем Борисом Михайловичем Лыковым из рода князей Оболенских.

Дело началось в сентябре—октябре 1602 года по необычному поводу. Князь Дмитрий Михайлович, возможно, уже получивший более высокий чин стольника[353], вступился за честь своей матушки, назначенной в верховые боярыни царицы Марии Григорьевны Годуновой после матери князя Бориса Лыкова. Однако у этого суда была более глубокая подоплека, скрытая от посторонних глаз. Дело в 1602 году оказалось незавершенным, но спустя семь лет, в 1609 году, при другом царе, Василии Шуйском, и совсем в других исторических условиях к нему вернулись вновь. Тогда и выяснилось много любопытного, позволяющего говорить, что князя Дмитрия Пожарского использовали для расправы с неугодным придворным — родственником Романовых.

Пожарский стремился отстаивать честь своего рода при любых обстоятельствах. Один из первых исследователей местничества А. И. Маркевич подсчитал, что он местничался

больше других современных ему членов двора — около двадцати раз (Ю.М. Эскин приводит цифру в 22 местнических случая). И это не считая тех местнических случаев, когда он вступался за своих родственников. Не случайно появится поговорка: «По милости царской сам себе Пожарской»[354]. В 1602 году, когда князь Дмитрий Пожарский только начинал отсчет своих споров о местах в дворовой иерархии, ему пришлось нелегко. Князь Борис Лыков указывал на скромные службы прямых предков князя Дмитрия Михайловича, а оспорить этот факт было крайне сложно. Тогда молодой Пожарский избрал «старомодную», устаревшую систему защиты[355] и стал ссылаться не на службы отца и деда, а на службы других стародубских князей — Ромодановских, Хилковых, Татевых, Кривоборских и Палецких. Князю Борису Лыкову, вхожему в дом Никиты Романовича, породнившемуся с опальным родом (он женился на сестре постриженного в монахи боярина Федора Никитича Романова) [356], приходилось нелегко. Впервые князь Дмитрий Михайлович получил возможность заявить перед разбиравшей дело боярской комиссией — боярином князем Михаилом Петровичем Катыревым-Ростовским и окольничим Иваном Михайловичем Бутурлиным — о прежних опалах, которые не позволили никому из князей Пожарских занять подобающее место при царском дворе. Оболенским князьям Лыковым, конечно, не было дела до судьбы стародубских князей Пожарских. Чувствуя несправедливость дела, начатого против него князем Дмитрием Михайловичем, Лыков отбивался неуклюже, подтасовывал факты, как было с указанием на назначение князя Петра Тимофеевича Пожарского в объезжие головы в 1599 году. Вопреки словам Лыкова, оно не состоялось, что и было еще тогда отмечено в разрядных книгах. Также он отказывался принять логику счета всех стародубских князей с родом князей Лыковых[357].

Более откровенно князь Борис Михайлович Лыков высказывался о причинах начатого осенью 1602 года местнического дела во время его повторного рассмотрения при царе Василии Шуйском. В тот момент князь Борис Лыков уже был боярином, а Пожарский оставался стольником. 21 февраля 1609 года в связи с новым местническим спором князя Ивана Михайловича Меньшого Пушкина, бившего челом на Дмитрия Михайловича Пожарского, всплыл и давний спор князей Пожарских и Лыковых. Боярин князь Борис Михайлович Лыков подал челобитную, где, уже никого не таясь, рассказывал, что на самом деле происходило при дворе царя Бориса Годунова в 1602 году Поведение князя Дмитрия Михайловича Пожарского обрисовано им в самом невыгодном свете. Он начал

местнический спор без всякого повода, не было никакой их личной «стычки» на службе. То, что местнический спор по челобитной князя Пожарского все-таки стали рассматривать, Лыков объяснял «тайным гневом» Бориса Годунова: «вместо смертныя казни велел мне в неволю отвечать ему князю Дмитрию в отечестве». Назвал князь Борис Лыков и причины неожиданного благоволения к князю Дмитрию Пожарскому, обвинив его в тайных доносах, которые так любил слушать царь Борис Годунов: «А преж, государь, сего при царе Борисе во 110 (1601/02) году и во 111 (1602/03) году он князь Дмитрий Пожарской доводил на меня Бориска ему царю Борису многие затейные доводы, что будто я Бориска, сходясь с Голицыными да со князем Борисом Татевым, про него царя Бориса розсужаю и умышляю всякое зло, а мать его князь Дмитриева княиня Марья в те ж поры доводила царице Марье на матерь мою Борискову, что будто, государь, мать моя съезжаючись со княж Васильевою княиняю Федоровича Шуйскаго Скопина со княгинею Оленою и будтося разсуждают про нее царицу Марью и про царевну Оксенью злыми словесы»[358].

По признанию самого князя Бориса Лыкова, особых последствий это не имело, не считая неприятного местнического разбирательства с Пожарским. На княгиню Марию Лыкову был наложен домашний арест: ей запретили покидать свой двор в Москве («не велели от себя без указу с дворишка съезжать»), а ее сына выслали на службу воеводою в Белгород, где он и оставался вплоть до того, как перешел на сторону Лжедмитрия I.[359] Конечно, если бы доносы и судные дела разбирались обычным порядком, тогда бы князь Борис Лыков оказался не ответчиком в Разрядной избе по рядовому местническому спору, а где-нибудь в ссылке следом за Романовыми. Однако этого не случилось, в деле 1602 года нет ни намека на дополнительные политические обвинения Лыкову или его матери. Приписанное им князю Пожарскому доносительство поэтому не стоит принимать на веру. И не только из-за того, что оно плохо соотносится с героическим обликом князя Дмитрия Михайловича. Может быть, у Бориса Лыкова и его матери даже были основания подозревать княгиню Марию Пожарскую в передаче каких-то неосторожных разговоров царице. Ведь при дворе Бориса Годунова легко было проговориться, доносчиков там действительно хватало! Но, видно, предмет подозрительных речей не выходил дальше «рассужденья», или попросту злословья, в родственном кругу.

Упоминание князей Голицыных и Татевых как пострадавшей стороны в 1602 году показывает, что все опасные разговоры, о которых стало якобы известно княгине Марии Пожарской и ее

сыну князю Дмитрию Михайловичу, велись между близкими людьми и родственниками, к тому же действительно враждебно настроенными к Борису Годунову. Мать князей Василия, Ивана и Андрея Васильевичей Голицыных происходила из рода Татевых и приходилась родной теткой князю Борису Петровичу Татеву[360]. В свою очередь, жена князя Бориса Татева Марья Михайловна — родная сестра князя Бориса Лыкова. Не случайно и упоминание вдовы Олены (Елены), жены боярина князя Василия Федоровича Скопина-Шуйского и матери будущего героя Смуты князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского. Дело в том, что она тоже происходила из рода Татевых[361]. Князь Борис Татев приходился ей родным племянником[362]. Однако обвинять княгиню Марию Пожарскую и ее сына в том, что они доносили Борису Годунову на князя Бориса Лыкова и его высоких родственников и покровителей, трудно, потому что князья Татевы были также и их однородцами — стародубскими князьями. Свидетельствовать против князей своего рода для Пожарских было бы самоубийственно, после этого могло произойти крушение их службы при дворе. Сам князь Дмитрий Михайлович с особым уважением относился к вдове Олене Скопиной-Шуйской (между тем на нее, по словам князя Лыкова, Пожарские тоже доносили). Впоследствии князь Дмитрий Пожарский фактически стал ее душеприказчиком[363].

С какой же целью князь Борис Лыков стал «ворошить прошлое»? Создается впечатление, что он стремился отомстить своему обидчику и намеренно ссорил его и его мать с теми родственниками, кто мог оказать им поддержку уже при дворе царя Василия Шуйского, где боярин князь Борис Лыков стал одним из первых «ушников»[364].

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский, видимо, пользовался доверием Бориса Годунова и всё время его царствования находился на службе в Москве. В самом начале сентября 1603 года ему поручили выступить на суде по местническому спору своего «старейшего дяди» князя Андрея Ивановича Гундорова, назначенного окольничим в традиционном походе царя Бориса Годунова в Троицесергиев монастырь[365]. Известно, что князь Дмитрий Пожарский получал жалованье 20 рублей из Галицкой четверти; он расписывался в кормленной книге 112 (1603/04) года как за себя, так и за других дворян и детей боярских[366]. Кому-то князь Пожарский помогал по родству, как своему зятю стольнику князю Никите Андреевичу Хованскому. Расписавшись в книге за получение денег костромского выборного дворянина князя Семена Юрьевича Вяземского, он поддержал должника. В боярском списке 1602/03 года рядом с именем князя Семена

Вяземского стояла помета: «В Кузмодемьянском на правеже»[367], а деньги из чети брал сын князя Семена Вяземского, очевидно, чтобы помочь отцу расплатиться с кредиторами. Дела самого князя Дмитрия Михайловича Пожарского шли неплохо; судя по кормленной книге, больше половины своего оклада — 12 рублей — он потратил в 1603/04 году на приобретение хорошего коня в Конюшенном приказе (деньги удержали из его четвертного оклада). Немалыми были и его земельные владения. За князем были утверждены наследственные земли его отца в Стародубе, подмосковная вотчина в селе Медведкове, приданные вотчины матери в Коломенском и, возможно, Юрьев-Польском уездах. К отцовским поместьям в Мещовском и Серпейском уездах князь Дмитрий Михайлович добавил в 1599/1600 году собственное поместье из подмосковных земель[368]. Известны также его владения в Рязанском уезде[369].

Вся эта обычная жизнь человека, входившего в небольшое число привилегированных членов двора царя Бориса Годунова, рухнула в одночасье со смертью царя и последовавшей затем сменой власти в столице. Княгиня Мария Пожарская и ее сын потеряли почти всё из того, чего добивались огромными усилиями и на что потратили не один год. Верховая боярыня убитой царицы Марии Годуновой для нового самозваного царя Дмитрия Ивановича могла представлять опасность как ненужный свидетель последних дней семьи Годуновых. Больше ей во дворце, конечно, служить не пришлось. Да и было некому, так как мнимая мать самозванца, бывшая царица Мария Нагая — инокиня Марфа, стала жить не в кремлевских дворцах, а в кремлевском Вознесенском монастыре. Себя она окружила родственниками — Нагими. Связь со Степаном Степановичем Годуновым (через князей Хворостининых), которая в свое время могла способствовать князю Дмитрию Пожарскому, в начале царствования самозванца становилась пунктом обвинения. Кроме того, в Москву возвратился бывший соперник князя Дмитрия Пожарского по местническому спору князь Борис Лыков, ставший в начале царствования «Дмитрия Ивановича» одним из самых приближенных к нему лиц. Он носил чин кравчего, его обязанностью было «вина наряжать» на царских пирах и «столах», а такая служба требовала полного доверия. В дальнейшем он получил от самозванца высший чин боярина. Князь Борис Лыков, как мы помним, хранил тайное недоброжелательство к князю Пожарскому и, возможно, уже тогда рассказывал князю Василию Васильевичу Голицыну и другим новым приближенным царя Дмитрия Ивановича, как Пожарский «выдавал» их Борису Годунову. Однако самозваный царь в начале своего правления

объявил, что не собирается никому мстить. Преследование князю Дмитрию Пожарскому вроде бы не грозило, однако и на службе самозванца он пока что был совершенно незаметен.

Позднее князя Бориса Лыкова, назначенного в бояре, сменил в кравчих князь Иван Андреевич Хворостинин, видимо, лучше подходивший к яркому и неординарному окружению царя Дмитрия Ивановича. Этому предшествовал местнический спор в сентябре 1605 года Лыкова с другим Хворостининым, ярославским князем Юрием Дмитриевичем. Тогда снова всплыло имя князя Дмитрия Пожарского. Князь Хворостинин доказывал, что князья Лыковы «с нами, холопи твоими, везде бывали безсловны, в менших товарыщи». Одним из аргументов был суд князя Дмитрия Пожарского с князем Лыковым в 101 (1602/03) году. Находясь в родстве с Пожарскими через свою тетку княгиню Анастасию Ивановну Пожарскую, Хворостинин, видимо, интересовался этим делом. Сам факт спора был ему на руку. Однако в своей аргументации князь Юрий Дмитриевич повторял всё то, что было известно об этой ветви рода князей Пожарских, не щадя чувства князя Дмитрия Пожарского: «А князь Дмитреев, государь, прадед и отец нигде не бывали в ваших государьских чинех и в розрядех окроме городничества и городовых приказщиков, а вашею царьскою милостью с нами, холопи твоими, нигде не смешивалися»[370].

И всё же свой шанс на продолжение службы при дворе князь Дмитрий Михайлович получил. Он упоминался среди стольников при встрече отца царской невесты сандомирского воеводы Юрия Мнишка и в разряде свадьбы царя Дмитрия с Мариной Мнишек в начале мая 1606 года. И в том, и в другом случае у него было особое поручение — стольник князь Дмитрий Пожарский «за ествою сидел» (на свадьбе — у послов короля Речи Посполитой) [371]. Бывают такие причудливые повороты истории! Надо вспомнить, что одним из послов в 1606 году был не кто иной, как велижский староста Александр Госевский, который спустя несколько лет окажется во главе польско-литовского гарнизона в Москве. Именно он будет командовать теми, кто сожжет Москву 19 марта 1611 года, а стольник князь Дмитрий Пожарский получит тогда тяжелое ранение в бою в столице. Но до этого времени еще далеко, и пока Пожарскому было определено исполнять свою скромную роль в хорошо отрепетированном придворном спектакле.

Благодаря запискам поляков, приехавших на свадебный пир царя Дмитрия Ивановича и Марины Мнишек, можно больше узнать о том, чем были заняты стольники. Появление на пиру во время брачных торжеств «30 пар стольников», их одежду и

порядок службы описал Станислав Немоевский. По его словам, стольники были одеты «в парчевых государевых армяках, с цепями, в чернолисьих шлыках». Сначала они «били челом» государю, а затем разобрали золотую и серебряную посуду из огромного буфета «в пол-залы» и вышли с нею в сени. Потом четверо из них вернулись, они «принесли по миске и стали друг около друга (без поклона пред государем и без снятия шапок), держа по службе своей кушанья». Сохранился даже перечень блюд, которыми угощали польско-литовских послов Николая Олесницкого и Александра Госевского: «лебяжье коленко с медом», «крыло печеного тетерева», «заячья головка», «вяленая лопатка ягненка», курица «с борщем», «тесто» и пироги, десерт и «конфекты»[372]. Однако все эти «вкусные» бытовые подробности мало что могут сказать биографам, ищущим мысли, взгляды, оценки или суждения. Мы увидим за описанием богатой золотой и серебряной посуды и перечнем «ествы», за которой «сидел» (то есть которую расставлял по столам) князь Пожарский, только вещный мир московских царей. Какие-то детали особого поведения стольников уловил другой польский участник свадебных торжеств, заметивший, что «прислуга у царского стола отправляет службу по-простому, без поклонов, и чашничие, которых здесь зовут стольниками, даже не снимали шапок, а только наклоняли голову»[373]. У Немоевского пир польских послов описан подробнее, от начала и до конца, когда стольники получили из собственных царских рук «пару соленых слив» — заветное угощение в знак высочайшего благорасположения. От него мы также узнаём, что все присутствующие стали свидетелями довольно неприятного инцидента, когда посол Александр Госевский пытался отказаться от того, чтобы самому подойти за чаркой с питьем к столу царя Дмитрия Ивановича. Только нешуточная угроза «выбросить посла в окно» в случае его отказа заставила Госевс-кого подчиниться. Но с тех пор московские бояре (и стольник князь Дмитрий Пожарский тоже) должны были запомнить, каков характер у будущего узурпатора власти Боярской думы в Москве. Возможно, что именно тогда у князя Пожарского и появилось свойственное ему впоследствии стойкое неприятие самозванцев, хотя у молодого стольника, служившего при дворе, видимо, не было оснований не доверять официальной версии о происхождении царя Дмитрия Ивановича.

Едва вернувшись к дворцовой службе, князь Дмитрий Михайлович должен был пережить новый исторический поворот. 17 мая 1606 года самозваный царь был свергнут, и на престол взошел новый царь — суздальский Рюрикович Василий Иванович Шуйский. Князю Дмитрию Пожарскому, наверное, опять

пришлось доказывать свою лояльность, так как прежние службы его самого и княгини Марии Пожарской царю Борису Годунову еще не были забыты. При дворе начинались новые времена, но теперь надежда князей Пожарских была на близость к князьям Шуйским (особенно Скопиным-Шуйским). Родовое гнездо и некрополь последних тоже располагались в Суздале (некрополь в Рождественском соборе).

Первая известная служба князя Дмитрия Михайловича Пожарского при царе Василии Шуйском относится ко времени боев под Москвой в конце 1606 года с повстанческим войском Ивана Болотникова. Впервые в разрядных книгах упоминалось назначение стольника князя Дмитрия Пожарского в полки, а не на придворную службу. Царь Василий Шуйский поставил «за Москвою рекою против воров» полки бояр и воевод князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, князя Андрея Васильевича Голицына и князя Бориса Петровича Татева. Доверие царя, оказанное его молодому родственнику, еще недавно мечнику Лжедмитрия I князю Михаилу Скопи-ну-Шуйскому, было неслучайным. Молодой полководец, чье имя прославится в эпоху Смуты, впервые проявил свой талант. По сообщению разрядных книг, «с ворами бои были ежеденные под Даниловским и за Яузою». Одним из тех, кто командовал дворянскими сотнями и назван в списке «голов» в полку князя Михаила Скопина-Шуйского, был князь Дмитрий Пожарский[374]. В итоге царю Василию Шуйскому, как известно, удалось отогнать войско Ивана Болотникова от Москвы, а затем преследовать и разбить его под Калугой и Тулой.

Помета «под Калугою» проставлена рядом с именами большинства стольников в боярском списке 1606/07 года. Однако это не относится к князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому. Существуют большие сомнения, остался ли он в тот момент служить в чине стольника или был переведен в другой чин. Боярский список 115 (1606/07) года сохранился не полностью. Имя князя Дмитрия Пожарского обнаружилось в той его части, которая долгое время считалась утраченной и была неизвестна исследователям. Упоминание о нем попало в продолжение перечня московских дворян[375]. Перевод из стольников в московские дворяне был обычным делом, он не мог считаться понижением статуса — если только речь не шла о представителях знатных родов, которые попадали в бояре и окольничие напрямую, минуя чин московского дворянина. Имя же князя Дмитрия Пожарского в перечне чинов двора оказалось записано рядом с именами московских дворян, служивших до этого чина в стрелецких головах, стряпчих и выборными дворянами в уездах.

Много лучше при дворе царя Василия Шуйского складывалась карьера зятя князя Дмитрия Михайловича, мужа его старшей сестры Дарьи стольника князя Никиты Андреевича Хованского. Он был дружкой «з государынины стороны» на царской свадьбе в январе 1608 года (избранницей царя Василия Шуйского стала княгиня Мария Петровна Буйносова-Ростовская). Сестре Пожарского княгине Дарье Хованской в «чине бракосочетания» тоже отведена почетная роль, она упомянута как одна из «больших свах» новой царицы (вместе с Александрой, женой князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского)[376]. Всё это обещало большую карьеру князю Никите Хованскому при дворе царя Василия Ивановича, однако случилось по-другому. В самом начале лета 1608 года Пожарскому пришлось исполнить печальную обязанность погребения зятя, принявшего перед смертью схиму с именем Нифонт. 4 июня 1608 года князь Дмитрий Михайлович дал вкладом в монастырь деревню Елисеево и половину деревни Черепово в Мугрееве. С этого момента в родовой усыпальнице князей Пожарских в Суздальском Спасоевфимиевом монастыре появилась еще и могила князей Хованских[377]. И даже не одна. Среди надгробных плит из этой усыпальницы, найденных в конце 1980-х годов, имелась и плита с надгробия умершего в младенчестве в том же 1608 году сына князя Никиты Хованского Петра.

На этом злоключения семьи Хованских—Пожарских не закончились. Примерно в это время умер другой младенец — сын самого князя Дмитрия Михайловича Пожарского, названный им в честь своего зятя Никитой[378].

Семейная жизнь князя Дмитрия Михайловича Пожарского скрыта, как и первые шаги его самостоятельной служебной карьеры. Можно лишь назвать имя его жены — Прасковья Варфоломеевна. Однако неизвестно, из какого рода она происходила и когда состоялась их свадьба. Нет сведений и о ее приданом, которое, как обычно это бывало, могло пополнить вотчинные земли князей Пожарских. Историкам приходится развести руками: «как будто его жена была круглой сиротой», — пишет Ю. М. Эскин[379]. У князя Дмитрия Михайловича и Прасковьи Варфоломеевны ко времени царствования Василия Шуйского было еще двое детей — дочь Ксения и старший сын Петр (его возраст вычисляется предположительно — по времени начала службы в 1621 году). Остальные дети, в том числе сыновья Федор и Иван, родились позднее.

Продолжение службы князя Дмитрия Михайловича пришлось на тяжелое время не только для него, но и для всего царства. Вокруг царя Василия Шуйского осталось совсем немного верных

сторонников, и Пожарский оказался одним из них, хотя он и не входил в ближний царский круг. Под Москвой образовался Тушинский лагерь, откуда столице угрожал новый самозваный царь Дмитрий. У двух царей — настоящего и мнимого — были свои дворы и приказы. Присягу царю Дмитрию Ивановичу приносило всё больше и больше уездов и городов по всей стране, включая самый ее центр — Замосковный край и близлежащие к Москве города. В конце 1608-го — начале 1609 года столица оказалась почти в сплошной блокаде. Единственная дорога, которую не успели занять сторонники Лжедмитрия II, лежала на юго-восток, через Коломну в Переславль-Рязанский, откуда шло снабжение хлебом. Перерезав эту дорогу, самозванец и его польско-литовские войска («паны») могли поставить москвичей на колени.

Перед угрозой голода подданные царя Василия Шуйского должны были решать, держаться им дальше своей присяги или нет. Законность избрания князя Шуйского на трон с самого начала не признавали многие. Это и питало иллюзии о возможности возвращения ко временам «прежнего» царя Дмитрия. В отличие от Москвы, где каждый, кто хотел, видел растерзанное тело самозванца, лежавшее в течение нескольких дней на Красной площади, в стране могли верить в его чудесное спасение. Тем более что рядом с Дмитрием в Тушине опять появилась царица Марина Мнишек. Но что касается князя Дмитрия Пожарского, то его выбор оказался однозначным. Он служил только законному царю и больше никому

Первое самостоятельное назначение князя Дмитрия Михайловича в воеводы было связано со службой под Коломной в конце 1608-го — начале 1609 года. Он возглавил небольшой отряд, посланный на выручку коломчанам, которым со всех сторон угрожали войска сторонников Тушинского вора. В этих боях, конечно, учитывалось стратегическое значение Коломны, где сходились речные пути по Оке и Москве-реке. Помимо стремления к распространению своей власти на юго-восток от Москвы у тушинского гетмана и полковников его войска, видимо, существовал более прозаичный план грабежа всех центров существовавших епархий (в том числе Коломенской), где можно было найти богатую архиерейскую казну. Однако и укреплены такие города были лучше других. Коломна располагала каменным кремлем, к тому же город давно служил местом сбора полков русского войска против крымских набегов и умел защищаться. В первую очередь Коломне угрожали отряды засевшего в соседней Кашире ротмистра Хмелевского. Однако в одиночку отряду одного из тушинских панов осуществить осаду

города было невозможно. Его приступ к Коломне 15 декабря 1608 года был отбит[380]. Поэтому тушинцы решили собрать под Коломной больше сил и направили туда часть войска из Владимира. Об этом стало известно царю Василию Шуйскому, который послал на подкрепление в Коломну отряд во главе с воеводой князем Дмитрием Михайловичем Пожарским.

К 27 декабря 1608 года крестьяне дворцовой Гуслицкой волости направили челобитную с повинной в Коломну, «что своровали, неволею вору крест целовали». Однако крестьяне вотчины кремлевского Чудова монастыря в селе Высоком, или Высоцком (ныне город Егорьевск), в тридцати верстах от Коломны по-прежнему держались присяги Лжедмитрию II.[381] Богатый торг, существовавший в Высоцком, интересовал тушинцев в первую очередь. Имея там зимние квартиры, они могли постоянно угрожать Коломне и ее округе. Князь Дмитрий Пожарский, получив назначение в Коломну, продолжил попытки одного из коломенских воевод Семена Глебова склонить крестьян села Высоцкое к отказу от воровской присяги.

Известие о его походе под село Высоцкое сохранилось не в записях разрядных книг, а в «Новом летописце», созданном в 1620 — 1630-х годах. Автор летописца уделил «побою литовских людей и русских воров в селе Высотцком» отдельную статью, в которой мог использовать воспоминания участников того похода (может быть, даже самого князя Дмитрия Михайловича). Летописец сообщил, что отряд князя Пожарского «поиде с Коломны» и пришел «в Высотцкую волость» «на утренней зоре», после чего враги были «побиты на голову». Князь Дмитрий Михайлович «языки многие поймал и многую у них казну и запасы поймал»[382]. Особое внимание к этому в общем-то рядовому сюжету времен противостояния с тушинцами могло быть связано с тем, что от пойманных «языков» удалось узнать о планах тушинского войска, готовившегося к осаде Коломны. После разгрома им ничего не оставалось, как вернуться обратно во Владимир.

Историки немного по-другому рассказывают о походе князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Они склонны считать, что воевода, еще не доходя Коломны, напал на тушинцев и разбил их в селе Высоцком[383]. Однако остается вопрос: действовал ли Пожарский самостоятельно и был ли он послан непосредственно из Москвы или все-таки из Коломны? В рассказе о битве в «Новом летописце» присутствует какая-то скрытая интрига. Известно, что появление «стольника и воеводы» князя Дмитрия Пожарского в Коломне вызвало местнический спор с первым коломенским воеводой Иваном Михайловичем Меньшим Пушкиным. Наказ

«117 года» воеводе князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, выданный из Разрядного приказа, «где он послан был на Коломну, а с ним был на Коломне Ивашка Михайлов сын Пушкин», а также грамота из Стрелецкого приказа времени их совместного коломенского воеводства сохранялись в архиве князя Пожарского и после Смуты[384]. Имя князя Дмитрия Михайловича писали в грамотах на Коломну на первом месте, потом шли имена других коломенских воевод — Ивана Пушкина и Семена Глебова. Это стало местнической «находкой» князей Пожарских[385], чему и воспротивился Иван Пушкин, выдвинувший свои претензии. Скорее всего, узнав о неподчинении Ивана Пушкина указам первого воеводы, князь Дмитрий Михайлович не стал отвлекаться на опасную распрю в условиях грозившей Коломне осады. Тем более что полностью повторялась такая же местническая ссора прежних коломенских воевод, когда под город приходил ротмистр Хмелевский. (Тогда воеводами в Коломне были Иван Матвеевич Бутурлин и Семен Глебов. Из Москвы с подмогой прислали князя Василия Семеновича Прозоровского и Василия Борисовича Сукина. Однако после назначения воевод «идти против Хмелевского» Иван Бутурлин отказался быть на вторых ролях. Потребовалось вмешательство царя, чтобы воевода выполнил царский указ[386].) Челобитную Ивана Пушкина удовлетворили и отозвали для разбора местнического спора с князем Пожарским в Москву: «Царь Василей велел их бояром судить». В походе из Коломны в Высоцкое князь Дмитрий Михайлович воспользовался полномочиями, данными ему при назначении в Коломну «с ратными людьми»; он сам возглавил приведенные из Москвы войска и обеспечил победу над противником.

20 февраля 1609 года состоялся разбор местнического дела в Москве[387]. Ивану Пушкину и князю Дмитрию Пожарскому была устроена очная ставка перед боярской комиссией. Местники должны были приводить свои «случаи», то есть службы предков, обосновывавшие их претензии командовать друг другом в Коломне. Князь Дмитрий Михайлович действовал так же, как и раньше в споре с князем Лыковым: «подал в случаях Татевых и Хилковых», то есть старших стародубских князей. Иван Пушкин, напротив, гордо подчеркивал, что «подавал однех Пушкиных», а представителей старших ветвей рода, имевших думные чины «Челядниных и Федоровых и Бутурлиных», не подавал, но готов был это сделать. Узнав о споре, возобновил свои претензии к Пожарскому и князь Борис Лыков. Ему передали, что, защищаясь в споре с Пушкиным, князь Дмитрий Пожарский якобы говорил, «будто он… учинен отечеством в версту» с князем Лыковым и

прежний суд при царе Борисе Годунове был «не вершон для ровенства». Князь Борис Лыков ссылался даже на какую-то «розрядную» грамоту, полученную князем Дмитрием Михайловичем Пожарским в Коломне 11 февраля, которая имела отношение к их давнему спору[388]. Но скорее всего, речь шла всё о тех же грамотах из Москвы, где имя князя Дмитрия Михайловича называлось первым в ряду коломенских воевод.

Царь Василий Шуйский на деле выдал князя Дмитрия Пожарского, поскольку принял доводы его противников и «велел бояром у княз Дмитрея Пожарсково взять иные случие, где бывали их Пожарские». Конечно, всем при дворе было известно, что предъявить князю что-то особенное из служб своих предков было нечего, а потому исход дела с Иваном Пушкиным становился очевидным. Правда, с одной оговоркой. Царь принял на себя решение местнического спора: «и хотел тово суда царь Василей сам слушать». А дальше продолжения просто не последовало: «И тот суд у Ивана со князем Дмитреем при царе Василье не вершен»[389]. Слишком много забот было в тревожном 1609 году у царя Василия Ивановича, чтобы отвлекаться на запутанные и годами не решавшиеся местнические дела. Возможно, что он намеренно «замолчал» это дело, пустив его на самотек обычной московской волокиты. Не так много у него было в распоряжении успешных воевод, безусловно сохранявших ему верность, и царь не пожелал обидеть одного из них.

Еще одно назначение князя Дмитрия Пожарского, о котором редко вспоминают, относится к середине июля 1609 года. Тогда царь Василий Шуйский пытался мобилизовать на отпор тушинцам, угрожавшим Москве, всех, кого только мог. В Великом Новгороде с помощью шведов молодой боярин князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский собрал наемное войско и двинулся с ним в сторону Твери. За поддержкой царь готов был обратиться даже к крымским и ногайским татарам или хотя бы убедить крымчаков не вмешиваться в русские дела. Весной 1609 года начался поход крымского войска во главе с калгой Джанибек-гиреем (будущим крымским царем). Шуйский объявил, что крымские татары, вставшие под Каширой, пришли ему на помощь. Однако вместо обещанной поддержки они взяли предложенную русским царем богатую казну и двинулись обратно в Крым, разграбив по дороге еще ряд городов. Обманом была в 1609 году и «помощь» юртовских татар Ногайской орды[390]. Договариваться с крымским калгой и отвезти ему «дары» был послан из Москвы князь Григорий Константинович Волконский. А охранять посольство и ту самую откупную казну от «воров» отправили «в провожатых» князя Дмитрия Михайловича

Пожарского[391]. Конечно, такое поручение являлось свидетельством доверия к нему со стороны царя.

Тем временем летом 1609 года под Коломной происходили важнейшие для царя Василия Шуйского события. Тушинцы так и не смогли захватить город, но им удалось осадить его и перехватить все дороги, идущие к Москве. Для столицы это означало торговую блокаду и отсутствие достаточного количества хлеба, который поставлялся до Коломны по Оке из Переславля-Рязанского. Попытка рязанского воеводы Прокофия Петровича Ляпунова разблокировать Коломну оказалась неудачной (см. выше). Кроме того, ничего нельзя было поделать с мужиками из дворцовых волостей, окружавших Москву. Они, как в любой гражданской войне, думали по-мужицки, прежде всего о том, как выжить самим, не очень-то задумываясь о судьбе царя Василия Ивановича. Сборщик кормов с царской грамотой из Москвы или из Тушина воспринимался ими одинаково. Крестьян нещадно били и грабили как отряды Шуйского, каравшие за неповиновение, так и тушинцы. Более того, в условиях, когда царь по-прежнему управлял из столицы, а польские пахолики и загонные люди свободно ходили в подмосковных волостях небольшими отрядами, легче было договориться именно с последними. Не случайно в период существования тушинского лагеря в подмосковных волостях фиксируются чрезвычайные органы управления, состоявшие из выборных крестьян и кого-нибудь из заметных польских панов в чине ротмистра или полковника. Так удавалось поддерживать хоть какую-то видимость порядка.

Из всех стихийно появившихся крестьянских заступников, умевших договариваться с «панами», прославился «хатунской мужик» (крестьянин Хатунской дворцовой волости) Иван Салков. Все знали его даже не по имени, а только по прозвищу. Он сумел сколотить небольшое войско, с которым охранял своих же крестьян как от карательных отрядов царя Василия, так и от мародеров, ездивших без дозволения из тушинского войска. Своей славой Салков в глазах современников сравнялся с небезызвестным Хлопком, в голодном 1603 году разбившим царское войско под Москвой. 26 октября 1609 года Салков, действуя совместно с ротмистром Анджеем Млоцким, нанес чувствительный удар по московскому правительству. Им был разбит отряд коломенского воеводы Василия Федоровича Литвинова-Мосальского, везший обозы с продовольствием из Рязани[392]. Отряды Салкова подходили даже к Николо-Угрешскому монастырю. Тогда опять понадобился князь Дмитрий Михайлович Пожарский, так как другие воеводы справиться с

мятежником не могли. Как свидетельствует «Новый летописец», отряд князя Пожарского обнаружил салковское «воинство» на Владимирской дороге и нанес ему сокрушительное поражение на речке Пехорке. С поля боя вместе с Салковым сумели ускакать на конях всего тридцать человек, но уже через несколько дней они вынуждены были присягнуть царю Василию Шуйскому[393].

Большую часть царствования Василия Шуйского, кроме нескольких месяцев 1608 года, князь Дмитрий Михайлович прослужил в Москве. Он участвовал в боях с тушинцами около Москвы или в подмосковных волостях, но заметных именных назначений у него было мало. Попытка отправить его на воеводство в Коломну провалилась и окончилась громким местническим спором. В Москве князь Дмитрий Пожарский узнавал об успехах войска князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского. Весной 1610 года объединенное войско из ратных людей князя Михаила Скопина и наемных сил во главе с Якобом Делагарди и другими иноземными офицерами вошло в столицу. Молодого представителя рода князей Шуйских приняли как будущего царя, что и сыграло роковую роль в его судьбе. В череде пиров, последовавших после вступления его рати в Москву, полководец получил отравленную чашу от своих недоброжелателей. Боярин — победитель Тушинского вора и последняя надежда Русского государства — умер 23 апреля 1610 года.

В начале 1610 года князь Дмитрий Михайлович Пожарский был отправлен на воеводство в Зарайск. В условиях начавшегося распада Тушинского лагеря царь Василий Шуйский укреплял наконец-то освободившуюся от врагов дорогу от Москвы к Коломне и далее через Зарайск к Переславлю-Рязанскому, а также всю линию обороны по Оке. Если учесть прежние службы князя Дмитрия Михайловича, то можно прийти к выводу, что его назначение стало продолжением его сложившейся «специализации» по обороне столицы с юго-востока.

Крепость Николы Заразского, или Зарайск, куда был назначен на воеводство князь Дмитрий Михайлович, как и Коломна, обладала каменными укреплениями (они были построены в 1531 году). Зарайск был важным пунктом в обороне южной границы и рязанских земель от татарских нашествий. К концу XVI столетия этот небольшой город с крепостью и острогом насчитывал на посаде около 200 дворов[394]. Статус служилых людей, назначавшихся на службу в Зарайск, был невелик — это были осадные головы. Так, например, в октябре 1597 года на службу в Зарайск был назначен Семен Беклемишев (дальний родственник князя Дмитрия Пожарского по жене), а через какое-то время его

отставили и отправили служить «с городом»[395]. В царствование Бориса Годунова была проведена реформа «берегового разряда», новые опорные пункты сбора войска были выдвинуты дальше к Дикому полю, а крепости Коломны и Зарайска потеряли свое прежнее стратегическое значение. В течение всего Смутного времени осадные головы в Зарайск не назначались, пока сразу в статусе воеводы там не оказался князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Рядом с ним воеводами в соседние города были назначены представители знати — князь Федор Тимофеевич Долгорукий в Рязань, боярин князь Михаил Самсонович Туренин в Коломну, окольничий князь Григорий Петрович Ромодановский в Каширу и князь Иван Михайлович Одоевский в Серпухов[396].

Назначение в город Николы Зарайского, где сложился культ почитания местного образа святого Николая Чудотворца, было символичным для князя Дмитрия Михайловича. В его родовом селе Волосынине (Мугрееве) тоже располагалась деревянная шатровая Никольская церковь[397]. Не случайно, что у князя сложились особые отношения со священником главного собора в Зарайске протопопом Дмитрием Леонтьевым. Эта дружба очень помогла зарайскому воеводе сохранить свою небольшую крепость как островок пусть относительного и неустойчивого, но спокойствия в бушевавшем вокруг море политических перемен. В первую очередь сказывалось соседство с Рязанью, где правил думный дворянин Прокофий Ляпунов, собиравший силы для свержения с трона царя Василия Шуйского и готовый ради этого вступить в союз с оказавшимся в Калуге самозванцем. После смерти князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского Ляпунов напрямую обратился в Зарайск, прислав туда своего племянника Федора Ляпунова. Но Пожарский сделал то, что он делал всегда: остался верен присяге и, видимо, стал отговаривать Ляпунова от попыток объединения со сторонниками «Вора». Он еще раз доказал свою лояльность царю Шуйскому, когда от несчастливого самодержца отвернулись уже почти все.

Когда в Зарайске узнали о сокрушительном поражении правительственной армии под Клушином 24 июня 1610 года, начались волнения. По примеру соседней Коломны и других городов здесь готовы были всем «миром» снова присягнуть самозваному царю Дмитрию Ивановичу. К тому же хотели склонить и Пожарского: «И придоша ж на него всем градом, чтоб поцеловати крест Вору». Воевода, получив благословение протопопа Дмитрия, действовал решительно: он затворился с немногими сторонниками в зарайском кремле и пригрозил, что будет разгонять пушками взбунтовавшихся «мужиков». Но Пожарский не был бы тем Пожарским, которого мы знаем, если

бы он ограничился только этим. Приведя толпу к повиновению, он пошел на своеобразный компромисс, уговорив жителей Зарайска пока не присоединяться ни к кому из претендентов, готовых сменить царя Василия Шуйского, а принять присягу тому царю, кого изберут в Москве: «хто будет на Московском государстве царь, тому и служить». Это, видимо, и была в тот момент самая мудрая и дальновидная позиция[398].

Следуя своим принципам, князь Дмитрий Михайлович должен был присягнуть вместе со всеми королевичу Владиславу, избранному на русский престол после сведения с царства Василия Шуйского. Договор Боярской думы с гетманом Станиславом Жолкевским об избрании королевича был заключен 17 августа 1610 года. Князь Дмитрий Пожарский по-прежнему находился на воеводстве в Зарайске, но наводнившие Москву бывшие тушинцы не смогли простить ему последовательной поддержки Шуйского. В боярском списке «119» (1610/11) года рядом с именем стольника князя Дмитрия Михайловича Пожарского сначала было написано «в Зараском», но потом эту помету зачеркнули. В Зарайск на его место был отправлен боярин Никита Дмитриевич Вельяминов, «пущенный» в Думу «при Литве»[399].

Перед тем как лишиться поста зарайского воеводы, князь Дмитрий Михайлович успел спасти рязанского воеводу и будущего организатора Первого земского ополчения Прокофия Петровича Ляпунова. Как мы помним, тот неосторожно «увяз» в Пронске, куда ходил воевать против запорожских казаков. Князь Дмитрий Пожарский во главе отряда из рязанских и коломенских детей боярских (вокруг Зарайска было много их владений) пошел на выручку рязанским городам. Уже сама весть об этом заставила запорожских казаков отойти в Михайлов. Сообразив, что пока князь Пожарский отсутствует в Зарайске, город остался без надежной охраны, Исак Сунбулов вместе с запорожцами решил воспользоваться моментом. Однако Пожарскому удалось сорвать и этот замысел: он упредил нападавших, скрытно вернувшись в Зарайск всего за несколько часов до того, как те приготовились к штурму крепости. Каково же, наверное, было удивление «черкас», когда распахнулись ворота зарайского кремля и они опять увидели воеводу князя Пожарского, недавно оставленного ими в Пронске. По сообщению «Нового летописца», князь Дмитрий Михайлович «выиде из города не с великими людьми и черкас из острога выбиша вон и их побиша». После этого Исак Сунбулов ретировался в Москву, а разбитые «черкасы», как считал летописец, «поидоша на Украину»[400].

Следующий раз в источниках имя князя Дмитрия Михайловича Пожарского появляется в самый трагичный момент

боев в Москве 19 марта 1611 года, в «великое московское разоренье». Он сражался на Сретенке, рядом со своими владениями. Быть может, Пожарский был застигнут врасплох и находился на своем дворе, когда московские управители во главе с Александром Госевским решили зажечь столицу ввиду приближения отрядов Первого земского ополчения. А возможно, что князь Дмитрий Михайлович оказался в столице неспроста и должен был соединиться с ополчением после его прихода под Москву. Такое предположение высказывал еще Иван Егорович Забелин, считая, что обговорить возможные действия в столице с Прокофием Ляпуновым князь мог тогда, когда спасал будущего организатора Первого ополчения в Пронске и возвращался оттуда вместе с ним в Рязань. «Пожарский пришел первый, — писал Забелин. — Как он пришел, нам неизвестно. Был ли он передовым всей Рязанской рати, которою предводительствовал Ляпунов, или по общему совету пришел независимо от Ляпунова, как независимый воевода Зарайский, — летописцы не упоминают об этом. Они утверждают только, что к Москве пошли всех городов воеводы. Само собою разумеется, что сам по себе, одним лицом, Пожарский не мог явиться к Москве. Не мог он самовольно оставить воеводство, да и очень небезопасно было тогда ездить без ратных людей. Как бы то ни было, но Пожарский был уже в Москве, и выпала ему завидная доля первому же и начать борьбу с Ляхами для очищения Москвы и государства»[401]. К сожалению, ничего определенного об участии будущего освободителя Москвы в земском движении по созданию ополчения в начале 1611 года историки сказать не могут. Однако пересечений князя Дмитрия Пожарского и Прокофия Ляпунова тоже достаточно, чтобы остановить внимание на их переписке и встрече в Рязани. Вряд ли князь Дмитрий Михайлович вслед за Ляпуновым был склонен к союзу с бывшими тушинцами, но ведь и на него должно было повлиять известие о смерти самозванца в Калуге 11 декабря 1610 года!

Сама судьба как будто до определенного момента вела вместе Ляпунова и Пожарского, чтобы затем события совершили непредсказуемый поворот. Во время боев в Москве 19 марта 1611 года князь Дмитрий Пожарский был тяжело ранен; его увезли из Москвы в мугреевскую вотчину, где он лечился от ран. Не за эту ли службу вознаградили его власти Первого ополчения, выдавшие ему 17 июня 1611 года ввозную грамоту на костромское поместье?[402] Костромские земли относились к вотчинам сидевшего в осаде в Москве боярина князя Ивана Семеновича Куракина, активно воевавшего против отрядов земского ополчения. Подмосковные земские власти конфисковали вотчину

Куракиных и пустили эту землю в раздачу. До князя Пожарского бывшая куракинская вотчина успела побывать в руках воевавшего на стороне ополчения рязанского дворянина Семена Коробьина. Но с ним Прокофий Ляпунов, видимо, договорился о возмещении пожалований; сельцо Во-ронино было сначала «взято и отписано на землю до указу», а потом отдано князю Дмитрию Михайловичу. Ляпунов лично запечатал грамоту князю Пожарскому своей печатью. Это были недостающие 400 четвертей, данные «к старому его к рязанскому, да к серпейскому, да к мещескому поместью». До этого у стольника князя Дмитрия Пожарского было только 600 четвертей поместной земли, а с пожалованием он получал полностью землю в оклад 1000 четвертей. Правда, нет никаких сведений, что князь Дмитрий Михайлович воспользовался сельцом Воронином с деревнями Костромского уезда, выделенными ему властями земского ополчения. Грамоты всё равно выдавались до избрания нового царя: «А как аж даст Бог на Московское государство государя, и тогды то поместье велит государь за ним по книгам справити и выпись с книг дати»[403].

Боярское правительство в Москве тоже по-своему «отметило» героизм стольника князя Пожарского. 17 августа 1611 года, ровно год спустя после призвания на русский престол королевича Владислава, оно распорядилось конфисковать «изменничью» вотчину князя Дмитрия Михайловича Пожарского село Нижний Ландех в Стародубе и отдать ее некому Григорию Орлову[404]. В своей челобитной королю Сигизмунду III и королевичу Владиславу «верноподданный Гришка Орлов» указывал, что «князь Дмитрей вам государем изменил, отъехал с Москвы в воровские полки, и с вашими государевыми людми бился в те поры, как на Москве мужики изменили, и на бою в те поры ранен». То, что для одних было «конечным московским разореньем», другие считали боями с мужиками-изменниками. А ведь дело происходило в сожженной столице, где всё свидетельствовало о страшном пожаре 19 марта…

Глава московского гарнизона Александр Госевский, в руки которого сначала попала челобитная, оценил верноподданнический тон Орлова. Он переадресовал челобитную думному дьяку Ивану Грамотину с запиской, которая исчерпывающим образом характеризует парадный характер Боярской думы при новых управителях Москвы, где всё решалось по «совету» того самого Госевского: «Милостивый пане Иван Тарасьевич! Доложа бояр князя Федора Ивановича с товарищми и известив мой савет, прикгожо, по их приговору, дать грамоту Асударскую жаловалную. Александро Корвин Кгосевский челом

бьет». Боярская дума во главе с князем Федором Ивановичем Мстиславским такого ясного совета ослушаться не могла и выдала грамоту Григорию Орлову, в которой обвинение князя Дмитрия Михайловича Пожарского в измене было еще более усилено. Говорилось, что он изменил и «ныне у воров в полкех»[405], что, как хорошо известно, не соответствовало действительности, но было общим обвинением тех, кто не поддерживал Думу

Для князя Дмитрия Пожарского почти зеркально повторилась история с пожалованием ему самому поместья из куракинской вотчины в Костромском уезде. Сельцом Нижний Ландех, лишь недавно оказавшимся в составе его вотчинных земель, тоже распорядились без него. Князю Пожарскому обидно было бы потерять сельцо, находившееся не так далеко от его родового села Мугреево. Позднее эта награда за службу царю Василию Шуйскому в «осадное сиденье» все-таки осталась в составе его владений[406]. Вряд ли у Орлова хватило смелости явиться в стародубские вотчины князей Пожарских со своей грамотой, выданной боярским правительством в Москве.

Документ с упоминанием «измены» князя Дмитрия Пожарского остался памятником самых смутных месяцев из всего тяжелого лета 1611 года, когда пали Великий Новгород и Смоленск. Еще одним ударом стала трагедия под Москвой, связанная с убийством Прокофия Ляпунова и едва не погубившая всё земское дело. Оставшиеся воеводы Первого земского ополчения, два тушинских боярина князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой и Иван Мартынович Заруцкий, хотя и продолжали писать себя в грамотах «боярами Московского государства», таковыми являлись совсем не для всех. Баланс земских сил между дворянской и казачьей частями ополчений, между бывшими сторонниками царя Василия Шуйского и царя Дмитрия (тушинского или калужского периода) был нарушен. Поддержать князя Трубецкого и Ивана Заруцкого значило согласиться с тем, что при них был убит один из вождей земской части ополчения. Не поддержать… значило идти на поклон к врагу, который уже беззастенчиво распоряжался всем в Кремле. Из такого исторического тупика и был найден выход. Причем теми, от кого этого меньше всего можно было ожидать: торговым мужиком из Нижнего Новгорода и откликнувшимся на его призыв царским стольником.

# *КУЗЬМА МИНИН*

Кузьма Минин, обреченный стоять рядом с князем Пожарским (а иногда даже и впереди него), — народный герой. Тот, кому однажды дается такое звание, получает его раз и навсегда, что налагает определенные обязательства на историков: рассказывать о герое «как надо» и только то, что о нем хотят слышать. А это значит, что в каждую эпоху (и наша — не исключение) из его биографии творится миф, подменяющий реальность. Попытка добросовестного сбора документов об известном человеке, жившем в столь отдаленное время, на рубеже XVI—XVII веков, вряд ли удовлетворит общие интересы. (Кто нынче читает купчие, выписи из писцовых книг и синодики, кроме специалистов?!) Между тем о Кузьме Минине известно так мало, что ценен любой факт, говорящий как о нем самом, так и о его вкладе в создание нижегородского движения в 1611 году Потом были еще поход земского старосты с ополчением под Москву, участие в делах управления во время избирательного земского собора 1613 года. Тогда обычный мужик превратился в думного дворянина молодого царя Михаила Романова. Однако Кузьма Минин явно потерялся среди привилегированных государевых слуг, бояр, стольников и дворян. Его скорая смерть — как предполагают, еще совсем не старого человека — лишь расставила всё по своим местам. Историки, конечно, старались, но они слишком поздно озаботились сбором сведений о нижегородском посадском человеке, оказавшемся спасителем Отечества. Напомним, что памятник князю Дмитрию Пожарскому и «гражданину Минину» (уже концепция!) появился на Красной площади в Москве только после Отечественной войны 1812 года. Для большинства из нас фигура Кузьмы Минина, изваянная скульптором Иваном Петровичем Мартосом, и есть самый близкий образ народного героя. И никого уже не смущает, что по канонам классицизма Кузьма Минин одет в римскую тунику, а не в более подходящий ему кафтан или хотя бы кольчугу. Это исправил другой скульптор, Михаил Осипович Микешин, поместив Кузьму Минина в русской одежде в скульптурную группу, олицетворяющую начало династии Романовых на памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде в 1862 году. На нем коленопреклоненный Минин отдает царскую шапку и скипетр юному царю Михаилу Романову

О происхождении и времени рождения Кузьмы Минина достоверных сведений нет. Удивительно, но даже само его имя становилось предметом научных обсуждений. Дело в том, что у

посадских людей в те времена рядом с именем собственным стояло имя или прозвище их отца. Поэтому Минин — это не привычная для нас фамилия, а указание на то, что Кузьма был сыном Мины. Но как же быть с тем фактом, что иногда народного героя называют более полным именем и прозвищем — Кузьма Захарьев Минин Сухорук? Например, в статье «Нового летописца», рассказывающей о начале сбора ратных людей в Нижнем Новгороде, упоминается «нижегородец имеяше торговлю мясную Козма Минин, рекомый Сухорук»; такое же прозвище Минина упоминается и в памятнике последней четверти XVII века — Латухинской «Степенной книге»: «некто же из них нижегородец именем Козма Минин рекомый Сухорук, торговлею говедарь»[407]. Новые аргументы к такому именованию Минина появились после публикации работ Павла Ивановича Мельникова, больше известного как писатель Андрей Печерский. Чиновник Мельников был не чужд исторических интересов. Живя в Нижнем Новгороде, он не мог пройти мимо такой важнейшей для русской истории фигуры и в 1852 году в журнале «Москвитянин» напечатал статью «Как звали Минина. Купчая 1602 года»[408]. Там-то он и приводил сведения о *единственном* документе, в котором встречалось полное имя Кузьмы Минина, — купчей на двор на нижегородском посаде, где «в межах» был упомянут еще и двор «Кузьмы Захарьина Минина Сухорука, а по другую сторону Почаинской враг (овраг. — *В. К.)*». Отождествив этого человека с Кузьмой Мининым, Мельников-Печерский, как оказалось, лишь запутал историю вопроса[409].

Сначала эта версия была принята, особенно в популярной исторической литературе. Но скоро послышался и голос скептиков: ведь кроме упомянутого документа, Кузьму Минина с таким прозвищем называли только повествовательные источники XVII века. Специальную статью на тему «Одно ли лицо Кузьма Минин и Кузьма Захарьев Минин Сухорук» опубликовал один из ведущих деятелей Нижегородской ученой архивной комиссии Александр Яковлевич Садовский. Он решительно высказался в пользу краткого имени: «Кузьма Минин должен именоваться так, как именовался он сам, как именовали его родные и как именовали его дошедшие до нас официальные документы того времени»[410]. Можно заметить, что серьезные исследователи Смуты и истории нижегородского движения Сергей Федорович Платонов и Павел Григорьевич Любомиров так и поступали.

Однако красивая легенда, созданная П. И. Мельниковым, продолжала жить. Лишь совсем недавно, благодаря находке Александра Юрьевича Хачко, разыскавшего «Книги купчих записей» нижегородского посада 1602/03 года, куда вошел и

список с «купчей 1602 года», стало окончательно ясно, что писатель выдал желаемое за действительное и просто приписал от себя отсутствовавшую в тексте исторического документа часть имени исторического героя[411]. В документе речь идет о другом человеке — *Кузьме Захарьеве сыне Сухоруке* — и нет никакого упоминания его с отчеством *Минин*. Каковы были истинные мотивы этой «ошибки» Мельникова, приходится только гадать. Могло ведь сказаться и то, что летописные, а вслед за ними, вероятно, и некоторые фольклорные памятники действительно упоминали Кузьму Минина с прозвищем *Сухорук*. Однако более вероятно другое объяснение — Павел Иванович попросту искал славы знатока нижегородской истории.

Точно так же не выдерживают критики попытки вывести род Мининых не из Нижнего Новгорода, где его избрали земским старостой, а из Балахны. В этом городе долгое время существовали предания о том, что именно здесь родина Минина. Местный патриотизм увлек историка-краеведа Игоря Александровича Кирьянова, опубликовавшего статью в центральном научном журнале «История СССР» в 1965 году. С тех пор версия балахнинского происхождения Мининых была принята и другими исследователями. И. А. Кирьянов основывался на публикациях синодиков Нижегородского Печерского монастыря 1648 года, нижегородского Михаило-Архангельского собора конца 70—80-х годов XVII века и писцовой книги Балахны 1574—1576 годов, осуществленных Нижегородской ученой архивной комиссией. Сопоставив имена поминальных записей Кузьмы Минина и его сына Нефеда Минина в нижегородских синодиках с именами балахнинских Мининых из писцовых книг, И. А. Кирьянов нашел два совпадения и на этом основании высказал предположение «о тесной связи сведений о семействе балахнинских Мининых с имеющимися данными о Кузьме Минине и его роде». Как считал историк, ему удалось установить общего предка балахнинских Мининых — Федора Минина сына Анкудинова. Кирьянов сделал вывод о том, что отцом Федора Минина, как и отцом Кузьмы Минина, был один и тот же человек — некий Мина Анкудинов, упоминавшийся в одном из источников конца XVI века. Эти предположения поддержал историк Владимир Андреевич Кучкин, дополнив их ссылками на сведения писцовых книг города Балахны 1645/46 года и Заузольской дворцовой волости 1591 года[412]. Ему удалось найти новые материалы о Мине Анкудинове, которого стали считать отцом Кузьмы. После находки упоминания о трех деревнях, бывших «за балахонцом за посадским человеком за Минею за Онкудиновым», был сделан справедливый вывод о зажиточности

балахнинских Мининых. Однако главный вопрос — о связи рода нижегородца Кузьмы Минина с Балахной — так и остался открытым. Не случайно Виктор Иванович Буганов, автор биографического очерка о Кузьме Минине в журнале «Вопросы истории», сомневался в балахнинском происхождении своего героя[413].

Новое обращение к нижегородским синодикам, предпринятое историком Борисом Моисеевичем Пудаловым, показало практически полную несостоятельность догадок о связи Кузьмы Минина с Балахной. Самая ранняя из известных поминальных записей Кузьмы Минина содержится в «кормовом» синодике Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря, начатом еще в 1595 году. Под заголовком «Род Козмы Минича» перечислены следующие поминания: «Инока Мисаила. Домникею. Ияковаув[иеннаго]. Козму. Сергея. Мефодия». Как справедливо подчеркнул публикатор этой записи, отсутствие в поминании Анкудина, которого посчитали дедом Кузьмы Минина, по крайней мере, вызывает недоумение. Но еще больше генеалогического материала для восстановления состава рода Мининых дает вновь обнаруженная ученым выписка из утраченного Архангельского синодика 70—80-х годов XVII века со сведениями о поминании Нефеда Минина, сделанная некогда А. Я. Садовским (именно она прежде всего фигурировала в аргументах сторонников «балахнинской» версии). Обращение к тексту «выписи» показывает, что из двадцати одного имени в роду Кузьмы и Нефеда Мининых с именами балахнинских Мининых совпадают лишь три — Григорий, Михаил и Иван, а они, как известно, очень распространены в историческом ономастиконе. Редкого же имени Анкудин нет и в поминальной записи Нефеда Минина![414]

Следовательно, никаких оснований отождествлять жившего в Балахне в конце XVI века Мину Анкудинова и его детей с нижегородцами Миниными не имеется. Сам переход с посада на посад уже являлся непростым делом и не мог пройти безболезненно из-за круговой поруки и раскладки уплаты податей. Сомнительно также, чтобы нижегородский посадский «мир» доверил командовать собой выходцу из пришлого рода. Связь Кузьмы Минина с Балахной если и существовала, то имела чисто деловой характер. Мясницкое дело Кузьмы Минина требовало для сохранения товара большого количества соли, которую в Нижнем Новгороде брали с ближайшего и поэтому более дешевого промысла — балахнинских солеварен[415].

Приходится еще раз напомнить, что это — почти всё, что нам достоверно известно (или же, наоборот, неизвестно) о Кузьме

Минине до того великого момента в его жизни, когда он возглавил движение на нижегородском посаде по организации земского ополчения. Все остальные сведения о нем носят самый общий характер. За оговорками источников (как мы еще увидим) можно угадать лучшее знание своего современника: «бывал служилым человеком» написал, например, о нем автор «Нового летописца»; «смышлен и язычен» охарактеризовал его автор другого летописца — «Пискаревского». Но без раскрытия деталей трудно сказать, что имелось в виду составителями хроник. Пристрастный и в чем-то даже лукавый автор «Нового летописца», передавая слова о служилом человеке, то ли подчеркивал опытность Минина в делах, то ли создавал впечатление, что земский староста знал ратную службу и был готов к созданию ополчения. В любом случае понятно, что человек, избранный в сложное время следить за делами и представлять интересы большого посада Нижнего Новгорода, не был случайной фигурой. Не пользуясь достаточным авторитетом и известностью на нижегородском посаде, он никогда не смог бы стать тем героем нашей истории, каким стал.

Во времена забытого ополчения 1608—1609 годов под руководством нижегородского воеводы Андрея Алябьева, защищавшего вместе с местными дворянами Нижний Новгород от наступавших «тушинцев», роль посада не видна[416]. Поэтому можно лишь предполагать, что Кузьма Минин, как и другие нижегородцы, оставался верен присяге царю Василию Шуйскому, но в военных столкновениях, естественно, никакого участия не принимал. Эта последовательность в признании официальной власти, без всяких «перелетов» к самозванцу Лжедмитрию II, была свойственна в то время и князю Дмитрию Пожарскому. Общее неприятие тушинского режима и поддерживавших его казаков должно было сказаться и впоследствии. Иначе бы призыв Кузьмы Минина к нижегородцам и его обращение за помощью к князю Дмитрию Пожарскому не могли быть успешными.

В 1611 году дошла очередь до вступления в земскую борьбу не только служилых, но и посадских людей. В том, что это неизбежно, Кузьма Минин, по его собственному рассказу, уверился после того, как в сонном видении ему явился преподобный Сергий, Радонежский чудотворец, обратившийся к нему с такими словами: «Старейший в таковое дело не внидут, но и паче юннии начнут творити». По мнению С. Ф. Платонова и П. Г. Любомирова, это свидетельствовало о том, что Кузьма Минин возложил надежду, прежде всего, на молодых нижегородцев. Но вполне вероятно, что слова преподобного старца адресовались к самому Минину, «молодшему» посадскому человеку,

вступившемуся за общее дело.

О видении Кузьмы Минина сообщил Симон Азарьин, служивший в 1630—1640-х годах казначеем, а затем и келарем Троицесергиева монастыря. В составленную им «Книгу о новоявленных чудесах преподобного Сергия Радонежского», впервые опубликованную в сокращенной редакции еще в 1646 году, была включена статья «О явлении чюдотворца Сергия Козме Минину и о собрании ратных людей на очищение государству»[417]. Оказывается, Кузьма Минин поведал о своем видении троицкому архимандриту Дионисию Зобниновскому, когда земское ополчение сделало остановку в Троицесергиевом монастыре на пути из Ярославля в Москву. Симон Азарьин в соответствии с канонами жанра сочинил небольшую повесть о том, как Кузьме Минину несколько раз был подан знак, что именно он избран для великого земского дела. Однако нижегородец не сразу доверился услышанному, сомневаясь, что именно к нему обращены слова чудотворца. Процитируем рассказ Симона Азарьина, оговорив, что биографические сведения, приводимые здесь о Кузьме, не стоит воспринимать буквально: в значительной степени они представляют собой «общее место», дань агиографической традиции:

«Муж бяше благочестив Нижняго Новаграда именем Козма Минин, ремеством же мясник, живый благочестивым житием и в целомудрии и прочих добродетелех живот свой препровождая. И сего ради на мнозе и от подружия своего отлучашеся, яко безмолвие любя, отходя во особую храмину, Бога присно имея в сердцы своем. Некогда же спящу ему во храмине той, явися ему чюдотворец Сергий, повелевая ему казну собирати и воинских людей наделяти и итти на очищение Московскаго государства. Он же возбнув, бысть во страсе мнозе и помышляя, яко не бе воинское строение ему в обычай, и в небрежении положив.

Во ино же время бысть ему то видение вторицею, и паки небреже. По мале же паки является ему преподобный Сергий и глаголя ему с прещением: Не рех ли ти о сем? поне же изволение праведных судеб Божиих помиловати православных християн и от многаго мятежа в тишину привести, сего ради рех ти казну собрати и ратных людей наделити, да очистят з Божиею помощию Московское государство от безбожных Поляков и прогонят еретиков. И сие ему прирече: яко старейший в таковое дело не внидут, но и паче юннии начнут творити, и начинания их дело благо будет и в доброе совершение приидет. И яко бы наказав, остави его и невидим бысть…»

Далее в «Книге…» повествуется о речах Кузьмы Минина и о том, какое действие возымел призыв недавно избранного

нижегородского земского старосты выступить на защиту Москвы: «Мнози же, слышавше сия, во умиление приходити начата; прочий же ругающеся отходяще. И яко же святый Сергий рече: юннии преже имутся за дело, сице и сотворися. Тии бо сладце внимаше и послушанию скоро вдавашеся и отцем своим глаголаша: Что, рече, в нашем богатстве? токмо поганым зависть, и аще приидут и град наш возмут, и не таяжде ли сотворят, яко же и прочим градом? и нашему единому граду устояти ль? Но положим все житие свое и богатство на Божию волю и начнем собирати и ратным людем давати. Тако же и из нас аще кто возможет изыти, то готови есмы за избавление християнские веры глава своя положите»[418].

Выступление Кузьмы Минина на нижегородском посаде — сюжет не слишком известный с точки зрения историка: ведь различные источники мало что сообщают об этом примечательном событии, в лучшем случае упоминая сам факт обращения Минина к нижегородцам. Заметно, что летописный рассказ (а других современных известий нет) составлялся *post factum,* то есть много позже, когда детали происходившего уже никто не помнил. Статья под названием «О присылке из Нижнего Новгорода [послов] к князю Дмитрию Михайловичу, и о приходе в Нижний, и о собрании ратных людей» вошла в состав «Нового летописца». Этот рассказ стоит привести целиком (для облегчения восприятия текст статьи дан в переводе на современный русский язык):

«…Нижегородцы, поревновав о православной христианской вере и не желая видеть православной веры в латинстве, начали мыслить, как бы помочь Московскому государству. Один из них нижегородец, имевший торговлю мясную, Козьма Минин, прозываемый Сухорук, возопил всем людям: "Если мы хотим помочь Московскому государству, то нам не пожалеть имущества своего, да не только имущества своего, но и не пожалеть дворы свои продавать и жен и детей закладывать, и бить челом, кто бы вступился за истинную православную веру и был бы у нас начальником". Нижегородцам же всем его слово было любо, и придумали послать бить челом к стольнику ко князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому архимандрита Печерского монастыря Феодосия да из всех чинов лучших людей. Князь же Дмитрий Михайлович в то время был у себя в вотчине, от Нижнего в 120 поприщах, лежал от ран. Архимандрит же и все нижегородцы пришли к князю Дмитрию Михайловичу и били ему челом со слезами, чтобы он ехал в Нижний Новгород и встал за православную христианскую веру и помощь бы оказал Московскому государству. Князь же Дмитрий их мысли был рад и

хотел ехать тотчас, да зная у нижегородцев упрямство и непослушание воеводам, писал к ним, чтобы они выбрали из посадских людей, кому быть с ним у того великого дела и казну собирать, а с Кузьмою Мининым будет у них всё уговорено. Тот же архимандрит и нижегородцы говорили князю Дмитрию, что у них в городе такого человека нет. Он же им говорил: "Есть у вас Кузьма Минин; тот бывал служилым человеком, ему то дело привычно". Нижегородцы, услышав такое слово, еще больше были рады, и пришли в Нижний, и возвестили всё. Нижегородцы же тому обрадовались и начали Кузьме бить челом. Кузьма же им для [их] укрепления отказывал, [говоря, что] не хочет быть у такого дела. Они же его прилежно просили. Он же начал у них просить приговор, чтобы им во всем быть послушными и покорными и ратным людям давать деньги. Они же дали ему приговор. Он же написал приговор, чтобы не только у них брать имущество, но и жен и детей продавать, а ратным людям давать [деньги]. И взяв у них приговор, за их подписями послал тот приговор ко князю Дмитрию тотчас затем, чтобы того приговора назад у него не взяли»[419].

Приведем также рассказ «Пискаревского летописца», который был обнаружен Ольгой Алексеевной Яковлевой только в 1950-х годах и поэтому мало использовался в работах по истории нижегородского ополчения:

«И некоим смотрением Божиим лета 7120-го в Нижнем Новеграде некий торговой человек от простых людей, имянем Козьма, прозвище Минин, смышлен и язычен. И почал советовати с своею братьею с нижегородцы з гостьми и с торговыми людьми, и со всякими: како бы им пособити Московскому государьству. А в то время ис под Москвы хотели были и достальные люди розойтись врознь: бояре, и дворяне, и дети боярские, и казаки, и всякие служилые люди. И тот Козьма по некоему Божию смотрению и по своему умышлению и почал в Новегороде казну збирати з гостей, и с торговых людей, и со всяких тамошних житейских людей, хто чего стоен: с ыного рубль, с ыного пять и шесть, с ыного десять, и дватцать, и пятьдесят, и сто, и двести, и триста, и пятьсот, и тысячю, и больши. И свою казну дал тут же всю. И почал давати ту казну бедным разореным людям: бояром, и дворяном, и детем боярским, и казаком, и стрельцом, и всяким ратным людем. И почал всем градом выбирати к тем ратным людем воеводу. И выбрали дворяне, и дети боярские, и всякие служилые люди стольника князя Дмитрея Михайловича Пожарсково. И почали к нему съезжатись в Нижней Новгород и со всего Московсково государьства бояре, и дворяне, и дети боярские, и казаки, и стрельцы, и всякие служилые люди. А тот

Козьма почал жалованье давати, хто чего достоин»[420].

Казалось бы, приведенные известия летописей и житийных повестей XVII века единодушно говорят о выдающейся роли призывов и действий Минина. Однако обстоятельства выступления нижегородского старосты остаются практически неизвестными. Историк нижегородского ополчения П. Г. Любомиров писал по этому поводу: «…многие источники и все исследователи согласно утверждают, что видную или даже главную роль в пробуждении у нижегородцев решимости встать на очищение Московского государства сыграли речи Кузьмы Минина. Но когда и под влиянием чего выступил он со своим воззванием, в какой среде его горячее слово раньше всего нашло себе отклик в реальной форме начала работы по созданию ополчения?»[421]

И. Е. Забелин и П. Г. Любомиров датировали знаменитую речь земского старосты, призвавшего нижегородцев поделиться своим имуществом ради дела организации нового ополчения для похода на Москву, «первой половиной» или «самое большее» серединой сентября 1611 года. Дело в том, что позднее Минин говорил архимандриту Троицесергиева монастыря Дионисию о своем выборе в земские старосты, подтолкнувшем его к действиям по «собранию ратных людей на очищение государству». Однако в аргументации П. Г. Любомирова использован небесспорный прием аналогии: он посчитал, что выборы в земские старосты произошли около начала нового года — 1 сентября, как это было принято в русских северных общинах. К сожалению, для истории посадских общин центра России XVII века нет представительного материала, чтобы уверенно говорить о том, что везде соблюдался один срок выборов земских старост. Ясно только, что два эти события — выбор в земские старосты и выступление Минина на посаде — недалеко отстояли друг от друга. Поэтому «отсчитывать» начало выступления Кузьмы Минина всё же надо с того времени, когда стало точно известно о сборе нового ополчения и приходе его первых отрядов в Нижний Новгород.

События эти датируются по-разному, но наиболее достоверным выглядит свидетельство автора «Карамзинского хронографа» арзамасского дворянина Баима Болтина, записавшего, что «в 120 (1611) году в осень о Дмитриев дни» (26 октября) оказавшиеся в Арзамасе смоленские дворяне и дети боярские выступили в Нижний. О приходе смолян из Арзамаса в Нижний Новгород знали и другие современники. Подробно рассказывал об этом, например, Симон Азарьин: «В то же время Смоленска града дворяня и дети боярские и стрелцы, отбыв

домов своих, стояху в Арзамаских местех: граду бо их Смоленску от Полскаго краля Жигимонта взяту бывшу, и жены и дети их в плен отведени быша. Они же не похотевше християнския веры отбыта, не приложишася к еретиком и приидоша под Москву. И ту казаческое воинство к ним дворяном несогласно бысть и самоволно, положиша на них зависть и хотяше их по-бивати. Они же даша место гневу, не восхотеша межуусобныя брани составити, уклонишася от Москвы в арзамаския места и преходяще с места на место, не вредяще ничем православных християн, ожидающе милости Божия, донде же ущедрит люди Божия»[422]. Учитывая вышесказанное, выступление Кузьмы Минина на нижегородском посаде можно датировать широкими временными рамками между 25 августа (не ранее получения в Нижнем Новгороде грамоты патриарха Гермогена) и 26 октября 1611 года, когда удалось договориться о призыве на службу смолян.

Где впервые Кузьма Минин обратился со своим великим призывом к пожертвованию на земское дело? На этот счет также ведутся давние споры. Логично заключить, что обращение старосты произошло непосредственно в земской избе, где он бывал каждый день. По материалам дозора нижегородского посада 1620—1622 годов, земская изба находилась на Нижнем посаде, близ Никольской церкви. Но последующие предания и легенды настойчиво изображают дело так, что Кузьма Минин выступил перед множеством нижегородских жителей, и связывают его обращение с выступлением «на торгу», а не у себя в земской избе. Существует еще один памятник, опубликованный П. И. Мельниковым, — так называемая «Ельнинская рукопись», в которой записан рассказ о созыве «совета» на воеводском дворе под воздействием грамот из Троицесергиева монастыря. В «совет» вошли архимандрит Нижегородского Печерского монастыря Феодосии, протопоп Савва, а также воевода Иван Биркин, дьяк Василий Юдин «и дворяне и дети боярские и головы и старосты; от них же и Кузьма Минин». Земский староста Кузьма Минин якобы и там рассказал о видении ему Сергия Радонежского, «повелевшего» «возбудити спящих» и прочесть грамоту троицких властей в соборе. Эти слова Минина вызвали совсем не благочестивый спор с Иваном Биркиным. На следующий день, в воскресенье, все собрались в Спасо-Преображенском соборе. После литургии с поучением к пастве обратился протопоп Савва и прочел троицкую грамоту. Тогда и Кузьма Минин обратился к нижегородцам («возопи ко всем людям») со своим призывом о гибнущей Москве и помощи Московскому государству. Однако «Ельнинская рукопись» оказалась утраченной уже в XIX веке. Зная

о попытках Мельникова «приукрасить» имя Кузьмы Минина несуществующими деталями, к свидетельству данного источника надо отнестись с осторожностью[423].

Историков, а еще больше тех, кто просто интересуется историей, всегда будут привлекать слишком красивые детали, вроде рассказа о том, что Кузьма Минин принес в жертву на нужды ополчения «свое имение, монисты, пронизи и басмы жены своей Татьяны и даже серебряные и золотые оклады, бывшие на святых иконах»[424]. Об отдаче Мининым на нужды нижегородского ополчения всей своей казны писал автор «Пискаревского летописца». Понятно, что такие рассказы рождались не на пустом месте. По сведениям автора «Нового летописца», нижегородцы закладывали всё, что у них было, не исключая жен и детей. Красочный рассказ об этом имеется и в Латухинской «Степенной книге», созданной полвека спустя. Ее автор так написал о призывах Минина: «Сей нача всем глаголати сице: аще хощете братия истинно помощи Московскому государьству, то достоит нам не пожалети имения, ни домов своих, жены же и детей. Все станем в заклад давать, а ратных людей станем жаловать». В так называемом Хронографе Оболенского сохранилось известие о некой «вдовице», принесшей 10 тысяч рублей из бывших у нее 12 тысяч, чем она «многих людей в страх вложила»[425]. Пусть возникают сомнения по поводу того, что Кузьма Минин снимал оклады с икон или же относительно того, почему имя вдовы, обладавшей огромными, под стать «именитым людям» Строгановым, капиталами, осталось неизвестным. Очевидно, что на таких рассказах нельзя построить связную историческую картину. Но и без них не было бы потом ни памятников Кузьме Минину, ни грандиозного полотна художника Константина Маковского, изобразившего призыв Минина к нижегородцам в 1611 году.

После первого всеобщего порыва, как это обычно бывает, приходит время рутины, в которой основательность задуманного дела проверяется много лучше. И вот здесь роль Кузьмы Минина трудно переоценить. В книге Симона Азарьина «о чудесах чудотворца Сергия» вслед за «Новым летописцем» повторяется рассказ о том, что посадские люди Нижнего Новгорода приняли специальный «приговор всего града за руками», согласно которому поручили сбор денег «на строение ратных людей» Кузьме Минину, а уж он последовательно провел его в жизнь, распространив на соседние города и уезды: «Приговор всего града за руками устроиша, иже во всем Козмы слушати, и Козме той приговор на себя даша. Той же первое собою начать: мало себе нечто в дому своем оставив, а то все житие свое положив пред

всеми на строение ратных людей. Такоже и прочий гости и торговые люди приносяще казну многу. Инии же аще и не хотяще скупости ради своея, но и с нужею приносяще: Козма бо уже волю взем над ними по их приговору, з Божиею помощию и страх на ленивых налагая. Тако же и уездные люди не единого Нижняго Новаграда, но и прочих градов, везуща казну, колико кто можаше, за повелением его. И уготовавше многу казну зело»[426]. Для этого у земского старосты была вся необходимая власть, и он воспользовался ею, поскольку трудно было ожидать, что патриотический порыв захватит всех нижегородцев поголовно. Нашлись и те, кому не хотелось добровольно расставаться с нажитым. Имеются косвенные указания источников, что посадские люди хотели даже пересмотреть принятый ими под воздействием речей земского старосты приговор. Но предусмотрительный Кузьма Минин быстро передал приговор на хранение князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому и добился его согласия возглавить собранных в Нижнем Новгороде ратных людей. Обратим внимание, что «Новый летописец» — один из основных источников сведений о самом начале нижегородского движения — говорит лишь об отсылке Мининым упомянутого «приговора», а не о том, что он сам передал его в руки князя Дмитрия Пожарского. Но так или иначе, а путей к отступлению у жителей посада, да и купцов из других городов, торговавших в Нижнем Новгороде, уже не оставалось.

Время обращения Кузьмы Минина за помощью к князю Дмитрию Пожарскому также неизвестно. Кстати, историки и краеведы спорят и по вопросу о том, в каком из своих вотчинных сел находился в тот момент князь Пожарский. В его мугреевскую вотчину, по рассказу «Нового летописца», отправилось целое нижегородское посольство, но земский староста Кузьма Минин в его составе даже не упомянут. Руководил посольством формальный глава нижегородского освященного собора архимандрит Печерского монастыря Феодосии. В «Карамзинском хронографе» упомянуто еще одно, забытое ныне имя: там сказано, что к Пожарскому «послали нижегородца дворянина доброва Ждана Петрова сына Болтина, да с ним посадцких людей». На чем же тогда основана наша уверенность, что именно Кузьма Минин сумел договориться о совместных действиях с Пожарским? Если верить известию «Нового летописца», то, напротив, князь Дмитрий Михайлович Пожарский, принимая нижегородское посольство, сам первым назвал имя Кузьмы Минина, указав на него как на лучшего сборщика доходов на жалованье ратным людям.

Источники противоречат друг другу и в изложении

последовательности событий — не ясно, что было вначале: Кузьма ли Минин обратился к смолянам, а потом к Пожарскому, или, собрав казну и получив согласие князя Пожарского, в Нижний Новгород призвали ратную силу, состоявшую из дворян юго-западных уездов, неудачно испомещенных воеводами Первого ополчения в Арзамасе? В «Новом летописце» упор сделан на то, чтобы выстроить правильную со служебной точки зрения картину, когда инициативу проявили сами смоленские дворяне, приславшие челобитчиков в Нижний Новгород. Дальше, как сообщает летопись, нижегородцы отослали смолян-челобитчиков к князю Дмитрию Пожарскому, они и уговорили воеводу, чтобы тот «шол в Нижней, не мешкая». Князь Дмитрий Пожарский приказал смолянам выступить в поход из Арзамаса, а сам двинулся в Нижний Новгород из своей вотчины, попутно приняв на службу дворян других разоренных уездов: «На дороге ж к нему приидоша дорогобужане и вязмичи. Он же приде с ними в Нижней. Нижегородцы же ево встретиша и прияша с великою честию». Почти одновременно в городе появились и «смольяне» — значит, это происходило приблизительно в октябре 1611 года. Затем уже князь Дмитрий Пожарский, а не земский староста Минин, стал распоряжаться собранной казной: «Он же им нача давати жалование, что збираху в Нижнем»[427].

Полностью принять на веру это известие нельзя, так как в приведенном выше рассказе «Пискаревского летописца» события изложены иначе и, по-видимому, точнее. Здесь говорится об инициативе Кузьмы Минина, опять обратившегося к нижегородскому посаду и служилым людям («и почал всем градом выбирати к тем ратным людем воеводу»). Существует еще один источник, в котором о событиях в Нижнем Новгороде рассказывалось как бы со слов самого Кузьмы Минина, — уже неоднократно упомянутая «Книга о новоявленных чудесах…» Симона Азарьина. В ней приглашение смолян тоже связывается с нижегородским земским старостой: «Слышав же о них Козма, яко людие благочестии суть и воинскому делу искусни, паче же и в бедах сущи и в скудости мнозей ходяще, а християном насилия не чиняше, послав к ним с молением, да приидут в Нижней, обещав им корм и казну на подмогу давати. Они же с радостию пришедше, яко до двою тысящ и вящшее число их. И елико множашеся казна, толико воинских людей грядуще, яко бы со всея вселенныя. Избраша же воеводу князя Дмитрея Михайловича Пожарского, яко могущаго ратныя дела строити. И урядивше полки, поидоша на очищение Московскаго государства»[428]. Историкам еще предстоит потрудиться, чтобы выяснить достоверную картину. Правда, для этого потребуется открытие

новых документов, которые, вполне возможно, ждут исследователей в наших архивах.

Осталось сказать о том, как деятельность Кузьмы Минина изменила структуру власти в Нижнем Новгороде. Об этом мало задумываются, между тем выдающийся историк Смутного времени Сергей Федорович Платонов давно заметил, что в Нижнем Новгороде при создании ополчения оказалось два центра управления. Прежний нижегородский воевода князь Андрей Андреевич Репнин, возглавивший нижегородский отряд Первого ополчения, умер в середине 1611 года. Власть в Нижнем перешла в руки нового воеводы, окольничего князя Василия Андреевича Звенигородского (он находился в свойстве с известным тушинцем и сторонником идеи призвания королевича Владислава боярином Михаилом Глебовичем Салтыковым и был «пущен в Думу при Литве»)[429]. Рядом с ним были второй воевода Андрей Семенович Алябьев и дьяк Василий Семенов. Нижегородская воеводская (приказная) изба ведала управлением городом и уездом. По признанию нижегородских воевод, они «слушались» указов только из Новгородской чети подмосковного ополчения за приписью дьяка Другого Рындина[430]. Оба нижегородских воеводы были пришлыми людьми и происходили из дорогобужских дворян[431]. Как знать, может быть, именно это обстоятельство сыграло свою роль в том, что воеводы не стали препятствовать приходу в Нижний Новгород смолян и дворян из других разоренных уездов «от Литовской украйны», хорошо представляя, что там произошло после отторжения этих земель Сигизмундом III.

Вторым центром власти стал «Приказ ополченских дел», полностью связанный с организацией нового земского движения. «Выборный человек» Кузьма Минин оставался при этом в тени, его имя в грамотах приказа не упоминалось. Возглавил новый орган по управлению делами нижегородского ополчения всем известный князь Дмитрий Михайлович Пожарский. В состав приказа входил также второй воевода стряпчий Иван Иванович Биркин. Он имел заслуги в земском движении и начинал переговоры Рязани и Нижнего Новгорода о создании Первого ополчения в начале 1611 года. Летом того же года, еще при жизни Прокофия Ляпунова, Биркин находился на воеводской службе в Арзамасе. Именно при нем смоленские дворяне и дети боярские вели войну с арзамасскими мужиками, после чего не позднее 31 августа Биркин был сменен на воеводстве[432]. Оттуда он решил поехать не в подмосковные полки, а в Нижний Новгород. У Ивана Биркина, как и у смолян, не получивших в Арзамасе никаких земель для возмещения потерянных владений,

были все основания для недовольства руководителями Первого ополчения. Этим обстоятельством можно объяснить его активное участие в создании ополчения и даже вхождение в руководство начавшимся движением[433]. В дьяки к ополченским делам был выбран Василий Юдин Башмаков — по происхождению муромский сын боярский, служивший в Нижнем Новгороде[434].

Конфронтация между двумя земскими силами — в Нижнем Новгороде и под Москвой — не сразу стала заметной. Отношение властей нижегородского ополчения к деятельности подмосковных воевод и казаков было сложным. Убеждения Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского не позволяли им принять казачьи «таборы» в качестве представителей земской власти в стране, однако при начале создания ополчения они соблюдали известную осторожность и не вступали в открытые столкновения с князем Дмитрием Трубецким и Иваном Заруцким. Это заметили и иностранные наблюдатели. В записках Иосифа Будилы о роли Кузьмы Минина сказано так: «Дело это подняли все нижегородские мещане, из числа которых выдвинулся один мясник — Кузьма Юрьевич (так! — *В. К.),* обещавший давать деньги на ратных людей, только бы они шли поскорее добывать с Трубецким столицу Сначала этот Кузьма сам отдал всё свое имущество и деньги, а потом, когда его избрали распоряжаться этим делом, то он стал собирать деньги из городов, никому не делая послаблений, и давал их войску, которого собрал немало и с Пожарским привел его к столице»[435].

Изначально в Нижнем ставка была сделана, как это тогда формулировалось, на союз «верховых» и «понизовых» городов. «Верх» и «Низ» считались по реке Волге относительно самого Нижнего Новгорода, который располагался посредине этой естественной границы между землями старых русских княжений и новоприсоединенным Казанским краем, а также землями по рекам Каме и Вятке. Союз задумывался (или декларировался) как оборонительный, хотя провозглашались и цели похода нового ополчения из Нижнего Новгорода «под Москву против литовских и польских людей»[436].

Думается, совсем не случайно автор «Нового летописца» подчеркнул, говоря про князя Дмитрия Пожарского: «А с Кузьмою с Мининым быть у них по слову». В Смутное время мало оставалось людей, державшихся каких-либо слов, уговоров и присяг. Кузьма Минин и князь Дмитрий Пожарский поверили друг другу именно потому, что должны были принадлежать к такому «меньшинству». Духовные переживания Кузьмы Минина, связанные с видением Сергия Радонежского, не могли не оказаться близки князю Дмитрию Пожарскому. Даже такая

деталь, как совпадение крестильных имен (вспомним, что князь Дмитрий Пожарский в крещении тоже звался Кузьмой), могла иметь свое значение. Ни у современников, ни у позднейших историков не возникало и тени подозрений, будто Кузьма Минин каким-либо образом «корыстовался» из собираемых средств. Конечно, и для князя Дмитрия Пожарского эта честность имела значение в первую очередь. Другое дело, что как сыновья своего времени они прекрасно понимали, что предпринимаемый сбор ратных людей может оказаться неудачным, если попадет в руки тех, кто легко переходил от царя Василия Шуйского к Лжедмитрию II, а от них к королю Сигизмунду III и во всем искал свою выгоду. Этим можно объяснить, что Кузьма Минин, хорошо представлявший себе, что делалось на нижегородском посаде, посоветовал князю Дмитрию Пожарскому потребовать избрания особого человека для заведования казной «преже прихода послов» из Нижнего Новгорода. Так патриотический порыв и честные устремления, вдохновлявшие князя Дмитрия Пожарского и Кузьму Минина, стали самым важным основанием для создания Нижегородского ополчения.

Общее дело Минина и Пожарского, начатое в Нижнем Новгороде, привело к созданию правительства «Совета всея земли». Стоит предостеречь от преувеличения роли вождей нижегородского движения: сами ведь они отнюдь не считали себя какими-то «сверхлюдьми». В том-то и оказалась их сила, что работали они не для себя, а для «всей земли», которая согласилась с их властью. Возглавив земское правительство, они сумели не поддаться личным счетам. Речь, конечно, не о том, что посадский человек стал бы спорить с царским стольником. Но ведь среди тех людей, кто впоследствии приехал в ополчение, были и бояре, и другие члены Государева двора, и чинами они стояли выше Пожарского. Но, надо отдать им должное, за редким исключением, они думали прежде всего о главной цели освобождения страны.

Как показали последующие события, необычный союз земского старосты Кузьмы Минина и ратного воеводы князя Дмитрия Пожарского оказывался особенно необходим в самые сложные моменты. Так было при начале создания ополчения в Нижнем Новгороде, так было и потом, когда оно устраивалось в Ярославле. Не стали исключением и бои под Москвой.

## «СОВЕТ ВСЕЯ ЗЕМЛИ»

Всё говорит о том, что земский центр сопротивления создавался в Нижнем Новгороде исподволь. В конце 1611 года можно было подумать, что возвращаются времена прежней розни и снова возникает угроза всему «Низу». Поэтому и был предпринят наём ратных людей для обороны города и приглашены дворяне и дети боярские из Смоленска и других городов «от Литовской украйны». Мы знаем о позднейшем походе нижегородского ополчения для освобождения Москвы и с уверенностью говорим об этом как о начальной цели действий Кузьмы Минина и нижегородцев. Но прежде чем эта цель была окончательно сформулирована, прошло время. Объявлять сразу о самостоятельном походе под Москву в городе, где сидел воевода, направленный «боярами» Первого ополчения, было бы по меньшей мере самонадеянно и опасно, если вовсе не бессмысленно. Еще в двадцатых числах декабря 1611 года в отписках из Нижнего Новгорода в Курмыш о целях сбора ратных людей говорилось так: «…а из Нижнева итьти им с нами под Москву против литовских и польских людей»[437]. Тогда это означало только одно: нижегородцы собирались оказать поддержку подмосковному ополчению, о чем уже писал Н. П. Долинин: «Формирование нового ополчения в Нижнем Новгороде проходило вначале (сентябрь—декабрь 1611 г.) под знаком помощи подмосковным полкам»[438]. Такой политический жест был жизненно необходим, пока в Нижнем не выяснили общее земское настроение по отношению к «боярам» и казакам, стоявшим в полках под Москвой.

Показательно, что и в тексте документов, вышедших из нижегородского ополчения при начале движения, не было речи о каком-либо противопоставлении его подмосковным «таборам» (за исключением воровских казаков). В первой окружной грамоте ополчения князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина, отправленной из Ярославля 7 апреля 1612 года, говорилось о складывании нового земского ополчения: «Да по милости всемогущаго Бога, Его праведным неизреченным призрением, в Нижнем Новегороде гости и все земьские посадские люди, ревнуя по Бозе, по православной християнской вере, не пощадя своего именья, дворян и детей боярских смо-льян и иных многих городов сподобили неоскудным денежным жалованьем, и тем Московскому государьству и всему православному християнству великую неизреченную помочь учинили»[439]. Автор «Вельского летописца» писал лишь о найме на службу ратных людей в

Нижнем Новгороде, датируя его даже не осенью, а зимой 7120 (1611/12) года: «Того же году зимою учал збиратца в Нижнем Новагороде князь Дмитрей Ми-хайловичь Пожарской да от молодчих от торговых людей с ним посацкой человек нижегородец Кузьма Минин с понизовскою силою и с разоренными городы, которые там от голоду и от разоренья зашли, бегаючи от гонения от литовских людей [с] смольняны, и з беляны, и з дорогобужаны, и вязмечи, и брян-чаны, и с рославцы, и с ыными со многими с порубежными с разоренными городы. И учали им давать князь Дмитрей Михайлович Пожарской да Кузма Минин многие столовые запасы и денежное великое жалованье по тритцати по пяти рублев, смотря по человеку и по службу своим презреньем, и учинили ратных людей сытых, и конных, и вооруженных, и покойных, и запасных»[440].

Создавшееся первоначально нижегородско-смоленское «ядро» ополчения уже не стало решать, как прежде, одни локальные задачи. В Нижнем Новгороде задумались о судьбе всего Московского государства. Первые «программные» грамоты от имени земского совета во главе с воеводами князем Дмитрием Пожарским и Иваном Биркиным и дьяком Василием Юдиным (но не Кузьмой Мининым!) сохранились в списках; указан только год их создания — 120-й (1611/12). П. Г. Любомиров датировал их началом декабря 1611 года. Не в последнюю очередь на его датировку повлияло упоминание о посольстве в Казань из Нижнего Новгорода воеводы Ивана Ивановича Биркина, чье имя упоминается в составе первоначального земского совета рядом с именем князя Дмитрия Михайловича Пожарского. В двадцатых числах декабря Биркин был в селе Мурашкине. Но в это же время в Нижнем Новгороде собираются «для земского совета» старосты, целовальники и лучшие люди из того же Мурашкина и других крупных нижегородских вотчин. Поэтому поездку Ивана Биркина можно вполне связать и со сбором доходов, и с организацией «совета» в Нижнем. Еще 15 января 1612 года в Казани выдавались ввозные грамоты «по указу Великого Росийского Московского государства и всее земли бояр» — титул воевод Первого ополчения. Если в это время воевода Иван Биркин был там, то он должен был санкционировать подобные распоряжения[441]. Гораздо убедительнее осторожная датировка С. Ф. Платонова, считавшего, что первые нижегородские грамоты появились не позднее начала февраля 1612 года[442].

Что же услышала «вся земля» из Нижнего Новгорода? Во-первых, обращение от необычного городового совета, куда вошли не местные духовные власти и воеводы, а набранные на службу люди, действовавшие совместно с нижегородским посадом:

«Дмитрей Пожарской, Иван Биркин, Василей Юдин, и дворяня и дети боярские Нижнево Новагорода, и смолняня, и дорогобуженя, и вязмичи, (и) иных многих городов дворяня и дети боярские, и головы литовские и стрелецкие, и лит-ва, и немцы, и земьские старосты, и таможенные головы, и все посацкие люди Нижнево Новагорода, и стрелцы, и пушкари, и затинщики, и всякие служилые и жилецкие люди челом бьют». В грамоте излагалась история создания Первого ополчения, рассказывалось о разорении «до основанья» «царственного преименитого града» Москвы, говорилось о сведении с патриаршего престола «необоримого столпа и твердого адаманта святейшаго Ермогена». В Нижнем напоминали о том, что и так уже было известно во всей стране («и вам то самим извесно»): как распалось прежнее ополчение. Правда, как писал И. Е. Забелин, не всё упиралось в народное чувство негодования по поводу гибели Прокофия Ляпунова (о его смерти ничего не сказано). О причинах разъезда дворян и детей боярских из подмосковных полков говорилось так: «…иные от бедности, а иные от казачья грабежу и налогу». В полном соответствии с призывами патриарха Гермогена (и даже дословно повторяя их) нижегородцы обвиняли оставшихся под Москвой ратных людей, не называя по именам ни Трубецкого, ни Заруцкого: «А как дворяня и дети боярские из под Москвы розъехались, и для временные сладости, грабежей и похищенья многие покушаютца, чтоб пане Маринке з законопреступным сыном ее быти на Московском государстве или ложным вором, антихристовым предотечам, чтоб им волю отца своего сатаны исполнити и грабежам бы, и блуду, и иным неподобным Богом ненавидимым делам не престати». Протестуя против этого, в Нижнем Новгороде все-таки главной причиной выступления называли необходимость оказания помощи «верховым городам» в борьбе с литовскими людьми.

Ближайшими «верховыми» считались города, лежавшие вверх по Волге, — Кострома и Ярославль. В конце января к ним действительно опасно приблизились передовые отряды фуражиров войска гетмана Карла Ходкевича. Вполне возможно, что существовали планы захвата этих городов польско-литовскими отрядами. 25—26 января 1612 года в Переславль-Залесский, Кострому и Ярославль были посланы грамоты московской Боярской думы, подписанные семью боярами: князем Федором Ивановичем Мстиславским, князем Иваном Семеновичем Куракиным, князем Борисом Михайловичем Лыковым, Федором Ивановичем Шереметевым, Иваном Никитичем Романовым, Михаилом Александровичем Нагим и князем Андреем Васильевичем Трубецким (за него подписывался

боярин Михаил Нагой), окольничими и думными дьяками. Смысл этих грамот состоял в том, чтобы побудить упомянутые города к отказу от поддержки Ивана Заруцкого и подмосковных полков. Сидевшие в Москве бояре ссылались на посольство боярина князя Юрия Никитича Трубецкого, писавшего «з большого сойму, с совету всее Польские и Литовские земли», что королевич Владислав будет отпущен в Московское государство, а король Сигизмунд III проводит его до Смоленска «своею королевскою парсуною, со многою конною и пешею ратью». До этого времени костромичам и ярославцам предлагалось «сослатися» «о добром деле» с «наивышшим гетманом Великого княжества Литовского Карлом Хоткеевичем и с нами бояры к Москве»[443].

Другими словами, городам снова пытались навязать уже полностью скомпрометированную программу летнего договора 1610 года с гетманом Станиславом Жолкевским. Между тем и в Ярославле, и в Костроме предпочли присоединиться не к Москве, а к Нижнему Новгороду. Хотя очень показательно, что боярские грамоты ничего не знают о деятельности там Минина и Пожарского. Вскоре слухи о нижегородском движении достигли столицы, и «ошибка» была исправлена. В связи с «собранием в Нижнем ратных людей», по сообщению «Нового летописца», патриарху Гермогену было предложено написать, чтобы они «не ходили под Московское государство». Патриарх отказался, и «оттоле начата его морити гладом и умориша ево гладною смертью»[444]. Замученный «литовскими людьми», патриарх Гермоген скончался 17 февраля 1612 года[445].

В нижегородской грамоте «120-го» года действительно говорилось о походе под Москву против «полских людей». Но, повторимся еще раз, собиравшееся земское войско не противопоставляло себя полностью подмосковным полкам. Оно необходимо было для защиты объединившихся «верховых» и «понизовых» городов. Стоит внимательно перечитать обращение из Нижнего Новгорода в Вычегду, чтобы убедиться в справедливости этого наблюдения: «…и ныне бы идти всем на полских людей вскоре до тех мест, *покаместа ратные люди под Москвою стоят* (выделено мной. — *В. К.),* чтоб литовские люди Московскому государству конечные погибели не навели и верховых бы и понизовых городов и досталь не разорили». Нижегородский земский совет убеждал, что у него есть средства и для того, чтобы не опасаться «казачье грабеже и налогу»: «А будет, господа, вы, дворяня и дети боярские и всякие служилые люди, опасаетись от казаков какова налогу или иных каких воровских заводов, и вам бы однолично того не опасатца: как будем все верховые и понизовые городы в сходе, и мы всею

землею о том совет учиним и дурна никакова вором делати не дадим». Порукою этому обещанию создать общий «Совет всея земли» была твердая позиция Нижнего Новгорода во всё время Смуты, о чем с гордостью говорилось в грамоте: «…а самим вам извесно, что покровением Божиим по ся места мы к дурну ни х какому не приставали, да и вперед дурна никакова не похотим».

Первые грамоты, рассылавшиеся из Нижнего Новгорода, создавались тогда, когда уже известны были все опасности, шедшие от казацких «таборов», и главная из них — провозглашение царя без совета со «всей землею». Самую большую угрозу видели в присяге «Маринкину сыну» и заранее отрекались как от нее, так и от присяги другим неприемлемым претендентам: «…и которые либо под Москвою или в которых городех, похотят какое дурно учинити, или Маринкою с сыном ее похотят новую кровь счать, и мы им дурна никакова чинити не дадим. А мы, всякие люди Нижнево Новагорода, утвердились на том, и к Москве к бояром и ко всей земле писали, что Маринки и сына ее, и тово Вора, который стоит подо Псковым до смерти своей в государи на Московское государство не хотети, так же, что и литовского короля». Нижегородцы становились защитниками земства от новой смуты. Они предлагали собраться «понизовым» и «верховым» городам «в сход» и самим избрать царя: «Всею землею выберем на Московское государство государя, ково нам Бог даст»[446]. В Нижнем собирались дождаться уже посланных из Казани «передовых людей» и вместе идти под Суздаль воевать с польскими и литовскими людьми.

Стремление князя Дмитрия Михайловича Пожарского в стольный град бывшего Суздальского княжества — защищать «отцовские гробы» — понятно. Но тогда этого сделать не пришлось. Было бы наивно думать, что широко заявив о созданном в Нижнем Новгороде движении, собравшиеся там во имя идеалов привычного общественного порядка люди встретят повсеместную поддержку. Реакция на их выступление не замедлила себя ждать как в Москве, так и под Москвой. Подмосковным полкам во главе с Иваном Заруцким появление нижегородской рати расстроило выстроенную интригу с объявлением «своего» царя. Как известно, им стал в который уже раз «спасшийся» «царь Дмитрий Иванович». Практически все уже знали, что это самозванец — «с Москвы из-за Яузы дьякон Матюшка», но игра в самозванца продолжалась. Если рассмотреть ее через призму конфликта двух ратных сил — подмосковной и нижегородской, то можно увидеть, что для Ивана Заруцкого в возвращении к имени царя Дмитрия Ивановича была сокрыта возможность присяги Марине Мнишек и ее сыну царевичу Ивану

Дмитриевичу. А ведь это и было той причиной, по которой нижегородцы начали свое самостоятельное движение под воздействием слов патриарха Гермогена. Боярин Иван Заруцкий словно проверял своих сторонников: так же ли слепо они продолжают поддерживать его в подмосковных «таборах»? И он должен был убедиться, что начинает проигрывать.

Автор «Нового летописца» написал об этой присяге, безнадежно испортившей историю всего Первого ополчения: «Под Москвою ж воеводы и казаки поцеловаша тому вору крест. Кои ж быша под Москвою дворяне же, не хотяху креста тому вору целовати. Они же их хотеху побити и сильно (силой. — *В. К.)* иных ко кресту приведоша, а иные ис-под Москвы утекоша»[447]. Троицкие власти, выгораживая своего любимца боярина князя Дмитрия Трубецкого, писали, что он тоже был принужден «силою» принять эту присягу царю Дмитрию. Но ведь принял же! Поэтому попытки келаря Авраамия Палицына описать в своем «Сказании», как после этой присяги князь Дмитрий Трубецкой обращался в Троицесергиев монастырь, чтобы оттуда «писали» к князю Дмитрию Пожарскому и умоляли его «о немедленом шествии под царствующий град Москву, и все бы воиньство было в соединении»[448], выглядят не столь убедительно. Известно другое: после присяги в подмосковных полках «Псковскому вору» целый ряд городов вокруг Нижнего Новгорода тоже целовал крест самозванцу, нарушив единение «понизовых» городов.

Первый военный удар планам нижегородского ополчения Иван Заруцкий нанес в середине февраля 1612 года, попытавшись в союзе с Андреем Просовецким захватить «Ярославль и все Поморския грады, чтоб не дати совокупитися Нижегородцкой рати с ярославцы». Когда в Нижнем Новгороде получили от ярославских гонцов известие о том, что их городу угрожает опасность, то отправили передовой отряд во главе с князем Дмитрием Петровичем Лопатой Пожарским и дьяком Семейкой Самсоновым. Они выполнили наказ «идти наспех в Ярославль» и успели опередить рать Андрея Просовецкого. Казаков, бывших в Ярославле, «переимаху и в тюрьму пересажаху». Всё это заставило нижегородское ополчение выступить в поход не тем маршрутом, какой планировался раньше. С этого времени руководителям нижегородского движения уже не надо было поддерживать видимость возможного союза с казаками из подмосковных «таборов»: с ними началась открытая война.

Вынужденное выступление нижегородского ополчения вместо Суздаля на Ярославль произошло «в Великий пост», начавшийся в 1612 году 23 февраля. Переход войска от Нижнего до Ярославля, по расчетам П. Г. Любомирова, должен был занять от двух до трех

недель[449]. После находки грамоты, отправленной воеводе Переславля-Залесского Андрею Федоровичу Палицыну, стало известно, что его извещали о планируемом приходе нижегородской рати во главе с князем Дмитрием Пожарским в Ярославль 15 марта[450]. Ясно, что руководители ополчения хотели использовать последний зимний путь, идя вверх по Волге: значительную часть пути они проделали по льду реки. В любом случае ополчение должно было дойти до цели назначения до начала ледохода и весенней распутицы на дорогах.

Автор «Нового летописца» изображает поход ополчения как триумфальное шествие. Везде, куда приходило войско «князя Дмитрия и Кузьмы», в том числе в Балахне и Юрьевце Поволжском, их встречали «с радостию» и наделяли «многою казною». В действительности же нижегородской рати еще предстояло убедить другие города в необходимости поддержки нового земского войска. Слишком во многих местах возникали эксцессы, связанные с нежеланием за пределами Нижнего Новгорода руководствоваться «уставом» Кузьмы Минина.

Более достоверные детали похода сохранила «Повесть о победах Московского государства», автор которой запомнил, что в ополчении заранее просчитали маршрут и написали «из Нижнева Новаграда от всей земли по градом и по болшим селам, чтобы ратным людем на станех готовили запасы и кормы, чтобы никакие скудости не было». Так и получилось. Войско князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина уже ждали, приготовя всё необходимое «по станом». Сложности начинались там, где Кузьма Минин пытался насадить свой «нижегороцкий устав» и начинал принудительный сбор по известному принципу: «две части имения своего в казну ратным людем отдати, себе же на потребу третию часть имения оставити». Не все были готовы подчиниться новому правительству «всея земли», кто-то хотел утаить имущество, «скудни называющеся», но Кузьма Минин действовал не одним убеждением, а еще и угрозами: «Он же, видев их пронырство и о имении их попечения, повелевая им руце отсещи»[451]. До такой страшной казни дело обычно не доходило, но угрозы действовали, показывая серьезность намерений земских сил. Дальнейший маршрут ополчения лежал через Юрьевец, Решму, Кинешму и Плес.

В Костроме, куда нижегородское ополчение подошло не позднее 14 марта, князя Дмитрия Пожарского и Кузьму Минина ждало новое испытание. Еще на подходе к городу, в Плесе, ополчение встретили костромские посланцы, предупредившие о недружественных действиях воеводы Ивана Петровича Шереметева и его «советников». Костромской воевода, когда-то

подписавший Приговор Первого ополчения 30 июня 1611 года, не собирался пускать земскую рать в город «и не хотяше с ними быти в совете». Между тем на пути из Нижнего Новгорода Кострома была первым городом с крупным посадом и значительной торговлей. Именно там, а не в небольшой Балахне, способны были оказать значительную поддержку ратным людям. Кроме того, костромская дворянская корпорация была самой крупной в Замосковном крае и насчитывала более тысячи человек. Подойдя к городу, рать князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина встала «на посаде близко города». «На Костроме ж в те поры бяше рознь, — писал автор «Нового летописца», — иные думаху с Ываном (Шереметевым. — *В. К.),* а иные со всею ратью»[452]. Не обошлось без восстания против воеводы, который спасся только благодаря заступничеству князя Дмитрия Пожарского.

Сопротивление костромского воеводы показало, что дальнейший успех нижегородской рати не мог держаться на одном призыве к добровольному совету и обеспечению набираемого земского войска. Шереметева в Костроме заменили новым воеводой князем Романом Ивановичем Гагариным и дьяком Андреем Подлесовым. Тем самым князь Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин сделали важный шаг к общеземскому правительству. Однако действовали они по-прежнему осторожно, с оглядкой на существовавшее распределение земских сил, главная из которых всё равно оставалась под Москвой. Поэтому возвращение на воеводство в Кострому князя Романа Гагарина и дьяка Андрея Подлесова, впервые назначенных туда в 1611 году тоже из Первого ополчения, могло восприниматься как выполнение прежних распоряжений, шедших из подмосковных полков. Важно было показать воеводам на местах, что они не будут сменены в случае поддержки ими земской борьбы с казачьими бесчинствами. Так состоялся переход на сторону нижегородского ополчения переславль-залесского воеводы Андрея Палицына, похвальную грамоту которому написал бывший дьяк Челобитного приказа Первого ополчения Семейка Самсонов. Спустя некоторое время прежний костромской воевода Иван Шереметев даже войдет в состав «Совета всея земли».

Другое воеводское назначение, сделанное в Костроме, было связано с Суздалем, судьба которого продолжала волновать князя Дмитрия Пожарского. По челобитной суздальцев туда направили стрелецкий отряд во главе с князем Романом Петровичем Пожарским, «чтобы Просовецкие Суздалю никакие пакости не зделали» (речь идет о казаках, воевавших под началом братьев Андрея и Ивана Просовецких). Судя по грамоте воевод ополчения

из Костромы в Переславль-Залесский, противостояние с казаками было там особенно напряженным: «И мы, господа, слыша то, что под Москвою атаманы и козаки своровали, вору крест целовали, конечно об них скорбим, что оне воровством своим, оставя свет, во тьму преложились и новую кровь всчинают… А мы… хотим, собрався всею землею, вскоре итить и битися с ними до смерти сколько Бог помочи даст». «Русских воров» ставили в один ряд с польскими и литовскими людьми, призывая: «А на вражью бы есте прелесть, что Иван Зарутцкой с своими советники с атаманы и казаки вору крест целовали, ни в чем не сумнялись и стояли против их мужественно, что и против прочих врагов, польских и литовских людей»[453].

В итоге в Костроме была собрана «дань» по «уставу» Кузьмы Минина. С этого момента нижегородский совет начинает распоряжаться как новая земская власть в «верховых» городах. Такому превращению способствовали не только новые воеводские назначения, после чего князь Дмитрий Пожарский мог почувствовать себя, как писал П. Г. Любомиров, «в положении правителя государства». В Костроме, по сообщению «Повести о победах Московского государства», произошел еще и набор на службу костромских дворян и детей боярских. Кузьма Минин не просто обеспечил их жалованьем, но потребовал от них земской службы: «и служивым людем, костромичам, с ратными людми идти повеле»[454]. Свидетельство «Повести о победах…» подтверждается и сохранившимся списком костромичей, относящимся к набору на ратную службу в Костроме в 1612 году[455].

Настоящее земское правительство, «Совет всея земли», было создано после прихода нижегородской рати во главе с князем Дмитрием Пожарским и Кузьмой Мининым в Ярославль в конце марта 1612 года. Прошел ровно год с того момента, как отряды Первого ополчения окружили сожженную Москву, но так и не достигли успеха. Вместо этого в подмосковных полках утвердилась рознь между дворянами и казаками и уже совершилась присяга новому самозванцу со старым именем «царь Дмитрий Иванович». Земское дело освобождения Москвы приходилось начинать заново и далеко от столицы. Ярославль становился местом сбора для других «городов», поддержавших нижегородское движение. Дорога к Москве для нижегородского ополчения оказалась долгой. Четыре месяца простояло ополчение в Ярославле, побуждаемое из Троицесергиева монастыря и из других мест к походу на помощь подмосковным полкам. Но у «земского совета», сложившегося в Нижнем Новгороде, были свои цели, которые и реализовывались в период ярославского стояния.

Сначала в Ярославле повторилась та же история с «уставом» Кузьмы Минина, что и в других городах, например в Балахне. Правда, «лучшим» людям ярославского посада не было смысла прикидываться нищими. Им бы никто не поверил, ибо их торговля была хорошо известна в Нижнем Новгороде и по всей Волге. Попытка задобрить вождей земского движения дарами при встрече тоже не удалась: «князь Дмитрей же и Кузма ничесо же прияша» (то есть ничего не взяли у встретивших их ярославцев) [456]. К тому времени, когда ополчение выступило из Нижнего Новгорода, уже были получены «неокладные доходы» с самых заметных ярославских купцов: с Григория Никитникова — 500 рублей, с Василия и Степана Лыткиных — 350 рублей, со Второго Чистова — 100 рублей. Сбор затронул также хозяев Устюга, Сольвычегодска и Перми — «именитых людей» Строгановых, у которых было взято сразу больше трех тысяч рублей. Деньги брали в долг «по приговору» нижегородских воевод князя Василия Звенигородского, Андрея Алябьева, Ивана Биркина, дьяка Василия Семенова, «выборного человека» Кузьмы Минина, земских старост и «всех нижегородцев посадских людей». То, как формулировалась цель этого сбора, позволяет узнать официальную цель ополчения, как ее первоначально декларировали в Нижнем Новгороде: «ратным людям на жалованье, которые пошли из Нижнего с стольником и воеводою с князем Дмитром Михайловичем Пожарским да с выборным человеком с Кузьмою Мининым для московского очищенья»[457].

Когда нижегородское ополчение дошло до Ярославля, то ярославскому земскому старосте Григорию Никитникову, уже поддержавшему своими капиталами нижегородское движение, сложно было подчиниться новым запросам. Пришлось Кузьме Минину показывать, что он не зря называется «выборным человеком», а не просто земским старостой Нижнего Новгорода. «Повесть о победах Московского государства» рассказывает: «Пришедше князь Димитрей Михайлович с полки и сташа в Ярославле. Козьма же Минин пришед в Ярославль и поиде в земскую избу денежнаго збору и для кормов и запасов ратным людем по его нижегородцкому окладу. Ярославцы же посац-кия люди, Григорий Никитин и иныя лутчия люди, послушати его не восхотеша. Он же много тязав их своими доброумными словесы и повеле не в честь взяти их, Григорья Никитина с лутчими людми, и отвести ко князю Дмитрию Михайловичу, и повеле жывоты их напрасно (то есть силой — *В. К.)* брати. Они же вси, видевше от него велику жестость и свою неправду, ужасни быша, и вся вскоре с покорением приидоша, имение свое принесоша, по его уставу две части в казну ратным людем отдающе, 3-ю же себе

оставиша»[458]. Впрочем, как и в Костроме, всё закончилось миром: «лучших» ярославских посадских людей, в том числе Григория Никитникова, вскоре позвали для участия в «земском совете».

Повседневные занятия ярославского правительства начались с устройства ратных людей. В одном из предместий Ярославля долгое время сохранялось название Таборы (там же и Таборская улица), в котором, согласно местной традиции, отразилась память о стоянии здесь ополчения Минина и Пожарского. Если это действительно так, топонимический источник указывает на осторожность, с которой земское войско выбрало место расположения своего основного лагеря. Полки князя Пожарского встали рядом с земляным городом и рекой Волгой с романовской и вологодской стороны — там, где было безопаснее всего, потому что Романов и Вологда поддерживали ополчение. На стороне ополчения воевали воевода Петр Иванович Мансуров (он с галичанами сначала был в Первом подмосковном ополчении, а потом оказался в Вологде) и Барай мурза Алеевич Кутумов с романовскими татарами. Именно там пролегала дорога в Поморские города, бывшие главными союзниками властей ярославского земского ополчения: через них шли контакты с Новгородом Великим. По московской же или угличской дорогам можно было ожидать нападения казаков. Подобная предусмотрительность оказалась нелишней. Как пишет автор «Нового летописца», казачий отряд Первого ополчения во главе с Василием Толстым «прииде с Москвы» и «ста в Пошехонье»; казаки нападали на местных дворян, выбивая их из поместий.

Первая грамота «ото всей земли» была направлена из Ярославля в Сольвычегодск 7 апреля 1612 года. В ней наконец-то формулировались цели создавшегося движения и определялась его позиция по отношению к подмосковным «таборам» князя Дмитрия Трубецкого и Ивана Заруцкого. Призыв собрать свой «земский совет» и прислать для этого «изо всех чинов людей человека по два» с наказами выборным («и с ними совет свой отписати, за своими руками») свидетельствовал о том, что в Московском государстве был создан новый земский центр власти. Пожалуй, впервые жители Московского государства услышали не только беспощадные слова о том, что происходило у них на глазах, но и приговор всем прежним годам Смуты, воспринятой как наказание за грехи: «По умножению грехов всего православного крестьянства, по праведному прещению неутолимой гнев на землю нашу наведе Бог». Отправной точкой стала смерть царя Федора Ивановича («первое прекротил благородный корень царского поколения»), после чего разные

цари сменяли друг друга, но спокойствия в государстве их подданные так и не обрели. Борис Годунов происходил «из синклиту», то есть из боярского сословия, и его царство скоро прекратилось. Гришка Отрепьев — это «предотеча богоборного Антихриста», он «безстудно нарек себя царем Дмитреем» и «чародейством» захватил престол, приняв от Бога «пагубную смерть». «Потом же произволися бо царьс-твовати царю Василию», но тут произошло «межусобное кровопролитье», в котором были виноваты «воровские люди», приходившие под Москву «с Ивашкой Болотниковым». «Ос-тавшеи воры» продолжили смуту, стали собираться в Украинных городах «и меж себя выбрали вора и назвали его тем же проименованием, царем Дмитреем». С этого момента началось вмешательство «литовского короля» и случились самые тяжелые времена: «и мнози от грабителей и ненасытных кровоядцов царями себя называше Петрушка, и Август, и Лаврушка, и Федка, и иные многие, и от них многия крови разлияшася и безчисленно благородных людей мечем скончаша». Автор земской грамоты вспоминал «злую смерть» Петрушки, стояние «воров» в Тушине «два годы», осаду королем Сигизмундом III Смоленска и присылку гетмана Станислава Жолкевского с обещанием дать королевича Владислава на русский престол. Не упустил он случая напомнить и о приходе в Коломенское «лжеименитого царя из Колуги». В грамоте содержатся важные детали для понимания того, какие ожидания связывали русские люди с договором о призвании королевича Владислава. Оказывается, гетман Станислав Жолкевский «с полскими и с литовскими людми» должен был «от Москвы отойтить и стать в Можайску», а король Сигизмунд III — оставить осаду Смоленска. Для этого и свели с престола царя Василия Шуйского, что сделано было «по лукавому совету» Михаила Салтыкова с «единомышленики». Его же и Федьку Андронова обвиняли и в последующих преступлениях: «царя Василья с братьею, утаяся ото всей земли, отослали к королю под Смоленск; а полских и литовских людей, которые были с Желтковским, пустили внутрь царьствующаго града Москвы». Завершилось же это тем, что «литовской король» нарушил все мирные постановления, «сына своего королевича на Московское государьство не дал», «жестокими приступы Смоленеск взял» и «послов, которые посланы от всей земли, митрополита Филарета, да боярина князя Василья Васильевича Голицына с товарыщи, послал в Польшу в заточенье».

Особый интерес представляет история создания Первого ополчения, как она изложена в грамоте «земского совета». Здесь было уже не до прорисовки деталей эпической картины Смуты. Ее

авторам нужно было четко и внятно объяснить, как они относятся к тем, кто начинал освобождение Москвы, и к тому, что происходило в подмосковных полках. Воевода Прокофий Петрович Ляпунов пользовался явной симпатией составителей грамоты. Он раньше всех, «сослався со всеми городы Московского государства», пришел под столицу. Вместе с ним пришли «бояре, и воеводы, и столники, и стряпчие, и дворяне болшие, и дворяне и дети боярские всех городов, и всякие служивые люди». Все они «положили совет» и принесли клятву биться с врагами «до смерти», «литовских людей в Москве осадили, и тесноту им великую учинили». Заметно, что в новом ополчении пытались представить дело так, что Прокофий Ляпунов был главным, если не единственным создателем Первого ополчения. Здесь не упоминалось ни о роли патриарха Гермогена, ни о призывах, шедших из того же Нижнего Новгорода, ни о союзе с бывшими тушинцами. Среди тех, кто принес клятву освобождать Москву, авторы грамоты перечисляли только служилых людей «по отечеству», совсем не упоминая казаков. То, что это было сделано намеренно, становится ясно из дальнейшего текста грамоты. В ней полностью отказывались от какого-либо компромисса с казаками и их вождем Иваном Заруцким, для описания преступлений которого не останавливались перед преувеличениями, обвиняя его в предательстве и во всем плохом, что случилось под Москвой: «Старые же заводчики великому злу, атаманы и казаки, которые служили в Тушине лжеименитому царю, умысля своим воровством с их началником, с Иваном Заруцким, хотя того, что полским и литовским людем ослаба учинить, а им бы по своему воровскому обычаю владети, Прокофья Ляпунова убили, и учали совершати вся злая по своему казацкому воровскому обычаю». Далее последовали новые преступления: «…и всчали в полкех и по дорогам многие грабежи и убийства, и дворяном и детем боярским смертные позоры учинили, и бедных полонеников, которые выходили из города всякого чину мужьска и женьска, поругали, иных смерти предали; начал-ник же их Иван Заруцкой многие грады, и дворцовыя волости, и монастырския вотчины себе поймал и советником своим, дворяном и детем боярским и атаманом и казаком роздал». Именно эти бесчинства, как можно понять из текста земской грамоты, и стали поводом для создания нового движения, объединившего служилых людей «по отечеству»: «Столники же, и стряпчие, и дворяне, и дети боярские всех городов, видя неправедное их начинание, из под Москвы розъехались по городом и учали совещатися со всеми городы, чтоб всем православным християном быти в совете и в

соединенье, и выбрати государя всею землею».

Последняя фраза самая важная из всего земского послания, призывавшего города к созданию нового «Совета всея земли». Он и требовался в первую очередь для того, чтобы сначала избрать царя и только потом думать об освобождении Москвы и создании правительства. В действительности всё произошло, как известно, по-другому. Но не принимая во внимание того, что выбор нового царя «общим советом» был целью ополчения князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина *до* прихода его под Москву, нельзя понять главного в противостоянии двух ополчений. В подмосковных полках поддерживали псковского самозванца «вора Сидорку, имянуя его бывшим своим царем», а руководители нового движения резко осуждали эту присягу. Грамота 7 апреля 1612 года напоминала о прежних обещаниях князя Дмитрия Трубецкого (единственный раз, когда он был упомянут) и Ивана Заруцкого, «чтобы им без совету всей земли государя не выбирати». Присяга Сидорке давала бесспорный аргумент для обвинения казаков и лишний раз напоминала союзникам нового ополчения о их общем враге: «…хотя по своему первому злому совету бояр и дворян и всяких чинов людей и земьских и уездных лутчих людей побити и животы розграбити и владети бы им по своему воровскому казацкому обычаю». Особенный — и справедливый! — гнев вызывало возвращение ненавистного имени «царя Дмитрия»: «Как сатана омрачи очи их! При них Колужской их царь убит и безглавен лежал всем на видение шесть недель, и о том они из Колуги к Москве и по всем городом писали, что их царь убит, и про то всем православным християном ведомо». При этом в нижегородском ополчении не забывали еще про одну опасность, исходившую от признания царем сына Марины Мнишек, и формулировали свою программу очень ясно: «И ныне, господа, мы все православные християне общим советом, сослався со всею землею, обет Богу и души свои дали на том, что нам их воровскому царю Сидорку и Марине и сыну ее не служити и против врагов и разорителей веры християнской, полских и литовских людей, стояти в крепости неподвижно»[459].

Надо сказать, что судьба Сидорки оказалась незавидной. Псковичи восстали против него, и он вынужден был бежать из города, но 20 мая 1612 года его схватили и выдали послам подмосковного ополчения и казакам во главе с Иваном Плещеевым. Новгородские власти сообщали в грамоте воеводам Заонежских погостов Василию Федоровичу Неплюеву и Василию Ивановичу Змееву 5 июня 1612 года: «А ныне во Пскове вора, которой назывался царевичем Дмитреем, псковичи связали, а

связав повезли к Москве». Самозванца привезли в подмосковные полки, где держали под охраной. В начале царствования Михаила Федоровича он был казнен, причем сделано это было тайно[460].

Осмысливая слова ярославской грамоты 7 апреля 1612 года, можно лучше оценить искренность призывов, обращенных к земским городам. Об очевидных целях послания, созданного ввиду выборов нового царя, свидетельствует формуляр документа. После традиционных слов: «…и вам, господа, пожаловати» следует то, чего и ждали от тех городовых советов, которым, в свою очередь, адресовалась грамота из Ярославля: «… советовать со всякими людми общим советом, как бы нам в нынешнее конечное разорение быти не безгосударным; чтоб нам, по совету всего государьства, выбрати общим советом государя, кого нам милосердый Бог по праведному своему человеколюбию даст». Для этого предлагалось присылать «к нам, в Ярославль, изо всяких чинов человека по два, и с ними совет свой отписати, за своими руками». Кроме того, земцы напоминали про то, как гости и посадские люди пожертвовали своим «имением» для обеспечения жалованьем «дворян и детей боярских смольян и иных многих городов». Однако, по словам грамоты, та казна оказалась уже розданной, а прибывающим в ополчение людям, бьющим челом «всей земле» о жалованье, дать уже нечего. Поэтому руководители земского движения просили последовать нижегородскому примеру и «промеж себя обложить, что кому с себя дать на подмогу ратным людям». Собранную денежную казну просили прислать в Ярославль. В обоснование была создана универсальная формула русского патриотизма: «чтоб нам всем единокупно *за свою веру и за отечество* против врагов своих безсумненною верою стояти (выделено мной. — *В. К.)».*

Грамоту подписали князь Дмитрий Пожарский и другие члены «Совета всея земли», собравшиеся в Ярославле: бояре Василий Петрович Морозов, князь Владимир Тимофеевич Долгорукий, окольничий Семен Васильевич Головин (ближайший сотрудник князя Михаила Скопина-Шуйского в годы борьбы с тушинцами; он оказался в Ярославле после того, как был воеводой подмосковных полков в Переславле-Рязанском), князь Иван Никитич Одоевский, бывшие воеводы Первого ополчения князь Петр Пронский, князь Федор Волконский и Мирон Вельяминов. Все они приложили руки к грамоте даже раньше князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина. Среди других рукоприкладств на грамоте 7 апреля 1612 года находим еще несколько десятков имен дворян, дьяков и «лучших» посадских людей, в том числе и упоминавшегося ярославского земского старосты Григория Никитникова.

Первым делом в Ярославле определились, что будут продолжать поддерживать кандидатуру шведского королевича на русский престол. «Новгородское государство», согласившееся ранее, хотя и под давлением, принять у себя правителем шведского королевича, таким образом оставалось вместе с Москвой. Возвращаясь, как во времена действия рати князя Михаила Скопина-Шуйского, к союзу со Швецией, можно было подумать о продолжении боев с главным врагом — королем Сигизмундом III. Кроме того, переговоры со шведской стороной были еще ранее начаты Первым ополчением, но остановились из-за известных обстоятельств падения Новгорода. Шведы, установившие оккупационный порядок в городе, гарантировали при этом, что будут сохранять новгородскую «старину», новгородские духовные власти оставались на своих местах, новгородских дворян и детей боярских не лишали поместий и вотчин. В противоположность этому политика Сигизмунда III в отношении Смоленска означала захват западных земель Русского государства. Новое Смоленское воеводство должно было войти в состав Речи Посполитой, о какой-либо его автономии, пусть и ограниченной, как в случае с Новгородом, никто не помышлял. Мириться с этим дворяне из Смоленска, составившие основу нижегородского ополчения, естественно, не могли. Кроме того, призвание шведского королевича, о кандидатуре которого договаривались в полках Первого ополчения еще до гибели воеводы Прокофия Ляпунова, предоставляло возможность компромисса тем, кого казаки «неволею» заставили присягнуть псковскому самозванцу. Перейдя на службу из подмосковных полков в Ярославль, они всего лишь возвращались к прежней кандидатуре, которую ранее выбрали для себя.

В Великий Новгород было направлено посольство, в которое вошли представители уже созданного в ополчении земского совета «ото всех городов по человеку и изо всех чинов». «А писаху к ним для того и посылаху, — объяснял впоследствии автор «Нового летописца», — как пойдут под Москву на очищенья Московского государства, чтоб немцы не пошли воевати в Поморския городы»[462]. В действительности же всё было намного сложнее. В ополчении не могли «прикрываться» выбором нового царя для похода на Москву. Иначе бы земский «совет» ничем не отличался от тех, кто, по слову Авраамия Палицына, царем играл «яко детищем». Если бы в нашем распоряжении был только текст летописи, можно было бы подумать, что переговоры не имели никакого значения, а служили лишь отвлекающим манёвром земских властей. Однако посольская переписка между Ярославлем и Новгородом неопровержимо свидетельствует о

серьезности намерений обеих сторон, увидевших шанс реализовать собственные интересы, объединившись вокруг кандидатуры шведского королевича[463].

12 мая 1612 года ярославское посольство во главе со Степаном Лазаревичем Татищевым, состоявшее из пятнадцати человек «дворян розных городов» и других представителей «Совета всея земли», достигло Великого Новгорода. С собою они привезли грамоты «о земском деле» к новгородскому митрополиту Исидору, воеводе боярину Ивану Большому Никитичу Одоевскому[464] и шведскому наместнику Якобу Делагарди от земских бояр и воевод, которые «собрався всех Зарецких, и Сиверских, и Замосковных городов с дворяны и с детьми боярскими, и стрелцы и с казаки, и с Казанскими и всех Понизовых городов князи и мурзы и с тотары, и со всякими служилыми людьми со многим собраньем» стояли «под Москвою и в Ярославле» (показательно, что подмосковное и ярославское ополчение не отделялись друг от друга) и воевали «с литовскими людми, которые сидят на Москве в осаде и которые под городами»[465]. Посольство было организовано таким образом, чтобы подчеркнуть соборную волю, выраженную в Ярославле. В него вошли жильцы и дворяне, служилые мурзы, представлявшие примкнувшие к движению Смоленск, Казань, Нижний Новгород и «все Низовские городы», тверские города, Ярославль, Кострому, Вологду и Поморье. Присутствие в посольстве детей боярских из Переславля-Рязанского говорило об участии в ярославском ополчении служилых людей из самой обширной уездной дворянской корпорации в России. В Новгород приехали также выборные люди от литвы, немцев и «всех иноземцев, которые служат в Московском государстве», и «от гостей и от посадцких людей всех городов». Под грамотой к Якобу Делагарди с запросом «опасного листа» для проезда ярославского посольства подписались чингизид на русской службе сибирский царевич Араслан Алеевич (будущий касимовский царь)[466], боярин князь Андрей Петрович Куракин (за него расписался родственник — князь Федор Куракин), брат новгородского воеводы князь Иван Меньшой Никитич Одоевский (его имя открывало перечень московских дворян в боярском списке), боярин Василий Петрович Морозов, сам стольник князь Дмитрий Михайлович Пожарский и окольничий Семен Васильевич Головин[467]. Исследователь земских соборов XVI—XVII веков Лев Владимирович Черепнин писал: «Конечно, состав посольства — это еще не состав земского собора, но какая-то взаимосвязь между тем и другим есть»[468].

Приехавшие в Новгород представители «всех чинов и всяких людей» Московского и Казанского государств ссылались на то,

что еще в апреле 1612 года узнали о переписке новгородцев с белозерскими воеводами и властями Кириллова монастыря (действительно, белозерский игумен Матфей одним из первых приехал в Ярославль). В своей грамоте они писали о начавшейся со времен «вора ростриги Гришки Отрепьева» смуте, неправдах польского короля Сигизмунда III, нарушении им договора о призвании королевича Владислава и продолжении войны. Как уже говорилось, в ярославской грамоте не делалось различия между властями Первого ополчения, начинавшими переговоры о кандидатуре шведского королевича, и новым земским правительством: «Мы, бояре и воеводы, соб-рався Российского государьства всех городов со всякими люд-ми пришли под Москву…» Напоминая о посылке в Новгород более раннего посольства Первого подмосковного ополчения стольника князя Ивана Федоровича Троекурова-Ярославского, Бориса Степановича Собакина и Сыдавного Васильева, авторы грамоты дипломатично умалчивали об истинных причинах, по которым «не стался» договор у чашника и воеводы Василия Ивановича Бутурлина с «Яковом» — Якобом Делагарди, то есть о штурме и захвате Новгорода: «То вам самем ведомо, и для того з дороги послы воротились». Новое посольство в Новгород представляло как тех, кто стоял под Москвой, так и тех, кто только собирался в поход на столицу из Ярославля. Их общей целью было «Московское государство очищать, и Москвы доступать, и други за друга стоять, и с полскими людми битися до смерти».

В Ярославле отказывались от кандидатур «Псковского вора» и Марины Мнишек с ее сыном, желая заключить договор о призвании на престол одного из двух сыновей шведского короля Карла IX (в Ярославле еще не знали, что он умер). Для того чтобы не повторить прежних ошибок, ярославские земские власти просили «ко всей земли прислать для прямого ведома и договору» послов, представлявших все чины Новгородского государства. Эти послы должны были привезти письменное подтверждение («за своими руками и за печатьми») договоренностей с Якобом Делагарди («на чом у вас с Яковом договор и укрепленье было») о призвании шведского королевича и его крещении в православие. В Ярославле хотели из первых рук достоверно узнать о том, «как ему свой царский престол правити и люди свои розсужати и ото врагов обороняти и всякие дела делати». В противном случае, как говорилось в грамоте, «нам будет мнительно, что у вас с Яковом о государе и о государственных и о земских и о всяких делех договор неучинен»[469].

Якоб Делагарди и новгородцы готовы были с ответом уже через неделю, отпустив ярославских послов 19 мая 1612 года.

Новгородский митрополит Исидор и боярин князь Иван Большой Никитич Одоевский подтверждали стремление к союзу и обещали вскоре прислать со своими послами требуемое «полное письмо» и списки «с утверженных грамот», по которым Новгород договаривался с Якобом Делагарди о призвании шведского королевича, «как ему государю на Новгоротцком государстве, а будет похотят, также и на Владимерском и на Московском и на всех великих государьствах Росийского царствия государем царем и великим князем всеа Русии быти»[470]. 1 июня 1612 года посол Степан Лазаревич Татищев возвратился в Ярославль. По расспросам членов посольства, в Великом Новгороде всё было в порядке, «от немецких людей християнской вере никакой нарухи и православным крестьяном разорения никакова нет, а живут по прежнему безо всякие скорби»[471]. Тогда же в Ярославле впервые узнали точное имя того царя, которому собирались присягать. Послы привезли достоверные сведения обо всех изменениях на шведском престоле после смерти короля Карла IX 30 октября 1611 года. Ему наследовал король Густав II Адольф, поэтому на русский престол стал претендовать одиннадцатилетний королевич Карл Филипп[472].

Возвращение посольства из Великого Новгорода стало сигналом к действию для нового земского правительства[473]. В начале июня 1612 года из Ярославля отправили грамоту в Путивль с призывом прислать выборных для обсуждения договора об избрании нового государя. Хотя служилые люди из «зарецких» и «северских» городов находились в подмосковных полках, а воеводы подчинялись князю Дмитрию Трубецкому и Ивану Заруцкому, это было необходимо в том числе и для подтверждения уже заявленного ранее представительства от этих городов. Грамота в Путивль, адресованная местному «освященному собору» и представителям всех чинов, является одним из самых важных документов периода стояния земского ополчения в Ярославле. В ней также содержалось изложение недавней истории Смуты; правда, учитывая известные обстоятельства поддержки Северской землей самозванцев, составители документа начинали сразу с обвинений Сигизмунда III в нарушении прежних постановлений о мире. Грамота осуждала действия Ивана Заруцкого и «старых заводчиков всему злу», то есть «атаманов и казаков, холопий боярских». Их обвиняли в убийстве Прокофия Ляпунова и в последовавшем развале ополчения, что стало одной из причин нижегородского движения. Потом, объяснял князь Дмитрий Михайлович Пожарский, «собрався аз князь Дмитрей со всеми ратными людьми, пришел в Ярославль, из Ярославля хотели со всеми

людьми идти под Москву», однако этот поход остановило полученное известие о присяге полков бояр князя Дмитрия Трубецкого и Ивана Заруцкого «вору, который во Пскове, имянуя его Дмитрием, что был в Калуге, да Марине и сыну ея». Интересно, что в ярославском ополчении присягу третьему Лжедмитрию восприняли как общую присягу самозванцу и его жене Марине Мнишек. После этого власти ополчения приняли решение поддержать обращение новгородцев, ожидавших приезда шведского королевича (говорили об этом с дипломатической осторожностью), для чего и послали грамоты в Путивль о созыве выборных «для общаго земского совета, изо всяких чинов человека по два и по три». Видимо, когда грамоту уже приготовили к отсылке, в Ярославле получили ободряющее известие об отказе «таборов» от «Псковского вора» и написали о приезде из подмосковных полков Корнилия Никитича Чоглокова, дьяка Алексея Витовтова и казачьих атаманов Афанасия Коломны, Ивана Немова, Степана Ташлыкова, Бесчастного Власьева с товарищами 6 июня 1612 года. Послы подмосковного ополчения подтвердили в Ярославле, что князь Дмитрий Трубецкой и Иван Заруцкий отказались от присяги самозванцу: «про того вора сыскали и от него отстали». Таким образом, создавались реальные условия для объединения «всей земли» и выбора царя «общим советом»[474].

Послы из Новгорода, игумен Никольского-Вяжищского монастыря Геннадий и князь Федор Тимофеевич Черново-Оболенский с товарищами, прибыли в Ярославль в двадцатых числах июня 1612 года[475]. В целом исследователи характеризуют это посольство как не особенно удачное. В ярославском ополчении согласились с тем, что кандидатура королевича Карла Филиппа является для них приемлемой, но отказались участвовать в посольстве в Швецию. Слишком памятен всем был «ожог» от неудачи с другим посольством — под Смоленск. В Ярославле потребовали выполнения предварительных условий о приезде в Новгород шведского королевича Карла Филиппа и его крещении в православие.

Сведения о новгородском посольстве в Ярославль могут быть дополнены благодаря одному забытому документу, опубликованному ростовским купцом, коллекционером и исследователем рукописей Андреем Александровичем Титовым в конце XIX века. Публикатор определил разновидность документа — «расспросные речи»[476], но не увидел его связи с переговорами новгородцев и ярославцев в 1612 году по поводу кандидатуры шведского королевича Карла Филиппа на русский трон. Титова, как и всех, кто позднее знакомился с этим документом в

публикации, видимо, сбивало то, что речи принадлежали Луке Милославскому, а представители этого рода, породнившегося с царской семьей, стали известны со второй половины XVII века. Между тем Лука Иванович Милославский был заметной фигурой в Великом Новгороде; достаточно сказать, что именно ему перед штурмом Новгорода в 1611 году была поручена починка острога на Софийской стороне[477].

В расспросных речах Луки Милославского содержатся чрезвычайно интересный рассказ о приезде посольства в Ярославль и уникальные детали переговоров относительно кандидатуры шведского королевича. Люди, упомянутые в документе только по именам, уверенно отождествляются: «князь Федор» — глава посольства князь Федор Черново-Оболенский, «Смирной» — Смирной Отрепьев, а «Яков» — Якоб Делагарди. Оказывается, сразу по приезде в Ярославль послы были приняты «митрополитом», то есть ярославским и ростовским владыкой Кириллом, которому они «грамоты отдали». Митрополит Кирилл занимал ростовскую и ярославскую кафедру до времени Лжедмитрия I, когда новым главой Ростовского митрополичьего дома стал митрополит Филарет Романов. После этого Кирилл жил на покое в Троицесергиевом монастыре, где он долгое время служил архимандритом. Поэтому митрополит Кирилл хорошо знал многих знатных паломников в Троицу, входивших в Боярскую думу. Скорее всего, он был среди тех, кто пережил осаду Троицы тушинскими войсками. Его почтенный возраст и преемственность личных связей с деятелями времен последних «прирожденных» государей оказались востребованными в 1612 году, когда его снова позвали в Ярославль. Как видно, он, так же как митрополит Исидор в Великом Новгороде, стал представлять власти земского «Совета всея земли».

Дальше возникла двухнедельная пауза, подогревавшая подозрения в том, что послов необоснованно задерживают («ставят»). Внутри посольства тоже возникли разногласия. Смирного Отрепьева (того самого, родного дядю самозванца Григория Отрепьева) обвиняли в том, что он втайне от других дал переписать «статейные списки». Ждали некоего посольского дьяка, вероятно, Савву Романчукова, который вел дальнейшие переговоры и готовил грамоты[478]. В расспросных речах говорилось об аргументах Якоба Делагарди, оправдывавшего захват Новгорода шведами: «…и Лука говорил: слышал де он наперед сего от Якова, что ч[елованье] наруш[е]но от нас, помирились с литовским»[479]. Вспоминали в Ярославле и переговоры со шведами присланного из полков Первого ополчения и вошедшего в новгородскую администрацию воеводы

Василия Ивановича Бутурлина: «писал де к ним Василей про крещенье, что креститца на рубеже»: речь шла о том, что шведский претендент должен перейти в православие до того, как войдет в пределы Русского государства. «И князь Федор говорил, что Яков про то с Васильем (Бутурлиным. — *В. К.)* говаривал». Кстати, эта отсылка подтверждает предположения ученых о том, что князь Федор Черново-Оболенский приехал в Новгород в составе посольства Первого ополчения и участвовал еще в первых переговорах о призвании шведского королевича. Ярославские власти явно уклонялись от того, чтобы дать подробный ответ на «статейные списки», собираясь написать только о приеме и отпуске послов. Глава новгородского посольства князь Федор Черново-Оболенский тем временем использовал пребывание в Ярославле отнюдь не только для дипломатических трудов: «да у князя Федора ж де были скоморохи, и медведя травил и зернью играл с Потапом Нарбековым». Очень неожиданное свидетельство, непривычное для картины патриотического подъема в Ярославле летом 1612 года!

Расспросные речи Луки Милославского являются своеобразной репликой, на первый взгляд подтверждающей знаменитые обвинения Авраамия Палицына в адрес вождей земского движения. Келарь Троицесергиева монастыря находился в Ярославле в дни приема и подготовки статейных списков новгородского посольства и делал всё для того, чтобы побудить ополчение немедленно идти под Москву. В его «Сказании» содержится нелицеприятный, если не сказать злой отзыв о том, что он нашел в Ярославле. Палицын выехал из Троицесергиева монастыря 28 июня и через несколько дней должен был доехать до пункта назначения: «И пришедшу ему во град Ярославль, и виде мятежников, и ласкателей, и трапезолюбителей, а не боголюбцов, и воздвижущих гнев и свар между воевод и во всем воиньстве. Сиа вся разсмотрив, старец и князя Дмитрея и Козму Минина и все воиньство поучив от божественных писаний и много молив их поспешити под царствующий град и к тому таковым мятежником не внимати»[480].

Что же послужило основанием для упреков троицкого келаря? Возможно, что подтекст его обвинений связан с тем, что он видел, как принимали новгородских послов, и не понимал, почему князь Дмитрий Михайлович Пожарский отказывался немедленно идти на помощь князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому. У келаря Авраамия Палицына были и свои мотивы, которые он не назвал. Князь Дмитрий Трубецкой оказывал покровительство Троицесергиеву монастырю, выдавал ему грамоты и охранял от наездов подмосковных казаков в троицкие

вотчины. Князь Дмитрий Пожарский тоже готов был защищать Троицкий монастырь, но не мог сделать этого сразу, хотя в Ярославле и оказались бывшие защитники монастыря — боярин князь Андрей Петрович Куракин и дальний родственник келаря воевода Андрей Федорович Палицын. Позднее путь ополчения будет лежать через Троицу, как все тогда называли монастырь. Но летом 1612 года надо было прежде всего выбирать нового царя и устраивать другие очередные дела, касавшиеся «всей земли».

В Вологде, Устюге Великом, Сольвычегодске, Перми и Яренске ходили списки «посланных речей» о переговорах новгородских послов в Ярославле (в документе очень точно обозначена близость этих материалов к дипломатическим документам — «статейным спискам», но не совпадение с ними). Позиция «всей земли» была обозначена на переговорах князем Дмитрием Пожарским вполне определенно. «Вся земля» согласится на принятие кандидатуры Карла Филиппа в случае его перехода в православие: «…хотим того, чтоб нам всем людем Росийского государьства в соединенье быть; и обрати б на Московское государьство государя царя и великого князя, государьского сына, толко б был в православной крестьянской вере греческого закона, а не в иной которой, которая вера с нашею православной хрестьянскою верою не состоится». Неудачный опыт с присягой королевичу Владиславу навсегда отучил московских людей от излишнего доверия к иноземным кандидатам. Именно на этих переговорах князь Дмитрий Пожарский произнес известные слова, вспоминая участь послов под Смоленск князя Василия Васильевича Голицына и отказываясь от организации посольства ярославского земского правительства в Шведское королевство: «Надобны были такие люди в нынешнее время. Толко б ныне такой столп, князь Василей Васильевич был здесь, и об нем бы все держались; и яз к такому великому делу мимо его не принялся; а то ныне меня к такому делу бояре и вся земля силно приневолили. И видя нам то, что учинилося с Литовской стороны, в Свию (Швецию. — *В. К.)* нам послов не посылывати и государя на государьство не нашия православныя крестьянския веры греческаго закона не хотеть»[481].

В ответной грамоте из Ярославля в Новгород 26 июля 1612 года князь Дмитрий Михайлович Пожарский подтверждал, что придерживается прежнего приговора Первого ополчения о призвании шведского королевича: «…и мы ваши грамоты, и списки с утверженных грамот, и грамоты и приговор и статейной список, каковы присланы к вам из-под Москвы, выслушали, и что к вам писали из-под Москвы бояре и воеводы и всех чинов люди

приговор за своими руками, и мы и ныне того *своего* (выделено мной. — *В. К.)* приговора держимся». Становится понятным, почему в расспросных речах Луки Милославского так пристально интересовались предшествующими переговорами Василия Ивановича Бутурлина и Якоба Делагарди до новгородского взятия в 1611 году.

Дальнейшие действия виделись следующим образом: сначала «по летнему пути» надо было дождаться приезда королевича, а затем ярославский земский «совет» обещал послать в Великий Новгород «послов изо всяких чинов людей со всем полным договором». Для того чтобы смягчить категорические требования, в ярославской грамоте указывали на опасения, связанные с нарушением крестного целованья, как это уже было с «литовским королем». В остальном же подтверждали, что «мы от вашего добраго совету непрочь». Порукой тому было участие представителей многих городов и чинов в приеме посольства князя Федора Оболенского. Теперь всё зависело только от приезда или неприезда шведского королевича, потому что его отсутствие могло вызвать «сумненье» у людей. «А нам без государя быти невозможно, — писали в ярославской грамоте, — сами ведаете, что такому великому государству без государя долгое время стоять нельзя»[482].

26—27 июля 1612 года новгородские послы тронулись в обратный путь вместе с представителями ярославского земского совета Перфирием Ивановичем Секириным, Федором Кондратьевичем Шишкиным и подьячим Девятым Русиновым. В главном вопросе о кандидатуре на престол «Совет всея земли» достиг согласия, и это — несмотря на высказывавшееся недовольство троицких властей — оправдывало столь долгое стояние ополчения в Ярославле и замедление похода на Москву.

Об успехе новгородского посольства к «представителям сословий, собранных в Ярославле и ближайших крепостях», Якоб Делагарди доносил королю Густаву II Адольфу 23 августа 1612 года. В его письме говорилось о «добром ответе» из Ярославля и о том, что там «все желают его высочества, вашего величества любезного брата, герцога Карла Филиппа». Делагарди точно передал содержание ярославской грамоты 26 июля 1612 года и даже привел слова, что «эта страна не может долго быть без правительства». По словам Делагарди, князь Дмитрий Пожарский и другие «знатные бояре», кроме официальной грамоты, «особенно и доверенно» писали к нему о принятии кандидатуры Карла Филиппа[483].

Переговоры с Новгородом Великим оказались не единственным сюжетом в истории ярославского ополчения,

связанным с дипломатией. В начале июня 1612 года через Ярославль возвращались по Волге из Персии имперский посланник Юсуф Грегорович и персидский посол от шаха Аббаса I в Империю Мурши Кулыбек. Пользуясь тем, что власти ярославского правительства контролировали дорогу из Ярославля на Двину, послам было предложено возвращаться домой морем из Архангельска, а не сухопутным путем «через литовскую и польскую землю». В ополчении в это время уже находились сведущие в дипломатических делах люди; они решили использовать проезд послов, чтобы добиться расположения императора и попросить о «вспоможеньи» своею «казною». Императора Рудольфа II просили также, чтобы он повлиял на Сигизмунда III и удержал его от дальнейшего вмешательства в русские дела, а также заставил вывести свои войска из Московского государства. Правда, в Ярославле не знали, что император Рудольф II умер в начале 1612 года и на престол вступил другой император Священной Римской империи из династии Габсбургов — Матиас («Матьяш») II. Впрочем, своих целей ярославские власти в итоге добились. В Империи действительно предприняли шаги, чтобы обсудить с Сигизмундом III русские дела, однако к тому времени земские войска уже освободили Москву.

Грамоте, отправленной 20 июня 1612 года с «немецким переводчиком» Еремеем Еремеевым, особый интерес придает то, что она была запечатана гербовой печатью «стольника и воеводы князь Дмитрея Михайловича Пожарсково Стародубсково». Тем самым подчеркивались высокий статус главного воеводы ярославского ополчения и его происхождение от удельных князей. Позднее Пожарского обвиняли в том, что он договаривался о призвании на русский престол еще одного иноземного принца — «цесарева брата Максимилиана». Но если вопрос о кандидатуре австрийского принца и обсуждался в Ярославле, то в грамоте он не нашел никакого отражения. Лишь отвечая на прямой вопрос посла Юсуфа, «похотят» ли выбрать Максимилиана на Московское государство, князь Дмитрий Пожарский неосторожно обнадежил посла, что «принца примут с великою радостию».

Напомню, что послы приехали в тот момент, когда уже было известно о прибытии в Ярославль новгородского посольства. (Не с этим ли желанием развести два посольства, чтобы они не встретились друг с другом, и связано впечатление главы новгородского посольства князя Федора Черново-Оболенского, что, «не доезжая Ярославля», их начали «ставить»?) Зная честный и открытый характер князя Дмитрия Пожарского, нет оснований

считать, что он одновременно договаривался о призвании двух иноземных принцев на царство. Впоследствии, в начале царствования Михаила Федоровича, дипломаты Посольского приказа резко отказались от слов князя Пожарского, обвинив его в выманивании подарков. Посольские дьяки предположили, что князь Дмитрий Пожарский мог что-то передать на словах «без совету всей земли Московского государства», думая о получении цесарского «жалованья»; впрочем, не исключалась и вина переводчика, который тоже мог «сам собою затеять» в ожидании награды[484].

Грамота, отправленная от властей земского ополчения в Империю, является выдающимся памятником политического осмысления событий разворачивавшейся Смуты. Учитывая, что ее текст был запечатан личной печатью князя Дмитрия Пожарского, можно предположить, что он участвовал в ее составлении и разделял представленный в ней взгляд на события последних десятилетий в Московском государстве.

В грамоте немало говорилось о корнях союза между Московским государством и Империей, уходящих еще ко временам царствования Федора Ивановича. Составители грамоты вспоминали о выборах на царство Бориса Годунова «по избранью Московского государства всяких чинов людей», подробно рассказывали о появлении первого самозванца, Гришки Отрепьева, назвавшегося «царевичем Дмитрием Углетцким», противостоянии царя Василия Шуйского и Тушинского вора. Наш особый интерес вызывает, конечно, характеристика «междуцарствия» и взаимоотношений двух ополчений. В грамоте подтверждалось, что земское движение возникло под влиянием призывов патриарха Гермогена. Но приводился и новый мотив выступления земских сил в начале 1611 года: месть за «позор» царя Василия Ивановича. При описании действий подмосковного ополчения везде использовалось местоимение «мы»: «…мы… меж собою сослався, совет учинили… и пришедчи под Москву новой город каменной взяли…»; «…мы, всяких чинов люди Московского государства… стоим под Москвою другой год за правду и за свою землю». Н.П. Долинин, обративший внимание на эту фразу, истолковал ее как «признание участия казаков в общей борьбе за освобождение страны от польских захватчиков»[485]. Однако речь, по всей видимости, шла не о похвале казакам, а об осознании ополчением в Ярославле своей преемственности с делом предшествующего земского движения.

Вместо похода на Москву князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому пришлось открывать целый «фронт» в войне против запорожских и «вольных» казаков. Впрочем, тогда трудно было

определить, где сторонники Сигизмунда III, а где казачьи отряды, ушедшие из-под Москвы. Как свидетельствует июньская грамота 1612 года от «Совета всея земли» из Ярославля в Путивль, Пожарский посылал своих воевод «с ратными людьми» по соседним городам: «в Володимер, в Суждаль, в Переславль, в Ростов, на Устюжну Железнопольскую, в Кашин, на Углич, во Тферь, ко Троице в Сергиев монастырь, в Касимов и в иные городы». Было организовано целое вспомогательное войско воеводы князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского («Новый летописец» добавляет еще имя князя Ивана Федоровича Троекурова); в его состав вошли также полки «сходных воевод» стольника князя Семена Васильевича Прозоровского и князя Дмитрия Петровича Лопаты Пожарского. Рать князя Черкасского воевала с гетманом Карлом Ходкевичем, «польскими и литовскими людьми» и «черкасами». В грамоте из ополчения в начале июня 1612 года говорили об успехах этого земского воеводы и о походе против тех черкас, «которые стоят за Торжком».

«Новый летописец» тоже упоминал посылку ярославской рати «на черкасы и на казаков». Казаки «сташа в Онтонове монастыре» (по вполне вероятному предположению П. Г. Любомирова, в Краснохолмском Николаевском Антониеве монастыре) и в Угличе. Воеводам удалось отогнать черкас от Антониева монастыря. Земские силы встали в Кашине с целью утвердить за собою еще одну дорогу на Великий Новгород. Казаков выбили и из Углича, причем на сторону ярославского ополчения перешли четыре казачьих атамана. Упоминалось об угличском походе и в «Повести о победах Московского государства». Автор «Повести…», смоленский дворянин, возможно, даже входил в тот отряд, который воевал под Угличем. Он хорошо запомнил, как разворачивались события: «Приспе же тогда весть в Ярославль, яко множество собрався казаков, разоряют руские городы и стоят на Углече. Князь же Димитрей Михайлович, посоветовав с Козмою Мининым, и смольяны, и со всеми ратными людми, и посла к ним многие сотни на Углеч, велел им говорити, чтоб они православных не разоряли и пришли бы в полк ко князю Димитрею Михайловичу, в Ярославль»[486]. Таким образом, полки земского ополчения силой утверждали новую власть в Тверской и Ярославской землях. Действия князя Черкасского с товарищами были признаны успешными: по словам летописи, ему «от началников и ото всее земли бысть честь велия»[487].

В Ярославле была продолжена раздача денег служилым людям, начатая в Нижнем Новгороде. Кузьма Минин собирал привычными ему способами казну, а князь Дмитрий Пожарский

распоряжался ею в интересах «всей земли». Пришедшие в Ярославль дворяне и дети боярские, другие ратные люди нуждались прежде всего в жалованье и кормах. По всем «верховым» и «поморским» городам, которые первыми примкнули к нижегородскому движению, были разосланы новые грамоты с призывом присылать денежную казну. Производилось также верстание новиков князем Дмитрием Пожарским, сохранились сведения о ярославских «верстальных списках». Обычно назначение поместных и денежных окладов производилось по царскому указу и затрагивало детей боярских всех служилых «городов». Воеводское верстание в Ярославле было вызвано чрезвычайными обстоятельствами, но позднее оно было признано вполне законным[488].

Земский бюджет стал пополняться пошлинами, взимавшимися при выдаче грамот, подтверждавших права на земельные владения и льготы («тарханы»). Раньше всех в Ярославль, где стояло земское ополчение князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина, приехал игумен Кирилло-Белозерского монастыря Матфей. Он привез с собой самое ценное, что было в монастырском архиве, — документы прежних царей, подтверждавших земельные владения и привилегии монастыря, и просил власти ополчения о новом подтверждении тарханных грамот, которые перестали признаваться. «По всем городам» с монастырских властей взимали пошлины «с черными людми ровней… а царские жаловальные грамоты во всем учали рудити» (то есть нарушать)[489]. Перечисляя имена царей, начиная с Ивана Грозного, игумен Матфей упоминал царя Бориса и даже самозваного царя Дмитрия, а также царя Василия, подписавших в свое время эти тарханные грамоты на свои имена. Действия кирилловского владыки были самым логичным шагом при смене власти; необычным было лишь то, что он привез монастырские документы не в Москву, а в один из центров сбора земских сил, где создавался «Совет всея земли».

Подтверждение тарханных грамот Кирилло-Белозерского монастыря стало одним из первых решений земского «Совета всея земли» в Ярославле — грамота об этом датирована 8 апреля. Грамоту направили в те замосковные и поморские города, в которых располагались монастырские вотчины. По тексту документа можно определить, что власть ополчения уже в то время распространялась на перечисленные в ней Белоозеро, Вологду, Ярославль, Ростов, Кострому, Холмогоры, Устюг, Тотьму Земские советы этих городов были союзниками ярославского «Совета всей земли». Однако ярославский «совет» представлял в этой грамоте не только себя, но и прежних подмосковных бояр.

Грамота была выдана от имени «Великия Росийския державы Московского государства от бояр и воевод» — так называли себя бояре Первого ополчения князь Дмитрий Трубецкой и Иван Заруцкий. Только после этого следовало прибавление: «…и столника и воеводы от князя Дмитрея Михайловича Пожарского».

Своим челобитьем игумен Матфей задал непростую задачу властям ополчения: ведь они должны были выступить преемниками власти прежних царей! В земском совете в Ярославле безусловно признавали пожалования царя Ивана Грозного и его сына царя Федора Ивановича, но остальных царей времен Смуты все же не называли по именам, про них осторожно написали: «и другие».

В союзе с властями земского ополчения действовал Соловецкий монастырь. Грамота монастырю была выдана в ответ на челобитную «боярам и воеводам и всей земле» соловецкого игумена Антония с братьею 25 апреля. «Приговор всее земли» запретил «рудить» прежние льготы при взимании соляных пошлин на Двине, в Холмогорах и Архангельске. Подтверждение соляных тарханов и возвращение незаконно взысканных денег в казну Соловецкого монастыря было частью договора с монастырскими властями, выдавшими заём воеводам ополчения, о чем свидетельствовала расписка князя Дмитрия Пожарского, долгое время сохранявшаяся в монастырской ризнице[490]. Власти же другого крупного монастыря, Троицесергиева, напротив, сделали ставку на подмосковное ополчение и воеводу князя Дмитрия Трубецкого и своих жалованных грамот в ополчение не привозили.

Логичным продолжением финансовой деятельности ярославского правительства стало создание Денежного двора. В столбцах Печатного приказа давно была найдена челобитная «бойца» Максима Юрьева, доказавшая факт чеканки монеты в Ярославле[491]. Монета Ярославского Денежного двора по своему виду была похожа на старые «московские» деньги — на лицевой стороне изображался «ездец» (всадник с копьем), а на оборотной — имя правителя. Монополия на чеканку монеты принадлежала московскому правительству Боярской думы, выпускавшему деньги с именем королевича «Владислава Жигимонтовича». Ярославское правительство своеобразно вышло из положения. Как справедливо писала исследовательница монетного дела Московской Руси Алла Сергеевна Мельникова, «правительству ополчения, начинавшему собственную чеканку, необходимо было перешагнуть через своего рода нравственный барьер». При чеканке серебряных копеек ярославского «Совета всея земли» сначала использовали штемпели с именем царя Федора

Ивановича и честно ставили знак «с/ЯР», говоривший о происхождении монеты — она была даже тяжелее, чем аналогичные московские копейки (вес первой ярославской монеты соответствовал весу денег, выпускавшихся при царе Василии Шуйском, — около 0,58 г; копейки московского правительства в это время весили 0,51 г). Потом, перед походом ополчения на Москву, были выпущены новые монеты с именем «Владислава Жигимонтовича» (для унификации с аналогичными деньгами, выпускавшимися в Москве в 1612 году, вес ее был понижен до 0,54 г)[492]. Это было уже явным нарушением монопольного права Думы и московских властей на чеканку денег. При других обстоятельствах, в случае возможной неудачи земского дела, воеводам ополчения, наверное, пришлось бы ответить за выпуск «непрямых денег», а сегодня ярославская копейка становится чуть ли не решающим аргументом в споре о нахождении в Ярославле временной столицы в 1612 году[493]. Для этого надо было бы продолжить выпуск копеек с ярославским штемпелем и позднее. На деле же получилось ровно наоборот: в дни стояния ополчения под Москвой на деньгах Ярославского денежного двора ставили уже знак «М» или «МО», указывающий на их якобы московское происхождение. Вес монеты последовательно понижался, так как московское правительство продолжало девальвировать свои деньги.

В деятельности «Совета всея земли» в Ярославле нет признаков какой-то целенаправленной политики по выстраиванию полноценного приказного порядка с четким распределением дел по каждому ведомству. Даже такой внимательный исследователь истории нижегородского ополчения, как П. Г. Любомиров, вынужден был констатировать «крайнюю скудость материала», относящегося к «организации приказов». Из существовавших в Ярославле приказов известны важнейшие — Разрядный и Поместный, которые были и под Москвой. Без этих приказов, заведовавших устройством и распределением войска, а также земельным обеспечением служилых людей, никакое управление не было возможным. Разрядный приказ в Ярославле возглавлял дьяк Михаил Данилов, а Поместный — дьяк Федор Лихачев. Известны упоминания о деятельности в ярославском ополчении Дворцового и Монастырского приказов (последний возглавлял думный дьяк Тимофей Андреевич Витовтов, служивший ранее в подмосковных полках). Есть свидетельства о существовании финансовых приказов — Большого дворца и Большого прихода, Галицкой и Новгородской четвертей. Интересно, что четвертными приказами поручено было ведать дьяку Василию Юдину, то есть тому, кто

начинал дело нижегородского ополчения вместе с Мининым и Пожарским. На него, в отличие от многих московских приказных дельцов, легко переходивших со службы на службу, Кузьме Минину, видимо, легче было положиться[494].

Отдельный приказ Казанского и Мещерского дворца был создан в Ярославле для управления Сибирью[495]. 7 мая 1612 года из Ярославля «по совету всее земли» была отправлена грамота на Верхотурье воеводе Степану Степановичу Годунову об отсылке в сибирские города денег и хлебных запасов «служивым людям» из Вятки, Перми Великой и Соли Вычегодской[496]. Однако сказывалась старая проблема российских пространств. Судя по пометам, распоряжения земского ополчения достигли Верхотурья только 14 декабря 1612 года, когда вся политическая ситуация в Русском государстве кардинально изменилась.

Разветвленная приказная система в Ярославле так и не была создана. Однако это не слишком повлияло на деятельность ярославского правительства. Иногда для решения какого-либо вопроса оказывалось достаточно, что в ополчении находился дьяк, имевший ранее опыт службы в приказах царя Василия Шуйского. Те, кто приезжал в Ярославль (особенно выборные представители в земский совет), били челом о своих нуждах; в ответ на эти челобитные следовало принятие земского приговора, по которому раздавались грамоты, проводились дозоры земель, назначались воеводы и другие должностные лица местного управления, делались различные распоряжения. Так, например, 5 мая 1612 года в ответ на челобитную «земских и посадских людей» с Белоозера был принят «приговор всей земли» о городовом деле в Белоозере. В грамоте предлагалось «по нашему всей земли указу» немедленно начать возводить крепостные укрепления, а всех ослушников строго наказывать. Из дела выясняется очень любопытная деталь: одновременно с белозерцами в Ярославле пытались добиться у «всей земли» облегчения городовой повинности мужики Шушбалинской, Череповецкой и Робозерской волостей, привезшие «волостных людей челобитную за руками». Однако в Ярославле они были посажены в тюрьму и бежали оттуда обратно к себе домой. А следом появилась грозная указная грамота на Белоозеро «бояр и воевод и Дмитрия Пожарского с товарищами», в которой ослушников Вешнячка Тимофеева с товарищами предлагалось уже на месте «за воровство… вкинута в тюрму на месяц». Ополчению важно было с самого начала продемонстрировать свою непримиримость в борьбе с «ворами». «А будет, господа, которых волостей Белозерского уезда мужики не станут вас, по нашему всей земли приговору, слушать в земских делех, —

говорилось в грамоте, — и вы б о том к нам в Ярославль отписали, и мы к вам на Белоозеро пошлем ратных многих людей и велим мужиков воров за непослушанье переимав вешать»[497].

Со временем указные грамоты ярославского ополчения распространились на широкий круг «земских дел». Разнообразные решения принимались чаще всего по общему приговору «Совета всея земли». Так, 25 июля 1612 года в ответ на челобитную старца Стефана Бекбулатова (бывшего «царя» Симеона Бекбулатовича) его должны были перевести с далеких Соловков в Кирилло-Белозерский монастырь. В грамоте, отосланной из Монастырского приказа ополчения в Кириллов монастырь, говорилось о принятом решении: «И по совету всей земли велели есмя старцу Стефану Бекбулатову быта в Кириллове монастыре»[498]. Конечно, эти земские приговоры имели силу только там, где признавалась власть ополчения князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина и не было никакой другой верховной власти.

Память о пребывании земского ополчения в Ярославле оказалась связана с историей строительства Спасо-Пробоинской обыденной церкви. В Сказании о видении иконы Нерукотворного Спаса протопопу Ярославской Успенской соборной церкви Илье приводятся сведения о том, что в дни стояния ополчения Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского город едва не постигло моровое поветрие. (Не случайно, видимо, ярославские «таборы» устроили в предместье.) «Умножившихся грех ради наших около града Ярославля Божиим попущением смертоносная язва. И во граде Ярославле бысть велия скорбь и туга. И месяца мая с 15-го числа день от дне вельми множество народа внезапною тою смертию помираше. Чесого ради быша в недоумении и сего града людие»[499]. Избавление от эпидемии было приписано явившейся во сне протопопу Илье и обретенной им чудотворной иконе Спаса Нерукотворного, в честь которой за один день 24 мая 1612 года была построена деревянная обыденная церковь. К сожалению, само Сказание записано было поздно и вызывает сомнения в достоверности. Так, ростовским и ярославским митрополитом в нем назван не находившийся тогда в городе Кирилл, а сменивший его позднее на кафедре митрополит Варлаам. Возможно, составитель Сказания запутался в датах митрополичьего служения, потому что формально в 1612 году ростовским и ярославским митрополитом был всё еще томившийся в польском плену Филарет Романов. Однако долгое время сохранявшиеся особенности управления этим храмом, бывшего на общественной руге, и сама традиция почитания иконы могут свидетельствовать о том, что в Сказании была своя историческая основа, связанная с участием города в земском

движении.

Несколько месяцев, которые ополчение простояло в Ярославле, потребовалось еще и для того, чтобы подготовить достаточное количество пищалей, свинца и пороха. Видимо, князь Дмитрий Пожарский уделял этому немало времени. Примечательно, что известное покушение на него произошло именно в тот момент, когда он осматривал «наряд» (артиллерию). Автор «Нового летописца» рассказал об этом в статье «О умышлении Заруцково и о посылке ис-под Москвы на убиство»: «Бывшу ж ему в съезжей избе, и поиде из съезжей избы смотрити наряду, которому идти под Москву. И пришед ста у дверей розрядных. Казаку же именем Роману, приемшу его за руку, той же Степанка казак, которой прислан ис-под Москвы, кинулся меж их и их розшибе и хоте ударити ножем по брюху князь Дмитрея, хотя его зарезати». Всё произошло «в тесноте», и удар ножом пришелся в казака Романа. Князь Дмитрий Пожарский даже не успел понять, что произошло. Когда же был найден нож и казака Стеньку допросили с пристрастием, открылся заговор. Примечательно, что Пожарский не дал казнить раскаявшегося казака, и «землею ж» всех соучастников покушения разослали «по городам, по темницам, а иных взяша под Москву на обличение и под Москву приведоша и объявиша их всей рати»[500]. Для собравшихся в Ярославле ответ на вопрос «кому выгодно» покушение на князя Пожарского был очевиден: во всем обвинили главу казачьего войска под Москвой Ивана Заруцкого. Своим милосердием к несостоявшимся убийцам Пожарский немало выиграл в противостоянии с казаками.

Автору «Пискаревского летописца» тоже было известно о покушении «на съезжем дворе», только в его версии казак случайно «поколол» ножом «сына боярского», сопровождавшего Пожарского. Какие-то ярославские раны еще долго преследовали земского воеводу: «Ивашка Заруцкой прислал в Ярославль, а велел изпортити князя Дмитрея Пожарского, и до нынешняго дни та болезнь в нем».

Покушение на главного воеводу нижегородского ополчения было использовано как повод для того, чтобы привлечь на свою сторону всех земцев (не исключая, кстати, и казаков). В «Пискаревеком летописце» упоминается об обращении князя Дмитрия Пожарского, который «писал под Москву к боярину ко князю Дмитрею Тимофеевичю Трубецкому с товарыщи, и ко всем дворяном и детем боярским, и стрельцом и казаком», объявляя про «воровство» Ивана Заруцкого[501]. У казачьего предводителя, возможно, знавшего свою вину, не выдержали нервы, и он оставил поле противостояния двух сил — «земско-казачьей» под

Москвой и «земской» в Ярославле. Когда в конце июля 1612 года ополчение двинулось из Ярославля в Москву, казаки, «мало не половина» войска, из-под Москвы ушли. Воевода князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой один дожидался подхода новых земских сил.

Выступление ополчения князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина из Ярославля было позднее поставлено келарем Авраамием Палицыным в заслугу… самому себе. В его «Сказании» говорится, что цель троицких властей изначально была в том, чтобы примирить двух воевод. Первая посылка из Троицы соборных старцев Макария Куровского и Илариона Бровцына («со многомолебным писанием поведающе им вся содеваемаа под Москвою») не принесла результата. Какое это могло быть «писание», дает представление сохранившееся послание троицких властей, обращенное к обоим князьям — Дмитрию Трубецкому и Дмитрию Пожарскому. Эту грамоту обычно связывают с событиями более позднего времени, однако мотивы обращений из Троицесергиева монастыря к пребывающему в розни войску оставались, видимо, неизменными и до противостояния земских полков у стен столицы. «Молим убо, молим вас, о благочестивии князи Димитрие Тимофеевичь и Димитрие Михайловиче — обращались к воеводам троицкие старцы, — сотворите любовь над всею Российскою землею, призовите в любовь к себе всех любовию своею». Князей призывали «отринуть» «клеветников и смутителей от ушес ваших, и возлюбите друг друга нелицемерно, не словом, но делом». Не обращаясь, правда, ни к кому конкретно, авторы грамоты обличали всех, кто погряз в «пиянстве» и других грехах, кто «беззаконно и богопротивно ныне пируют с гусльми и сурнами и цымбалы». Обоих воевод убеждали, что настали «последние дни», «времена зла», и приводили впечатляющий список пороков, к которым оказались сопричастны их современники: «…будут убо человецы самолюбцы, сребролюбцы, досадители, горделиви, хулницы, родителем непокорней, неблагодарни, непреподобни, нерадиви, немилостиви, врази, невоздержницы, некротцы, небоголюбиви, предатели, предваряюще словом, превозношаеми, сластолюбивы паче, имеюще образ благочестия, силы же его отречени». «Кто убо от нас непричастен сим злым?» — вопрошали старцы и призывали освободить страну из рук «враг»: «беззаконных лютор, и мерзких отступник латын, и неразумных и варварских язык татар, и округ борющих и обидящих нас злых разбойник и черкас»[502]. «Князь Дмитрей же (Пожарский. — *В. К.)»,* по версии «Сказания» Авраамия Палицына, «писание от обители в презрение положи, пребысть в Ярославле многа время». Но промедление и

было единственным упреком, который смог вменить Пожарскому Авраамий Палицын, интригуя читателя какими-то неприведенными в тексте «смутными словесами», воздействовавшими на руководителя ярославского ополчения, который «медленно и косно о шествии промышляше, некоих ради междоусобных смутных словес в Ярославле стояще и войско учрежающе, под Москвою же вси от глада изнемогающе»[503].

Приезжавшим из подмосковных полков служилым людям ярославское ополчение казалось более устроенным, по сравнению с «таборами» князя Дмитрия Трубецкого. Характерен рассказ «Нового летописца» о появлении в Ярославле представителей украинных служилых «городов», стоявших под Москвой в Никитском остроге, — Ивана Кондырева и Ивана Бегичева с товарищами. Очень ярко летописец повествует, как от обнаружившегося контраста между ярославским «строением ратным людям» и «утеснением от казаков под Москвою» приехавшие служилые люди буквально онемели: «И едва убо промолвиша и биша челом, чтобы шли под Москву, не мешкая, чтоб им и досталь от казаков не погинути». Украинные дворяне выглядели, если верить автору «Нового летописца», как настоящие оборванцы: «Князь Дмитрей же и все ратные их знаху и службу их ведяху, а видеша их такую бедность, такоже плаката». Награжденные деньгами и сукнами посланники украинных служилых «городов» вернулись под Москву, своим примером лучше всего агитируя в пользу новой земской силы, собравшейся в Ярославле. Всё это страшно не нравилось Ивану Заруцкому, который «хотяше их побити». Однако постепенно нарастал раскол и среди самих казаков. В Ярославль был послан известный атаман Афанасий Коломна. Еще одна встреча казачьих представителей «ото всего войска» во главе с другим заслуженным атаманом Кручиной Внуковым случилась в Ростове, на дороге, по которой ополчение шло из Ярославля к Москве. Казаки тоже просили Пожарского и Минина идти под Москву «не мешкая» и тоже были награждены «деньгами и сукнами» и отпущены обратно. Однако памятником недоверия между «всей землей» и «казаками» осталась фраза летописца: «…а приидоша не для того; приидоша же для розведания, нет ли какова умышления над ними: чаяху на себя по своему воровству какое умышление»[504]. Если это и было так, то подмосковные казаки убедились, что идущая к Москве земская сила настроена враждебно не к казакам вообще, а лишь к тем, кто хотел использовать борьбу с иноземцами, чтобы проложить дорогу новому самозванцу.

Нижегородско-ярославское ополчение приближалось к тому земскому «идеалу», который виделся при создании Первого

ополчения. В Ярославль также приезжали служить и бывшие тушинцы, и бывшие сторонники царя Василия Шуйского, дворяне и казаки. Но дело было поставлено основательней и без той спешки, в которой создавалось ляпуновское ополчение. П. Н. Милюков в «Очерках по истории русской культуры» давно заметил сходство титула князя Дмитрия Пожарского «по избранию всех чинов людей у ратных и у земских дел стольник и воевода…» с преамбулой Приговора 30 июня 1611 года. Историк сделал далекоидущий вывод о сохранении обязательности его положений для ополчения в Ярославле[505]. Вряд ли речь шла о буквальном следовании нормам Приговора, но он, несомненно, оставался лучшей основой для компромисса разрозненных земских сил. Указы и приговоры созданного в ополчении «Совета всея земли» признавали не повсеместно, а лишь на ограниченной территории Замосковного края, Понизовых и Поморских городов. Однако другого правительства, пользовавшегося значительной поддержкой «Земли», не существовало.

«Богата пришли из Ярославля, и сами одни отстоятся от етмана (то есть от приближающихся войск гетмана Ходкевича. — *В.* К.)»[506] — такими словами встретили казаки ополчение Минина и Пожарского, пришедшее под Москву 20 августа 1612 года. Главной задачей для земского войска в это время стало не допустить прохода в Москву свежих польско-литовских сил. Из Троицесергиева монастыря давно твердили князю Дмитрию Пожарскому: «Аще прежде вашего пришествия к Москве гетман Хоткеевичь приидет со множеством войска и з запасы, то уже всуе труд вашь будет и тще ваше собрание»[507]. В Ярославле хорошо это понимали и, едва получив первые достоверные сведения о подходе гетмана к Москве, немедленно стали готовиться в поход под столицу. Примечательно, что сведения о приходе гетмана шли к ним не только от князя Дмитрия Трубецкого, но и «от Заруцково», что не смог скрыть автор «Нового летописца».

Первым был выслан передовой отряд во главе с воеводами Михаилом Самсоновичем Дмитриевым и арзамасцем Федором Васильевичем Левашевым. Однако князь Дмитрий Пожарский продолжал соблюдать несгибаемую осторожность. Посланным «наспех» воеводам было заказано входить в «табары», они должны были поставить свой острожек у Петровских ворот. Следующий отряд во главе с князем Дмитрием Петровичем Лопатой Пожарским и дьяком Семейкой Самсоновым, служившим ранее в подмосковных полках, встал также отдельно у Тверских ворот. Вскоре под Москву подошли и основные силы ополчения во главе с князем Дмитрием Пожарским и Кузьмой Мининым. Свой стан они устроили у Арбатских ворот и тоже не поддались ни на какие

уговоры князя Дмитрия Трубецкого, звавшего земское войско «к себе стояти в таборы». «Князь Дмитрей же и вся рать отказаша, — писал о князе Пожарском автор «Нового летописца», — что отнюдь тово не быти, что нам стати вместе с казаками»[508]. Естественной границей между двумя ополчениями оказалась река Неглинная. С самого начала между подмосковными казаками и нижегородско-ярославским земским ополчением воцарилась, по слову летописи, «нелюбовь».

Твердое решение «с казаками не стаивать» едва не стало роковым во время решающих боев с войском гетмана Карла Ходкевича 21—24 августа 1612 года. Гетман со своим отрядом наступал со стороны Донского монастыря и дошел почти до стен Кремля. Иосиф Будило, сидевший в столице в осаде, вспоминал в своих записках, как, «удалившись за реку, русские опустили руки и смотрели, скоро ли гетман введет в крепость продовольствие». Гетман же «рад бы был птицей перелететь в крепость с продовольствием»[509]. Но в Кремль ему пробиться не удалось. Объединенное ополчение извещало позднее об итогах «Хоткеева боя»: «И августа в 21 день пришел под Москву гетман Литовской Карло Хаткеев со многими полскими и литовскими людми и с венгры, да Наливайко со многими черкасы московским сидельцом с запасы: и мы против его выходили со всеми людми и с ними бились четыре дни и четыре ночи, не сходя с лошадей». Главные события пришлись на 24 августа — день памяти святого Петра Митрополита, что для людей, служивших в ополчении и присягавших в том, что они воюют за освобождение Москвы — «Дома московских чудотворцев», — не могло не показаться символичным. Произошло же, согласно грамоте ополчения, объединившегося под командованием князя Дмитрия Трубецкого и князя Дмитрия Пожарского, следующее: «Гетман Хаткеев и Наливайко о всеми людми по за Москве реке пошли прямо к городу, жестоким обычаем, надеясь на множество людей… а московские сиделцы вышли из города на вылазку: и мы бояря и всяких чинов люди, видя такое их свирепство и напрасное нашествие полских и литовских людей, выходили против их со всеми людми и бились с ними с первого часу дни до другого часу ночи, и милостию Божиею и Пречистыя его Богоматери и Петра Митрополита и всех святых молитвами, многих у них побили и живых взяли, и знамена и литавры поймали, и убили у них болши пятисот человек, а с досталными людми гетман пошел от Москвы к Можайску, а из Можайску в Полшу с великим страхованием»[510].

В грамоте не сообщалось, что исход боев решили казаки: слишком это расходилось с предшествующим стремлением

представить казачьи станицы как безусловных врагов земских сил. Предводители казаков не послушались воеводу князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и вступили в бой. Вот как «Новый летописец» пишет об этом драматичном моменте в истории «Хоткеева боя»: «Етману же наступающу всеми людми, князю же Дмитрею (Пожарскому. — *В. К.)* и всем воеводам, кои с ним пришли с ратными людми, не могущу противу етмана стояти конными людьми, и повеле всей рати сойти с коней, и начаша битися пешие: едва руками не ималися меж себя, едва против их стояша. Головы (начальники дворянских сотен из войска Пожарского. — *В. К.)* де те, кои посланы ко князю Дмитрею Трубецкому, видя неизможение своим полком, а от нево никоторые помочи нету, и поидоша от нево ис полку бес повеления скорым делом. Он же не похоте их пустить. Они же ево не послушаша, поидоша в свои полки и многую помощь учиниша. Атаманы ж Трубецково полку: Филат Межаков, Офонасей Коломна, Дружина Романов, Макар Козлов поидоша самовольством на помощь и глаголаху князю Дмитрею Трубецкому, что "в вашей нелюбви Московскому государству и ратным людем пагуба становитца". И придоша на помочь ко князю Дмитрею в полки и по милости всещедраго Бога етмана отбиша и многих литовских людей побита»[511].

Автор «Повести о победах Московского государства» писал, что «русские люди» из «боярского полка князя Дмитрея Тимофеевича» откликнулись на призыв Кузьмы Минина вмешаться в бой и помочь своим соотечественникам, которых уже превозмогали иноземцы. Он сравнил речь Минина, обращенную к служилым людям князя Дмитрия Трубецкого, со свечой, внезапно зажженной в кромешной тьме («аки не в светимой тме светлу свещу возже»): «Ныне бо от единоверных отлучаете-ся, впредь к кому прибегнете и от кого себе помощи чаете». И здесь автору «Повести…» приходилось «снижать» роль казаков: в захваченном обозе гетмана Карла Ходкевича они сразу «нападоша» на «множество винных бочек и на многое полское питие». Если бы не вмешательство воеводы князя Дмитрия Трубецкого, велевшего «бочки литовския растаскати и бити, чтобы воинству от пития пакости не учинихомся»[512], то казаки, видимо, остались бы пировать и исход боя вполне мог оказаться другим (косвенно это только подтверждает, что без участия казаков едва ли получилось бы справиться с войском гетмана Ходкевича).

Иная версия вступления казаков в «Хоткеев бой» содержится в источниках, происходящих из Троицесергиева монастыря. И здесь опять прославляется келарь монастыря Авраамий Палицын. Это оказывается он, а не Кузьма Минин, возжег «свечу» и увлек своей

проповедью казаков, так что они бросились в бой, призывая имя монастырского покровителя: «Сергиев! Сергиев!» Другой троицкий келарь, Симон Азарьин, в книге о чудесах преподобного Сергия Радонежского открыл более прозаичный мотив выступления казаков. Кузьма Минин вместе с приехавшими под Москву архимандритом Дионисием и келарем Авраамием Палицыным смог умолить выступить казачьи станицы обещанием отдать им всю «Сергиеву казну». Когда же казаки увидели в полках взятые ими из монастырской ризницы золотые и серебряные церковные сосуды, архимандричьи шапки и одеяния, шитые золотом и украшенные каменьями, они устыдились своих прежних требований и отослали эту казну обратно в Троицесергиев монастырь[513].

Существенную разницу в деталях троицких рассказов И. Е. Забелин справедливо объяснял личными особенностями двух келарей: «Симон Азарьин, не менее, если не более Аврамия любивший свой монастырь, но не столько, как Аврамий, любивший свою особу, рассказывает о тех же обстоятельствах гораздо правдивее»[514].

Сам Кузьма Минин, поддавшись эйфории боя, ходил во главе дворянских сотен на две литовские роты — пешую и конную, стоявшие у «Крымского двора» за Москвой-рекой. «Дню же бывшу близко вечера, Бог же положи храбрость в немощного, — рассказывает автор «Нового летописца», — приде бо Кузма Минин ко князю Дмитрею Михайловичи) и просяще у нево людей. Князь Дмитрей же ему глаголаше: "Емли, ково хощеши"». Утром того дня князь Дмитрий Пожарский, видимо, был ранен; по свидетельству киевского мещанина Богдана Балыки, сидевшего тогда в осаде в Кремле, воеводу «подстрелили в руку»[515]. Минин отобрал три дворянские сотни и вместе с литовским служилым человеком на русской службе ротмистром Петром Хмелевским ударил на врага, стоявшего у Крымского брода. Ввиду наступающих дворянских сотен литовские роты стали отходить к таборам гетмана Ходкевича, но при отступлении «рота роту смяху». Увидя бегущие в беспорядке литовские отряды, воодушевилась и русская пехота, сидевшая до того в «ямах» и «кропивах». Ополченцы «поидоша тиском к таборам», видимо, пытаясь окружить войско гетмана Ходкевича с двух сторон. К этому маневру присоединилась и конница. Другой бой шел у важнейшего стратегического пункта — «Климентовского острожка» (небольшого укрепления у церкви Святого Климента). В итоге гетман отступил из своих таборов, побросав «многие коши и шатры». Московские «воеводы и ратные люди» встали «по рву древяного города», то есть по укреплениям, продолжавшим в

Замоскворечье стены «Каменного города». Разгоряченные боем служилые люди пытались преследовать отходящее войско гетмана Ходкевича, но, как писал летописец, «начальники же их не пустиша за ров», благоразумно рассудив, «что не бывает на один день две радости». Вместо этого был устроен победный фейерверк: казаки и стрельцы два часа стреляли в небо «яко убо не слышети, хто что говоряше»![516]

Каждая сторона, конечно, по-своему оценивала происходившее. В русских источниках события 22—24 августа стали восприниматься как один победный день. В польских же источниках, напротив, раскрывается драматическая картина, когда литовскому гетману Ходкевичу оставалось пройти несколько сотен метров до вожделенной цели и войти в осажденный Кремль. Однако его отряды не выдержали удара объединившихся на время битвы полков Трубецкого и Пожарского. Так еще один несостоявшийся правитель Москвы вынужден был удовольствоваться видом Москвы с Поклонной горы, куда ему пришлось отойти из своей ставки у Донского монастыря после неудачных боев, обрекая осажденный польско-литовский гарнизон на медленную смерть от голода.

Возы с провиантом, привезенные гетманом, стали трофеем казаков князя Дмитрия Трубецкого. Надеяться осажденным в Кремле было теперь не на что. Гетман, правда, успел пообещать осажденным, что вернется не позднее чем через три недели с новым войском. Блокированному польско-литовскому гарнизону ничего не оставалось как поверить в это обещание. О настроениях в осажденной Москве откровенно написал Иосиф Будило в своих записках: «Предоставляю здесь каждому рассудить, какую скорбь испытывали осажденные, когда видели, с одной стороны, что их гетман удалялся, с другой — что их томят недостатки и голод, а с третьей — что неприятель окружил их со всех сторон, как лев, собирающийся поглотить, разинул пасть и наконец отнял у них реку»[517]. Но как бы ни страдал польско-литовский гарнизон, потерявший надежду на то, что «рыцарство» выручит их в ближайшее время, сидевшие в осаде не сдавались. Некоторое время спустя после победы над гетманом и его войском князь Дмитрий Михайлович обратился с письмом к осажденным, убеждая их сдаться: «Ваши головы и жизнь будут сохранены вам. Я возьму это на свою душу и упрошу всех ратных людей». (Так и случится позднее, когда Москва будет освобождена.) В ответ был получен надменный отказ «рыцарства», продолжавшего твердить, что оно воюет со «шпынями» (разбойниками) и мужиками-«блинниками» ради интересов «светлейшего царя Владислава Сигизмундовича»: «Письму твоему, Пожарский,

которое мало достойно того, чтобы его слушали наши шляхетские уши, мы не удивились… Лучше ты, Пожарский, отпусти к сохам своих людей. Пусть хлоп по-прежнему возделывает землю, поп пусть знает церковь, Кузьмы пусть занимаются своей торговлей — царству тогда лучше будет, нежели теперь при твоем управлении, которое ты направляешь к последней гибели царства»[518].

Пока осажденным в Москве дело виделось так, что всем в государстве стал управлять князь Дмитрий Пожарский, самому земскому воеводе пришлось столкнуться с серьезными проблемами. После ухода Ходкевича из-под Москвы вражда с полками князя Дмитрия Трубецкого не исчезла. По свидетельству грамоты, посланной вологодскому епископу Сильвестру, с приездом 5 сентября в земские полки братьев Ивана и Василия Шереметевых в стане князя Пожарского образовалась некая «тушинская партия». Туда вошли и такие знаменитые приверженцы самозваного «царя Дмитрия», как князь Григорий Шаховской, Иван Плещеев и князь Иван Засекин. Они стали агитировать казаков убить князя Дмитрия Пожарского и, разогнав земские полки, пойти грабить Ярославль и Вологду То ли всё объяснялось встречей старых друзей после разлуки, не обошедшейся без разгульных пиров и невоздержанных речей, то ли на самом деле всё обстояло настолько серьезно. На всякий случай князь Дмитрий Михайлович уже 9 сентября известил вологодские власти об угрозах прежних «тушинцев», которые хотели, «чтоб литва в Москве сидели, а им бы по своему таборскому воровскому начинанью вся совершати и государство разоряти и православных християн побивати»[519]. В Вологде не вняли советам соблюдать осторожность, за что и поплатились. 22 сентября город был взят «черкасами»; статья об этом событии, случившемся «небереженьем воеводцким», вошла даже в «Новый летописец»[520]. Известие летописи подтверждается и другими сведениями о разорении Вологды «безвесто изгоном». Вологодский архиепископ Сильвестр писал в подмосковные полки: «…а все, господа, делалось хмелем, пропили город Вологду воеводы»[521].

Дело Ивана Шереметева, еще со времен стояния нижегородского ополчения в Костроме, а может быть, и раньше (ведь обвиняли же его еще и в смерти Прокофия Ляпунова) препятствовавшего земскому движению, могло быть использовано князем Дмитрием Пожарским для оправдания своих решений. Земский полк первым делом занял и укрепил свои позиции у Арбатских ворот, построив острожек и выкопав ров. «Новый летописец» включил статью «о съезде бояр и воевод» со своей версией мотивов затянувшегося объединения: «Начальники же

начаша меж себя быти не в совете для тово, что князь Дмитрею Трубецкому хотящу тово, чтобы князь Дмит-рей Пожарской и Кузма ездили к нему в табары. Они же к нему не ездяху в табары не для того, что к нему ездити, но для ради казачья убойства. И приговорища всею ратью съезжатися на Неглинне. И туто же начаша съезжатися и земским делом начаша промышляти»[522]. Условие, поставленное Трубецким, легко прочитывается между строк. Воевода Первого ополчения, руководствуясь соображениями местнической чести, хотел заставить менее родовитого князя Пожарского выполнять свои указы. Князь Дмитрий Пожарский мог согласиться на роль второго воеводы, но не на то, чтобы собранная в Ярославле земская сила и приказы полностью растворились в войске князя Трубецкого. У Минина и Пожарского не было никакой гарантии, что бывшие «тушинцы» и казаки не повернут оружие против них, поэтому они сохраняли осторожность. Компромисс был достигнут в самых последних числах сентября 1612 года. «Бояре и воеводы» князь Дмитрий Трубецкой и князь Дмитрий Пожарский (их имена стали писать в таком порядке в документах ополчения) согласились на уговоры, обращенные к ним со всех сторон. Более того, в грамоте объединенного ополчения говорилось, что кроме челобитных, был принят «приговор всех чинов людей», согласно которому воеводы и «стали во единачестве». Сохранилась и особая роль «выборного человека» Кузьмы Минина, чье имя упоминалось рядом с именами главных бояр объединенного ополчения. Дублирующие друг друга приказы, в первую очередь Разрядный, были объединены и сведены в новое место, так, чтобы не было обидно ни князю Дмитрию Трубецкому, ни князю Дмитрию Пожарскому: «и розряд и всякие приказы поставили на Не-глимне, на Трубе и снесли в одно место и всякие дела делаем заодно». Главная цель объединенного ополчения хотя и формулировалась расплывчато, но не содержала никаких призывов к мести: «Московского государства доступать и Росийскому государству во всем добра хотеть безо всякия хитрости»[523].

В октябре 1612 года войска ополчения уже вплотную приблизились к стенам Китай-города. Его укрепления «безпрестанно» обстреливались из «наряду» с башен («тур»), поставленных «у Пушечного двора, и в Егорьевском девиче монастыре, и у Всех Святых на Кулишках» (то есть, соответственно, со стороны Лубянки, Дмитровки и Варварских ворот). Осажденный польско-литовский гарнизон переживал агонию. О том ужасе, который творился в столице, дают представление записки упомянутого киевского мещанина Богдана Балыки, на свою беду приехавшего в начале июня 1612 года в

Москву. Пехота стала просто вымирать. Особенно не повезло, видимо, тем отчаянным венгерским гайдукам, которые прорвались в осажденный город во время боев с гетманом Ходкевичем. Скоро почти все они умерли от голода. Польско-литовские солдаты и немцы, имевшие хотя бы какие-то средства, сначала съели всех кошек и собак. Богдан Балыка приводит чудовищный прейскурант на любую живность, которую только можно было найти в Москве: мышь стоила один злотый, кошка — восемь, пес — пятнадцать. Хлеб стоил от семи до десяти злотых. Он также поведал о трагикомичных обстоятельствах, при которых спасся сам, благодаря найденным в церкви Богоявления пергаменным книгам. Когда всё было съедено, а остатки травы скрыл ранний октябрьский снег, воинство окончательно одичало. Людоедство приняло невиданные масштабы. Съели тюремных сидельцев, ели свою «пехоту и товарищев» (Балыка насчитал до двухсот съеденных), раскапывали недавние могилы. Человеческое мясо заготавливали кадками, одна голова стоила всего три злотых[524]. Как выразился по поводу проявившегося каннибализма Иосиф Будило: «кто кого мог, кто был здоровее другого, тот того и ел»[525]. Всё это не было тайной для «бояр и воевод», писавших по городам о скором взятии столицы: «…и из города из Москвы выходят к нам выходцы, руские и литовские и немецкие люди, а сказывают, что в городе московских сиделцов из наряду побивает и со всякия тесноты и с голоду помирают, а едят де литовские люди человечину, а хлеба и иных никаких запасов ни у кого ничего не осталось: и мы, уповая на Бога, начаемся Москвы доступити вскоре»[526].

Когда в ожидании сдачи города начались первые переговоры, в дело вмешался лучший помощник истории — случай. 22 октября 1612 года стороны обменялись «закладами», то есть заложниками, и принялись вырабатывать договоренности об условиях будущей капитуляции. В этот момент казаки полка князя Дмитрия Трубецкого неожиданно пошли на приступ, неся с собой лестницы, по которым взобрались на стены Китай-города. «Пискаревский летописец» точно сообщил место, где была прорвана долговременная оборона Москвы: «с Кулишек от Всех Святых с Ыванова лушку»[527], то есть с того самого места, где стояла ближайшая к полкам князя Трубецкого «тура» объединенного ополчения, ведшая обстрел города. Следом за первым приступом ополченцев случилось так называемое «китайское взятье», то есть полное освобождение стен Китай-города от оборонявшего их гарнизона, затворившегося в Кремле. У тех, кто сидел в осаде, были основания считать, что их обманули, но остановить противника они уже не могли. Автор

одной из разрядных книг неожиданно перешел с сугубо делового стиля на героическую патетику, описывая этот знаменательный момент: «Московски ж воины, яко лвы рыкая, скоряд ко вратом превысокого града Кремля, уповая отомщения врагом своим немедленно воздати». Остававшиеся в Кремле русские люди видели, как «рыцарство» во главе с полковником Струсем решало вопрос о сдаче. Они не могли не отдать должное мужеству своих врагов: «И тако снидошася вкупе на площед вся воинство, посреди ж их стоит началной воевода пан Струе, муж великий храбрости и многова разеужения, и рече: воини Полского народу полковникам и ротмистрам и все рыцерство! Весте сами настоящую сию беду нашу, юже наша кончина приходит; слатким убо свет минуетца, а горшая тма покрывает и посекаемый меч уже готов бысть. Подайте ми совет благ, да како избыти можем от немилостивого сего меча враг наших»[528]. Совет был один: отправить послов «к воеводам московского воинства».

Сдача Москвы растянулась на несколько дней, и из-за этого хронология окончательного освобождения столицы несколько запуталась. Киевский мещанин Богдан Балыка датировал решение Николая Струся о начале переговоров 22 октября, после чего начался штурм Китай-города, едва отбитый осажденными. 26 октября переговоры были окончены, осажденных должны были под присягой выпустить всех из Кремля[529]. Иосиф Будило говорил, что первый приступ, пришедшийся на 4 ноября (25 октября по юлианскому календарю, принятому в Московском государстве), был отбит, а сдались осажденные только 6 ноября (27 октября), выговорив себе сохранение жизни, и 7 ноября (28 октября) «русские вошли в крепость»[530]. Архиепископ Арсений Елассонский, также до конца пребывавший внутри осажденной Москвы, определенно указывает на более раннее время капитуляции польско-литовского гарнизона. Он писал в своих мемуарах, что «срединная крепость» (то есть Китай-город) была взята войсками ополчения «на рассвете дня в четверг, в шестом часу того дня», то есть 22 октября (1 ноября по григорианскому календарю), после чего, договорившись со старостой Николаем Струсем о сдаче, «оба великие боярина с русскими солдатами вошли внутрь центральной крепости и в царские палаты». Символично, что именно из бывшего двора царя Бориса Годунова в Кремле, где сначала остановился на постой главный распорядитель русских дел в столице велижский староста Александр Госевский, выйдет сдаваться ополчению Кузьмы Минина и князя Дмитрия Михайловича Пожарского в октябре 1612 года последний глава польского гарнизона — староста Николай Струсь[531].

Во время сдачи города люди стали стихийно покидать его. Иноземный гарнизон уже был не в силах сопротивляться уходу из Москвы осадных сидельцев: ни своих, ни чужих. Под охраной, на положении заложников оставались только московские бояре во главе с князем Федором Ивановичем Мстиславским. В обмен на их жизнь начальники гарнизона выговорили сохранение своих жизней: «Почали выбегать из Кремля сидельцы русские и литовские люди, а в роспросах сказывали, что бояр князя Федора Ивановича Мстиславского с товарыщи литовские люди роздали за крепкие приставы». Боярин князь Федор Иванович Мстиславский даже участвовал в переговорах с главными воеводами земского ополчения, которые вел староста Николай Струсь. Воеводы ополчения упоминали о переговорах в «застенке», в обширной постройке за кремлевской стеной, находившейся, как писал известный историк Москвы Иван Егорович Забелин, в пространстве, отделявшем крепостную стену от вала, «подальше от Спасского моста, вниз под гору к Москве-реке»[532]: «и ис Кремля в застенок выходил Струсь, и бояр с собою, князя Федора Ивановича Мстиславского с товарыщи выводили, и бояре, князь Федор Иванович Мстиславской с товарыщи всей земле били челом». Упоминание о «застенке», возможно, было не случайным. Именно он, как писал Забелин, служил боярской тюрьмой для «неукротимых» местников, которых «позорно водили в Спасские ворота». Вынужденное нахождение здесь главы московского правительства князя Федора Мстиславского получало тем самым дополнительный смысл смирения первого боярина перед «Землею» в делах царства. Руководитель Боярской думы бил челом «всей земле», что было необходимым подтверждением верховенства власти земского совета объединенного ополчения. «И мы, бояре и воеводы, и вся земля, — писали из ополчения по городам, — город Кремль у литовских приняли, и их бояр и литовских людей не побили, потому что они бояре посяместа были все в неволе, а иные за приставы». Эта грамота руководителей ополчения, отправленная на Белоозеро 6 ноября (старого стиля) 1612 года, дает наиболее точную хронологию и последовательность происходивших событий: 26 октября (5 ноября) из Москвы вышли бояре, а 27 октября (6 ноября) состоялся вход ополчения в столицу: «И октебря в 26 день староста и польские люди бояр, князя Федора Ивановича Мстиславского с товарыщи, нам, бояром и воеводам, и всей земле отдали… И октебря же в 27 день (польские) и литовские люди нам и всей земле добили челом, и милостью Всемогущево, в Троице славимаго, Бога царствующий град Москва от польских и от литовских людей очистилась, и в (Кремле), и в Китае, и в

Цареве городе мы сели…»[533]

Когда дело было сделано, главным воеводам приходилось удерживать войско, чтобы оно, по образцу плохих армий, не впало в банальное мародерство и убийство пленных. Самую большую опасность представляли бывшие друзья-казаки, которые снова стали опаснее недавних врагов — литовских людей. Автор «Нового летописца» вспоминал, что когда из осажденного города первым выпустили самых слабых — женщин и детей, казаки были готовы убить князя Дмитрия Пожарского — «что грабить не дал боярынь». В отдельной статье «Нового летописца» — «о выводе боярском и о здаче Кремля города» — описывалось, как полк князя Пожарского едва не вступил в бой с казаками, когда земское ополчение собралось со знаменами и орудиями на Каменном мосту, чтобы встретить выходивших из Кремля членов Боярской думы. На следующий же день, когда дело дошло до выхода из-за кремлевских стен последних воинов польско-литовского гарнизона, казаки взяли-таки реванш и расправились, вопреки договору, с теми, кто на свое несчастье, как полк Николая Струся, был отведен в плен в «таборы» (спасся только сам последний командующий польско-литовским гарнизоном и один из его капитанов, взятые под охрану князем Дмитрием Трубецким)[534].

Память о московской победе 1612 года сохранила только самые важные вехи: 21 августа начался «Хоткеев бой», 22 октября «Китай взяли взятьем», а в Москву «вошли 26 октября»[535]. День взятия Москвы 26 октября, связанный с памятью Дмитрия Солунского, упоминается в сказаниях о Смуте, например автором «Повести о победах Московского государства»[536]. Однако в возобновившихся официальных разрядных книгах-подлинниках записали, что «град Москву… из плену и из работы очистили и учинили свободно октября в 27 день»[537]. В ближайший «день недельный» — воскресенье 1 ноября — обе части ополчения последний раз объединились для молебна на Красной площади. Полк князя Дмитрия Трубецкого собирался в Казанской церкви «за Покровскими вороты», а полк князя Дмитрия Пожарского — в церкви Иоанна Милостивого на Арбате. К Лобному месту была вынесена икона Владимирской Божьей Матери, и с нею всё воинство торжественно вошло в Кремль[538]. Литургия в Успенском соборе символически завершила одну из самых тяжелых страниц Смуты.

* * *

Остается рассказать о времени, наступившем после совершения подвига освобождения Москвы в 1612 году. Дальнейший путь «выборного человека» от «всей земли» Кузьмы Минина, ставшего думным дворянином Кузьмой Миничем, особенно необычен. Впрочем, его деятельность во время подготовки избирательного земского собора 1613 года была малозаметной; главную роль в земском правительстве стали играть, как известно, князь Дмитрий Трубецкой и князь Дмитрий Пожарский. Минина не оказалось даже среди членов посольства земского собора в Кострому к Михаилу Федоровичу. Однако ему и не нужно было особенных почестей, роль его в освобождении Москвы и так признавалась всеми. Не случайно он, как и другие земские воеводы, удостоился упоминания в «Утвержденной грамоте» об избрании на царство Михаила Федоровича в 1613 году. Правда, о главном его деле — призыве к сбору казны на устроенье ополчения — в грамоте ничего не было сказано. Составителям «Утвержденной грамоты» важнее было расставить воевод ополчения по местам, чтобы это не противоречило местническим представлениям. Поэтому в ней говорилось, что «Московского государства стол ник и воевода» князь Дмитрий Михайлович Пожарский «собрався» вместе со всеми чинами и «ратными людьми» «пришол под Москву в сход к боярину и воеводе» князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому. Упоминание о службе воеводы, пришедшего «в сход», всегда означало его подчиненное положение, тем самым воевода нижегородского движения оказывался ниже командующего подмосковными полками. Кузьму Минина вспоминали уже потом в «Утвержденной грамоте», говоря об общей «службе и раденье ко всей земле» князей Трубецкого, Пожарского и «выборново человека ото всего Московскаго государства Кузмы Минина»[539]. Как мало заботился Кузьма Минин о своей мирской славе, свидетельствует и тот факт, что его подписи нет под текстом «Утвержденной грамоты». Нижний Новгород на соборе 1613 года представляли другие лица: протопоп Савва (его иногда, основываясь на поздних и недостоверных источниках, считали едва ли не одним из организаторов нижегородского движения) [540], дворянин Мисюрь Соловцов, посадский человек Самышка Богомолов, стрелец Якунька Ульянов.

Отдали должное Кузьме Минину при венчании на царство Михаила Федоровича. На следующий день после начала торжеств,

12 июля 1613 года, он — совершенно небывалое для Московского государства дело — был пожалован из нижегородских земских старост сразу в думные дворяне. На языке приказной практики той эпохи это называлось: пожалован «выше своей меры». Согласно новому чину Кузьма Минин получил в вотчину богатое село Богородицкое с деревнями в Нижегородском уезде[541]. В жалованной грамоте точно определялись заслуги Минина в период создания земского ополчения (не случайно ее опубликовали в журнале «Сын Отечества» в 1813 году): «… пожаловали есьмя Думного своего дворянина Кузьму Минина за ево Кузмину многую службу, как в прошлом в 119 году Польские и Литовские люди Московское Государство раззоря и завладели и Московского Государства из городов Бояре и Воеводы собрався со всякими ратными людьми пришли под Москву Московское Государство от Польских и Литовских людей очищать, и под Москвою много время стояли, и ратные люди от Литовского раззорения скудости от Москвы разъехались, и он, Кузьма, памятуя Бога и Пречистую Богородицу, в Нижнем Новегороде из понизовых, из верховых, из поморских и со всех городов и ратных всяких раззоренных людей подмогал, и ратные люди с Бояры и Воеводы и с ним Кузмою собрався под Москву к Боярам же и Воеводам, кои стояли под Москвою безотступно, на помощь пришли и Московское Государство очистили»[542].

Вскоре его опыт финансового администратора был использован в организации новых сборов запросных и пятинных денег на нужды правительства Михаила Романова. Доверялись Кузьме и другие ответственные поручения, например, он был послан в Казанский уезд «для сыску, что черемиса заворовала». Возвращаясь из этой посылки весной 1616 года, Кузьма Минин умер[543].

После смерти Кузьмы Минина остались его вдова Татьяна Семеновна и сын Нефед, служивший в чине стряпчего и умерший бездетным в конце 1632-го — начале 1633 года. Пожалованная вотчина была взята у обеих вдов — Кузьмы Минина и его сына Нефеда — и отдана князьям Якову Куденетовичу и Ивану Борисовичу Черкасским. Вдова Кузьмы Минина получила в возмещение прожиточное поместье в Луховском уезде, но в итоге ее выгнали и оттуда. Последние ее годы жизни были незавидными. Татьяне Мининой сполна пришлось испить долю «бедной, горькой, беспомощной вдовы», бившей челом об «обороне» от насильств «за мужа моего за многую службу и за роботу». Она умерла около 1640 года, приняв перед смертью постриг с именем Таисия. У Кузьмы Минина имелись также братья — Сергей и, возможно, Бессон, и сестра, старица Софья,

упоминавшаяся еще в 1653—1654 годах.

Хрестоматийный образ Кузьмы Минина как «Спасителя Отечества» сложился много позже, примерно на рубеже XVIII—XIX веков, когда вспомнили о словах Петра I, якобы сказанных им при посещении нижегородского Спасо-Преображенского собора 30 мая 1722 года: «На сем месте погребен свободитель и избавитель России». Тогда же в Нижнем Новгороде появилась традиция празднования его памяти 21 мая[544].

Прах Кузьмы Минина перезахоранивали несколько раз. Первоначальное место захоронения точно неизвестно (иногда называется приходская Похвалинская церковь, но на каком основании, неясно). В 1672 году останки Кузьмы Минина были перенесены в новый Спасо-Преображенский собор в Нижегородском кремле. Долгое время у погребения не было никакого памятника и надписи, пока в конце XVIII века не было устроено скромное дверевянное надгробие, украшенное искренними, но не очень умелыми виршами Николая Ильинского — явного поклонника Хераскова:

> Избавитель Москвы, отечества любитель
> И издыхающей России оживитель,
> Отчизны красота,
> Поляков страсть и месть,
> России похвала и вечна слава честь:
> Се Минин Козма здесь телом почивает,
> Всяк, истинный кто Росс, да прах его лобзает.

Стихи эти показались «дурными» даже некоему автору письма из Мурома 1812 года, напечатанному в журнале «Сын Отечества». В 1830-х годах прах Минина был еще раз перенесен в склеп в подклете Спасо-Преображенского собора. Новое каменное надгробие в виде часовни XVII века было открыто над могилой только в 1878 году. Оно было разрушено вместе с кафедральным Спасо-Преображенским собором в 1929 году. По словам тех, кто взрывал собор, из захоронений прежде всего изымали ценности, а «Мининым тогда никто не интересовался». Однако это оказалось не совсем так, некая «инициативная группа» в лице заведующего партархивом, краеведов, строительного прораба и фотографа уже после взрыва собора вернулась к поискам захоронения. Отыскав плиту с именем Минина, они провели раскопки и нашли склеп, в котором хранился деревянный ящик с останками трех человек. Существует и другая версия, согласно которой прах Минина спас нижегородский студент Николай Барсуков (впоследствии известный в Нижнем Новгороде журналист и театральный

критик). Когда могила Минина была вскрыта теми, кто готовил собор к уничтожению, он проник в церковь, собрал останки и унес их в мешке, который долгие годы тайно хранил (по другим рассказам, останки Минина всё это время хранились в краеведческом музее). В 1962 году было организовано их перезахоронение, и ныне останки знаменитого нижегородца обрели пристанище в Михаило-Архангельской церкви на территории Нижегородского кремля[545].

* * *

Самой продолжительной и заметной оказалась карьера князя Дмитрия Михайловича Пожарского[546]. Еще тридцать лет он служил при дворе царя Михаила Федоровича, став одним из главных бояр в правительстве первого царя из рода Романовых. При всем обостренном отношении к местнической чести своего рода князь Пожарский не мог соперничать со старым боярством и родственниками Романовых (за исключением известного князя Бориса Лыкова). Первая же попытка в декабре 1613 года посягнуть на спор о местах с одним из временщиков — Борисом Михайловичем Салтыковым (племянником царицы инокини Марфы Ивановны) закончилась для Пожарского жестоким поражением. Недавнего героя и освободителя Москвы «выдали головой», то есть обвинили в неуместных претензиях о местах и отвели с позором под конвоем на двор Салтыкова. Даже сквозь сухой отчет об этом деле, включенный в разрядную книгу, можно понять истинные чувства вынужденного молча смириться с несправедливостью князя: «А князь Дмитрей Пожарской был туго же перед государем и против тех статей не говорил ничего»[547].

Какое-то время Пожарский был в отдалении от двора, пока его полководческие таланты не были востребованы в первые годы царствования Михаила Федоровича. Так, он участвовал в войне, навязанной Московскому государству в 1615 году самым опасным врагом, полковником Александром Лисовским, и его воинством. Лисовский стремительно прошел от границ Речи Посполитой через разоренные им Брянск и Карачев к Орлу[548]. Отправленное в «северский поход» войско князя Пожарского, основу которого составила казанская рать, приняло бой с Лисовским под Орлом. Удача сопутствовала Пожарскому, использовавшему такую же тактику быстрых маневров, которой любил придерживаться Лисовский. Был момент, когда два самых известных воеводы Смутного времени с московской и польско-литовской стороны стояли друг перед другом у переправы через реку Орел, ожидая

решительного сражения. Но Лисовский отступил, предпочитая проиграть бой, но продолжить кампанию. В дальнейшем он обходным путем прошел в калужские города (туда же для их защиты вернулось и войско князя Дмитрия Пожарского)[549]. В разгар войны с Лисовским князь Дмитрий Пожарский, по сообщению «Нового летописца», «впаде в болезнь лютую», и его вынуждены были отвезти в Калугу. Лисовскому же удалось беспрепятственно прорваться в Замосковный край (сначала к Ржеве Владимировой, где он атаковал ратных людей, посланных в помощь к Пскову). Никто, кроме князя Пожарского, не мог остановить «лисовчиков», стремительно менявших направление своих ударов, побывавших на Волге и на Оке, пока Лисовского не настигли в «алексинских местах». Впрочем, особого урона он не понес и триумфально вернулся в Речь Посполитую[550].

В феврале 1616 года в донесении литовскому канцлеру Льву Сапеге полковник Александр Лисовский, помимо описания своих успехов, передавал слухи о том, что князь Пожарский заболел из-за всех неудач и якобы был готов даже постричься в монахи, чтобы только спасти себя от гнева царя Михаила Романова: «Приехав в столицу, он объявил себя больным, причем договорился с женой и друзьями своими, что заявит о своем желании постричься в монахи, а жена и друзья будут его отговаривать; царь же, заподозрив хитрость, пригрозил ему лишением имений и боярства, бросив обвинение в том, что "ты изменой то творил, что не догнал Лисовского, имея столь великое войско"»[551]. На самом деле князь Дмитрий Пожарский продолжал служить в Москве. В 1616 году он был назначен судьей Приказа сбора пятинных денег, а с 1617 года ведал делами Галицкой чети[552].

Еще раз полководческое умение князя Пожарского потребовалось в дни противостояния с королевичем Владиславом осенью 1617 года. Это была последняя битва за царство несостоявшегося владельца трона, решившегося на вооруженный поход к Москве. Воевода боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский снова воевал около Калуги с хорошо знакомыми «лисовчиками», оставшимися без умершего к тому времени предводителя. Другой воевода, князь Борис Михайлович Лыков, стоял со своим войском на главном направлении похода королевича Владислава, в Можайске, прикрывая смоленскую дорогу. В конце июля 1618 года под натиском королевича и его войска Боярская дума приняла решение об оставлении Можайска. Войско под командованием Пожарского прошло маршем от Боровска к Можайску и отвлекло на себя силы королевича. Это позволило уберечь основную армию князя Бориса Лыкова и дать

ей возможность отойти к столице, приготовившейся к осаде. Пожарскому велено было двинуться к Коломне, чтобы остановить войско запорожских казаков-«черкас» во главе с гетманом Петром Конашевичем Сагайдачным. Однако по дороге, в Серпухове, князь опять заболел и какое-то время спустя оказался в осажденной столице. По окончании военной кампании ему, как и многим другим служилым людям, была дана жалованная грамота на вотчину за «московское осадное сиденье в королевичев приход»[553]. Его «многая служба и правда» к Московскому государству получили свое признание еще и в том, что он принял участие в почетной встрече возвратившегося из польского плена митрополита Филарета.

В недолгое мирное время, наступившее в 1620-е годы, князь Дмитрий Михайлович Пожарский вошел в круг людей, пользовавшихся особым доверием патриарха Филарета Романова. Более того, в одном голландском донесении 1624 года про боярина Пожарского говорили, что «ему предан весь народ», и перечисляли его в числе пяти «наиглавнейших знатных господ», наряду с боярами князем Иваном Борисовичем Черкасским, Иваном Никитичем Романовым, Федором Ивановичем Шереметевым и князем Борисом Михайловичем Лыковым[554]. Пожарский управлял Ямским и Разбойным приказами, в 1628—1630 годах служил воеводой Великого Новгорода. Удаление из Москвы на воеводство, конечно, не стоит рассматривать как опалу, в новгородских воеводах обычно служили именно бояре. Когда князь возвратился со службы в Новгороде, ему доверили возглавить Приказ, «что на сильных челом бьют», то есть рассматривавший дела по челобитным о злоупотреблениях думцев и других лиц, находившихся в приближении у царя: ссориться с ними было опасно не только тем, кто искал правды, но и самим судьям[555]. Первый приказ такого рода появился в чрезвычайных обстоятельствах 1618 года и потом был включен в приказную систему, чтобы не допускать недовольства служилой мелкоты, в первую очередь страдавшей от «сильных людей»[556]. Назначение Пожарского в подобное ведомство свидетельствовало о его репутации неподкупного человека и умелого администратора. В начале 1631 года Пожарский снова возвращается к привычным для него воинским делам, участвует в общем «разборе» всего русского войска: ему было поручено верстать и раздавать жалованье дворянам замосковных служилых «городов»[557].

Эта служба была предвестием новой войны с Речью Посполитой. Командование войском планировалось поручить лучшим боярам-военачальникам. Кандидатура князя Дмитрия

Михайловича Пожарского тоже рассматривалась, но в качестве второго воеводы в армии под командованием боярина Михаила Борисовича Шеина, героя Смоленской обороны, терпевшего некогда польский плен вместе с патриархом Филаретом. В начавшийся осенью 1632 года поход русской армии под Смоленск князю Пожарскому выступить было не суждено из-за нового приступа болезни. Незадолго перед тем умерла мать князя, к которой он был очень привязан. Пожарский продолжил свою приказную службу, снова встав во главе комиссии по сбору «пятинных денег». Только год спустя его назначили воеводой вспомогательного войска для поддержки армии Шеина. Из Москвы он выступил к Можайску, где с огромными сложностями собирались новые полки. В конце февраля 1634 года именно от воевод князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского и князя Дмитрия Михайловича Пожарского царь Михаил Федорович узнал о капитуляции боярина Шеина под Смоленском. Пожарский оставался с войском в Можайске до июля 1634 года, поэтому он не принял участия в поспешном судилище над воеводами смоленской рати боярином Михаилом Борисовичем Шейным и окольничим Артемием Васильевичем Измайловым, которые были казнены. В разгар Смоленской войны умер патриарх Филарет. Именно в это время в одном из местнических споров Пожарскому в запальчивости припомнили, что он «воцарялся» на Москве. Это может свидетельствовать о пошатнувшемся положении прежних фаворитов умершего патриарха[558].

Однако слава князя Дмитрия Михайловича Пожарского заставляла умолкать всех его недоброжелателей. После войны в 1634 году он становится во главе Московского судного приказа, которому были подведомственны дела членов Государева двора. В сочетании с прежними назначениями такое продолжение службы было для князя Пожарского вполне логичным. Не случайно его оставляли в Москве во время отъездов царя на богомолье. Пожарский был желанным гостем во Дворце, он часто присутствовал по торжественным поводам «у государева стола» и принимал участие в дворцовых церемониях. Назначали его и на дипломатические переговоры. Символично, что именно Пожарскому пришлось участвовать в утверждении Поляновского мирного договора с Речью Посполитой. 19 марта 1635 года князь Дмитрий Михайлович подал царю Михаилу Федоровичу крест, который царь поцеловал в знак перехода от войны к миру в делах с королем Владиславом IV. Поворот в политике, образно говоря, с запада на восток позволил царю Михаилу Федоровичу заняться обороной границ Московского государства от татарских набегов. В 1638 году для этого был направлен в Тулу глава московского

правительства боярин князь Иван Борисович Черкасский; в другие, соседние города были назначены на службу также виднейшие бояре. Князь Дмитрий Михайлович Пожарский, как в годы Смуты, снова оказался в знакомых местах: во главе Рязанского разряда в Переславле-Рязанском он ведал строительством засек[559]. Это воеводское назначение, как оказалось, стало последним и завершило карьеру князя-воина.

Во второй половине 1630-х годов, после ряда семейных испытаний (смерти первой жены и детей), князь Дмитрий Михайлович женился второй раз — на княжне Федоре Андреевне Голицыной. Он держал в своих руках управление большим хозяйством в разных уездах, был занят строительством и расширением московского двора на Сретенке. Известны многие его вклады в монастыри: например, он принял участие в украшении построенного в 1636 году в Москве на Красной площади Казанского собора (распространено мнение, что князь Дмитрий Пожарский был его заказчиком и строил собор «на свои средства»)[560]. Внешне его жизнь ничем не отличалась от жизни любого другого знатного боярина. Но так продолжалось совсем недолго.

В начале 1640-х годов перешагнувший шестидесятилетний рубеж князь составил свое завещание. Видимо, он уже тогда предчувствовал близкую кончину. Из этого источника, совсем недавно найденного в архиве, можно узнать, что, достигнув всего, о чем многие его современники могли только мечтать, князь остался самим собою. Проще говоря, честным человеком, который не кичился своим геройством, думал о том, где его «тело мерзское» погребут, стремился в силу долга и обязанности достойно завершить свою жизнь. За обычными формулами духовной, за распоряжениями об имуществе и поминаниях души приоткрываются редкие личные качества князя, его любовь к семье — жене и детям, внукам, зятьям и племянникам. Вполне отвечают принципам, с которыми жил князь Дмитрий Пожарский, его последние распоряжения не устраивать поминаний доходами из кабацких денег, а также оговоренные им условия отпуска людей на волю. Трогательно вспоминает князь Дмитрий Михайлович остающуюся без него «бедную свою горькую жену» и поручает ее заботам младшего сына Ивана. Похоронить себя князь Дмитрий Михайлович просил рядом с умершим сыном Федором: «у Всемилостиваго Спаса в Суздале, в головах у света моево у князя Федора Дмитриевича»[561]. Портрет главного героя Смуты, который раньше можно было представить только исходя из косвенных свидетельств источников, в этом поразительном личном документе явлен с безоговорочной убедительностью.

Завершил свой земной путь князь Дмитрий Михайлович Пожарский 20 апреля 1642 года.

Усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасоевфимьевском монастыре просуществовала до 1765—1766 годов, когда по приказу архимандрита Ефрема была разобрана «за ветхостью», а плиты с захоронений были употреблены на ремонт монастырских стен и построек. Первые раскопки усыпальницы князей Пожарских провел археолог Алексей Сергеевич Уваров в 1851 году. Ему удалось точно установить место погребения князя Дмитрия Михайловича. После этого была организована добровольная подписка по сбору средств на установку памятника и конкурс проектов. 2 июня 1885 года над усыпальницей князей Пожарских была открыта часовня-мавзолей (ее постройка растянулась почти на четверть века). В 1933 году мавзолей Пожарского был разобран, итальянский мрамор, из которого он был выстроен, отправили в Москву для так и не начавшегося строительства Дома Советов. В 1963 и 1974 годах над могилой князя Дмитрия Михайловича появились новые памятники. Первый, весьма скромный памятник был установлен Владимирским музеем и реставрационными мастерскими по проекту архитектора О. Г. Гусевой, а второй, более масштабный, установлен по правительственному постановлению к 950-летию первого летописного упоминания Суздаля (скульптор Н. А. Щербаков, архитектор И. А. Гунст). 4 ноября 2009 года был торжественно открыт мавзолей князя Пожарского, практически полностью повторяющий проект памятника конца XIX века. Работы по возобновлению мавзолея в Суздале дали возможность сотрудникам Института археологии Российской академии наук провести новые раскопки усыпальницы князей Пожарских и Хованских[562].

# *Год 7121-й.*
# ВЫБОРЫ ЦАРЯ

# ЛЮДИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

## *ИВАН СУСАНИН*

Говорить о «героях Смуты» и не вспомнить имя Ивана Сусанина невозможно, хотя история костромского крестьянина после включения ее в многочисленные литературные памятники Нового времени и в оперу Михаила Ивановича Глинки «Жизнь за царя» приобрела не совсем серьезный оттенок. На какое-то время в культуре и историческом сознании советского времени фигура Сусанина «вытеснила» всю историю с царским избранием, сделав ее не такой существенной, как подвиг национального героя, проявившего храбрость в борьбе с врагами. По этой причине упоминать имя Ивана Сусанина приходится с оговорками: он давно уже часть устойчивой культурной мифологии, сложившейся еще на рубеже XVIII—XIX веков. Оперный герой, существующий в обычном сознании на уровне исторического анекдота[563].

Нынешние читатели зачастую даже не подозревают, что современникам, за исключением небольшой костромской округи, имя Сусанина было неведомо. Костромского крестьянина, отдавшего «жизнь за царя», вспомнили впервые лишь в 1619 году, когда царская семья во главе с царем Михаилом Федоровичем смогла выехать из Москвы на богомолье в отдаленные земли Русского государства. Приговоренный историей к известности мужественный человек, сопротивлявшийся врагу («полякам», «казакам»?), каких было сотни и тысячи по всей стране в Смутное время, со временем стал символом этой борьбы. Однако не сохранилось ни одного слова, записанного им, и даже о его происхождении нет никаких свидетельств. Историков смущает прозвище Сусанин, совсем необычно идущее от женского имени. Означает ли это, что он воспитывался без отца? Споры идут и о месте его гибели, о дальнейшей судьбе его потомков. Сам же Сусанин просто превратился в миф.

Попробуем еще раз обратиться к главному вопросу, волнующему как историков, так и «любителей истории»: «был ли Сусанин?» То, что такой вопрос вполне уместен, показала ожесточенная полемика между историками Николаем Ивановичем Костомаровым и Сергеем Михайловичем Соловьевым, состоявшаяся в середине XIX века. Именно тогда два уважаемых историка вступили в научный диспут о том, можно ли считать Ивана Сусанина героем, повлиявшим на судьбу

государства. Позднее к этому спору подключилось немало новых участников[564]. Скептики сомневались в том, откуда в Костромской земле, далеко отстоявшей от западных рубежей Московского государства, оказались поляки и почему они уверенно искали именно Михаила Романова. Дополнительным основанием для сомнений является то, что в обельной грамоте 1619 года, освобождавшей от податей потомков Ивана Сусанина, за давностью лет не были раскрыты подробности его подвига.

Лучше всего привести этот документ целиком, чтобы стало понятно, из каких оснований выросла вся сусанинская история и мифология. Царю Михаилу Федоровичу и его матери инокине Марфе Ивановне, приехавшим в Домнино 17—19 сентября 1619 года[565], видимо, была подана челобитная Богдана Собинина или же они услышали рассказ о тех временах, когда Михаила Романова избирали на престол. А вскоре после возвращения в Москву, 30 ноября 1619 года, была выдана обельная грамота:

«Божиею милостию, мы великий государь царь и великий князь Михайло Феодорович, всея Русии самодержец, по нашему царскому милосердию, а по совету и прошению матери нашей государыни великия старицы иноки Марфы Ивановны, пожаловали есмя Костромского уезда нашего села Домнина крестьянина Богдашка Собинина за службу к нам и за кровь и за терпение тестя его Ивана Сусанина: как мы великий государь царь и великий князь Михайло Феодорович всея Русии в прошлом во 121 году были на Костроме, и в те поры приходили в Костромской уезд польские и литовские люди, а тестя его Богдашкова Ивана Сусанина в те поры литовские люди изымали и его пытали великими немерными пытками, а пытали у него, где в те поры мы великий государь царь и великий князь Михайло Феодорович всея Русии были; и он Иван, ведая про нас великого государя, где мы в те поры были, терпя от тех польских и литовских людей немерныя пытки, про нас, великого государя, тем польским и литовским людям, где мы в те поры были, не сказал, и польские и литовские люди замучили его до смерти. И мы великий государь царь и великий князь Михайло Феодорович всея Русии пожаловали его Богдашка за тестя его Ивана Сусанина к нам службу и за кровь в Костромском уезде нашего дворцоваго села Домнина половину деревни Деревнищ, на чем он Богдашка ныне живет, полторы чети выти земли велели обелить, с тое полудеревни с полторы чети выти на нем на Богдашке, и на детях его и на внучатах и на правнучатах, наших никаких податей, и кормов, и подвод, и наметных всяких столовых и хлебных запасов, и в городовыя поделки, и в мостовщину, и в иныя ни в какия подати имать с них не велели, велели им тое полдеревни

во всем обелить и детям их и внучатам и во весь род их неподвижно. А будет то наше село Домнино в которой монастырь и в отдаче будет, и тое полдеревни Деревнищ, полторы чети выти земли и ни в которой монастырь с тем селом отдавать не велели, велели по нашему царскому жалованью владеть ему Богдашке Собинину и детям его и внучатам и правнучатам и в род их вовеки неподвижно. Дана сия наша царская жалованная грамота на Москве, лета 7128, ноября в 30 день»[566].

К подлинной жалованной грамоте, как и положено, была привешена красновосковая печать. Документ скрепил дьяк Приказа Большого дворца Иван Болотников, так как село Домнино принадлежало к дворцовому ведомству. Интересно, что дьяк Иван Болотников входил в состав посольства земского собора в Кострому весной 1613 года[567], а значит, должен был хорошо помнить обстоятельства событий, происходивших в то время в Костромской земле. Это служит еще одним признанием, пусть и косвенным, правдивости Богдана Собинина — зятя Ивана Сусанина.

Из грамоты остается неясным, в каком точно году и месяце происходили события, потому что одна часть «121-го года» (с 1 сентября по 31 декабря) приходилась на 1612 год, а другая (с 1 января по 31 августа) — на 1613-й. Датой смерти Сусанина иногда называют 27 ноября, но есть ли в этом исторические основания и связана ли дата с почитанием его памяти у прямых потомков — коробовских белопашцев, тоже остается неизвестным. На этот день приходилось празднование иконы Божией Матери, именуемой «Знамение», особенно почитаемой в роду Романовых. Такое совпадение, если оно в действительности имело место, безусловно, должно было повлиять на царя Михаила Романова и его мать инокиню Марфу Ивановну

Между тем поход «черкас», которые в народном восприятии легко могли превратиться в «литву» и «поляков», действительно состоялся в конце 1612-го — начале 1613 года. Упоминавшееся «вологоцкое разорение» 22 сентября, как выяснили воеводы подмосковного ополчения, оказалось делом сторонников короля Сигизмунда III: «Приходили на Вологду… польские и литовские люди и черкасы изгоном из литовских же полков из Можайсково и из Вяземсково уезда безвестно резвые люди»[568]. Целью похода «черкас», прошедших маршем по Русскому Северу, стали поиск и освобождение оказавшихся в плену недавних хозяев Московского Кремля. Согласно расспросным речам новгородского посланника Богдана Дубровского и еще двух купцов, приехавших из Москвы в Новгород в январе—феврале 1613 года, отряд этот насчитывал от трех до шести тысяч человек. Потерпевший неудачу с избранием

на русский трон король Сигизмунд III отправил их «делать вокруг набеги». Хорошо известно, что северные города обычно были местом ссылки. Сохранилась грамота 21 ноября 1612 года об отправке в Солигалич по «приговору» воевод ополчения и «по совету всей земли» «польских людей, которые сидели в Москве», 17 человек — «Телефусовы роты сшляхтичев», и еще семерых рядовых солдат — «пахолков»[569]. Пан «Телефус», или «Теляфус», — прозвище, данное по имени героя троянских сказаний, сына Геракла. Телеф (Telefus, Telephus) был тушинским ветераном и сидел в осаде в Москве; он упоминается в записках Николая Мархоцкого, Иосифа Будилы и Богдана Балыки[570]. Как писал Иосиф Будило, товарищей и рядовых солдат его роты отправили в Галич, где они были перебиты. Сам Будило был взят под охрану князем Дмитрием Михайловичем Пожарским, поэтому и выжил. Интересовался он и судьбой тех, кто служил под началом «пана Талафуса»: «А из Талафусовых не многих спасли в Соли Галицкой наши казаки, явившиеся туда неожиданно, наездом»[571].

Купцы в Новгороде тоже рассказывали об успехах черкасских казаков, которые «пошли к Белозерску (Белоозеру), Каргополю и Вологде и там вокруг взяли нижеследующие маленькие замки: Тотьму, Сольвычегодск, Солигалич, Унжу, лежащие между Вологдой и Холмогорами, которые они чрезвычайно разорили и причинили много другого вреда здесь в местах, куда они проникли. И они освободили много поляков, взятых в плен в Москве и посланных в вышеупомянутые крепости…». О том же свидетельствовал новгородский сын боярский Богдан Дубровский: «Эти казаки теперь должны быть около Вологды и наделали большого вреда и жестоко тиранили в беззащитных городах, местечках и солеварнях, везде, куда ходили»[572]. Сведения о взятии городов «черкаскими казаками» в рассказе купцов могут быть преувеличенными, однако места, где проходили такие «загонные» казачьи отряды, указаны точно, и эти земли достаточно близко располагались к Костроме и Костромскому уезду. По одному позднему свидетельству, Михаил Романов, «егда крыяся от безбожных ляхов в пределех костромских», молился в Макарьевом-Унженском монастыре[573]. Поэтому вполне вероятно, что в 1619 году инокиня Марфа и царь Михаил Федорович повторяли свой паломнический путь 1612 года, лежавший через Кострому на Домнино и Унжу.

Выбравшись из осажденной Москвы вместе с другими боярами и их женами после польского плена, инокиня Марфа вскоре увезла из столицы юного Михаила Романова. Дядя царя, Иван Никитич Романов, входил в состав Боярской думы «при Литве» в годы «междуцарствия», покровительствуя тем, кто

принадлежал к клану Романовых. Но после освобождения Москвы у бояр не осталось никакого авторитета, и они срочно покинули Кремль. Инокиню Марфу не могло не беспокоить и то, что имя ее сына стали называть в связи с новым царским выбором. Она ревниво оберегала покой и благополучие и без того разрушенной обстоятельствами Смуты семьи, а потому предпочла за благо увезти сына из столицы. Самым благовидным предлогом был отъезд на богомолье по костромским монастырям, в частности на Унжу, «к Макарию», которому молились об освобождении пленных (а как мы помним, в плену томились задержанные королем московские послы, в том числе отец Михаила митрополит Филарет Романов). Сказывалось и то, что в разоренной Москве попросту нечем было прокормиться, в отличие от не затронутой военными действиями Костромы, где у Романовых тоже был свой осадный двор. Безусловно, инокиня Марфа могла рассчитывать и на пополнение запасов в своей родовой вотчине в Домнине.

Казачьи станицы, ходившие по Русскому Северу в конце 1612-го — начале 1613 года, не скрывали своих грабительских целей. Их интересовали и небольшие, обычно плохо укрепленные монастыри, и крупные боярские вотчины. «Черкасам» ничего не стоило сделать крюк и перед походом на Унжу (или после того) оказаться в окрестностях Домнина. Совсем не случайно причиной пыток и казни, согласно грамоте, выданной Богдану Собинину 30 ноября 1619 года, был отказ Ивана Сусанина указать место нахождения Михаила Романова: «…в те поры литовские люди изымали и его пытали великими немерными муками, а пытали у него, где в те поры мы, великий государь… были, и он Иван, ведая про нас, великого государя, где мы в те поры были… не сказал, и польские и литовские люди замучили его до смерти». Полякам и литовцам было известно, что Михаила Романова уже называли в качестве одного из возможных претендентов на трон (на молодого Романова обращали внимание еще в начале «междуцарствия», в 1610 году). Это означает, что вся история Ивана Сусанина, если отвлечься от оперных условностей, действительно выглядит нерядовым событием, справедливо возвышенным как один из подвигов времен Смуты.

В самом первом известии об Иване Сусанине костромского историка XVIII века Николая Сумарокова нет и намека на всем известные обстоятельства того, как Сусанин намеренно завел врага в непроходимые топи, и смерть героя связывается отнюдь не с расположенным рядом с Домнином пресловутым Исуповским болотом. Болото это, кстати, действительно существует, и оно по сей день смущает добравшегося туда приезжего человека своим

таинственным видом. Сумароков, который рассказывал в своей книге прежде всего о роли Костромы и Ипатьевского монастыря в истории Михаила Романова, вспоминал об Иване Сусанине, основываясь на тексте грамоты 1619 года, еще раз подтвержденной в его времена при Екатерине II. Первый костромской историк писал, что крестьянина Ивана Сусанина пытали, «где находится Михайло Федорович, но оной крестьянин не объявил, а снискал еще случай его уведомить, что ищут его литовские люди…»[574]. Потомки Сусанина тоже не говорили о смерти своего предка и обманутых им «поляков» в болоте; напротив, они хранили предание о том, что деревенский староста погиб в селе Исупове, где Сусанина пытали, а потом, посадив на «столб», то есть на кол, изрубили саблями «на мелкие части»[575].

Уже в наши дни, опираясь на это свидетельство, в Костроме были проведены комплексные историко-археологические и антропологические исследования некрополя села Исупова XVI—XVII веков. Их результаты были обнародованы в марте 2005 года на научной конференции, посвященной изучению «мифов и реальности» в истории Ивана Сусанина (в ней участвовал и автор этих строк). Учеными-археологами были продемонстрированы найденные на Исуповском некрополе останки человека той эпохи с характерными признаками насильственной смерти и высказана гипотеза о принадлежности их Ивану Сусанину. С помощью методов судебно-медицинской экспертизы был восстановлен предполагаемый облик Ивана Сусанина, заранее, еще до начала работы конференции, растиражированный журналистами разных изданий. При обсуждении итоговой резолюции конференции ее участники высказались определенно: убедительных оснований для подтверждения того, что найденные останки принадлежат именно Сусанину, не обнаружено. И, как оказалось, не зря. Проверка материалов отчетов о раскопках костромских археологов в Институте археологии Российской академии наук показала, что заказ костромской администрации на определенный результат сказался на качестве работ, проводившихся под патронажем местных светских и церковных властей[576]. Впоследствии выяснилось, что дело шло даже к канонизации Ивана Сусанина, которая всё же не состоялась.

Попытка создания мифологем новейшей российской истории и казус с обнаружением «останков» Ивана Сусанина обсуждали участники международного проекта «Фальсификация источников и национальные истории», начатого при участии Отделения историко-филологических наук РАН на круглом столе 17 сентября 2007 года. Справедливая реакция ученых на попытки манипулирования историческими знаниями привела к тому, что в

дискуссии снова, как во времена Костомарова, были обозначены резко противоположные взгляды, отрицающие документальную основу сусанинской истории: «Грамота 1619 г., несомненно, несет в себе следы фальсификации и мифологии…»; «никаких поляков, конечно, в Костромском крае не было…»; «об избрании Михаила царем могло стать известно никак не раньше конца февраля — начала марта»[577].

Думается, что такая категоричность суждений, как и попытки заподозрить в конструировании мифологического знания костромского крестьянина Богдана Собинина тоже неправомерны. Люди эпохи Смуты, несмотря ни на какие потрясения, все-таки жили с другим пониманием ответственности за свои дела и слова. Предполагать, что кто-то ловко обманул царя Михаила Федоровича, сославшись на героическую смерть Сусанина, значит, существовать в искаженной системе координат, которой у людей начала XVII века попросту не было. Уникален случай Ивана Сусанина, но сам факт выдачи обельной грамоты за заслуги перед царской семьей вполне укладывается в практику, существовавшую еще при царях Борисе Годунове и Василии Шуйском. Сохранилось несколько обельных грамот попу Ермолаю Герасимову с сыном Исаком и крестьянам Толвуйской волости Обонежской пятины Гаврилу и Климу Глездуновым, Поздею, Томиле и Степану Торутиным за службу старице инокине Марфе Ивановне во времена опалы Бориса Годунова, «при ево самохотной державе». Попа Ермолая, крестьян Торутиных и других крестьян Кижского погоста Василия Сидорова с детьми отблагодарили за, казалось бы, совсем малые услуги: «проведывание» и передачу ссыльной инокине сведений о «здоровье» митрополита Филарета. Грамоты олонецким крестьянам были выданы еще раньше сусанинской, в 1614 и 1617 годах[578]. Значит, у царя Михаила Романова и у его матери могло быть простое желание наградить тех, кто помогал их семье в непростые для них годы. Не случайно в грамоте царя Михаила Федоровича родственникам Ивана Сусанина подчеркнуто, что она выдана «по совету и прошению» инокини Марфы Ивановны.

Имеет значение и то, что такие пожалования подтверждались всеми последующими царями, не исключая Петра I и Екатерину II. Происходило это в те редкие моменты истории, когда владельцы Российской империи оказывались в Костроме, где начиналась династия Романовых. О роли этого города они были прекрасно осведомлены и поддерживали исторический интерес к обстоятельствам воцарения Романовых в 1613 году. Однако чем дальше отстояли исторические обстоятельства подвига Ивана Сусанина, тем более несущественными казались детали

произошедшего. Про Ивана Сусанина в итоге стали сочинять думы, ставить ему памятники, а жизнь других обельных крестьян, помогавших опальным Романовым, так и осталась известной только их землякам.

## *НИКАНОР ШУЛЬГИН*

Из всех героев и антигероев своего времени самым «забытым» оказался казанский дьяк Никанор Шульгин, хотя его судьба полностью подходит под определение человека Смутного времени. О нем упоминали в своих историях Василий Никитич Татищев и Сергей Михайлович Соловьев. В 1850-х годах разгорелась даже небольшая полемика между журналами «Современник» и «Отечественные записки», решавшими, за кого была Казань в Смутное время и какова была роль в тех событиях Никанора Шульгина. Однако эффект тех дискуссий был невелик; гораздо громче в 1860-х годах прозвучал, например, другой журнальный спор — о существовании Ивана Сусанина.

Дьяк Никанор Шульгин может рассматриваться как своеобразный антипод Ивана Сусанина по исторической судьбе. Он завоевал великую славу уже при жизни; с ним считались при начале нижегородского движения князь Дмитрий Михайлович Пожарский и Кузьма Минин, желавшие действовать в союзе с Казанью, оказавшейся, пусть во многом и формально, на стороне земского ополчения. Впоследствии именно Шульгин повлиял на то, что земский собор в Москве так долго не мог собраться и избрать нового царя. Вожди земского движения обращались к нему из Москвы уважительно «Никанор Михайлович» (обращение к дьяку на «вич» было достаточно редким), ожидая от него поддержки избирательного земского собора — впрочем, тщетно. Казанский дьяк в начале правления Михаила Федоровича успел побывать даже ратным воеводой, но упустил свой шанс: нового Минина или Пожарского из него не получилось. Такова была расплата за попытку (и до поры успешную) разыграть карту сепаратизма. Бывший самопровозглашенный владелец Казанского царства стал одним из тайных пленников новой власти и окончил свои дни в сибирской ссылке. Вспоминая судьбу казненного Ивана Заруцкого, можно считать, что для Шульгина еще всё хорошо закончилось.

Только для самых проницательных исследователей Смуты оказались различимы какие-то «загадочные» следы бунташной эпохи в Казанском крае. Впервые их расшифровал еще в конце XIX века один из выдающихся представителей казанской исторической школы, университетский профессор и будущий ректор Казанского университета Николай Павлович Загоскин[579]. Прекрасный специалист по истории права Московского государства, он в своих трудах о Казани не прошел мимо знаменательных событий Смутного времени, связанных с

Никанором Шульгиным. Историк точно определил их суть, показав особенность действий казанских властей по отношению к общеземскому движению: «Абсентеизм Казани в этом общерусском движении не был, конечно, явлением случайным, коренясь в сознательном стремлении господствовавшей здесь партии, руководимой Никанором Шульгиным, сохранить, из сепаратических целей, пассивное отношение к событиям, которые волновали в ту пору русскую землю»[580]. История «ненадежного» дьяка Никанора Шульгина хотя и была упомянута в общих «Очерках по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII веков» Сергея Федоровича Платонова, но не нашла там особого отражения[581]. Павел Григорьевич Любомиров показал противоречие между сведениями о поддержке Шульгиным земского движения и известием «Нового летописца» об «измене» казанского дьяка. Он считал, что на автора летописи повлияли более поздние обстоятельства, связанные с поведением Шульгина «по воцарении Михаила»[582]. Настоящее же значение периода «правления» дьяка Никанора Шульгина в истории Казани, да и в истории России, открылось после публикации Александром Лазаревичем Станиславским и его коллегами в конце 1980-х годов комплекса новых документов о «национально-освободительной борьбе в России в 1612—1613 годах». Только тогда и выяснилось, насколько интересна эта, по справедливому указанию публикаторов, «одна из самых темных страниц Смутного времени»[583].

Биография казанского дьяка — один из типичных примеров того, как в Смуту становились героями. Никто Шульгину ничего не давал — ни власти, ни полномочий, ни земли. Он приходил и брал всё сам, не останавливаясь, если это было в его интересах, перед убийством политических противников, а то и просто владельцев приглянувшихся ему земель. Все эти убийства и захваты чужой собственности присутствуют в биографии казанского дьяка. Но «Никанор Михайлович» так просто не стал бы единовластным правителем Казанского царства; для этого должны были существовать особые, уникальные условия, которые случились в Смуту. Захватить власть в Казани с помощью одного террора Шульгину никогда бы не удалось; он использовал в своих целях слабость Боярской думы, которая ничем не могла распоряжаться даже у себя в столице. Шульгин то противился, то умело подыгрывал земским движениям, когда они не требовали от него личного участия или средств из казанской казны (ее он на чужие интересы старался зря не тратить). Вместе с Никанором Шульгиным у власти в Казани оказались также земский староста Федор Обатуров и еще множество их сторонников из числа

родственников и во все времена существующих «хлебояжцев».

Для Казани дьяк Никанор Михайлович Шульгин был человеком пришлым. Он происходил из дворянского рода, его предки служили по небольшому городку Луху, затерянному в нижегородско-владимирских землях[584]. Провинциальные дворяне тогда нередко поступали на службу в дьяки. Несмотря на то что внешне такой поворот карьеры мог выглядеть понижением, на деле служба в дьяках давала реальную возможность «выделиться» на приказной службе и даже войти в верхи служилого сословия. Думается, что и для Никанора Шульгина происхождение из дворянского рода, пусть и не самого заметного, все-таки было важным основанием для того, чтобы его по-иному воспринимали на фоне остального служилого казанского люда. Конечно, когда во главе Казани стояли бояре или другие члены Государева двора, ни у какого дьяка не существовало ни малейших шансов на власть. Однако в отсутствие их всё менялось. Печать Казанского царства, городовые ключи, денежная казна и оружие, списки ратных людей — словом, все атрибуты власти оказывались в руках дьяков. Эти простые и очевидные обстоятельства и использовал Никанор Шульгин в самые тяжелые времена Смуты.

В правление царя Василия Шуйского, когда встречаются первые сведения о его службе в Казани, мы видим Шульгина «на своем месте». Имя его обычно упоминалось вслед за именами казанских воевод бояр Василия Петровича Морозова и Богдана Яковлевича Вельского. В начале 1609 года, в условиях ослабления власти Шуйского, осажденного в столице войском самозванца Лжедмитрия II, города Замосковного края и Поморья сами брались решать свою судьбу и противостоять «тушинцам», стремившимся распространить свои порядки и власть на всю страну. В городах образовывались «советы», куда входили обычно духовные и светские власти, воеводы и приказные люди, земский староста, посадские и служилые люди. Позиция Казани в политическом раскладе сил определяла многое. В той или иной мере от ее выбора зависели Вятка и Пермь, да и всё Поволжье с его мятежным населением чувашей и черемис, которые десятилетиями продолжали воевать с Московским царством даже после завоевания Казани Иваном Грозным.

Показательно, что в Казани в это время в отличие от других городов власть по-прежнему оставалась исключительно в руках воевод. В соседние города обращались только воеводы и дьяки, без упоминания остальных жителей[585]. Объяснение этому можно найти, помимо прочего, в том, что неподалеку, в Чебоксарах, стояло большое войско во главе с боярином Федором Ивановичем

Шереметевым, собиравшимся в поход в Нижний Новгород и далее во Владимир на помощь городам Замосковного края в их борьбе с тушинцами. Присутствие поблизости войска делало излишним чрезвычайные усилия по самоорганизации местного населения. 12 апреля 1609 года «в нашу отчину в Казань» была отправлена грамота царя Василия Шуйского, адресованная «бояром нашим и воеводам Василью Петровичи) Морозову, да Богдану Яковлевичю Белскому, да дьяком нашим, Никонору Шулгину да Степану Дичкову». В царской грамоте их благодарили за «многую службу, что в Казани живете с великим береженьем», хвалили казанских дворян и детей боярских, посадских людей, пушкарей и стрельцов и убеждали их в том, чтобы они и дальше «воровской смуте не верили». Особо отмечалось то, что казанские воеводы и дьяки удерживали от выступлений служилых татар, чувашей и черемис — «розговаривали» им, то есть спорили с ними, предостерегая от нарушения шерти (присяги), данной царю. Полученную грамоту предлагалось передать митрополиту Ефрему, чтобы он объявил ее «всем людем в слух»[586]. Похвальные грамоты были отправлены, каждая по отдельности, митрополиту Ефрему, жителям Казани, служилым татарам, чувашам и черемисе. То есть правительство царя Василия Шуйского прекрасно понимало структуру местного «мира» и видело, что в Казани не было единства в действиях[587].

Выбор в пользу присяги самозваному царю Лжедмитрию II все-таки встал перед Казанью в начале 1611 года, когда весь край вступил в чрезвычайную полосу жизни. Лучше всех сумел воспользоваться обстоятельствами дьяк Никанор Шульгин, сосредоточивший в своих руках неограниченную власть над всем Казанским царством и даже соседней Вятской землей. Казань, в силу своей отдаленности от центра государства, с некоторым опозданием отреагировала на бурные события начавшегося «междуцарствия». Более того, как оказалось, присягу «царю Дмитрию» в Казани принимали тогда, когда самозванец уже был убит.

Статья о казанской присяге Тушинскому вору вошла в текст «Нового летописца», который связал с нею также гибель одного из воевод боярина Богдана Яковлевича Вельского[588]. Карьера Вельского, стремительно начавшаяся в опричное время при дворе царя Ивана Грозного благодаря родству с Малютой Скуратовым, рухнула так же быстротечно. Некогда бывший, по отзыву иностранцев, одним из главных «любимцев» царя Ивана Грозного, он проиграл свой жизненный спор народившимся людям Смуты. «Новый летописец» связал «крестное целованье Вору» с тем, что в Казани узнали о входе в Москву «литовских людей». Казанцы сразу же решили, что не хотят «бы-ти под Литвою», но по поводу

дальнейших действий возникли разногласия. Воевода Богдан Вельский представлял умеренную партию, которая предлагала подождать, «чтоб Вору креста не целовати, а целовати б крест, хто будет государь на Московском государстве». Это могло означать даже признание королевича Владислава на русском троне. Вожди другой, условно говоря, «национальной» партии в противовес хозяйничавшим в столице иноземцам требовали немедленной присяги «царю Дмитрию». Автор «Нового летописца» писал, что якобы именно дьяк Никанор Шульгин, «умысля с теми ворами», приказал убить Вельского: «Они ж Богдана поймав, и взведоша его на башню, и скинуша с башни и убиша до смерти». Три дня спустя в Казани узнали о том, что Лжедмитрий убит, и это привело к закономерному раскаянию других убийц — казанского воеводы[589].

Однако эта версия не верна. Сомнения в ней впервые возникли у П. Г. Любомирова, заметившего, что в документах о присяге в Казани второму самозванцу казанские воеводы упомянуты все вместе, не исключая и Богдана Вельского. Позднее была найдена точная запись о его смерти, датированная 7 марта 1611 года. Воеводу Вельского и его сторонников действительно сбросили «с роскату»[590], но причины расправы были иными, нежели те, что описаны в «Новом летописце». Прежде всего следует обратить внимание на то, что одновременно с получением известия о смерти Лжедмитрия II в Казани, по словам летописца, получили предложение о соединении с земскими силами: «…а землею прислали, чтоб быти в соединение и стояти бы всем за Московское государство»[591]. Речь шла о создании Первого ополчения и об объединении земских сил. Заметно, что Казань разделилась именно по политическим пристрастиям (то же произошло и в самом ополчении, в котором вместе участвовали как последовательно служившие царю Василию Шуйскому Рязань и Нижний Новгород, так и бывшие сторонники самозванца из Калуги и Тулы).

Началом нового казанского движения можно считать 7 января 1611 года, когда из Москвы приехал дьяк Афанасий Овдокимов, красочно описавший захват власти в Москве литовскими людьми (не была упущена даже такая яркая деталь, что литовский воевода Александр Госевский жил в Кремле на прежнем дворе царя Бориса Годунова). Дьяк рассказал и о стеснениях, учиненных московскому посаду, о свозе артиллерии, запрете на передвижение русских людей, о громкой истории с найденными «на Неглинне» телами восьми убитых стрельцов (молва винила в их смерти литовских людей). Говорилось и о судьбе патриарха Гермогена, к которому приходили с бранью

«перед Николиным днем», о домашнем аресте бояр князя Андрея Васильевича Голицына и князя Ивана Михайловича Воротынского. Узнали в Казани и о бесплодных попытках смоленского посольства во главе с князем Василием Васильевичем Голицыным договориться о призвании королевича Владислава. Последним аргументом в череде скорбных обстоятельств, свидетельствующих о полной беспомощности столичных жителей, было указание на их насильственное устранение от дел: «А по приказом бояря и дьяки в приказех не сидят; и в торгу гости и торговые люди в рядех, от литовских людей, после стола не сидят»[592]. Уже 9 января была организована присяга Лжедмитрию II, после чего из Казани обратились в Вятку и Пермь, чтобы там тоже присоединились к их крестоцеловальной записи.

Важной была не столько присяга «Калужскому вору», сколько сопровождавшая ее смена структуры казанской власти. Вот где должны были столкнуться главные интересы казанских воевод и приказных людей, жителей казанского посада и тех, кто задумывался о том, как сохранить свое имущество в наступившие тяжелые времена. В Казани, по примеру многих других городов, согласились с необходимостью создания городового совета (чего не было во времена Шуйского). Теперь в переписке с другими городами рядом с известными воеводами Василием Морозовым и Богданом Вельским, дьяками Никанором Шульгиным и Степаном Дичковым упоминались еще «и головы, и дворяне, и дети боярские, и сотники, и стрелцы, и пушкари, и всякие Казанские служилые и жилецкие люди». Правда, в тексте самой крестоцеловальной записи Лжедмитрию II содержались важные уточнения о том, какой должна стать власть в Казани после присяги: «А слушать нам во всем бояр и воевод Василья Петровича Морозова, Богдана Яковлевича Вельского, да дияков Никонора Шулги-на, да Степана Дичкова до государева указу»[593]. Можно предположить, что именно в связи с вопросами о том, кого дальше слушаться в Казани и кто должен представлять интересы служилых и посадских людей в новых условиях, и должны были разгореться самые жаркие споры. То, что всех заговорщиков нужно было ставить не только «перед бояр и воевод», но и «перед дьяков», тоже говорит о победе Никанора Шульгина. Он сохранил свое место в казанском правительстве и с этого времени начал заметное движение к собиранию всей власти в своих руках. Новых воевод и приказных людей из Москвы ждать уже не приходилось, их бы в Казани просто не приняли. Смерть Лжедмитрия оказалась на руку властолюбивому Никанору Шульгину, ибо ему не надо было договариваться или делиться

властью ни с кем из сторонников самозванца. Оставались только два человека в казанской приказной избе, кто был намного выше дьяков по рангу, — воеводы бояре Василий Морозов и Богдан Вельский. Устранив их, Никанор Шульгин мог рассчитывать на то, что удержит власть в Казани. И он начал осуществлять свой план.

Первой жертвой его властных амбиций и стал Вельский. Его гибель два месяца спустя после присяги Казани Лжедмитрию II, в самом начале марта 1611 года, справедливо связывается исследователями со столкновениями по поводу присоединения Казанской земли к земскому ополчению[594]. Позиция Вельского была изначально ближе к тем, кто, подобно Прокофию Ляпунову в Рязани, стремился собрать под свои знамена всех противников «литвы», не желавших мириться с существовавшим порядком вещей. Другие же, и среди них дьяк Никанор Шульгин, стремились действовать радикально, вплоть до продолжения поддержки самозванцев, понимая, что только так смогут преуспеть в достижении своих целей. Расправа с воеводой и другими казанскими дворянами должна была на время удержать Казань от активной поддержки Первого ополчения. Однако даже после гибели царского боярина споры о том, примыкать или не примыкать к земскому движению, в Казани не утихли.

Слишком важна и заметна была Казань как один из главных центров Русского государства, поэтому объединившиеся в ополчение земские силы стремились добиться поддержки митрополита Ефрема, казанских воевод и приказных людей. В соседних поволжских городах — Нижнем Новгороде, Костроме и Ярославле — оказалось немало казанских жителей — дворян и посадских людей, торговавших с «верховыми» городами. Видя, как из городов отправлялись к Москве отряды Первого ополчения, они также были захвачены общим земским порывом. Именно от своих земляков, а также купцов и посадских людей, торговавших с Казанью, здесь в конце апреля 1611 года (как только снова стало возможно судоходство по Волге) узнали обо всех изменениях в центре государства, связанных с началом осады Москвы земскими силами. В Казань напрямую обращались из «городовых советов» поволжских городов Замосковного края, и даже сам главный воевода ополчения Прокофий Ляпунов прислал к казанцам грамоту с призывом о соединении. Интересно, что в этих обращениях можно встретить разные пышные именования Казанской земли, отразившие ее не очень понятный для большинства статус в условиях «междуцарствия». Например, из Ярославля писали «в царьствующий преславный град Казань», из Костромы — «в Богом держимаго Казанского государьства

области», от Прокофия Ляпунова из подмосковного ополчения — «в великое государьство Казанское, в вотчину Московского государьства». Далее, как правило, следовали обращения к митрополиту Ефрему и безличные упоминания бояр, воевод, приказных людей и всех чинов Казанского царства. В отписке из Костромы назвали по именам только двух главных воевод — бояр Василия Морозова и Богдана Вельского (не зная о смерти последнего) и только нижегородцы точно перечислили имена всех управителей Казани, включая дьяка Никанора Шульгина. Большое значение Казанской земли в делах Русского государства осознавалось всеми. В ярославской отписке после изложения всех вестей и призывов к соединению даже сочли необходимым оговориться: «Мы вам меншие, болшим не указываем: сами то можете своим премудрым, Богом данным, разумом разсудити»[595]. В любом случае отмалчиваться дальше и держаться своей особой позиции, выраженной в присяге убитому Лжедмитрию II, казанцам было уже невозможно.

Перелом в отношении Казани к Первому ополчению наступил после 1 мая 1611 года, когда была получена грамота «из полков, из-под Москвы от бояр и от воевод, и ото всей земли». Из ополчения просили присылать ратных людей и деньги на жалованье. Казанским властям предлагали обращаться дальше «в Астрахань и во все Понизовые городы», а также повлиять на волжских казаков, готовых к походу под Москву. Именно в этой грамоте Прокофия Ляпунова прозвучало знаменитое обещание воли всем бывшим беглым холопам, ушедшим в казаки, в случае их вступления в ополчение: «…а которые боярские люди крепостные и старинные, и те б шли безо всякого сумненья и боязни, всем им воля и жалованье будет, как и иным казаком, и грамоты им от бояр и воевод и ото всей земли приговору своего дадут»[596]. В Казань была также прислана крестоцеловальная запись, по которой организовали присягу, а дальше уже сами казанские власти привели к присяге Свияжск, Чебоксары «и иные понизовые города». Известно, что казанский городовой совет обратился в Пермь, чтобы там тоже поддержали Первое ополчение. К этому времени состав «совета» в Казани выглядел следующим образом: «Василий Морозов, Никонор Шулгин, Степан Дичков, и головы, и дворяня, и дети боярские, и сотники стрелецкие, и стрелцы, и пушкари, и затинщики, и всякие служилые и жилецкие люди, и князи и мурзы, и служилые новокрещены, и татаровя, и чуваша, и черемиса, и вотяки, и всякие люди Казанского государства»[597]. Заметно стремление казанцев включить в «совет» как можно больше представителей разных чинов и всего населения Казанского края; новым является

и упоминание в этом перечне служилых новокрещенов и вотяков (удмуртов). Таким образом, в Казани все-таки присоединились к «земскому совету», но сбор ратных людей и казны, о чем просили из ополчения, все равно не был таким скорым. В переписке с другими городами казанцы отговаривались отсутствием средств: «…а у нас в Казани денег в сборе нет потому: всяких доходов… не имано для смутного времени по три годы, ни одной денги»[598]. Жизнь в Казани будто бы остановилась, кабаки стояли запечатанными, суда с товарами не приходили. Оставалось только верить на слово таким грамотам, которые, согласно существовавшему порядку, должен был готовить именно первый дьяк казанской приказной избы Никанор Шульгин.

Собранную в Казани «понизовую силу» возглавил казанский воевода боярин Василий Петрович Морозов. Трудно судить о настоящих мотивах этого решения главного правителя Казани — покинуть город и присоединиться к подмосковному ополчению. Конечно, сказался целый комплекс причин, не исключая боязни повторить судьбу Богдана Вельского. Представитель старинного рода московских бояр Морозовых-Поплевиных Василий Петрович получил свой первый думный чин окольничего еще при Борисе Годунове в 1601 году и был среди тех, кому этот царь явно благоволил. Возможно, именно поэтому при Лжедмитрии I он оказался на воеводстве во Пскове, откуда его вернул царь Василий Шуйский. В начале его царствования окольничий Василий Петрович Морозов принимал участие в борьбе с войском Ивана Болотникова, а в 1608 году был пожалован боярским чином и отправлен на воеводство в Казань, где и оставался вплоть до середины 1611 года. Выступить к Москве его могли заставить и личные обстоятельства, так как его зять, боярин князь Андрей Васильевич Голицын (женатый на его дочери Марии), был убит во время известных событий 19 марта 1611 года[599]. Долгое время Василий Петрович Морозов оставался одним из немногих бояр в земских ополчениях, кто получил свой чин от прежних царей, а не от самозванца Лжедмитрия (как бояре Дмитрий Трубецкой и Иван Заруцкий) или по выбору «всей земли» (как Прокофий Ляпунов)[600].

Прибытие «понизовой силы» под Москву совпало с трагическими обстоятельствами гибели одного из главных воевод ополчения — Прокофия Ляпунова. В другое время присоединение к земскому движению Казани и Понизовых городов могло стать решающим в деле освобождения Москвы, теперь же этому помешали внутренние противоречия в полках ополчения. В «Карамзинском хронографе» так говорилось о прибытии казанской рати: «Того же 119 (1611) году летом в июле из Казани

пришел под Москву боярин Василей Петрович Морозов, а с ним пришли казанцы и свияженя и казанских пригородов дворяне и дети боярские и головы стрелецкие с приказами с стрелцами и служилые князи и мурзы и татаровя»[601]. С собою в поход под Москву они принесли список особо почитаемой иконы Казанской Божьей Матери, очевидно, по благословению казанского митрополита Ефрема. Как мы помним, именно с появлением в ополчении этой святыни связали большой военный успех — взятие Новодевичьего монастыря, в котором сидел отряд «литвы и гайдуков», а также русских людей во главе с воеводой Львом Плещеевым. Судя по всему, казанцы действовали совместно с атаманами и казаками Заруцкого. Для ополчения, особенно деморализованного убийством Ляпунова, это был важный успех. В дальнейшем почитание Казанской иконы стало всеобщим уже в объединенном земском ополчении.

Для Шульгина с отъездом воеводы Морозова, казанских дворян и других ратных людей наступили «золотые» времена. Именно в его распоряжении оказались все символы власти в Казанском царстве, и он немедленно воспользовался сложившейся ситуацией. Скорее всего, предполагалось, что Никанор Шульгин, как это бывало при смене воевод, останется лишь хранителем, а не распорядителем печати Казанского царства. Новых же воевод должны были прислать из подмосковного ополчения, в «совете» с которым действовала Казань. Но произошедшие там после гибели Прокофия Ляпунова изменения сыграли на руку Никанору Шульгину. Как только в Казани было получено известие об убийстве главного воеводы ополчения, там сразу же прекратили признавать власть остальных воевод земского движения. Грамота об этом в Пермь в августе 1611 года[602] была написана от имени всё тех же чинов, что и в прежних грамотах, только на первом месте теперь стояли имена Никанора Шульгина и Степана Дичкова. Члены казанского городового «совета» извещали пермяков, что «митрополит, и мы, и всякие люди Казанского государьства» вступили в союз с Нижним Новгородом и другими поволжскими городами. По сути, это было самое начало нового земского движения, рождавшегося в противовес действиям казаков под Москвой (пока еще без Минина и Пожарского). Казань и Нижний Новгород договаривались, «что нам быти всем в совете и соединенье и за Московское и за Казанское государьство стояти». На первый взгляд ничего необычного в этом договоре не было, если бы не равнозначное упоминание двух «государств». Как окажется впоследствии, упоминание совсем не случайное, действительно имевшее в виду отдельное существование Казанского царства.

Главным пунктом договора, узаконившим сложившийся в Казани механизм управления во главе с Никанором Шульгиным, стало обязательство «и воевод, и дьяков, и голов, и всяких приказных людей в городы не пущати и прежних не переменяти, быти всем по прежнему». Эта норма, направленная против казаков, которых тоже договорились в города «не пущати ж», на деле означала, что вся власть в Нижнем Новгороде и Казани становилась несменяемой до выборов нового царя. «И стояти на том крепко до тех мест, — говорилось в грамоте из Казани в Пермь, — кого нам даст Бог на Московское государьство государя»[603]. Однако если в Нижнем Новгороде уже давно, со времен царя Василия Шуйского, правил авторитетный воевода Андрей Алябьев, прославившийся своим сопротивлением тушинцам, то в Казани несменяемость должностных лиц означала передачу ее в руки Никанору Шульгину.

Совместные действия Нижнего Новгорода и Казани вскоре были освящены авторитетом сидевшего в заточении в Чудовом монастыре патриарха Гермогена. Он просил нижегородцев предостеречь от союза с казаками все соседние города, и прежде всего Казань. Патриаршую грамоту с требованием уклоняться от любых контактов с «атаманьем», начавшим думать о присяге сыну Марины Мнишек, получили в Нижнем Новгороде 25 августа 1611 года. А уже 30 августа состоялся приговор в Казани в поддержку воззвания патриарха. В очередной грамоте в Пермь писали о том, что, «выслушав с патриаршеския грамоты список, приговорили с Ефремом митрополитом Казанским и Свияжским и со всею землею Казанского государьства, что нам отнюдь на царство проклятого паньина Маринкина сына не хотети… а выбрати б нам на Московское государство государя, сослався со всею землею, кого нам государя Бог даст». Для дьяка Никанора Шульгина, стремившегося прибрать власть в Казани к своим рукам, лучшего подарка, чем ссылка на авторитет патриарха Гермогена, трудно было придумать. Не случайно уже в преамбуле этой грамоты состав казанского городового совета существенно усечен, в нем отсутствовали упоминания о представительстве князей и мурз, служилых новокрещенов, татар, чувашей, черемис и вотяков. В Пермь обращались только те приказные и ратные люди, которые на самом деле управляли Казанью. Не упомянуты оказались и рядовые служилые люди — пушкари и затинщики; отсутствовала ссылка на посадских людей: «Никанор Шульгин, Степан Дичков и головы, и дворяне, и дети боярские, и сотники, и стрельцы, и всякие Казанские служилые и жилецкие люди»[604].

С тех пор Никанор Шульгин ревниво охранял добытую власть. По его указу был казнен гонец от бояр Московского

государства князя Дмитрия Трубецкого и Ивана Заруцкого[605]. Это было явной демонстрацией силы и нежелания идти ни на какие контакты и компромиссы со скомпрометированными гибелью Ляпунова вождями земского движения. Такая же участь, вероятно, ожидала бы и новых воевод, назначенных в подмосковных полках, если бы кто-то из них рискнул приехать в Казань. Как распорядился Никанор Шульгин полученной властью, можно видеть из сохранившихся документальных свидетельств о наделении землей, сборе доходов «по приговору дьяков Никонора Шулгина и Степана Дичкова» или по одной «Никоноровой» приписи. Сохранились также грамоты, выданные «по указу великого Российского Московского государства и всее земли бояр, от диаков от Никонора Шулгина, от Степана Дичкова»[606]. Но одним из самых примечательных свидетельств деятельности казанских властей является самостоятельная отсылка Никанором Шульгиным ногайских послов в Орду[607]. Шульгину даже удалось установить контроль над Вятской землей, обязав присылать доходы оттуда непосредственно в Казань. Сумел договориться дьяк и с главой казанского посада земским старостой Федором Обатуровым, во всем следовавшим его политике.

Существование особого центра силы в Казани повлияло и на создание ополчения в Нижнем Новгороде. Его вожди, Кузьма Минин и князь Дмитрий Михайлович Пожарский, должны были учитывать в своих расчетах позицию «Казанского государства», с которым нижегородцы были связаны союзническими обязательствами с августа 1611 года. В своих переговорах с Казанью и другими городами Минин и Пожарский с самого начала преодолевали осторожность воевод, продолжавших подчиняться приказам из подмосковного ополчения (как это было в Нижнем Новгороде, Арзамасе, Балахне, Алатыре, Курмыше и в других городах). Для утверждения союза с Казанью, где правил дьяк Никанор Шульгин, был направлен стряпчий Иван Иванович Биркин. Он приехал туда в конце декабря 1611-го — начале января 1612 года. Находясь 22 декабря в нижегородском селе Мурашкине, Иван Биркин послал отписку курмышскому воеводе Смирному Васильевичу Елагину, в которой упомянул о своей казанской миссии: «А мне били челом Нижнева Новагорода всякие люди, чтоб мне ехати в Казань, для ратных людей». Кроме того, торопя курмышского воеводу с присылкой денежных доходов и ратных людей, Биркин ссылался на решение о том, что «Казанских и всех понизовых городов всяким ратным людем сходитца в Нижней и идти всем с стольником и воеводою с князем Дмитрием Михайловичем Пожарским да со мною Иваном

на помощь Московскому государству под польских и литовских людей»[608].

Стряпчий Иван Биркин действовал так, как приговорили в Нижнем Новгороде, надеясь на поддержку решения о сборе ратных сил. Но получилось по-другому. Известие о нижегородском посольстве «о совете и о помочи Московского государства» вошло в «Новый летописец». Его автор рассказывал, что Биркин и Шульгин вместо поддержки земского движения вступили в «недобрый совет». В летописи прозвучали прямые обвинения в адрес Никанора Шульгина, радовавшегося, что «Москва за Литвой», а «ему же хотящу в Казани властвовати». В состав нижегородского посольства в Казань, по свидетельству «Нового летописца», входили также духовные «власти». Именно они, возвратившись в Нижний, рассказали, что Шульгин и Биркин затеяли какую-то свою игру и что в ближайшее время ожидать прибытия казанской рати бесполезно[609]. Конечно, летописец напрасно обвинял Никанора Шульгина в симпатиях «Литве»: Шульгин служил не королю или королевичу, а себе самому.

В подмосковном ополчении сразу же узнали о наметившемся союзе Нижнего Новгорода и Казани, но истолковали его по-своему. Возникло подозрение, что в «бездельных» грамотах, которыми обменивались между собой поволжские города, обсуждался «царский выбор». Руководители нижегородского ополчения отнеслись к этим слухам серьезно и попытались немедленно пресечь их, организовав розыск в конце декабря 1611 года[610]. Забеспокоился и Никанор Шульгин. Выяснилось, что заподозренные в передаче «смутных» слов курмышане Борис Синцов и Данила Кобылин говорили в Нижнем, будто в Казани чинятся препятствия сбору татар, чувашей и черемисы для похода на «земскую службу». Поэтому казанские дьяки Никанор Шульгин и Степан Дичков в грамоте в Курмыш 9 февраля 1612 года сочли необходимым написать, что они, напротив, предлагают этим отрядам идти в Нижний Новгород «наперед» казанской рати[611]. Курмыш располагался много ближе к Нижнему Новгороду, чем к Казани, и сам факт такого «разрешения» от казанских дьяков был показателен.

Никанор Шульгин решил вмешаться в дело со сбором отрядов земских сил еще по одной причине. Он узнал, что в Курмыш обратились с просьбой о помощи арзамасские воеводы, последовательно подчинявшиеся подмосковным властям. Действия каких-либо соседних городов в поддержку «бояр Московского государства» князя Дмитрия Трубецкого и Ивана Заруцкого были невыгодны Никанору Шульгину, представившему дело так, что Арзамас находится в «воровстве». Там якобы

случился переворот, в результате которого власть захватили стрельцы: «в Арзамасе стрельцы заворовали, дворян и детей боярских и жилецких всяких людей… побивают и вешают… и ворихе Маринке и ее Маринкину сыну хотели крест целовати». Ничего особенного в Арзамасе, кроме смены воевод, в то время не происходило. Вероятно, в своих оценках Никанор Шульгин ссылался на слова устраненного от власти прежнего арзамасского воеводы Ивана Биркина (вопрос о присяге Марине Мнишек или ее сыну обсуждался именно в августе 1611 года, когда Биркин лишился воеводства). Шульгин просто запугивал жителей Курмыша возможными потрясениями. Показательно, что симпатии казанского дьяка были явно не на стороне «низов».

Обращение из Казани в Курмыш понадобилось еще и для того, чтобы дьяк Никанор Шульгин мог снова продемонстрировать свою силу. Казанская грамота заключалась прямой угрозой курмышскому воеводе Смирному Елагину: «А буде ты, Смирной, учнешь вперед так делати, ратных людей собрав, в Нижней не пошлешь и *с Казанским государством учнешь рознь чинити* (выделено мной. — *В. К.)* — и мы, не ходя в Нижней, со всеми ратными людьми придем под Курмыш и тебя Смирнова взяв, отошлем в Казань иль в Нижней Новгород»[612]. Эта история ярко свидетельствует о том, в какой непростой обстановке создавалось нижегородское ополчение. Она подтверждает, что Казань в тот момент оставалась основным союзником нижегородцев. Однако Никанор Шульгин отнюдь не преследовал земские интересы, а стремился к сохранению контроля над Казанской землей.

В итоге Минин и Пожарский выступили из Нижнего Новгорода самостоятельно, хотя и продолжая надеяться на то, что в будущем их ополчение пополнится ратными людьми из «понизовых» городов. Действительно, казанцы не остались в стороне и прислали ратных людей во главе с Иваном Биркиным в Ярославль весной 1612 года. Но прежний второй воевода «Приказа ополченских дел» не зря несколько месяцев пробыл в Казани. Он, видимо, многому научился у дьяка Никанора Шульгина (а может, даже и договорился с ним заранее). Едва приехав в Ярославль, где, конечно, очень ждали казанское войско, Биркин вступил в борьбу за власть в ополчении. Автор «Нового летописца» обвинил его в том, что он еще на дороге «многую пакость делал городам и уездам», а едва приехав в Ярославль, «многую смуту содеяша: хотяху быти в началниках». Претензии эти означали его участие в управлении делами земского ополчения и распределении собранной им казны. Однако Иван Биркин упустил момент, слишком положившись на свои заслуги

при начале земского движения в Нижнем Новгороде. Для «Совета всея земли», созданного в Ярославле, его прежнее значение второго воеводы в ополчении уже стало забываться. В новой временной столице земских сил вполне проявилась организаторская роль князя Дмитрия Пожарского, пользовавшегося поддержкой собиравшихся в Ярославле бояр и членов Государева двора.

Столкновение по поводу претензий воеводы казанской рати Ивана Биркина оказалось серьезным, могло дойти и до раскола ополчения: «едва меж себя бою не сотвориша». Биркина поддержали смоленские дворяне и дети боярские, помнившие, как он помогал исполнить распоряжение воевод Первого ополчения об испомещении смольнян в Арзамасе и затем, вместе с князем Дмитрием Пожарским, встречал их в Нижнем Новгороде. Однако этой поддержки Биркину оказалось недостаточно; не получив желаемой воеводской должности, он скомандовал пришедшим казанцам возвращаться обратно[613]. И в этом решении видна «рука» казанского дьяка Никанора Шульгина, которому тоже важно было добиться того, чтобы казанцы и в Ярославле были на первых ролях. Не случайно автор «Нового летописца» считал, что, уйдя из Ярославля, казанцы действовали «по приказу Никонора Шулгина». Служить в ополчении осталось совсем немного казанцев вместе с головой Лукьяном Мясным (под его началом числились 20 служилых князей и мурз и 30 дворян) и стрелецким головой Постником Нееловым с сотней стрельцов. Оба они, несмотря на участие в освобождении Москвы, стали впоследствии жертвами мести со стороны Никанора Шульгина. Как сказано в летописи, «многие беды и напасти от Никонора претерпеша», который их «едва в тюрме не умориша»[614]. Безусловно, то была расплата за их ослушание в Ярославле.

В дальнейшем позиция Шульгина по отношению к земскому движению оставалась такой же двойственной: формально действуя на стороне ополчения, он делал всё для того, чтобы с ним продолжали считаться.

Новый статус Казани подчеркивался и возросшим авторитетом казанского митрополита Ефрема, оставшегося после смерти патриарха Гермогена одним из первых иерархов Русской церкви. Земскому ополчению нужен был пастырь, который мог стать правителем всех дел Русской церкви. К митрополиту Ефрему прямо обращались как к преемнику власти умершего патриарха Гермогена, видя в нем «едино утешение» и «великое светило… на свешнице в Российском государстве сияюща». В Ярославле готовы были даже пойти на чрезвычайные меры,

вмешавшись во внутренний порядок церковных дел, и «по совету всея земли приговорили» выбрать в крутицкие митрополиты игумена Саввино-Сторожевского монастыря Исайю, ставшего духовным пастырем земского ополчения. Казанского митрополита Ефрема просили поставить нового владыку, выдать ему «ризницу» и «отпустить его под Москву к нам в полки вскоре»[615]. Обращение об этом было послано от князя Дмитрия Михайловича Пожарского и земского «Совета всея земли» в тот самый момент, когда ополчение двинулось из Ярославля в поход на Москву 29 июля 1612 года. Выступая уже от имени всего земского войска, в грамоте Ефрему писали: «Не мала скорбь нам належит, что под Москвою вся земля в собранье, а пастыря и учителя у нас нет».

Просьба в итоге так и осталась невыполненной, крутицкую кафедру впоследствии занял другой иерарх. Неизвестно даже, как мог митрополит Ефрем в одиночку, без церковного собора возвести игумена Исайю, по сути дела, в сан патриаршего местоблюстителя. Вполне возможно, что ополчение, обратившись к митрополиту Ефрему, переоценило степень его самостоятельности в Казани. Даже действуя в интересах церкви, он, видимо, не мог решить этот вопрос без совета с Никанором Шульгиным. А тому, напротив, было на руку, что именно казанского митрополита признали в земском ополчении временным главой Русской церкви. Да и сам митрополит Ефрем мог рассчитывать на приезд в столицу.

В подчинении Никанора Шульгина оставалась огромная сила, сопоставимая по численности с отрядами ополчений. Только один отряд свияжских татар, отправленный Шульгиным в конце 1612 года на помощь в борьбе с Иваном Заруц-ким, насчитывал более четырех тысяч человек[616]. Поэтому пока шла борьба за Москву, Шульгину многое прощалось и сходило с рук. Его даже повысили до ранга воеводы, отправив в поход на Арзамас; далее казанское войско должно было действовать против Ивана Заруцкого, обосновавшегося под Рязанью[617]. По дороге Никанор Шульгин исполнил свою старую угрозу курмышскому воеводе Смирному Елагину, сменив его на другого — Савина Осипова[618]. Между прочим, когда воевода нижегородского ополчения князь Дмитрий Пожарский также пытался сместить Елагина и заменить его нижегородским дворянином Дмитрием Саввичем Жедринским в феврале 1612 года, ему это не удалось[619]. Курмыш, вступивший в союз с Арзамасом и другими понизовыми городами — Козьмодемьянском, Ядрином, Санчурином и Свияжском, только отдалялся от нижегородского движения. В начале лета 1612 года он держался присяги царю Дмитрию[620], то есть

поддерживал подмосковные «таборы», а не земские силы, собиравшиеся в Ярославле.

Показательно, что арзамасского воеводу Григория Очина-Плещеева, присланного из полков подмосковного ополчения и возглавившего приказную администрацию после присяги города Лжедмитрию III — Псковскому вору, пленили и, ограбив, отправили в Казань к Никанору Шульгину, который его позднее в тюрьме «уморил»[621]. Внешне всё выглядело так, что Казань превращалась в форпост земских сил, противостоявших остаткам самозванщины. Но основной целью Никанора Шульгина было подчинение городов на казанско-нижегородском пограничье. Еще одна причина, заставившая его уйти из-под охраны казанских стен в опасный поход под Арзамас, проясняется из спорного земельного дела по поводу арзамасского поместья Семена Нетесева. Прежний владелец, как выяснилось позднее, был просто убит по приказу Никанора Шульгина! О «насильствах» казанского дьяка били челом братья Семена Нетесева, писавшие, что «в нынешнем же во 121-м году (не ранее 1 сентября 1612 года. — *В. К.)* брата их роднова Семена Нетесева Никонур Шульгин казнил смертью, и после того бил челом боярам о том отца их поместье». Грамота была дана от властей подмосковного ополчения 22 ноября 1612 года[622]. Арзамасский поход Никанора Шульгина оказался трагически памятен целому уезду, а не одной семье дворян Нетесевых. Согласно дозорным книгам, многие поместья запустели «от Никонуровых кормов Шульгина и от казанских ратных людей». Присутствие казанцев в Арзамасском уезде сравнивали с действиями «тушинсков воров», «татарской войной» и походами «черкас»[623].

Свою главную ошибку Никанор Шульгин совершил тогда, когда начал препятствовать участию Казани в земском соборе. Грамоты о созыве собора стали рассылаться властями «Совета всея земли» с середины ноября 1612 года. Дело шло к царскому избранию, а это означало конец чрезвычайным полномочиям дьяка в Казанской земле. Тогда-то он и решился на противодействие земской власти. Первой жертвой, по свидетельству челобитной дьяка Ивана Поздеева, стала Вятка, куда Шульгин прислал большой отряд стрельцов «с вогненым боем», чтобы заставить вятские власти отказаться от участия в земском соборе. Из слов Ивана Поздеева можно увидеть, что речь также шла о продолжении существования самостоятельного Казанского государства. Новую присягу Никанор Шульгин и его главный советник на казанском посаде земский староста Федор Обатуров задумали на свой страх и риск, «умысля без мирского ведома». Ведь дело шло о прямом неповиновении решению о

созыве избирательного земского собора. Шульгин «велел по записи крест целовать на том, что вяцким городом быть х Казанскому государству, а Московского государьства ни в чем не слушати, и с Казанским государьством стояти за один, и друг друга не подати, и для государева царского оберанья выборных людей и денежных доходов к Москве не посылать, а прислати в Казань»[624].

Вспоминал об этих событиях в Вятской земле дьяк Иван Поздеев много лет спустя, поэтому к его обвинениям нужно отнестись с известной долей осторожности. Однако детали той истории он должен был запомнить очень хорошо, потому что случившееся едва не стоило ему жизни. Вятчан, сопротивлявшихся воле Никанора Шульгина, «велели, за приставом сковав, прислати в Казань». Двенадцать человек вятских жителей были повешены в Казани. Никанор Шульгин добился своего и продолжал распоряжаться доходами с Вятки по своему усмотрению («денежные многие доходы роздавал, где ему годно»). Даже отправившись в поход в Арзамас, он не забыл о вятских врагах и специально послал своих людей, чтобы арестовать и привести в казанскую тюрьму Ивана Поздеева. Как позднее вспоминал в своей челобитной вятский дьяк, «и в тюрьме сидел долгое время, и многую нужу терпел, и ждал от Никонора смертного часа»[625]. Стоит напомнить, что тогда же попали в тюремное заключение в Казани и участники освобождения Москвы голова Лукьян Мясной с товарищами, оставшиеся некогда в земском ополчении.

Удивительно, но именно в это время к Никанору Шульгину в Казань писали грамоты, с уважением адресуя их «Никанору Михайловичу». Новые земские власти признали его заслуги. В грамоте 25 января 1613 года его просили «к Московскому государству работа своя и служба показати, для государского обиранья по совету Казанского государства всяких чинов людей, выбрав из них духовных и крепких и разумных и постоятельных людей, сколько человек пригоже отпустить к нам к Москве с Ефремом, митрополитом Казанским и Свияжским, наспех». Участие в соборных заседаниях митрополита Ефрема было особенно важно, чтобы освятить царский выбор присутствием первенствующего в иерархии духовного лица. В Казань было послано посольство от «Совета всея земли» во главе с архимандритом Костромского Ипатьевского монастыря Кириллом, келарем Спасо-Ярославского монастыря старцем Порфирием Малыгиным и владимирскими дворянами Иваном Зловидовым и Мясоедом Лутовиновым. Однако соборное заседание 21 февраля, на котором было принято решение об

избрании на царство Михаила Романова, так и прошло без казанских представителей, а их ожидание лишь затянуло «государское обиранье» на многое время.

Авторы грамоты явно не знали причин, по которым случилось «замотчанье» (промедление), поэтому описывали события в Москве с некой извинительной интонацией. Они объясняли, что им пришлось действовать скоро, под давлением ратных людей, из-за опасности, исходящей от Ивана Заруцкого, который воевал «в рязанских городех» от имени Марины Мнишек и ее сына («и прельщает Маринкою и сыном ея, выблядком, многих малодушных людей»), а также от запорожских казаков-«черкас», одна часть которых воевала на Белоозере, в Вологде, Галиче и Солигаличе, а другая оставалась в Калуге (это полностью подтверждают упоминавшиеся выше свидетельства купцов в Новгороде). Даже после царского избрания, 23 февраля, Никанора Шульгина по-прежнему просили прислать выборных людей к Москве и написать о «своем и всего Казанского государства всяких чинов людей о совете». До тех пор, пока в Москве не имели никаких сведений от посольства в Казань, там вынуждены были питаться слухами, считая всё же, что Казанское государство находится в полном союзе с земской властью: «…слышали мы подлинно про ваш совет, что Божиею милостию ни в чем к нашему доброму общему совету, к государскому избиранью не рознитеся, что Богу угодно и всей земле, а вам то же годно».

Посольство во главе с Ипатьевским архимандритом Кириллом все-таки сумело уговорить Никанора Шульгина выступить против Ивана Заруцкого, с чем и был связан арзамасский поход. Шульгин мог прельститься на полученный им чин воеводы казанской рати или обещания других пожалований. Слава первого союзника освободителей Москвы и победителя Заруцкого много бы значила для него, а возможно, даже открыла бы ему путь в Думу, как Кузьме Минину. Но для этого надлежало быть еще и воином, а не только приказным дельцом, думающим о власти и наживе. В то время как в Москве «соборне» воздавали хвалу Богу и «похваляли» воеводу Шульгина, тот шел в поход «мешкотно», грабя население и заставляя людей собирать «кормы» на его армию. Дойдя до Арзамаса, казанский воевода остановился, несмотря на адресованные ему призывы из Москвы «идти бы дорогою на вора на Ивашка Заруцкаго не мешкая». Соборные власти продолжали прежде всего думать о том, как защититься от опасных действий казаков Заруцкого. 24 февраля 1613 года к Никанору Шульгину готовились отправить в Арзамас новое посольство, куда вошли игумен Бежецкого Антониева монастыря Кирилл и дворяне Алексей Иванович Зубов и Иван

Иванович Баклановский. Однако участники собора, особенно после принятого решения об избрании Михаила Романова, справедливо не хотели больше зависеть от присутствия или неприсутствия казанцев в Москве. Всех теперь волновала судьба другого посольства, направленного земским собором в Кострому для того, чтобы «упросить» Михаила Федоровича принять царский венец и прийти в Москву. Казанского митрополита Ефрема и дьяка Никанора Шульгина лишь известили о состоявшемся избрании[626].

Когда Никанор Шульгин в Арзамасе получил точные вести о выборе нового царя, ему оставалось только подчиниться и продолжать службу Михаилу Федоровичу. Впрочем, он поступил по-своему: сначала присягнул царю и отправил требовавшихся для «царского обиранья» представителей[627], а затем 7 марта 1613 года пошел обратно в Казань, отговариваясь внезапно закончившимися запасами, взятыми войском только «на три месяца». Демарш оказался настолько неожиданным, что, получив 15 марта известие об этом, земское правительство не стало удерживать Шульгина в Арзамасе, а лишь попросило отобрать «лутчих ратных людей человек с 600» и прислать их на помощь воевавшему с отрядами Заруцкого под Рязанью воеводе Мирону Андреевичу Вельяминову. Были также приняты меры, чтобы удержать от возвращения в Казань свияжских татар с головой Иваном Чуркиным, присланных раньше по приказу Никанора Шульгина к тому же Вельяминову, но они и без того самостоятельно присягнули Михаилу Федоровичу в Рязани[628]. Главное, что казанская рать все-таки принесла присягу Михаилу Федоровичу, и царя немедленно известили об этом грамотой от земского собора 20 марта 1613 года[629].

Представление о развернувшихся в Арзамасе спорах дает «Новый летописец», посвятивший им отдельную статью «О Никонорове воровстве». Согласно летописному свидетельству, Шульгин продолжил в Арзамасе свои политические игры, выдвинув условием присяги царю Михаилу Романову необходимость на месте заручиться поддержкой жителей Казани: «Без Казанского совета креста целовати не хочю». Однако и в казанском войске, и в занятом им Арзамасе накопились свои счеты с казанским дьяком. Там сразу же присягнули царю Михаилу Федоровичу, поэтому Никанор Шульгин «с советники своими пойде в Казань наспех, хотяше Казань смутити»[630].

Интересный рассказ о действиях Шульгина содержится в рукописи седьмого тома «Истории Российской» Василия Никитича Татищева. Этот том историк намеревался посвятить царствованию Михаила Федоровича. «Токмо вор казанской дьяк

Никонор Шульгин, не хотя ему государю креста целовать, а хотя сам Казанью завладеть, — говорится здесь, — быв тогда с войском в Арзамасе, тем отрицался, что якобы ему о том выборе прежде объявлено не было». Как обычно у Татищева, источник этого известия остается неизвестным. Влияние «Нового летописца» только угадывается, а сама трактовка событий принадлежит автору «Истории…». Но нельзя исключить и того, что наш первый историограф опирался на какие-то неизвестные, не дошедшие до настоящего времени источники или устные рассказы. «А он, имея грамоту о выборе, — продолжал Татищев рассказ о Никаноре Шульгине, — тогда утаил и войску присегать без воли всех казанцов возпрещал. Но видя, что войско, не послушав его, присегали, собрався с единомышленники малыми людми побежали к Казани»[631].

Не стоило всё же Шульгину тогда покидать Казань. Как это обычно и бывает с теми, кто стремится обрести полную власть, он попал в зависимость от своего окружения, хорошо умевшего только подчиняться. При получении известий о выборе царя Михаила Романова в самой Казани в отсутствие Никанора Шульгина произошел переворот. Один из казанских тюремных сидельцев дьяк Иван Поздеев рассказывал позднее, как «его, Никанора, за его воровство, как шол назад, всем Казанским государьством в Казань не пустили, и город заперли, и стали на городе своими головами, а за государя всем Казанским государьством велели молебны пет и з звоном и крест целовати». Так пала местная диктатура, несколько лет создававшаяся Никанором Шульгиным. Против него восстали лишенные своего представительства в управлении чины Казанского государства. Важно указание на пение молебнов «со звоном», которым отмечались наиболее важные события. Косвенным образом это свидетельствует о том, что перемены в Казани происходили не без благословения митрополита Ефрема, знавшего, что его давно ждут в Москве, но не смевшего покинуть город без разрешения Шульгина. Тогда же, в марте 1613 года, в Казани на месте одних тюремных сидельцев, страдавших от «насильств» казанского дьяка, оказались другие: «посадский староста» Федор Обатуров, а также «Никанорово родство и советники»[632]. Интересно, что одним из тех, кто сидел в казанской тюрьме еще со времен царя Василия Шуйского, «да от Никонора от Шулгина живот мучил полтора года в темнице», оказался тарусский дворянин Полуект Нарышкин. Деда будущей царицы Натальи Кирилловны — второй жены царя Алексея Михайловича и матери Петра Великого, выпустили из казанской тюрьмы «как крест целовали всем Казанским царством». В 1613 году, по словам челобитной,

поданной царю Михаилу Федоровичу, он «прибрел к Москве наг, бос и голоден»[633].

Казанский дьяк уже не увидел переменившейся Казани. Возвращаясь из Арзамаса, он, конечно, думал, как «навести порядок» и казнить врагов, дожидавшихся решения своей участи в казанской тюрьме. Однако все его размышления были пресечены в Свияжске простой фразой, которую он никак не ожидал услышать от встретивших его казанцев: «В Казань тебе ехати не пошто». Шульгина «поймали» и посадили в свияжскую тюрьму, а к царю Михаилу Федоровичу послали гонцов, с тем чтобы узнать, как новый царь распорядится судьбой бывшего казанского правителя. Но даже сидя в свияжской тюрьме, Никанор Шульгин еще не считал себя проигравшим. В окружении царя Михаила Федоровича знали только о том, что казанские ратные люди присягнули в Арзамасе, и не поняли причин, по каким Шульгина задержали в Свияжске. Сам Никанор Шульгин послал с челобитной новому царю своего родственника луховского сына боярского Федора Федоровича Шульгина, приказав ему по дороге заехать в Троицесергиев монастырь к архимандриту Дионисию и келарю Авраамию Палицыну. Видимо, у него были какие-то основания надеяться, что они выступят ходатаями за него перед новой властью. Действительно, так и произошло, бояре князь Федор Иванович Мстиславский с товарищами извещали царя о привезенной к ним челобитной Никанора Шульгина «о своих нуждах, из Свияжского» в апреле 1613 года[634].

Пока царь Михаил Федорович находился на пути из Костромы в Москву, 25 марта и 5 апреля в Ярославль приехали казанцы Андрей Образцов и Игнатий Дичков, рассказавшие о присяге царю в Казани и других понизовых городах. О судьбе арестованного в Свияжске Никанора Шульгина ничего определенного сказать они не могли, поэтому в окружении царя Михаила Федоровича попытались самостоятельно разобраться, что произошло с Шульгиным. В наказе новому казанскому воеводе князю Юрию Петровичу Ушатому просили выяснить: какова причина того, что казанского дьяка посадили «за пристава»? Из этого наказа, отправленного в Казань 16 апреля 1613 года, можно узнать, что власть в Казани на время перешла к казанскому дворянину Григорию Веревкину и второму дьяку казанской администрации Степану Дичкову, видимо, не участвовавшему в делах Никанора Шульгина. В наказе Ушатому говорилось: «И воеводе князю Юрью Петровичи) и дьеком роспросити казанцов: в какове деле Никанор Шулгин дан за пристава. А роспрося подлинно отписати к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси к Москве, чтоб

про то государю было ведомо»[635]. Вскоре судьба дьяка Шульгина перестала волновать царя Михаила Романова. В конце апреля 1613 года в Троицесергиев монастырь приехал казанский и свияжский митрополит Ефрем, и ему, без сомнения, было что рассказать о «Никаноровых» временах в Казани! Присяга в Арзамасе и высокое заступничество, видимо, были учтены, поэтому Никанора Шульгина не казнили, а приказали доставить в Москву. Митрополит же Ефрем вместе с царем Михаилом Романовым вошел в Москву и венчал его на царство.

Завершение истории Никанора Шульгина было не столь трагичным. Бывшего казанского дьяка держали в заключении в московской тюрьме до августа 1618 года. При приближении к столице войска королевича Владислава в связи с угрозой осады Москвы тюрьмы освобождали от опасных пленников, поэтому Шульгина и его слуг, терпевших вместе с ним тюремную «нужу», отослали в Тобольск. Там присланного в царской опале Никанора велено было посадить в тюрьму и наблюдать, чтобы он «дурна над собою никоторого не учинил»[636]. Из Сибири редко кому из таких опальных людей удавалось возвратиться, не получилось выйти на волю и у Шульгина. Последние годы его жизни подчинялись звукам «ссыльного» угличского колокола, висевшего на тобольской колокольне со времен Бориса Годунова и извещавшего тюремных сидельцев обо всем, что происходило в миру радостным или скорбным звоном.

Точная дата смерти Никанора Шульгина остается неизвестной. Осталась только долгая память о том, как он держал в своих руках всё Казанское царство. Примечательно, что в новое «бунташное» время в 1648 году воеводу Томска обвиняли, что тот «хочет Сибирью завладеть так же, как и Никонор Шульгин завладел Казанью»[637].

## *ИЗБРАНИЕ НА ЦАРСТВО МИХАИЛА РОМАНОВА*

В течение четырех месяцев, с 26—27 октября 1612-го по 25—26 февраля 1613 года, власть в Москве оставалась в руках земского правительства во главе с князьями Дмитрием Тимофеевичем Трубецким и Дмитрием Михайловичем Пожарским. Это был переходный период, главным содержанием которого стали выборы нового царя.

Действовавший в ополчении «Совет всея земли» получил власть в Москве[638], но задачи его изменились по сравнению со временем земской самоорганизации. Нужно было собрать уцелевшую казну и искать следы разворованных кремлевских сокровищ, наказать тех, кто, подобно дьяку Федору Андронову и другим первым «королевским верникам», служил «литве» и руководителям московского гарнизона — Александру Госевскому, а потом Николаю Струсю. Войско победителей, вошедшее в столицу, требовало устройства, но где было взять продовольствие и деньги, чтобы продолжать его кормить и поддерживать в боевой готовности? В первые месяцы после освобождения Москвы был проведен разбор казаков, служивших в ополчении. По городам снова отправились сборщики доходов и кормов. В приказах царил хаос, не были до конца ясны последствия пожара 1611 года и последующего хозяйничанья польско-литовского гарнизона. Боярам, сидевшим в осаде внутри кремлевских стен, больше не верили, хотя с самого начала вожди земского ополчения великодушно объясняли их службу врагу «неволею».

Когда из Кремля выпускали боярина князя Федора Ивановича Мстиславского, он рассказывал, что «ево князя Федора литовские люди били чеканы», и даже показывал на теле следы от побоев[639]. Другого боярина князя Ивана Васильевича Голицына «держали за приставом». Большинство членов Думы, справедливо не надеясь на особенное снисхождение опьяненных победой казаков и других рядовых земских воинов, сочли за благо покинуть столицу. Однако система управления в Русском государстве была такова, что совсем без бояр, доверяя только опыту оставшихся в столице дьяков и подьячих, обойтись было нельзя. Провозглашенная земскими ополчениями цель возвращения к порядкам, «как при прежних государях бывало», требовала не полной смены Боярской думы, а, напротив, возвращения к привычной иерархии правящей элиты. Как это сделать, если одни имели земские заслуги, а другие все годы «междуцарствия» верно служили иноземному королевичу, оставалось неясным.

В Речи Посполитой только после потери Москвы «дозрели» до того, чтобы наконец-то представить юного самодержца Владислава своим подданным — жителям Московского государства. С позиций сегодняшнего дня ноябрьский 1612 года поход короля Сигизмунда III вместе с королевичем Владиславом к Смоленску и далее к Москве выглядит труднообъяснимым. Но для народившегося земского правительства «Совета всея земли» грядущее столкновение с польско-литовскими отрядами известных полковников Александра Зборовского и Андрея Млоцкого не сулило ничего хорошего. Король действовал так, будто не было более чем двухлетнего промедления с исполнением договора с гетманом Станиславом Жолкевским о призвании королевича Владислава, а польско-литовский гарнизон по-прежнему удерживал в своих руках столицу. Передовые отряды королевского войска не нашли ничего лучшего, как расположиться в знакомом им Тушине. Сигизмунд III выслал послов объявить Боярской думе свой приход. Но он опоздал, и русские люди вместо того, чтобы начать переговоры, вступили в бой. Несостоявшемуся претенденту на русский трон пришлось вернуться домой в Речь Посполитую.

Что же заставило короля так быстро смириться с потерей выскользнувшей из его рук московской короны?

Автор «Нового летописца» сообщил детали тех событий, когда под столицу приехали королевские послы Адам Жолкевский (племянник гетмана Станислава Жолкевского) и участники прежнего посольства Боярской думы под Смоленск окольничий князь Даниил Иванович Мезецкий и «печатник» и думный дьяк Иван Тарасьевич Грамотин; им поручили «зговаривати Москвы, чтобы приняли королевича на царство». О серьезности угрозы свидетельствовала реакция «всех начальников», которые «быша в великой ужасти». В начавшихся боевых стычках с польско-литовским отрядом был захвачен «в языках» смолянин Иван Философов, который якобы очень удачно дезинформировал противника: «Москва людна и хлебна, и на то все обещахомся, что всем померети за православную веру, а королевича на царство не имати»[640]. Это, по мнению летописца, и стало главной причиной отказа короля и панов-рад от дальнейших действий.

Много позже обнаружились фрагменты делопроизводства королевского похода, не подтверждающие эту приукрашенную версию. Иван Философов действительно попал в плен и дал подробные показания о том, что происходило в Москве после занятия ее войсками земского ополчения. Но его расспросные речи, напротив, рисовали вполне достоверную картину.

Философов сообщал, что бояр, сидевших прежде в столице вместе с князем Федором Ивановичем Мстиславским, в столице больше не слушают и «в думу не пропускают»; новые власти даже писали «в города ко всяким людям», чтобы посоветоваться о дальнейшей судьбе бояр: «пускать их в думу или нет». Управление страной оставалось в руках руководителей земского ополчения: «А делает всякие дела на Москве князь Дмитрий Трубецкой, да князь Дмитрий Пожарской, да Куземка Минин». Главный вопрос, интересовавший короля Сигизмунда III, — о претендентах на русский престол, оставался нерешенным: «А кому вперед быти на господарстве, того еще не постановили на мере». Философов в чем-то должен был даже обнадежить посланцев короля, подтверждая, что шансы королевича Владислава на корону Московского царства окончательно не исчезли: «…на Москве у бояр, которые вам, господарям, служили, и у лучших людей хотение есть, чтоб просити на господарство вас, великого господаря королевича Владислава Жигимонтовича». Идея выбрать на престол королевичей из других стран — «обрать на господарство чужеземца» — оставалась популярной. Однако ее противниками были казаки подмосковных ополчений, хозяйничавшие в столице: «а казаки-де, господари, говорят, чтоб обрать кого из руских бояр, а примеривают Филаретова сына и Воровского Калужского». Выступать же против вчерашних освободителей Москвы откровенно побаивались, сила была за ними.

Философов свидетельствовал, что у короля Сигизмунда III больше не осталось сторонников в Москве. Одиозных приказных людей, с которыми связывали правление «при Литве», таких как Федор Андронов и Важен Замочников, «взяли за приставы», их с пристрастием расспрашивали «на пытке» о расхищенной казне. Неприятным известием для королевских слуг оказалось и то, что «польских де людей розослали по городом, а на Москве оставили лутчих полковников и ротмистров чоловек с тридцать, пана Струса и иных»[641]. Становилось очевидным, что королю Сигизмунду III нечего будет сказать о судьбе тех, кто сидел в осаде в Кремле, их родственникам. Но и сдаваться король Речи Посполитой пока не собирался. Он отправился на сейм. Его войско на обратном пути шло через Можайск и захватило главную городскую святыню — деревянную скульптуру Николы Можайского. Королевские отряды оставались в Смоленске и Вязьме, многотысячное войско запорожских казаков воевало частью в калужских городах, а частью на Севере. Сам король обещал вернуться в пределы Русского государства после окончания сейма весной 1613 года[642].

Известие о храбрых речах Философова, будто бы повлиявших на отход от Москвы королевского войска, вошло во многие грамоты нового правительства, отправленные в связи с созывом выборных в столицу для избрания нового царя. Это было выгодно самому «земскому совету», показывало, что ему сопутствует удача в войне с Сигизмундом III.

Еще с 6 октября в земских полках находился посланник из Новгорода Богдан Дубровский, ставший свидетелем освобождения Москвы и последующего прихода Сигизмунда III под Волок. По приезде в Новгород его расспросили обо всем, что происходило в Москве, и передали эти сведения шведскому королевскому двору. Документы, привезенные Дубровским, сохранились в переводах в архиве королевской канцелярии и были использованы в труде шведского королевского историографа XVII века Юхана Видекинда. В написанной им «Истории десятилетней шведско-московитской войны» цитировалась грамота воевод князя Дмитрия Трубецкого и князя Дмитрия Пожарского осташковскому воеводе Осипу Тимофеевичу Хлопову. Воеводы объединенного ополчения тоже упомянули о захвате «смоленского боярина Ивана Философова». По словам грамоты, от пленного смолянина король Сигизмунд III «услышал о нашем союзе, об отказе от общения с поляками и готовности вечной ненавистью преследовать их и литовцев». После этого «король, видя, что ничего не может сделать, пошел со всем своим войском обратно, но предварительно распустил повсюду слух, что если мы не пожелаем принять его сына, он скоро вернется с более сильным войском разорять нашу родину. Поэтому очень важно, чтобы как можно скорее съехались уполномоченные для поставления великого князя»[643].

В Москве больше не хотели полагаться на волю какой-то отдельной боярской партии, как это было с избранием царя Василия Шуйского. В «Новом летописце» говорится об ожидании на Московском государстве государя «праведна, чтоб дан был от Бога, а не от человек»[644]. Войско в столице отказывалось воевать, пока не будет решена проблема царского избрания. Об этом сообщалось в грамоте, отосланной впоследствии казанским властям в связи с избранием Михаила Федоровича: «…а без государя ратные люди, дворяня и дети боярские, и атаманы, и казаки, и всякие разные люди на черкас и на Ивашка Заруцкого идти не хотели»[645]. «Черкасы» на севере Русского государства и казачье войско Ивана Заруцкого, обосновавшееся на юге, в рязанских и тульских местах, тоже представляли своих кандидатов: запорожские казаки — королевича Владислава, а донцы и «вольные казаки» — «царевича» Ивана Дмитриевича,

сына Лжедмитрия II и Марины Мнишек. За них они и продолжали воевать.

Бояре в Москве, по впечатлению Богдана Дубровского, поддерживали кандидатуру шведского королевича, что виделось лучшим способом защитить страну от иноземного нашествия: «Они (бояре) также предписали в это время созыв собора в Москве для выбора великого князя, и все они будут желать его княжескую милость герцога Карла Филиппа… Потому что они откровенно сказали, что должны добиться мира и помощи с этой стороны, так как не могут держаться против войск и Швеции, и Польши сразу»[646]. Напротив, казаки из подмосковных ополчений требовали государя из русских родов. Споры должны были затронуть и само руководство «Совета всея земли». Главный воевода ополчения боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой сам не прочь был вступить в борьбу за царский трон. Как уже было сказано, он расположился на старом дворе царя Бориса Годунова и вскоре получил грамоту на доходы с Ваги, области в Поморье, обладание которой со времен Годунова и Шуйского становилось первой ступенью на пути к царской власти. Что же касается князя Дмитрия Михайловича Пожарского, то для него настала пора выполнить прежний договор с новгородцами о призвании на русский престол королевича Карла Филиппа.

Мнение «всей земли» мог выразить только земский собор. Решение о его созыве было принято уже в первые дни после освобождения Москвы[647]. Самая ранняя из известных грамот о присылке выборных на земский собор, направленная в Сольвычегодск, датируется 11 ноября 1612 года. Первыми, кому писали руководители ополчения, извещая в одной грамоте и о взятии Москвы, и о вызове представителей на собор для «земского совета», были «именитые люди» Строгановы. После учреждения трехдневного праздничного молебна «з звоном» по случаю московского «очищенья» их просили прислать «для земского вопчево дела» «пять человек посацких уездных людей добрых ото всех посацких и волостных людей, опричь вас, Строгановых, а к вам, Строгановым, вперед отпишем, как вам к Москве быти». Был назначен и срок приезда: «на Николин день осенной нынешнего 121 году», то есть 6 декабря 1612 года. В письме Строгановым даже не указали прямо, что собор созывается для избрания нового государя, хотя такая цель и подразумевалась. Общие земские дела должны были продолжаться, «покаместа нам всем Бог даст на Московское государьство государя по совету всей земли»[648]. Не забыли при этом попросить и о присылке денежной казны.

В грамотах, отправленных несколько дней спустя — 15

ноября в Новгород и 19 ноября на Белоозеро, — о цели созываемого земского собора говорилось уже более определенно со ссылкой на непрестанные требования «всяких чинов людей», желавших избрать царя. Тогда и было принято общее решение «Совета всея земли», чтобы «всем сослатця во все городы… и обрати б на Владимирское и на Московское государство и на все великие государства Российского царствия государя царя и великого князя»[649]. Нормы представительства тоже были скорректированы: на собор в Москву требовалось прислать «изо всяких чинов люди по десяти человек из городов для государственных и земских дел»[650]. Общий смысл призывов, рассылавшихся из Москвы в первое время после ее освобождения, был сформулирован в следующих словах: «…Царский престол вдовеет, а без государя нам всем ни малое время быти не мощно»[651].

Главное дело с выбором нового царя едва не разрушилось из-за того, что первоначальный срок созыва выборных с мест был назначен слишком рано. В городах не оставалось времени ни провести выборы своих представителей, ни подготовить их отправку в Москву к «Николину дню осеннему». Точно неизвестно, сколько человек успело собраться в Москве к началу декабря по первому зимнему пути, но сколько бы их ни было, они не могли составить избирательный собор. Срок начала соборных заседаний был перенесен на месяц, и в города были отосланы новые грамоты с напоминанием о присылке выборных на день Богоявления 6 января 1613 года. Представительство на соборе было увеличено еще больше: «И мы ныне общим великим советом приговорили для великого земсково совету и государсково обиранья ехать к нам к Москве из духовново чину пяти человеком, ис посадцких и уездных людей двадцати человеком, ис стрельцов пять человек». Но с рассылкой грамот опять опаздывали, и грамоту на далекую Двину отправили только 31 декабря. Ясно, что доставлена она была после нового назначенного срока съезда выборных в Москву. В грамоте тем временем говорилось: «А изо многих городов к нам к Москве власти и всяких чинов люди съехались… А у нас за советом з Двины выборных людей государское обиранье продлилось»[652].

Во взаимоотношениях с Новгородским государством власти земского ополчения продолжали держаться дипломатического этикета, хотя Великий Новгород не воспринимали как чужой город. В грамоте воевод «у ратных и у земских дел» князя Дмитрия Трубецкого и князя Дмитрия Пожарского новгородскому митрополиту Исидору 15 ноября писали о созыве земского собора для избрания царя. Правда, ее смысл можно понять по-разному. С

одной стороны, это был ответ на обращение митрополита Исидора, писавшего «к нам бояром и воеводам и ко всей земле, чтоб Московскому государству быти с вами под единым кровом государя королевича Карлуса Филиппа Карлусовича». Но с другой стороны, грамота правительства «Совета всея земли» не давала гарантий, что на соборе будет поддержан именно шведский королевич: «…и нам ныне такого великого государственного и земского дела, не обослався и не учиня совету и договору с Казанским и с Астараханским и с Сибирским и с Нижегородцким государствы, и со всеми городы Росийского царствия, со всякими людми от мала и до велика, одним учинити нельзя»[653]. Как видим, для соответствия статусу «Новгородского государства» в земской переписке появились Нижегородское и другие самостоятельные «государства» в составе царства. Всё упиралось в то, что не было выполнено давнее обещание о приезде королевича Карла Филиппа в Новгород. Держась буквы прежних договоренностей, в ополчении обещали послать к нему посольство «о государственных и о земских делех», но не больше того. Возможно, что попытка немедленно созвать собор уже 6 декабря тоже связана с политической борьбой вокруг этой кандидатуры. Новгородский посланник Богдан Дубровский, судя по его расспросным речам, выехал из Москвы только месяц спустя после того, как грамота в Великий Новгород 15 ноября была готова. Скорее всего, он ждал, но так и не дождался начала работы земского собора. В расспросных речах новгородский посланник подтвердил, что в Москве продолжают держаться кандидатуры Карла Филиппа, но единственное, на что он мог сослаться, была упомянутая грамота от земских бояр, немедленно отосланная в королевскую канцелярию в Стокгольм[654].

«Многажды» писали о приезде в Москву «великому господину Ефрему митрополиту» в Казань. Без него важнейшая часть земского представительства — освященный собор — оставалась неполной. Продолжая надеяться на приезд казанского митрополита, к нему обращались даже после начала работы земского собора 25 января 1613 года. Для подкрепления соборного обращения было отправлено отдельное посольство во главе с архимандритом костромского Ипатьевского монастыря Кириллом. Тогда еще не было известно, какую роль суждено сыграть в недалеком будущем Ипатьевскому монастырю в избрании Михаила Романова. Впрочем, на пути из Москвы в Казань архимандрит Кирилл вполне мог рассказать о ходе царского избрания инокине Марфе Ивановне и ее сыну, если они в тот момент находились в Костроме. Но обращения земского собора в Казань не принесли результата, и в итоге казанские

власти были извещены об уже состоявшемся решении[655]. Во главе освященного собора остался ростовский и ярославский митрополит Кирилл (Завидов), его имя упоминалось первым в переписке «Совета всея земли» вплоть до прихода в Москву нового избранного царя Михаила Федоровича.

В выборах на земский собор в первую очередь должны были участвовать члены Государева двора, уездные дворяне и посадские люди. Вместе с ними нового царского избрания ждали все люди Московского государства, наконец осознавшие, что только им одним по силам решить главную задачу, с которой не справились бояре прежних московских царей. К сожалению, в распоряжении историков почти нет источников по истории раннего русского парламентаризма, из которых мы могли бы узнать о политических позициях, услышать речи главных участников событий. Тем не менее возможность пристальнее присмотреться к действиям разных людей, которых обстоятельства вынесли на авансцену исторического действа под названием «выборы царя», всё же существует. Появилась она сравнительно недавно благодаря находке «Повести о земском соборе 1613 года» — выдающегося памятника времени избирательной борьбы, ярко раскрывшего особенности выборов нового царя[656].

Основная предвыборная интрига состояла в противостоянии бояр и казаков. Об этом говорил и ливонский дворянин Георг Брюнно, приехавший под Москву от Якоба Делагарди еще летом 1611 года и вернувшийся в Новгород после полутора лет пребывания в земских полках 15 февраля 1613 года. Раньше историки с осторожностью воспринимали расспросные речи Брюнно, в которых речь шла о выдвижении казаками своих претендентов на соборе, в том числе будущего царя Михаила Федоровича[657]. Но свидетельство «Повести о земском соборе 1613 года» не оставляет сомнений в том, что именно казаки были на соборе наиболее активны, хотя формально не могли быть «земскими» выборными. Они представляли только себя и были сильны своей круговой порукой[658]. Еще летом 1612 года, когда князь Дмитрий Михайлович Пожарский договаривался о кандидатуре герцога Карла Филиппа, он «доверительно» сообщал Якобу Делагарди, что все «знатнейшие бояре» объединились вокруг этой кандидатуры; противниками же избрания иноземного государя была «часть простой и неразумной толпы, и особенно отчаянные и беспокойные казаки». Якоб Делагарди передал своему королю слова князя Дмитрия Пожарского о казаках, которые «не желают никакого определенного правительства, но хотят избрать такого правителя, при котором они могли бы и

впредь свободно грабить и нападать, как было до сих пор»[659]. Боярские представления о казаках вряд ли могли измениться вскоре после освобождения Москвы. Осенью 1612 года, по показаниям смолянина Ивана Философова, в Москве находилось 45 тысяч казаков, и «во всем-де казаки бояром и дворяном сильны, делают, что хотят, а дворяне де, и дети боярские разъехались по поместьям»[660]. Сходным образом описывал ситуацию в столице в ноябре — начале декабря 1612 года новгородец Богдан Дубровский. По его оценке, в Москве было 11 тысяч отобранных на разборе «лучших и старших казаков»[661]. Несмотря на проведенный разбор, призванный разделить казаков, они продолжали действовать заодно и в итоге смогли не только объединиться вокруг одной кандидатуры, но и настоять на ее избрании. Они отнюдь не разъезжались из Москвы, как того хотели бояре, а дожидались момента, когда прозвучат все имена возможных претендентов, чтобы предложить своего кандидата. Именно такая версия событий содержится в «Повести о земском соборе 1613 года»: «А с казаки совету бояра не имеюща, но особ от них. А ожидающи бояра, чтоб казаки из Москвы вон отъехали, втаи мысляше. Казаки же о том к боляром никако же глаголюще, в молчании пребываше, но токмо ждуще от боляр, кто у них прославится царь быти».

Официальное открытие собора скорее всего так и не состоялось, иначе известие об этом должно было попасть в «Утвержденную грамоту об избрании царя Михаила Федоровича»[662]. После 6 января 1613 года начались бесконечные обсуждения, о которых сообщают современники. «И мы, со всего собору и всяких чинов выборные люди, о государьском обираньи многое время говорили и мыслили…» — так писали в первых грамотах об избрании Михаила Федоровича, описывая ход избирательного собора. Слишком много было причин, по которым собор долго не хотел или не мог взять на себя всю ответственность царского выбора. Вероятно, из-за этого обсуждение кандидатур началось со стадии, напоминавшей вечевые собрания, где свое мнение могли выразить и недавние герои боев под Москвой, и приехавшие с мест выборщики, а также обыкновенные жители столицы, толпившиеся в Кремле. По словам другой современной грамоты, «о государьском обиранье советовали по многие дни», собравшись в Успенском соборе[663].

Представление о множестве обсуждавшихся претендентов на трон дает запись в официальной разрядной книге 7121 (1613) года: «И говорили на соборе о царевичех, которые служат в Московском государстве, и о великих родех, кому из них Бог даст на Московском государстве быть». Первый вывод, устроивший

большинство, состоял в отказе от всех иноземных кандидатур: «… а литовского и свейского короля и их детей за их многие неправды и иных никоторых земель людей на Московское государство не обирать и Маринки с сыном не хотеть»[664]. Это означало крушение многих политических надежд и пристрастий. Проигрывали те, кто входил в московскую Боярскую думу, заключавшую договор о призвании королевича Владислава; не было больше перспектив у казаков Ивана Заруцкого, продолжавших свою войну за малолетнего претендента царевича Ивана Дмитриевича. Чувствительное поражение потерпел и организатор земского ополчения князь Дмитрий Михайлович Пожарский, последовательно придерживавшийся кандидатуры шведского королевича Карла Филиппа. На соборе возобладала другая точка зрения, опыт Смуты научил не доверять никому со стороны: «…потому что полсково и немецково короля видели к себе неправду и крестное преступление и мирное нарушение, как литовской король Московское государство разорил, а свейской король Великий Новъгород взял Оманом за крестным же целованем».

Договорившись о том, кого «вся земля» видеть на троне не хотела, выборные приняли еще одно важнейшее общее решение: «А обирати на Владимерское и на Московское государство и на все великие государства Росийсково царствия государя из московских родов, ково Бог даст»[665].

Последовавшее затем избрание на царство Михаила Романова сегодня кажется единственно верным решением, учитывая почтенный трехсотлетний возраст романовской династии. Но для современников этот выбор отнюдь не казался ни единственно возможным, ни самым лучшим. Все политические страсти, обычно сопровождающие выборы, присутствовали в атмосфере избирательного собора в полной мере. Назывались имена и других претендентов на трон: возвратившихся к власти бояр Федора Ивановича Мстиславского и князя Ивана Михайловича Воротынского. Примеривались к кандидатурам главных воевод ополчения, недавно освободивших Москву, — князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и князя Дмитрия Михайловича Пожарского. «Романовский круг» выставил сразу нескольких кандидатов — Иван Никитич Романов (дядя Михаила Романова), князь Иван Борисович Черкасский (двоюродный брат будущего царя и внук Никиты Романовича Юрьева) и даже Федор Иванович Шереметев (его жена Ирина Борисовна — родная сестра князя Ивана Борисовича Черкасского). Все они, как видим, были связаны тесным родством друг с другом[666]. К этим семи претендентам, по словам «Повести о земском соборе 1613 года»,

был еще «осьмый причитаючи» князь Петр Иванович Пронский — молодой стольник, происходивший из захудавшего при Иване Грозном рода рязанских князей, служивших в Старицком уделе. Главным образом он стал заметен, благодаря своей службе в земском ополчении в Ярославле. Но даже на этом список имен, упоминавшихся в связи с выборами нового царя, отнюдь не исчерпывается. В ходе обсуждений на избирательном соборе и вокруг него назывались еще имена князя Ивана Ивановича Шуйского (хотя он находился в польско-литовском плену), князя Ивана Васильевича Голицына и князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского[667].

Первой кандидатурой, которую поддержали казаки, был князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой. Позднее историки ссылались на какие-то неясные оговорки об этом русских источников и даже на устную традицию, существовавшую в роду князей Трубецких, знавших о том, что один из их предков едва не стал царем[668]. Князья Трубецкие хранили выданную в январе 1613 года жалованную грамоту на Вагу за земские заслуги князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому[669] (такой грамоты на пергамене, украшенной золотыми красками, не было ни у Минина, ни у Пожарского). Автор «Повести о земском соборе 1613 года» подробно рассказал об участии в предвыборной борьбе главы объединенного ополчения. Он описывал, как князь Трубецкой призывал казаков подмосковных ополчений, вместе с ним освободивших Москву, посадить его на царский трон и стремился подкупить их своей щедростью: «Князь же Дмитрий Тимофеевич Трубецкой учреждаше трапезы и столы честныя и пиры многия на казаков и в полтора месяца всех казаков, сорок тысяч, зазывая толпами к себе на двор по вся дни, честь им получая, кормя и поя честно и моля их, чтобы быти ему же на Росии царем, и от них же, казаков, похвален же был. Казаки же честь от него приимаше, ядуще и пьюще и хваляще его лестию, а прочь от него отходяще в свои полки и браняще его и смеющеся его безумию таковому. Князь же Дмитрей Трубецкой не ведаше того казачьи лести»[670]. Наверное, у казаков не было единства в том, поддерживать или нет на царских выборах боярина князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого. С ним они воевали под Москвой, но, судя по всему, они не очень были готовы поддерживать его и дальше. Важнее было другое: князь Трубецкой, как претендент на трон, не пользовался поддержкой остальных бояр.

Следующий, кто, по расспросным речам Георга Брюнно, был сначала назван казаками, а потом отвергнут на «риксдаге, или соборе», стал Михаил Романов. Как писал Г. А. Замятин, «на

историков XX в. известие, что земский собор 1613 г. отверг кандидатуру Михаила Федоровича, производит поразительное впечатление»[671]. Однако у этого свидетельства есть другое, независимое подтверждение в современных источниках. Двое купцов, приехавших из Москвы в Новгород (к сожалению, их имена неизвестны), говорили перед Якобом Делагарди 10 февраля 1613 года о том, что казаки «пожелали в великие князья боярина по имени князь Михаил Федорович Романов… Но бояре были совершенно против этого, и отклонили это на соборе, который недавно был созван в Москве». Купцы рассказывали и об отказе самого Михаила Романова «принять такое предложение» (хотя никто его тогда еще и не спрашивал об этом), а также о позиции «бояр и других земских чинов», отказывавшихся от «туземного государя» в пользу шведского королевича Карла Филиппа[672].

Сведения о том, что выбранного и навязанного казаками в цари Михаила Романова в качестве такового никто не принимал, продолжали приходить в Новгород и позже. Об этом согласно твердили не только купцы или служилые люди, но и их слуги. Летом 1613 года пришло письмо от участника посольства новгородцев в Швецию Федора Боборыкина. Он привозил в Москву на земский собор копию грамоты шведского короля Густава II Адольфа, подтверждавшего, что его брат Карл Филипп приедет для переговоров об избрании на царство. Но потом события пошли по-другому, Федор Боборыкин задержался в Москве и уже после состоявшегося царского избрания передавал своим родственникам в Новгород новости про события в столице: «Московские простые люди и казаки по собственному желанию и без общего согласия других земских чинов выбрали великим князем Федорова сына Михаила Федоровича Романова, который теперь в Москве… Земские чины и бояре его не уважают… они были совершенно не согласны с русскими казаками и относительно выбора великого князя, и относительно других дел»[673].

И все-таки именно шестнадцатилетний стольник Михаил Романов утвердился на царском троне. Почему же в итоге остановились именно на этом кандидате в цари?[674]

В поддержке казаками Романовых сыграли роль какие-то отголоски воспоминаний о деятельности Никиты Романовича Юрьева, нанимавшего казаков на службу при устроении южной границы государства еще при царе Иване Грозном. Имели значение также мученическая судьба Романовых при царе Борисе Годунове и пребывание митрополита Филарета (Федора Никитича Романова) в тушинском стане в качестве нареченного

патриарха. Из-за отсутствия в Москве плененного Филарета, воспринимавшегося как глава всего рода Романовых, вспомнили о его единственном сыне стольнике Михаиле Романове. Он едва вступил в тот возраст, с которого обычно начиналась служба дворянина. В царствование Василия Шуйского сын митрополита Филарета был еще мал и не получал никаких служебных назначений, а потом, оказавшись в осаде в Москве, уже не мог выйти на службу, находясь все время вместе со своей матерью инокиней Марфой. Таким образом, в случае его избрания никто не мог бы про себя сказать, что он когда-то командовал будущим царем или исполнял такую же службу, как и тот. Но главным преимуществом кандидата из рода Романовых было родство с пресекшейся династией[675]. Как известно, Михаил Романов приходился двоюродным племянником царю Федору Ивановичу, и это бесспорное обстоятельство могло пересилить, и в итоге пересилило, все другие аргументы «за» или «против».

7 февраля 1613 года, примерно месяц спустя после начала соборных заседаний, было принято решение о двухнедельном перерыве. В «Утвержденной грамоте» писали, что избрание царя «для болшого укрепления отложили февраля з 7-го числа февраля по 21 число». В города были разосланы тайные посланники «во всяких людех мысли их про государское обиранье проведывати». Но если к 7 февраля все согласились с кандидатурой Михаила Романова, то какое еще «укрепленье» ожидалось?[676]

Скорее всего, за решением о перерыве в соборных заседаниях скрывались прежнее желание дождаться приезда казанского митрополита Ефрема и главы Боярской думы князя Федора Ивановича Мстиславского, а также неуверенность из-за неполного представительства городов. Но могло быть и по-другому, ведь на соборе шла заметная политическая борьба, фаворитом в которой до последнего времени оставался князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой. В сознании позднейших историков всё могло трансформироваться в правильный парламентский порядок, когда одна кандидатура голосуется за другой в поисках устраивавшего всех выбора. Однако на соборных заседаниях, напротив, могли несколько раз возвращаться к имени одного и того же претендента.

Историк Андрей Павлович Павлов недавно обратил внимание на документ, который может дать ключ к пониманию событий, происходивших на избирательном земском соборе после 7 февраля. Это жалованная грамота на вотчину соловскому дворянину Ивану Ивановичу Хрипкову, данная за «московское очищение» и датируемая 9 февраля 1613 года. Оказалось, что грамота Хрипкову особо выделяла роль главного воеводы

земского ополчения — князя Дмитрия Трубецкого, названного в ней единственным из бояр. В этом свете и следует трактовать традиционную оговорку в жалованной грамоте: «А как даст Бог на Московское государьство государя, и тогды велит ему государь на ту вотчину дать свою царьскую грамоту за красною печатью»[677].

Следовательно, и 7 февраля еще ничего не было решено, и позднейшие ссылки в «Утвержденной грамоте» 1613 года на «предъизбрание» на престол стольника Михаила Романова лишь приукрашивали действительность. Здесь, видимо, сказалось буквальное следование положенной в ее основу другой, годуновской «Утвержденной грамоты». В 1598 году тоже говорилось о «предъизбрании» царя, но тогда единственным кандидатом на престол был Борис Годунов, а в 1613 году политическая борьба на земском соборе между боярами, земскими людьми и казаками не прекращалась ни на один день.

Две недели — совсем небольшой срок, чтобы узнать, о чем думали люди Московского государства, в разные концы которого в то время можно было ехать месяцами, а то и годами (как, например, в Сибирь). К кому должны были стекаться собранные в стране сведения? Кто занимался их сводкой? Оглашались ли потом эти «мнения» на соборе? Большинство из этих вопросов остаются без ответа, так как никаких записей о ходе собора не велось. Историки вынуждены опираться только на «проговорки» повествовательных источников — летописей, повестей и сказаний, позднее рассказавших об этом историческом событии. Не проще ли поэтому объяснить причины возникшего перерыва совпадением с Масленицей и началом Великого поста?! На это обстоятельство когда-то справедливо обращал внимание историк Дмитрий Владимирович Цветаев: «В середине двухнедельного промежутка наступил Великий пост. Все члены собора говением приготовлялись к завершению "великого дела" избрания царя»[678].

Не случайно архиепископ Арсений Елассонский, служивший в кремлевском Архангельском соборе, запомнил, что «рассуждение» об избрании царя пришлось на «святую четыредесятницу»[679]. В такое же время, 15 лет назад, избирали царя Бориса Годунова. В первую, самую строгую неделю Великого поста было не до мирских страстей, поэтому некоторые выборные люди и уехали на время из столицы. Но хотели они или нет, а никто из них не мог уклониться от разговоров о том, кого же хотят на Москве в цари. Имя Михаила Романова тогда тоже звучало, но еще наравне с другими претендентами на трон…

Несколько торопецких депутатов земского собора были захвачены велижским старостой Александром Госевским,

исполнявшим к тому времени должность литовского референдария, но продолжавшего пристально следить за московскими делами. Он сообщал князю Христофору Радзивиллу, что «торопецкие послы», ездившие в столицу для выборов царя, возвратились ни с чем и, будучи схвачены на обратной дороге, поведали ему, что новые выборы должны состояться 3 марта (21 февраля по старому стилю). Не доверяя их сообщениям, Госевский ждал известий от своих людей, которых он посылал тайно разузнать о том, что происходило в Москве[680]. Есть также упоминания о поездке в Кострому перед окончательным избранием Михаила Романова братьев Бориса и Михаила Михайловичей Салтыковых, родственников матери царя, инокини Марфы Ивановны. Ее надо было еще убедить, чтобы она ответила согласием на избрание сына в цари.

Об обстоятельствах двухнедельного перерыва перед избранием Михаила Романова писали и в грамоте в Казань митрополиту Ефрему 22—24 февраля 1613 года. В ней, сходно с «Утвержденной грамотой», перерыв в соборных заседаниях объяснялся тайным сбором сведений по поводу будущей кандидатуры царя: «…и до его государского обиранья посылали мы Московского государства во всех городех и в уездех тех городов во всяких людех тайно проведывати верными людми, ково чаяти государем царем на Московское государство, и во всех городех и уездех от мала и до велика та же одна мысль, что быти на Московском государстве государем царем Михаила Федоровичу Романову Юрьева»[681]. Однако из-за «замотчанья», связанного с отсутствием выборных людей от Казанского государства и продолжающегося разорения государства, на соборе решили «упросите сроку в государском обираньи до зборнаго воскресения сто двадесят перваго году февруария до двадесят перваго числа». «По совету всей земли» во всех храмах государства шли молебны о даровании «царя из русских людей». Скорее всего, это и было официальное решение, достигнутое собором к 7 февраля. При назначении же даты 21 февраля — первое воскресенье после начала Великого поста — учитывалось, что это так называемая Неделя Православия, в которую издавна отрекались от всех врагов церкви. Провозглашение анафемы с амвонов церквей усиливало политическое значение царского избрания и побуждало действовать тех, кто видел перед собой результаты «Московского разоренья».

Возобновившийся к намеченному сроку, «на зборное воскресенье» 21 февраля 1613 года, земский собор принял историческое решение об избрании Михаила Федоровича на царство. В грамоте в Казань к митрополиту Ефрему писали, как

«на упросный срок» сначала состоялся молебен, а потом возобновилось заседание освященного собора с «всяких чинов с выборными людми изо всех городов и царствующего града Москвы со всякими жилецкими людьми». На земском соборе «говорили и советовали все общим советом, ково на Московское государство отбрати государем царем и говорили о том многое время». После всех «прений» были собраны отдельные мнения собора: «и приговорив и усоветовав все единым и невозвратным советом и с совету своего всего Московского государства всяких чинов люди принесли к нам митрополиту, и архиепископом, и епископом и ко всему освященному собору, и к нам бояром и ко окольничим и всяких чинов людем, мысль свою порознь»[682]. Это и есть описание того, как менялась русская история.

Понять происходившее на соборе можно лишь раскрыв, что стоит за каждой из этикетных формул текста грамоты. Очевидно, что соборное заседание 21 февраля продолжалось долго, разные чины — московские и городовые дворяне, гости, посадские люди и казаки — должны были сформулировать свое мнение («мысль»). Такая практика соответствовала порядку заседаний земских соборов позднейших десятилетий. Но был ли предрешен выбор именно Михаила Романова. Этот вопрос остается без ответа. Авраамий Палицын сообщал, что накануне заседания ему представили «койждо своего чину писание… многие дворяне и дети боярские, и гости многих розных городов, и атаманы и казаки», прося возвестить «о сем державствующим тогда бояром и воеводам». А потом оказалось, что мнения всех чинов совпали, «яко во едино собравшееся» в пользу избрания Михаила Романова[683]. Однако никто не может поручиться в том, что Авраамий Палицын снова не переоценил степень своего влияния на события и 21 февраля не было подано ни одного «мнения» в пользу других кандидатов.

Во время работы собора появились и «агитационные» материалы, представление о которых дает текст одного из современных хронографов. В нем рассказывалось о том, что «некто дворянска чина Галича града предложи на том соборе выпись о сродстве цареве». Потом, когда собор едва не отказался обсуждать предъявленное «писание», встал «славнаго Дону атаман и выпись предложил на соборе таковуж». Свидетельство о выступлении донского казачьего атамана настолько не укладывалось в официальную трактовку событий с избранием Михаила Романова на царство, что в первой публикации известий хронографа были сделаны цензурные изъятия и текст оставался неизвестен до тех пор, пока не был издан полностью в конце XIX века в приложении к книге Ивана Егоровича Забелина «Минин и

Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время»[684].

Важной, но до конца не объясненной, является ссылка грамоты в Казань на то, что решение принималось «со всякими жилецкими людми» из Москвы. Отдельно упомянутое участие московского «мира» в событиях отнюдь не случайно, оно является дополнительным свидетельством вторжения «улицы» в дела царского избрания. Позднее это подтверждали в расспросных речах в Новгороде участники собора стольник Иван Иванович Чепчугов, московский дворянин Никита Остафьевич Пушкин и романовский дворянин Фока Дуров. В 1614 году они попали в плен к шведам, их доставили в Новгород и расспросили об обстоятельствах недавних событий в Москве. Они рассказали о том, что «казаки и чернь сбежались и с большим шумом ворвались в Кремль к боярам и думцам, напустились на них с сильными ругательствами и обвиняли их, что бояре потому не выбирают в государи никого из здешних господ, чтобы самим править и одним пользоваться доходами страны и, как случилось раньше, снова отдать государство под власть чужого народа». Следовательно, выступление «казаков и черни» на соборе было направлено, прежде всего, против тех бояр, кто когда-то заставил присягнуть королевичу Владиславу. Казаки, напротив, говорили о своих заслугах в земском ополчении и требовали немедленно избрать царя, назвав имя Михаила Романова: «они, казаки, выдержавшие осаду Москвы и покорившие ее, теперь должны терпеть нужду и совершенно погибать; поэтому хотят они немедленно получить Государя, чтобы знать, кому они служат и кто должен награждать их за их службу». «Казаки и чернь» — сторонники Михаила Романова «не хотели ни на один час отойти от Кремля, пока «дума и земские чины в тот же день не присягнут ему»[685].

Сходным образом царский выбор описывала «Повесть о земском соборе 1613 года». Согласно этому источнику, 21 февраля бояре придумали выбирать царя жребием из нескольких кандидатур. Об этом же, кстати, рассказывали в Новгороде и стольник Иван Чепчугов с товарищами: они назвали по именам претендентов, между которыми готовы были бросить жребий, — князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, князь Иван Васильевич Голицын и Михаил Романов. Однако заимствованная из церковного права процедура выбора, по которой однажды избрали московского патриарха, в итоге не понадобилась. Все планы смешали приглашенные на собор казачьи атаманы, обвинившие высшие государственные чины в стремлении узурпировать власть: «Князи и боляра и все московские вельможи, но не по Божьей воле, но по самовластию и по своей воли вы

избираете самодержавна». Казачьи атаманы, верившие в историю с передачей царского посоха по наследству от царя Федора Ивановича «князю» (так!) Федору Никитичу Романову, произнесли в этот день имя сына главы рода Романовых: «И тот ныне в Литве полонен, и от благодобраго корени и отрасль добрая, и есть сын его князь Михайло Федорович. Да подобает по Божий воли тому державствовать». Показательна ссылка на последнего царя из многовековой династии Рюриковичей, сомнений в его праве на царство ни у кого не было. В дни избирательного собора история с передачей власти от царя Федора Ивановича к боярину Федору Никитичу Романову была широко распространена. Ораторы из казаков очень быстро перешли от слов к делу и тут же возгласили имя нового царя и «многолетствовали ему»: «По Божий воли на царствующем граде Москве и всеа Росии да будет царь государь и великий князь Михаил о Федорович и всеа Росии!»

Хотя кандидатура Михаила Романова давно обсуждалось в качестве возможного претендента, призыв казачьих атаманов на соборе, поддержанный рядовыми казаками и московским «миром», собравшимися на кремлевских площадях, застал бояр врасплох. «Повесть о земском соборе 1613 года» сообщает очень правдивые детали о реакции членов Боярской думы, считавших, что имя Михаила Романова не будет серьезно рассматриваться на соборе. Автор «Повести…» если не был сам очевидцем, то записал все со слов очень информированного человека. Во всяком случае, у читателя возникает эффект присутствия на соборе: «Боляра же в то время страхом одержими и трепетни трясущеся, и лица их кровию пременяющеся, и ни един никто же може что изрещи, но токмо един Иван Никитич Романов проглагола: "Тот есть князь Михайло Федорович еще млад и не в полне разуме"». Неловкая фраза выдает волнение боярина Ивана Романова. Стремясь сказать, что его племянник не столь еще опытен в делах, он вовсе обвинил Михаила в отсутствии ума. Далее последовал примечательный по-своему ответ казачьих атаманов, превративших эту оговорку в шутку: «Но ты, Иван Никитич, стар верстой, в полне разуме, а ему, государю, ты по плоти дядюшка прироженный, и ты ему крепкий потпор будеши». После этого «боляра же разыдошася вси восвояси».

Часто упоминают еще о словах боярина Федора Ивановича Шереметева, якобы написанных боярину князю Василию Васильевичу Голицыну в Польшу: *«Миша-де Романов молод, разумом еще не дошел и нам будет поваден».* Но у историков существуют большие сомнения по поводу достоверности этой фразы[686].

Обвинения в стремлении к «самовластию» во многом были обращены к князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому как руководителю правительства «всея земли», по-прежнему решавшему все дела в стране. Для него случившееся стало серьезным ударом. «Князь же Дмитрей Трубецкой, — пишет о нем автор «Повести о земском соборе 1613 года», — лице у него ту и почерне, и паде в недуг, и лежа много дней, не выходя из двора своего с кручины, что казны изтощил казаком и позна их лестны в словесех и обман»[687]. После этого становится понятным, почему подписи Трубецкого нет на грамотах, извещавших города о состоявшемся избрании нового царя[688].

Таким образом, соборное заседание 21 февраля 1613 года завершилось тем, что все чины согласились на кандидатуру Михаила Романова и «приговор на том написали и руки свои на том приложили». Извещая об этом митрополита Ефрема, не удержались от «подправления» генеалогических аргументов, оказавшихся решающими в земском избрании: «И по милости Божией и Пречистыя Богородицы и всех святых молитвами совет наш и всяких чинов людей во едину мысль и во едино согласие учинилась на том, чтоб быти на Московском государстве государем царем и великим князем всеа России благословенной отрасли блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа Росии самодержца и великие государыни царицы и великие княгини Анастасии Романовны внуку, а великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа России *по материю сродству племяннику* Михаилу Федоровичу Романову Юрьева»[689].

Если быть точным, новый царь приходился всего лишь внучатым племянником царице Анастасии Романовне (был внуком ее родного брата). Легкое расхождение с действительностью относительно степени родства Михаила Романова с царями Иваном Грозным и Федором Ивановичем было уже не существенным. Упоминавшийся галичский дворянин, которому приписывалось первое выступление на соборе в поддержку Михаила Романова, тоже повышал степень родства Михаила Федоровича и называл его в сходных выражениях *«по сродству племянником»* матери царя Федора Ивановича — царицы Анастасии Романовны. Отца же царя Михаила боярина Федора Никитича Романова именовали царским «братаном» (как известно, Федор Романов был двоюродным братом своего тезки царя Федора Ивановича)[690]. В этих династических аргументах сказалась объединяющая идея, связанная с возвратом к временам прежних правителей. Юноша Михаил Романов в 1613 году мог символически соединять прошлое с настоящим в сознании

современников Смутного времени. Главное было обозначить другое, о чем сообщалось в первых грамотах об избрании на царство Михаила Федоровича: *«ни по чьему заводу и кромоле Бог его, государя, на такой великой царский престол изобрал, мимо всех людей»*.[691]

Соборный «приговор», принятый 21 февраля 1613 года, немедленно был утвержден на Лобном месте на Красной площади. Одним из тех, кто вышел от земского собора к народу, ожидавшему решения о царском выборе, был келарь Авраамий Палицын, позднее описавший первую общую присягу царю Михаилу Федоровичу в своем «Сказании»: «Потом же посылают на Лобное место рязанского архиепископа Феодорита, да Троицкого келаря старца Авраамиа, да Нововоо Спасского монастыря архимарита Иосифа, да боярина Василия Петровича Морозова». На Красную площадь вышли те, кто, безусловно, имел земские заслуги, но среди них не было ни князя Дмитрия Трубецкого, ни князя Дмитрия Пожарского. Как оказалось, именно в этот день, 21 февраля, «Великороссийские державы Московского государства» воеводы решили важное дело об испомещении на Белоозере дворян и детей боярских «осадных сидельцев», благодаря которым сорвался поход короля Сигизмунда III под Волок и Погорелое городище в конце 1612 года[693]. В этой грамоте нет и намека на только что состоявшееся избрание. Трудно сказать, что это — случайное совпадение или попытка уходящих земских правителей успеть наградить тех, кто помог им сохранить власть после освобождения Москвы? Люди, собравшиеся на Красной площади, еще не знали о свершившемся выборе. Но, как убеждал своих читателей автор «Сказания» Авраамий Палицын, они готовы были принять только одного царя Михаила Федоровича: «И послаша их на Лобное место к вопрошению всего воиньства и всего народа о избрании царском. Собрану же тогда к Лобному месту всему сонму Московского государьства бесчисленно множество народа всех чинов, дивно же тогда сотворися. Неведующим бо народом, чесо ради собрании, и еще прежде вопрошениа во всем народе, яко от единех уст вси возопишя: "Михаил Федоровичь да будет царь и государь Московскому государьству и всеа Руския державы"»[694].

В официальных источниках конечно же не говорилось ни слова о принудительной присяге бояр. Наоборот, в грамоте в Казань и другие города подчеркивалось, что целованье креста совершилось «по общему всемирному совету» и «всею землею». Однако острое неприятие некоторыми боярами и участниками избирательного собора (в том числе временными управителями государства князем Дмитрием Трубецким и князем Дмитрием

Пожарским) кандидатуры Михаила Романова не укрылось от современников. «Повесть о земском соборе 1613 года» без палицынского пафоса говорила о том, что казаки сначала едва ли не силой заставили бояр целовать крест Михаилу Федоровичу, а потом сами же организовали присягу на Красной площади. Именно казаки оказались больше всего заинтересованными, чтобы не случилось никакого поворота и произошло воцарение Михаила Романова, на выборе которого они так настаивали: «Боляра же умыслиша казаком за государя крест целовать, из Москвы бы им вон выехать, а самим креста при казаках не целовать. Казаки же ведающе их умышление и принудиша им, боляром, крест целовать. И целоваша боляра крест. Также потом казаки вынесоша на Лобное место шесть крестов, и целоваша казаки крест, и прославиша Бога вси»[695].

В начале 1614 года в Новгороде сын боярский Никита Калитин рассказывал о расстановке сил при избрании царя Михаила Федоровича: «Некоторые князья, бояре и казаки, как и простые люди, знатнейшие из них — князь Иван Никитьевич Юрьев, дядя выбранного теперь великого князя, князь Иван Голицын, князь Борис Лыков и Борис Салтыков, сын Михаила Салтыкова, подали свои голоса за Феодорова сына и выбрали и поставили его своим великим князем; они теперь очень держатся за него и присягнули; но князь Дмитрий Пожарский, князь Дмитрий Трубецкой, князь Иван Куракин, князь Федор Мстиславский, как и князь Василий Борисович Черкасский, твердо стояли против и не хотели соглашаться ни на что, что другие так сделали. Особенно князь Дмитрий Пожарский открыто говорил в Москве боярам, казакам и земским чинам и не хотел одобрить выбора сына Феодора, утверждая, что как только они примут его своим великим князем, недолго сможет продолжаться порядок, но им лучше бы стоять на том, что все они постановили раньше, именно не выбирать в великие князья никого из своих одноплеменников»[696]. Позиция князя Дмитрия Пожарского была понятна, он должен был придерживаться договоренностей своего земского правительства о призвании королевича Карла Филиппа. Сейчас уже трудно сказать, когда наступил поворот в воззрениях князя Пожарского, но бесспорно, что кандидатура Михаила Романова утверждалась в острейшей политической борьбе. Этим и были вызваны рассказы о том, что бояр приходилось принуждать силой принимать присягу, необходимую для немедленной передачи власти новому царю.

Правительство «Совета всея земли» продолжало действовать и принимать решения. Грамоты от имени бояр князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и князя Дмитрия Михайловича

Пожарского выдавались в течение еще нескольких дней вплоть до 25 февраля[697]. Только с 26 февраля, по наблюдению историка Льва Михайловича Сухотина, раздачи поместий и назначения окладов служилым людям стали производиться «по государеву указу»[698]. Основанием для такого перехода власти было еще одно соборное решение 24 февраля — о посылке к Михаилу Федоровичу «на Кострому в вотчину его царского величества» представителей «всей земли» и принятии общей присяги избранному государю. Присяга царю Михайлу Федоровичу началась с 25 февраля, и с этого времени происходит смена власти. В города были направлены первые грамоты, сообщавшие об избрании Михаила Федоровича[699], а к ним прилагались крестоцеловальные записи. В текст присяги включили отказ от других возможных претендентов, обязывая всех служить «государю своему, и прямить и добра хотеть во всем безо всякие хитрости». Существует два варианта крестоцеловальной записи: краткая и пространная. В последней подробно говорится о запрете «ссылаться» с «Маринкой» и Иваном Заруцким, с «изменниками» боярами «Михалком» Салтыковым и князем Юрием Трубецким, а также со шведскими властями в Новгороде Великом[700].

В грамоте на Двину от 25 февраля 1613 года сохранились рукоприкладства, позволяющие увидеть, кто представлял временное земское правительство в последний момент его существования. Это были (по порядку) митрополит ростовский и ярославский Кирилл, архиепископ суздальский и тарусский Герасим, архиепископ рязанский Феодорит, епископ коломенский и каширский Иосиф, боярин князь Федор Иванович Мстиславский, боярин Федор Иванович Шереметев, боярин князь Иван Семенович Куракин и, на боярском месте, князь Дмитрий Михайлович Пожарский (подпись князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, как уже говорилось, отсутствует). Дальше шли подписи окольничих князя Данилы Ивановича Мезецкого, Никиты Васильевича Годунова, Федора Васильевича Головина, князя Ивана Меньшого Никитича Одоевского, боярина Андрея Александровича Нагого и Леонтия Ладыженского. «И вместо выборных людей» подписались дьяки московских приказов Дорога Хвицкой, Семен (Семейка) Головин, Иван Ефанов и другие, в том числе служивший «при Литве» на новом Земском дворе Афанасий Царевский, а также дворяне Торжка, Рязани, Одоева, Устюжны Железнопольской и Мценска. Еще одна красноречивая лакуна — среди рукоприкладств не было подписи Кузьмы Минина! Хотя эту грамоту на Двину 25 февраля подписали также бывшие в Москве монастырские власти и

посадские люди из Вологды, торопецкий стрелецкий сотник. О ком-то из них отмечено, что он «выборный человек», о других этого не сказано. На соборные заседания в столице, видимо, могли сходиться люди по случайному представительству от разных городов и уездов. Поэтому в грамоте говорилось об общей радости «выборных и не выборных людей» по случаю избрания в цари Михаила Федоровича[701].

После 25 февраля 1613 года из Москвы в Кострому отправилось посольство земского собора, чтобы получить согласие Михаила Романова на избрание на царство. Во главе посольства стояли рязанский архиепископ Феодорит, архимандриты московских монастырей — Чудова, Новоспасского и Симонова, келарь Троицесергиева монастыря Авраамий Палицын, бояре Федор Иванович Шереметев, князь Владимир Иванович Бахтеяров-Ростовский и окольничий Федор Васильевич Головин. В наказе от избирательного земского собора, выданном послам 2 марта 1613 года, говорилось о том, чтобы ехать им «в Ярославль, или где он, государь, будет»[702]. Как ясно из доверительной переписки с казанским митрополитом Ефремом, в Москве были хорошо осведомлены, что Михаил Романов находился в тот момент в Костроме. Однако по каким-то причинам указали только приблизительное направление похода.

Посольский наказ давал подробные инструкции боярину Федору Ивановичу Шереметеву и другим членам посольства, как они должны приветствовать царя Михаила Федоровича (о «многолетном здоровий спросить») и мать царя инокиню Марфу Ивановну. Архиепископ рязанский Феодорит должен был произнести речь, которая дословно повторяла грамоты об избрании Михаила Федоровича, отправлявшиеся в города с 25 февраля. В этой речи снова ссылались на пресечение «царского корени» и «общий земский грех», из-за которого царя Василия Шуйского «возненавидели и от него отстали». Впрочем, в речи архиепископа Феодорита содержались нюансы, указывавшие на важные смысловые изменения. Про короля Сигизмунда III говорилось, что он не просто «обманом завладел Московским государством», а «преступя крестное целованье». Так самому Михаилу Романову, который, будучи стольником, целовал крест королевичу Владиславу, легче было отказаться от своей прежней присяги, поскольку еще раньше его аналогичную запись нарушила польско-литовская сторона. Еще одно добавление в речи архиепископа Феодорита — о том, как «полских и литовских людей в Москву ввели обманом», тоже напрямую касалось Михаила Федоровича. Конечно, у многих оставался вопрос о поведении царского стольника и других высших чинов Государева

двора и Боярской думы в те годы, когда в столице распоряжались чиновники Речи Посполитой. Поэтому архиепископ Феодорит напоминал, что польско-литовские люди «бояр захватили в Москве силно и иных держали за приставы». Подобная участь, как известно, миновала стольника Михаила Романова, по освобождении Москвы мать увезла его из Москвы в свои родовые костромские земли. Напоминание о плене некоторых русских осадных сидельцев снимало неуместные вопросы о том, кто и где был, когда освобождали Москву.

Речь архиепископа Феодорита содержит новые данные о порядке созыва земского собора и его цели «обрать» царя, «кого Бог даст и кого всею землею оберут». Владыка должен был рассказать в Костроме инокине Марфе Ивановне и ее сыну, что из городов призвали «лутчих людей», которые должны были приехать в Москву, «взяв у всяких людей о государском обиранье полные договоры». Когда «из городов власти и выборные лутчие люди к Москве съехалися», то они «о государском обиранье мыслили многое время». В итоге было принято решение, «чтоб на Московское государство обрати государя из московских родов». Если в грамотах об избрании Михаила Федоровича говорилось: «многие соборы у нас были», то для речи, обращенной к царю, текст поправили: «…и о государеве обиранье Бога молили в соборне по многие дни». Послы земского собора, приехавшие в Кострому, должны были объявить, что 21 февраля состоялось решение об избрании «праведного корени блаженные памяти великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии племянника, тебя, государя Михаила Федоровича»[703].

Новоизбранного царя звали приехать в Москву, рассказывали о присяге ему, которую уже приняли «на Москве бояре, и околничие и всяких чинов люди». Послы сообщали также, что «изо многих городов» уже писали о том, что присяга проходит вполне успешно. Хотя это было все-таки преувеличение. Когда 2 марта они выезжали из Москвы, о том, как идет присяга новому царю Михаилу Федоровичу, еще не было известно. Одно из первых свидетельств было прислано в столицу только 4 марта из Переславля-Рязанского, где воевода Мирон Вельяминов привел к крестному целованью местных дворян и жителей города, а также несколько тысяч казанских и свияжских служилых татар, воевавших под его началом против Ивана Заруцкого. Правительство земского собора во главе с митрополитом Кириллом поспешило отправить отдельное известие об этом царю Михаилу Федоровичу в Кострому[704].

Дорога от Москвы до Костромы заняла у послов земского собора больше десяти дней. В Костроме они оказались «в

вечерню» 13 марта (спустя год после прихода туда нижегородского ополчения князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина). Крестный ход к Михаилу Романову, находившемуся в Ипатьевском монастыре, был назначен на 14 марта. После молебна в Успенском соборе Костромы участники земского собора взяли принесенные из Москвы образы московских чудотворцев Петра, Алексея и Ионы, а костромичи вынесли особо чтимый ими чудотворный образ Федоровской иконы Божьей Матери[705]. Процессия двинулась крестным ходом через весь город в Ипатьевский монастырь. «С третьяго часа дни и до девятого часа неумолчно и неотходно» молили послы и все собравшиеся люди Михаила Романова и инокиню Марфу Ивановну, чтобы они согласились принять царский престол. Отказываясь «с великим гневом и со слезами» от такой участи, будущий царь ждал того же, что и собравшиеся вокруг него. Михаил Романов должен был следовать не своим собственным желаниям, а получить подтверждение своей «богоизбранности», доказать всем, что происходящее было не обычным человеческим выбором. Когда царь Михаил Федорович впервые обратится с посланием в Москву к земскому собору и боярам, он напишет об этих решающих часах: «И мы, для чюдотворных образов Пречистыя Богородицы и московских чюдотворцов Петра и Алексея и Ионы, за многим молением и челобитием всего Московского государства всех чинов людей пожаловали, положилися на волю Божию и на вас, и учинилися государем царем и великим князем всеа Русии, на Владимерском и на Московском государстве и на всех великих государствах Росийскаго царствия, и благословение от Феодорита архиепископа резанского и муромскаго и ото всего освященнаго собора и посох приняли. А сделалося то волею Божиею и Московского государства всех вас и всяких чинов людей хотением, а нашего на то произволения и хотения не было»[706].

За строкою этих документов остались чувства матери инокини Марфы Ивановны, с неподдельным страхом опасавшейся потерять сына, которому вместе с царским венцом вручали разоренную и мятущуюся державу, совсем не успокоившуюся из-за многочисленных междоусобиц. Не случайно она укоряла жителей Московского государства в том, что они «измалодушествовалися» и «прежним московским государям, дав свои души, непрямо служили»[707]. Что переживал в тот момент юноша Михаил Романов, тоже можно представить. Он, конечно, не готовил себя к роли царя, но, повторяя путь отца, которого в свое время, в 1598 году, тоже прочили в русские цари, мог гордиться тем, что на этот раз шапка Мономаха была предложена одному из Романовых. Символично, что окончательный выбор

был сделан именно в Ипатьевском монастыре, столь тесно связанном с родом Годуновых. Так история примирила два рода, противостояние которых стало прологом Смуты.

Костромское посольство исполнило свою миссию и немедленно составило грамоту в Москву, в которой писало митрополиту Кириллу и всему земскому собору о согласии Михаила Федоровича принять царский престол. Грамоту от послов боярина Федора Ивановича Шереметева и архиепископа Феодорита поручили отвезти дворянину Ивану Васильевичу Усову и зарайскому протопопу Дмитрию (некогда помощнику князя Дмитрия Михайловича Пожарского в защите Зарайска). В руках этих гонцов на короткое время оказалась не просто фамота, они должны были возвестить в столице о конце «междуцарствия». Все ждали, что новый царь вернет страну к прежним временам, чтобы, как при царе Федоре Ивановиче, «Российское государство аки солнце сияло»[708]. Накануне праздника Благовещения 25 марта 1613 года[709] в Москве объявили о приезде гонцов из Костромы с долгожданными вестями о согласии Михаила Романова, принявшего царский престол от послов земского собора. Такое совпадение с великим церковным праздником не могло считаться случайным, и получение известия именно в этот день восприняли как еще один важный знак. Все люди, собравшиеся в тот момент для праздничной молитвы в Успенской соборной церкви Кремля, «руце на небо воздев», благодарили Бога, «яко едиными усты», зато, что дожили до этого дня.

Оставалось дождаться приезда в Москву избранного на земском соборе царя Михаила Романова. Сделать это новому самодержцу было непросто по прозаической причине весенней распутицы. Поэтому ожидание царя растянулось еще на полтора месяца. Сначала было решено перевезти юного царя Михаила Федоровича в Ярославль, куда царский поезд выехал из Костромы уже 19 марта. Две последние недели Великого поста царь Михаил Федорович провел в стенах Ярославского Спасского монастыря, под защитой более укрепленного и более населенного посада, в городе, где формировался «Совет всея земли», избравший нового царя. 4 апреля царь Михаил Федорович праздновал в Ярославле Пасху, после которой состоялся поход к столице. Дальнейшее хорошо известно из сохранившейся переписки Боярской думы с царем Михаилом Федоровичем о подготовке царской встречи. Напомним внешнюю хронологическую канву событий: в самой середине апреля царский поезд двинулся в Москву, провожаемый жителями города и начинавшими съезжаться отовсюду челобитчиками. 17—18 апреля царь Михаил Федорович

останавливался в Ростове, 22—23 апреля «стан» был в Переславле-Залесском, а 26 апреля нового царя встречали в Троицесергиевом монастыре. Троицкая остановка была самой важной перед торжественным вступлением царя Михаила Федоровича в Москву.

События, происходившие тем временем в Московском государстве, показывали, что Смута не завершилась окончательно. Между Думой и окружением царя Михаила Федоровича оставалась напряженность и возникали споры, хотя они и были глубоко скрыты за этикетными фразами царских грамот и отписок Боярской думы. Находясь на пути в Москву, царь Михаил Федорович сделал первые назначения воевод: из Ярославля «на немецких людей» к Тихвину были отпущены князь Семен Васильевич Прозоровский и Леонтий Вельяминов. Окружение царя продолжало внимательно следить за тем, как воюет Иван Заруцкий в рязанских и тульских землях. 19 апреля 1613 года на Коломну и Рязань и далее «на Зарутцкого и на черкас» был отправлен с войском воевода князь Иван Меньшой Никитич Одоевский[710]. Глава нового правительства боярин князь Федор Иванович Мстиславский торопился обнадежить царя вестями об успехах войска, преследовавшего казачьего атамана и Марину Мнишек с «царевичем» Иваном Дмитриевичем, все еще остававшимся претендентом на русский престол в глазах его сторонников.

Другая напасть — казачьи разбои и грабежи. На продолжавших «воровать» казаков жаловались многие дворяне, добиравшиеся из Москвы и в Кострому, и в Ярославль, и в другие места, где царь делал остановки на своем пути в столицу. Уже в Троице сергиевом монастыре были получены верные сведения о том, что казаки «переимали» дороги «на Мытищах и на Клязьме», напали на Дмитровский посад, то есть грабили и воевали именно на тех подмосковных дорогах, которыми предстояло идти в Москву царю Михаилу Федоровичу. Инокиня Марфа Ивановна не случайно «учинилась в великом сумненьи» и говорила «с гневом и со слезами» на соборе, устроенном 26 апреля 1613 года в Троицесергиевом монастыре с приехавшим наконец из Казани митрополитом Ефремом и членами костромского посольства. Царь Михаил Федорович и его мать отказались двигаться дальше к Москве. За стенами Троицесергиева монастыря они чувствовали себя, конечно, более защищенными. Новое боярское правительство даже не смогло обещать, что успеет приготовить к царскому приходу Золотую палату в Московском Кремле, «что была царицы Ирины» (жены царя Федора Ивановича). С приготовлением палат все-таки успели в срок, и торжественный

въезд царя в столицу состоялся 2 мая 1613 года.

Избрание на царство Михаила Романова завершило самый тяжелый этап Смутного времени, связанный с отсутствием законного и признаваемого всеми самодержца на русском престоле. Окончательную легитимность власть царя Михаила Романова получила в момент торжественного венчания на царство в Успенском соборе Московского Кремля 11 июля 1613 года. Главные воеводы земских ополчений князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, князь Дмитрий Михайлович Пожарский и Кузьма Минин участвовали в церемонии на почетных местах. Впоследствии ходило немало разговоров о так называемой ограничительной записи, выданной царем Михаилом Романовым Боярской думе при вступлении на престол. Но зная о настоящем характере московского самодержавия, можно не сомневаться в том, что никакой добровольной передачи власти Думе просто не могло быть. Любой шаг царя был прописан в «чине венчания» на царство, а там не оставалось места для тайных переговоров с боярами. К тому же это противоречило и едва достигнутому «всею землею» компромиссу с возвращением к прежним образцам царского правления. Для самого царя Михаила Федоровича могли существовать только те нравственные ограничения, о которых ему напоминал митрополит Ефрем. Обращаясь к царю, он говорил: «Боляр же своих, о благочестивый, боголюбивый царю, и вельмож жалуй и береги по их отечеству, ко всем же князьям и княжатам и детям боярским и ко всему христолюбивому воинству буди приступен и милостив и приветен, по царскому своему чину и сану; всех же православных крестьян блюди и жалуй, и попечение имей о них ото всего сердца, за обидимых же стой царски и мужески, не попускай и не давай обидети не по суду и не по правде»[711].

За годы правления Ивана Грозного и борьбы за трон, последовавшей с пресечением династии Рюриковичей, все уже забыли о таком понимании царской власти в Московском государстве. Юноша на троне — Михаил Романов должен был вернуть Российское царство на прежнюю дорогу. Только вокруг произошло столько перемен, что заставить людей жить так, как они жили раньше, было уже нельзя. И «государь», и «Земля» стали другими. Смутное время уже никогда не отпускало тех, кто его пережил.

# ЭПИЛОГ: «БЛАГОДАРНАЯ РОССИЯ»

Герои Смуты, каждый по-своему, остались в истории Отечества. Они всегда будут интересны своим подвигом, доказавшим необходимость и возможность действий простых, «младших» людей, если в них есть нравственная основа и стремление к освобождению своей родины. Такие притягательные и поучительные примеры придают силы в тяжелых исторических обстоятельствах. Но и в обычное время *«Благодарная Россия»,* как написано на памятнике Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве, помнит о их подвиге. Впрочем, выскажу крамольную мысль: если бы в 1818 году не поставили памятник Минину и Пожарскому на Красной площади, вряд ли сегодня, спустя четыреста лет после их подвига, мы вспоминали бы эти имена с подобающим патриотическим чувством!

Героический ореол тех, кого историческое самосознание народа возвело на пьедестал, ставит их образы и восприятие выше любой научной критики. Мифология всегда сильнее науки истории, и только воздействие ее законов заставляет нас без отторжения смотреть на соответствующие канонам классицизма римские лица, туники и вооружение князя Пожарского и Минина. Не случайно А. С. Пушкин в черновых набросках «Романа в письмах» (1829) обратил внимание на пафосную запись на монументе, изваянном по проекту скульптора Ивана Петровича Мартоса. В тексте этого пушкинского произведения герой с «прискорбием» вспоминал «уничижение наших исторических родов»: «Да какой гордости воспоминаний ожидать от народа, у которого пишут на памятнике: "Гражданину Минину и князю Пожарскому". Какой князь Пожарский? Что такое гражданин Минин? Был Окольничий (так у героя Пушкина, надо — стольник. — *В. К.)* князь Дмитрий Михайлович Пожарский и мещанин Козьма Минич Сухорукой, выборный человек от всего Государства. Но отечество забыло даже настоящие имена своих избавителей. Прошедшее для нас не существует! Жалкий народ!»[712]

Бытование образов героев Смуты, их восприятие в отечественной культуре, а также использование в пропагандистской мифологии заслуживают отдельного исследования. В той или иной мере, художественное отражение исторических образов влияет как на историков, так и на тех, кто обращается к прошлому в поисках поучительного примера.

Замечу только, что повторяющиеся попытки приспособления прошлого к преходящим целям идеологического расчета больше говорят не об истории, а о других временах. Минин и Пожарский, например, пришлись впору сначала идеологам «самодержавия, православия и народности» 1830-х годов. Тогда появилась пьеса молодого литератора Нестора Васильевича Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла», театральная премьера очень понравилась царю Николаю I, император щедро наградил автора. В булгаринской «Северной пчеле» опус Кукольника хвалили в таких выражениях, которые сегодня звучат как пародия: «дюжая, плечистая драма». Напротив, журналист и историк Николай Алексеевич Полевой написал разгромную рецензию на эту пьесу, поплатившись в 1834 году литературной судьбой издававшегося им журнала «Московский телеграф»[713].

Характерна насчитывающая целый век перекличка символов, шедших от традиций монархических книжек и «народных картинок» к кинематографу. Одним из самых заметных явлений советского предвоенного кино стал фильм режиссеров Вениамина Дормана и Всеволода Пудовкина «Минин и Пожарский», удостоенный Сталинской премии 1940 года. Этот масштабный опыт советского конструирования национальных героев свидетельствовал о повороте к национализму в пропаганде большевиков в конце 1930-х годов[714]. Книги о «великом деле» Минина и Пожарского появлялись и в годы Великой Отечественной войны, когда они оказались особенно востребованы. Но стоит все-таки различать искреннее стремление найти патриотические образцы и намеренное искажение истории в угоду политике.

Попытки внедрить мифологию вместо истории неистребимы. О живучести манипуляций с общественным сознанием, использующих историческое прошлое, свидетельствует и совсем недавний пример. Начинателями нынешнего праздника «народного единства», отсылающего к событиям Смуты и освобождения Москвы в 1612 году, был дан государственный заказ, реализованный в фильме режиссера Владимира Хотиненко «1612». Новый фильм должен был продолжить советскую практику кинематографических иллюстраций истории России, но подвиг князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина (вот примета времени — его почти нет в фильме) стал всего лишь фоном для произведения в жанре исторического «фэнтэзи». Образы нашего времени — князь Пожарский в исполнении брутального героя боевиков и пресловутый Кириша Минибаевич (комментарии, как говорится, излишни)!

Обычно продолжение биографии исторических героев,

переживших рубеж 1613 года, укладывается в стандартную фразу, которую можно встретить в энциклопедиях, о том, что дальше эти люди «активной политической роли не играли». А ведь жизнь продолжалась, герои прошедшей Смуты должны были соизмерять настоящее со своим прежним опытом и приспосабливаться к новым обстоятельствам. По своим заслугам в освободительном движении князь Дмитрий Трубецкой и князь Дмитрий Пожарский могли претендовать на место в ряду первых советников царя, но получили ли они его? Вопрос, оказывается, из разряда риторических, и это тоже достаточно характерно и поучительно для нашей истории.

Историческая память причудлива. Говорить о героях Смуты — значит говорить о героях гражданской войны, в которой победителей никогда не бывает. Несколько десятилетий спустя Симон Азарьин точно напишет об этом времени в «Книге о новоявленных чудесах преподобного Сергия Радонежского»: «Грады же вси в несогласии быша: овии к Поляком и к Литве приложишася и вместе с еретики за едино християнскую кровь проливающе; инии же к вором, к названым царевичем приложишася и тии тако же враги быша православным християном, не менши того кровь проливающе; инии гради Росийстии от Немец обладаеми быша; прочий же гради особ сташа, самоде-ржавъствоваше, а Московскому государству ни откуду помощи не бе: одолеша окаяннии еретицы»[715]. Кого в такой политической чересполосице можно было назвать героями? К власти в Московском государстве в 1613 году возвратились по преимуществу те же члены Боярской думы, кто избирал некогда королевича Владислава на русский престол, кто провел все дни осады столицы в самом Кремле, поддерживая борьбу против Минина и Пожарского. Из-за царских бояр случились все потрясения, приведшие к необходимости создания земских ополчений, и им же была возвращена власть! Стоит ли удивляться тому, что уже вскоре после начала правления царя Михаила Федоровича князь Дмитрий Михайлович Пожарский хотя и получит боярский чин, но окажется «выданным головою», то есть наказанным в местническом споре с родственником воцарившихся Романовых. Еще один избавитель Отечества и несостоявшийся русский царь — боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой — сначала будет отослан из столицы с войском под Великий Новгород, а впоследствии назначен на воеводство в далекий Тобольск, где и окончит свои дни. Судьба бывшего выборного «боярина Московского государства» и казачьего предводителя Ивана Заруцкого оказалась самой незавидной: его казнили после безуспешных попыток привлечь на

свою сторону. Может быть, в обстоятельствах земной, а не героической жизни этих «замечательных людей» Смуты слышна древняя история о человеческой неблагодарности? Конечно, и она тоже, но чаемые всеми уроки Смуты всегда связаны с нелегким нравственным выбором. Ведь герои сначала живут обычной жизнью, и только потом возникает необходимость выделить их из ряда других участников исторических событий.

История значительно сложнее наших представлений о ней. Герои Смуты действительно сделали великое дело. Кто захочет, тот запомнит состоявшиеся исторические уроки и сделает выводы на будущее. Только они, эти уроки, будут совсем не простыми или выгодными власти, заказывающей удобную ей мифологию. В самом начале книги приводились слова великого историка Ключевского о «добрых, но посредственных» людях, выводивших Русское государство из Смуты. Что же произошло с ними, что заставило «юных», по слову Кузьмы Минина, выступить впереди «старейших»? Возможно, ответ на этот вопрос нашел ученик Василия Осиповича — историк Алексей Иванович Яковлев, подчеркнувший, что люди начали очищение с себя, с устранения собственной вины в молчании и потакании всем действиям власти: «Прояснение в руководящих элементах русского общества идеи ответственности сделалось, вероятно, поворотным моментом в развитии событий Смуты… Навсегда останется скрытым для нас, *как* переживали эти чувства и мысли люди, поднявшиеся в ту пору на защиту родины, — Ляпуновы, Дионисии, Пожарские, Минины и тысячи других русских людей, не писавших, даже не говоривших, а действовавших и умиравших за свой народ и свою страну… В Смуту русские люди поняли, что политический и общественный порядок находится *и на их попечении и совести…»* Далее, от осознания своей вины — «домолчались!» — следовал переход к тому, чтобы самим восстанавливать «политический порядок»[716]. «Наша первая Смута, как никакая другая, показала всю опасность социального эгоизма и небрежения элиты к интересам всех остальных сословий и социальных групп»; «взаимная ответственность общества перед властью и власти перед обществом» — так формулируются сегодня историками уроки Смуты[717]. Ибо в сложные исторические эпохи особенно востребованными становятся простые правила честной жизни. Не случайно в молитвах, с которыми ополчение двинулось на освобождение Москвы, просили: «смирение миру… и всей земле соединение, и братство, и любовь, и целомудрие, да поживем в преподобии и правде»[718]. Многие люди предпочли жертву награде и не изменили себе; им было уже тогда хорошо известно, что «на лжи

жизнь не построить» и спрашивать надо прежде всего с себя. Так и родились идеи общего земского дела в защиту «веры и отечества», участия Земли в главных делах Российского царства, ставшие основой для появления уже в другие времена не коллективной, а личной ответственности граждан. Остается понять, почему так непросто было вернуться к «тишине и покою» и как найти потерявшуюся в Смуту русскую правду…

# ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ПЕРИОДА «МЕЖДУЦАРСТВИЯ», СВЯЗАННЫЕ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ЗЕМСКИХ ОПОЛЧЕНИЙ И ВЫБОРАМИ ЦАРЯ МИХАИЛА РОМАНОВА

***1610**, 17 (27) августа* — заключение договора с гетманом Станиславом

Жолкевским о призвании на русский престол королевича Владислава.

*7(17) октября* — приезд под Смоленск посольства во главе с митрополитом Филаретом и боярином князем Василием Васильевичем Голицыным.

*11 (21) декабря* — убийство Лжедмитрия II в Калуге.

***1611**, январь—февраль* — земское движение по организации Первого ополчения.

*19 марта* — пожар в Москве.

*Конец марта* — приход под Москву отрядов Первого ополчения во главе с Прокофием Петровичем Ляпуновым, князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким и Иваном Мартыновичем Заруцким.

*3 июня* — падение Смоленска под ударами польско-литовского войска короля Сигизмунда III.

*30 июня* — Приговор Первого земского ополчения.

*16—17 июля* — штурм Великого Новгорода войсками Якоба Делагарди.

*Июль* — успешная осада Первым ополчением всех ворот и башен Белого города, возвращение Новодевичьего монастыря.

*22 июля* — убийство казаками главного воеводы Первого ополчения Прокофия Петровича Ляпунова.

*25 июля* — договор Великого Новгорода со шведами.

*Сентябрь—октябрь* — начало сбора нового земского ополчения в Нижнем Новгороде во главе с князем Дмитрием Михайловичем Пожарским и Кузьмой Мининым.

*Октябрь* — успешная оборона Троицесергиева монастыря войсками Первого ополчения.

***1612**, март* — присяга казацких «таборов» под Москвой «Псковскому вору» Сидорке — Лжедмитрию III.

*Конец марта* — переход отрядов нижегородского ополчения в Ярославль.

*Апрель—июль* — деятельность земского «Совета всея земли», переговоры с Новгородским государством о кандидатуре шведского королевича Карла Филиппа на русский престол, сбор сил ополчения.

*Конец июля* — уход казаков Ивана Заруцкого из подмосковных «таборов»; начало похода ополчения князя Дмитрия Михайловича Пожарского и Кузьмы Минина из Ярославля под Москву.

*21—24 августа* — бои с литовским гетманом Карлом Ходкевичем. *Сентябрь* — создание правительства объединенного ополчения князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и князя Дмитрия Михайловича Пожарского.

*22—26 октября* — бои за освобождение Москвы.

*26—27 октября* — вход в Москву войск объединенного ополчения под предводительством князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и князя Дмитрия Михайловича Пожарского.

*Ноябрь* — рассылка грамот о созыве избирательного земского собора.

*6 декабря* — первый срок созыва выборных в Москву

***1613**, 6 января* — второй срок созыва выборных на собор в Москву

*21 февраля* — избрание Михаила Романова на Московское царство.

*26 февраля* — прекращение полномочий «Совета всея земли».

*14 марта* — прибытие посольства избирательного земского собора в Кострому, получение согласия Михаила Романова и инокини Марфы Ивановны на выбор царя.

*Конец июня — начало июля* — бои с Иваном Заруцким под Воронежем.

*11 июля* — венчание Михаила Федоровича на царство, пожалование чином боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского.

*12 июля* — пожалование чином думного дворянина Кузьмы Минина.

# ИЛЛЮСТРАЦИИ

*Чудотворная икона Казанской Божьей Матери*

*Царь Борис Годунов. Портрет из «Титулярника» 1672 г.*

*Царь Василий Шуйский. Портрет из «Титулярника» 1672 г.*

*Спасские Водяные ворота Китай-города. XVII в. С картины А.М. Васнецова*

*Лжедмитрий I и Марина Мнишек. Портреты из Вишневецкого замка. 1605 г.*

*Смутное время. С картины С. В. Иванова*

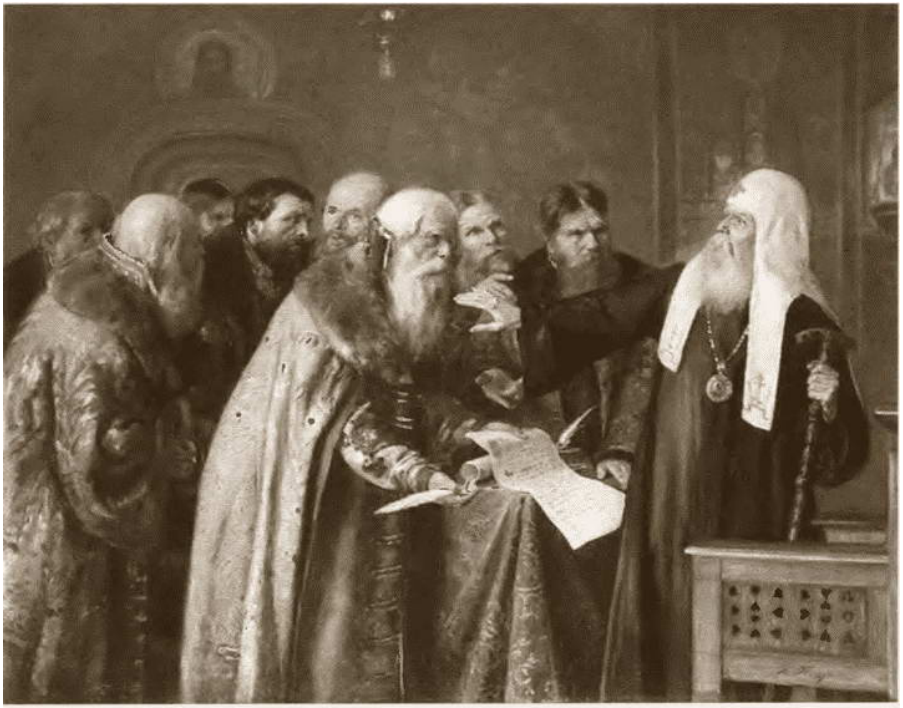
*Король Сигизмунд III. Художник Томазо Долабелла*

*Представители польской знати. Голуховская таблица. 1620 г. Национальный музей в Познани*

***Битва под Клушином С картины Шимона Богуша. 1610 г.***

***Королевич Владислав***

*Патриарх Гермоген. Изображение из Чудова монастыря. Внизу: собственноручная подпись патриарха Гермогена*



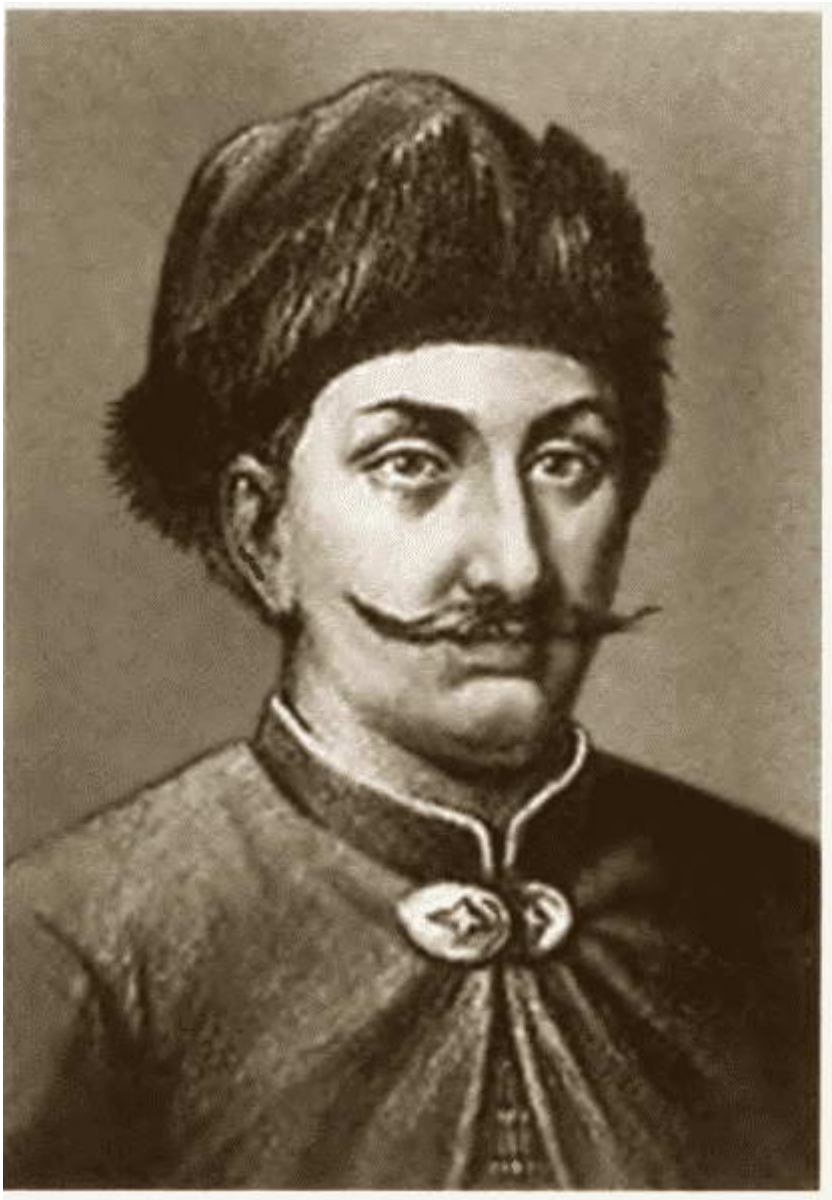
***Патриарх Ермоген (Гермоген) отказывается подписать грамоту о роспуске ополчения. С картины П. И. Геллера***

*Подземелье Чудова монастыря — место заточения патриарха Гермогена*

*Патриарх Гермоген. Икона*

*Гробница патриарха Гермогена в Успенском соборе Московского Кремля. Фото 1912 г.*

***Прокофий Ляпунов***



*Иван Заруцкий. Позднейшие изображения*

***Никольские ворота Китай-города***

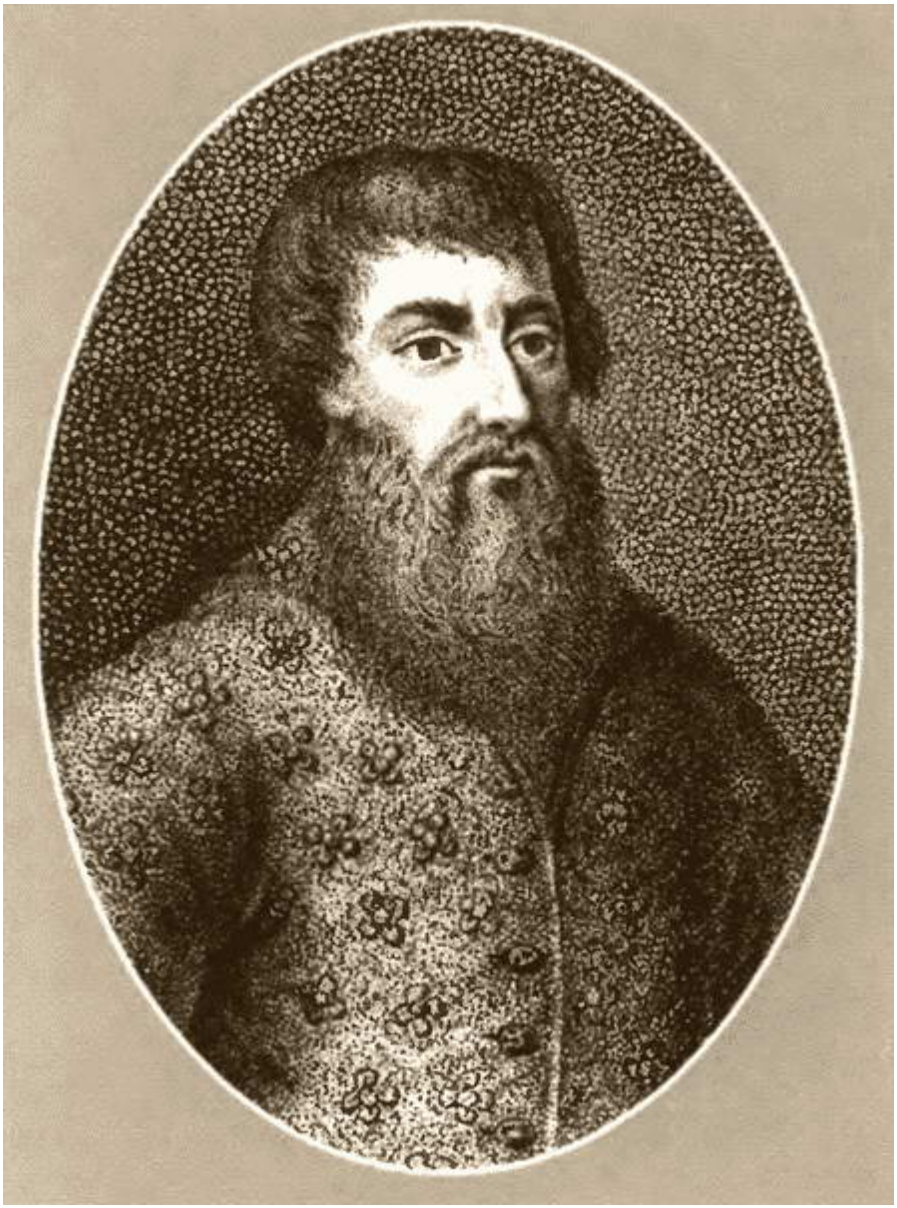
*Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Парсуна XVII в.*

*Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский встречает шведского воеводу Якоба Делагарди близ Новгорода. Гравюра Ю. Шюблера с рисунка Р. Штейна*

*Шведский медальон с изображением герцога Карла Филиппа*

*Якоб Делагарди*

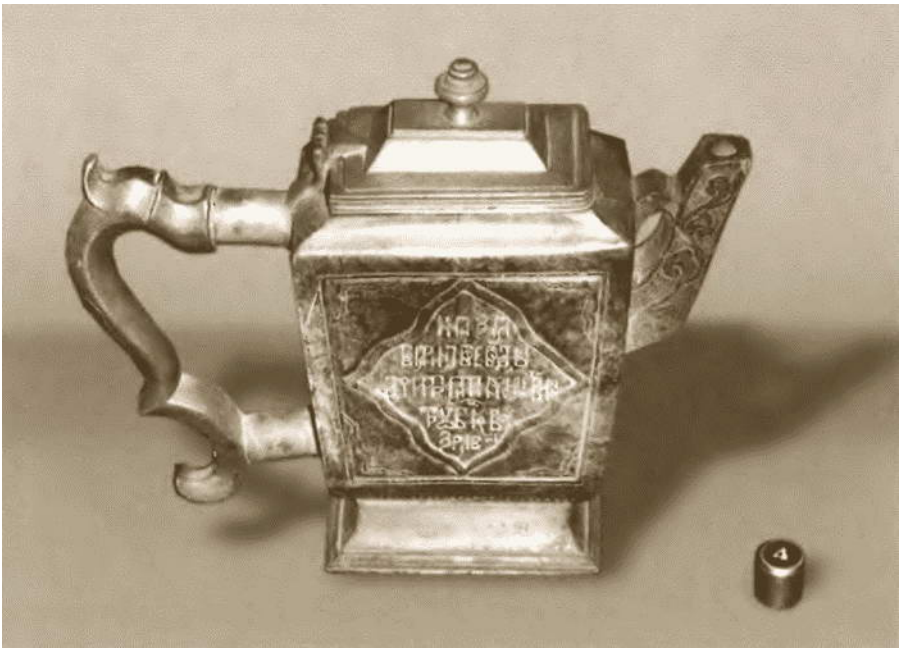
*Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский разрывает грамоту послов Ляпунова о призвании на царство. Гравюра Ю. Барановского по рисунку Н. Лоренца*



*Боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой. Гравюра А. Афанасьева*

*Надгробные плиты Дмитрия Тимофеевича и Тимофея Романовича Трубецких в Троице-Сергиевой лавре*

*Грамота Трубецкому 1613 года. Фрагмент*



*Казан князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого*

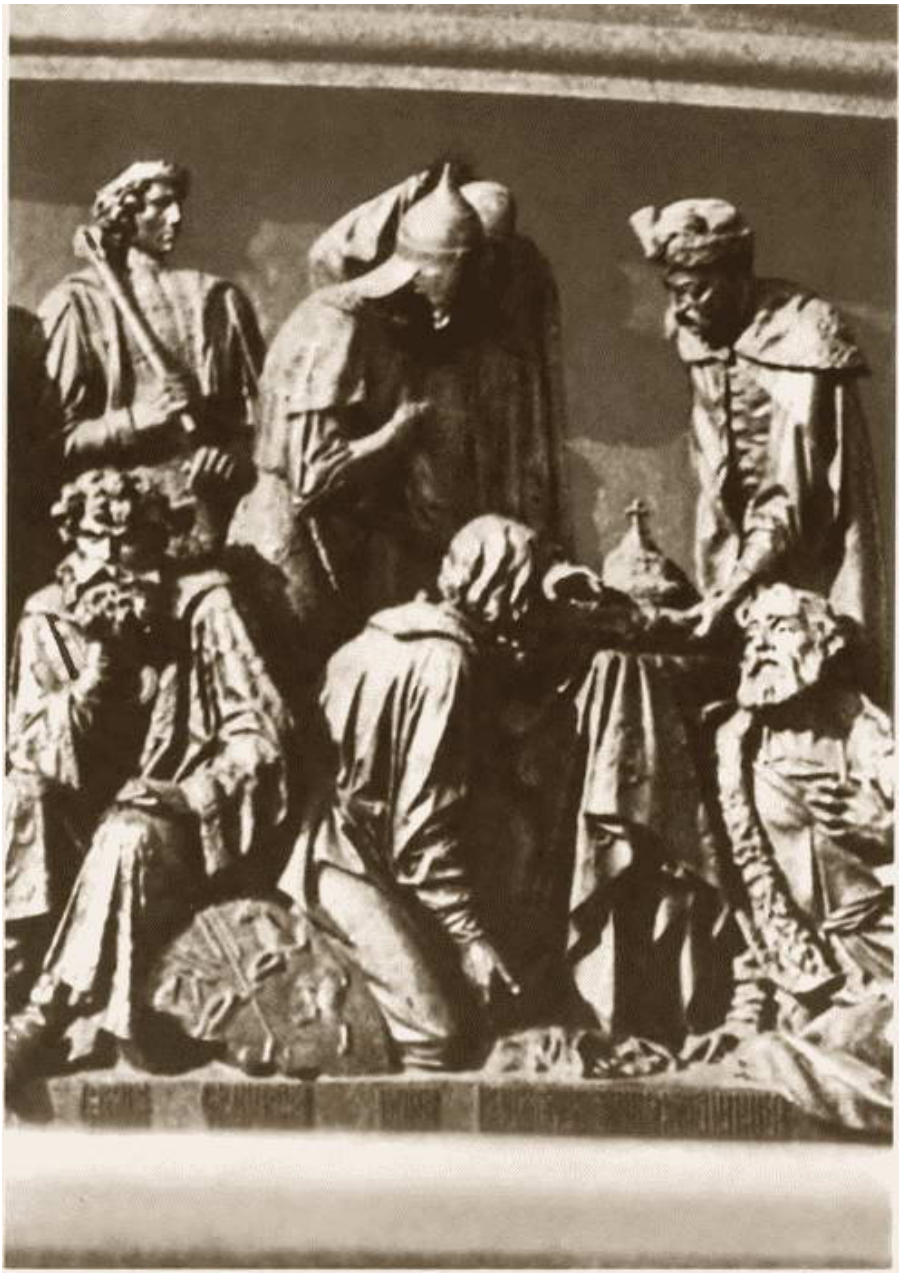
***Думный дьяк Иван Тарасьевич Грамотин***

*Архимандрит Троицкой лавры Дионисий вместе с келарем Авраамием Палицыным диктуют грамоту о собрании народного ополчения. С картины В.М. Васнецова*

*Келарь Авраамий Палицын*

***Троицкий архимандрит Дионисий***

*Трощесергиева лавра. С картины Э. Лисснера*

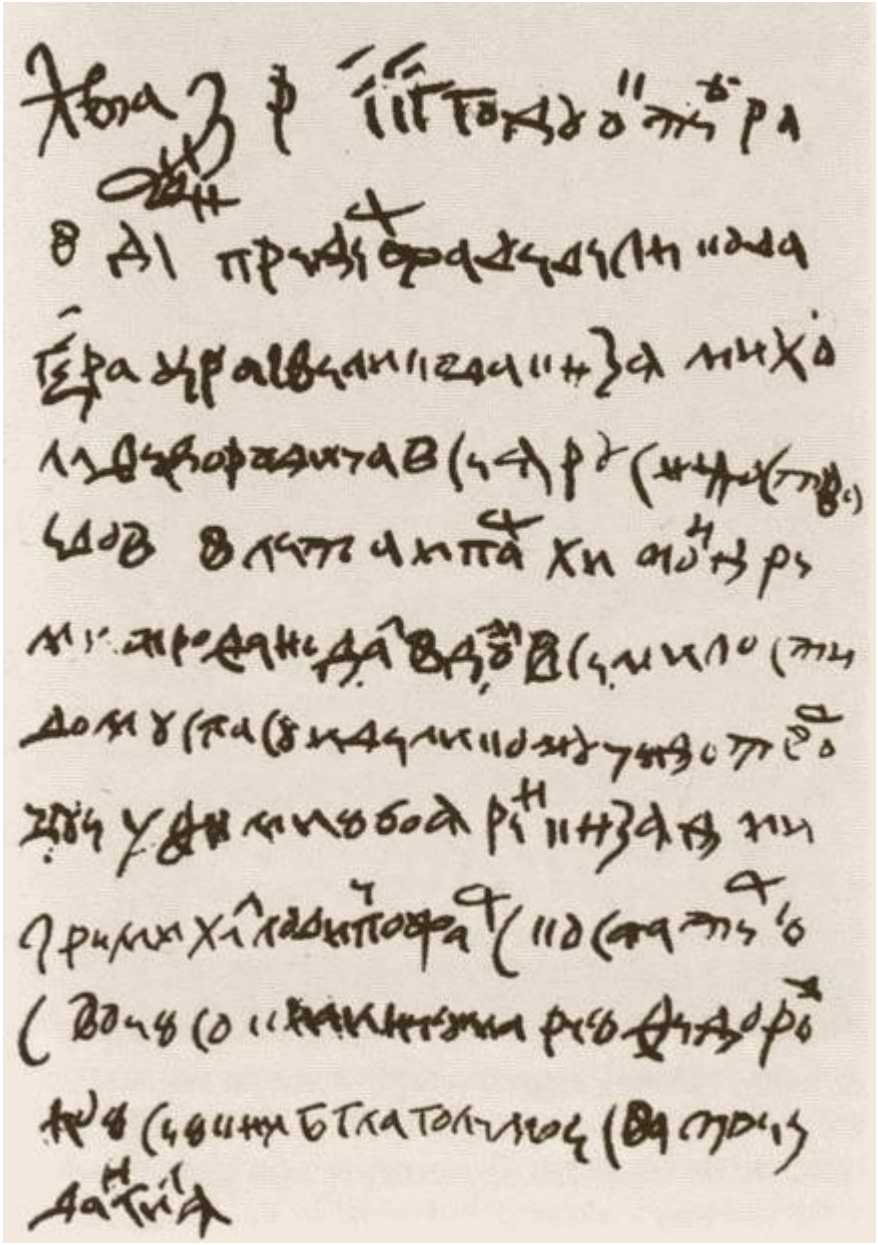


***Государственные люди России.***

***Фрагмент памятника «Тысячелетие России» в Великом Новгороде. М.О. Микешин. 1862 г. Слева направо: Ермак, князь Михаил Скопин-Шуйский, Кузьма Минин, князь Дмитрий Пожарский, Авраамий Палицын, Богдан Хмельницкий, Иван Сусанин***

***Князь Дмитрий Михайлович Пожарский***

*Минин и Пожарский в 1612 году. С картины М.И. Скотты*



*Вкладная запись князя Д.М. Пожарского на Евангелии, пожертвованном им в суздальский Спасоевфимиев монастырь. 1614 г.*

*Седло князя Д. М. Пожарского*

*Надгробные плиты отца и матери князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Суздаль. Спасоевфимиев монастырь*

*Кузьма Минин*

*Сабли Минина и Пожарского*

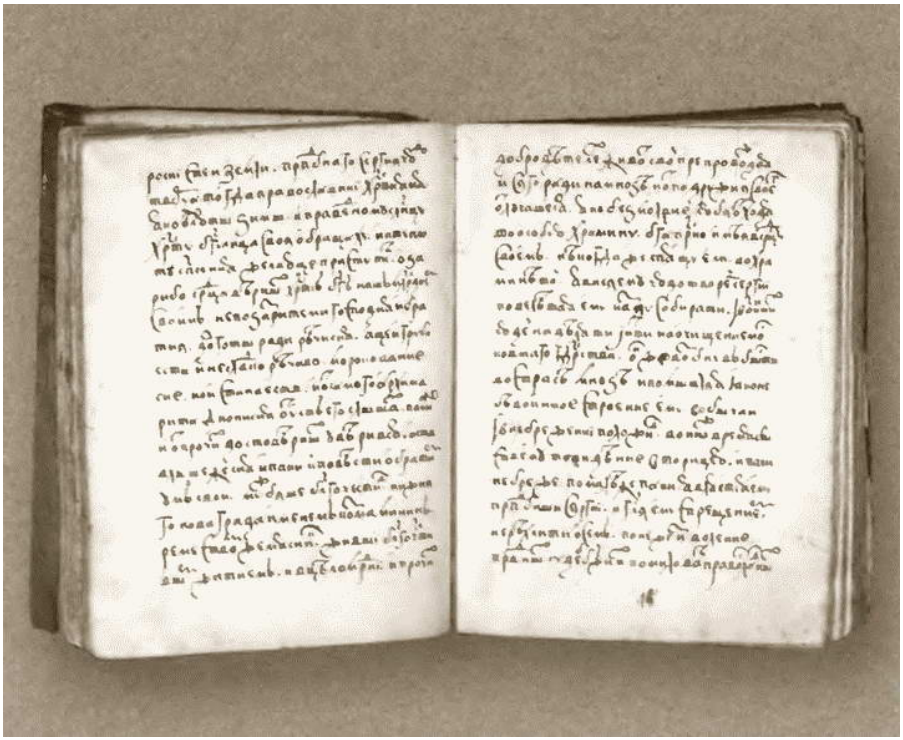
*Воззвание Кузьмы Минина к нижегородцам. С картины М.И. Пескова*

***Князь Дмитрий Михайлович Пожарский***

***Больной князь Пожарский принимает посланцев из Москвы. С картины В. Котарбинского***

*Видение Козьмы Минина. Гравюра Ю. Шюблера с оригинала М. В. Нестерова*

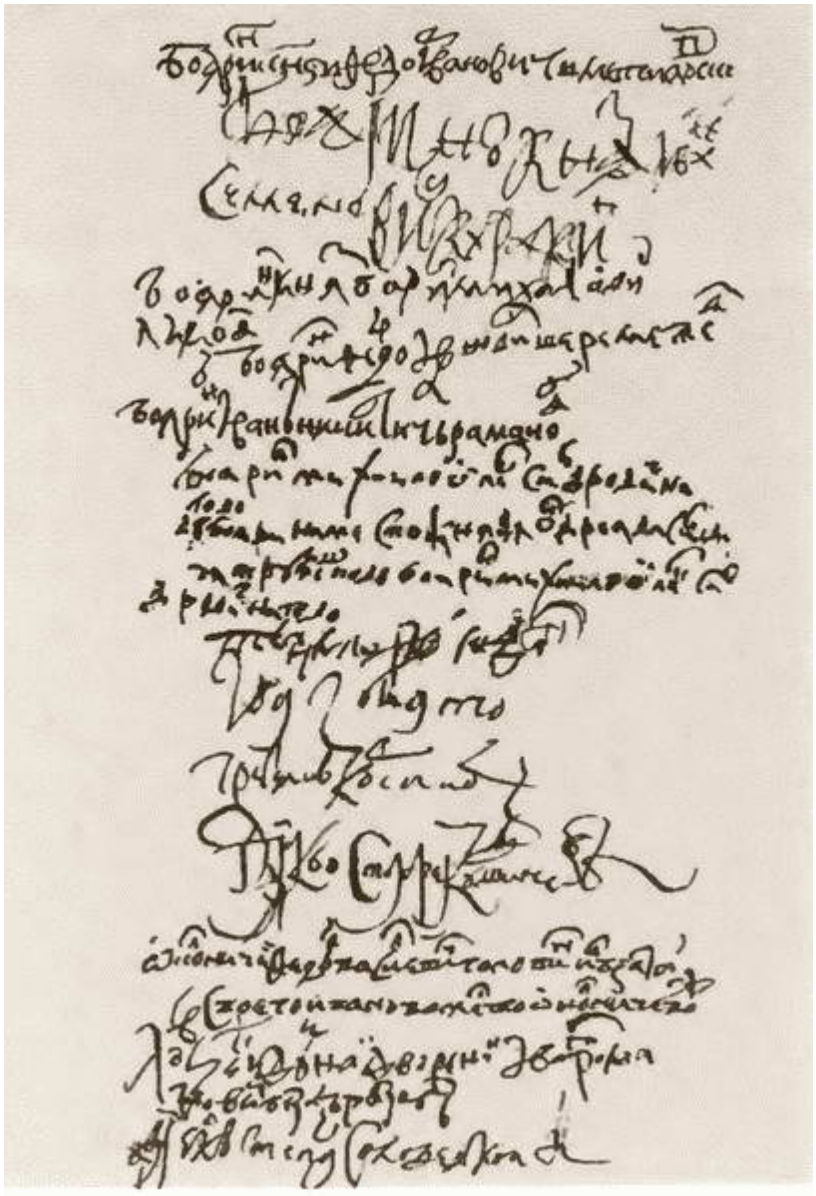
***Станислав Жолкевский***



***Симон Азарьин. Книга о новоявленных чудесах Сергия Радонежского. Известие о видении Кузьме Минину. Российская государственная библиотека***

*Ян Петр Сапега*

***Ян Карл Ходкевич***



*Подписи членов московской Семибоярщины на грамоте от 25 января 1612 года*

***Знамя князя Дмитрия Михайловича Пожарского***

*Изгнание поляков из Кремля. С картины Э. Лисснера*

*Печать царства Казанского. С грамоты 1596 г.*

***Вид Казани. Гравюра из книги Адама Олеария***

***Царь Михаил Федорович***

*Утвержденная грамота 1613 года. Фрагмент*

*Исуповское болото*

*Смерть Ивана Сусанина. С картины Б. Зворыкина*

***Ярославль. Часовня Казанской иконы Божьей Матери, установленная в память об ополчении Минина и Пожарского***

***Часовня над гробницей Минина в Преображенском соборе Нижнего Новгорода, Фото конца XIX в.***

*Обелиск Минину и Пожарскому в Нижнем Новгороде. Фото автора*

***Мавзолей Пожарского в Суздале***

***Памятник князю Пожарскому в Спасоевфимиевом монастыре в Суздале. Фото автора***

*Памятник Минину и Пожарскому в Москве. Фото конца XIX в.*

ISBN 978-5-235-03555-3

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

**notes**

# Примечания

# 1

*Пушкин А. С.* Письмо П.Я. Чаадаеву, 19 октября 1836 г., Петербург// Пушкин: Письма последних лет, 1834—1837. Л., 1969. с. 155—156. Электронная публикация «Фундаментальная электронная библиотека "Русская литература и фольклор" (ФЭБ)»: http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/ selected/ppl/ppl-1532.htm

## 2

*Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 3 // *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. М., 1988. т. 3. с. 58.

# 3

*Попов А.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции (далее — Изборник…). М., 1869. с. 241.

# 4

Родословная книга князей и дворян российских и выезжих… которая известна под названием Бархатной книги. М., 1787. 4.1—2. с. 231—235.

*Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. с. 418.

С.Б. Веселовский считал его «родоначальником известной рязанской фамилии Ляпуновых». См.: *Веселовский С.Б.* Ономастикой. М., 1974. С.190.

Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966. с. 340.

# 8

Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века (далее — АСЗ) / Сост. А.В. Антонов. М., 2008. т. 4. № 497. с. 370, 373; *Мордовина С.И, Станиславский А.Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. с. 165; *Никитин А.О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. К 400-летию создания Первого ополчения под предводительством П.П. Ляпунова. Сборник трудов Всероссийской научной конференции. Рязань, 2011. с. 173.

## 9

См.: *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. с. 113—117.

# 10

Разрядная книга 1559-1605 гг. М., 1974. с. 301-302.

## 11

См.: *Федоров А.Ф.* Материалы к истории с. Исад, Спасского уезда, Рязанской губернии, бывшей вотчины бояр Ляпуновых// А.Ф. Федоров. Сборник спасских краеведов. Спасск, 1927. с. 5, 11 (Труды Спасского от деления Общества исследователей Рязанского края. Вып. I); *Козляков В.Н.* Род дворян Ляпуновых в XVI—XVII веках// Четвертые Яхонтовские чтения. Рязань, 2008. с. 368—378. Кстати, этот источник фиксирует имя деда Прокофия Ляпунова — Савва и тем самым подтверждает версию происхождения Ляпуновых от Саввы Семеновича Ляпунова.

*Станиславский А.Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI-XVII веков. М., 2004. с. 267-268.

# 13

Разрядная книга 1559—1605 гг. с. 349—350.

Возможно, что упоминание о их участии в этом заговоре вызвано стремлением летописца «связать» между собой события 1605 и 1610 годов, когда князь Василий Голицын и Михаил Глебович Салтыков снова сыграют важную роль в текущей политической борьбе.

## 15

См.: Новый летописец // Полное собрание русских летописей (да лее — ПСРЛ). М., 1910. с. 64.

# 16

Изборник… с. 328.

## 17

См.: *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова. 1606—1607 гг. М., 1951; Восстание И. Болотникова: Документы и материалы / Сост. А.И. Копанев, А.Г. Маньков. М., 1959; *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России. М., 1975: *Скрынников Р.Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988; *он же.* Спорные проблемы восстания Болотникова // История СССР. 1989. № 5. с. 92— 110; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601 — 1608: Сб. документов. М., 2003; *Козляков В.Н.* Смута в Рос сии. XVII век. М., 2007. с. 200-208.

## 18

Новый летописец. с. 72. Ср.: *Князьков С.Е.* Материалы к биографии Истомы Пашкова и его рода // Археографический ежегодник за 1985 г. М., 1986. с. 68—71; *Лаврентьев Л.В.* Епифань и Верхний Дон в XII— XVII вв. Очерки истории русской крепости на Куликовом поле. М., 2005. с. 123-124, 131-132.

# 19

Изборник… с. 331.

# 20

Там же. с. 332.

# 21

Новый летописец. с. 73.

АСЗ. М., 1998. т. 2. № 254. с. 230.

## 23

Изборник… с. 335; *Козляков В.Н.* Василий Шуйский. М., 2007 (серия «ЖЗЛ»). с. 137-139.

АС 3.Т. 4. № 271. с. 201.

Там же. № 272. с. 202.

АСЗ. М., 2002. т. 3. № 553. с. 483.

## 27

АС 3.Т. 2. № 480. с. 413; *Никитин Л.О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы… с. 178—179.

# 28

АС 3.Т. 4. №277. с. 206.

## 29

Речь, вероятно, идет о хлебе и других припасах, перевозившихся на судах по Оке из вотчины Прокофия Ляпунова села Исады в Переславль-Рязанский.

# 30

*Веселовский С.Б.* Новые акты Смутного времени. Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611 — 1613 гг. М., 1911. № 11. с. 16-17.

## 31

См.: Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (да лее — СПбИИ РАН). Колл. 110. Оп. 1. Д. 66 (1); Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук / Под ред. Н.А. Попова. СПб., 1890. т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571—1634. №289. с. 317-318.

# 32

АС 3.Т. 4. №274. с. 203.

## 33

См.: Изборник… с. 340; Новый летописец. с. 79, 91-92.

АС 3.Т. 4. № 276. с. 205.

Там же. №277. с. 206.

*Яковлев А.И.* «Безумное молчание» (Причины Смуты по взглядам русских современников ее) // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. Ч. 2. М., 1909. с. 651-678.

Новый летописец. с. 92—93.

## 38

*Гневушев А.М.* Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г.). М., 1914. № 68. с. 80. См. подробнее: *Козляков В.Н.* Василий Шуйский. с. 203.

# 39

Новый летописец. с. 92—93.

## 40

Федор был одним из четырех сыновей Григория Ляпунова; два его старших брата, по родословной росписи, помещенной в «Бархатной книге», погибли: Степан «убит под Михайловым», а Яков «убит под Зарайским». Обстоятельства смерти Якова Григорьевича Ляпунова неизвестны, однако большинство таких записей в родословных рязанских дворян связаны с памятным поражением в 1608 году объединенной рати рязанцев и арзамассцев от Лисовского в Зарайске в 1608 году. См.: *Козляков В.Н.* Род дворян Ляпуновых… с. 368—378.

# 41

Новый летописец. с. 97.

# 42

Там же.

# 43

Там же. с. 98-100.

См.: Изборник… с. 347.

## 45

Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871. с. 68-70.

Изборник… с. 346.

# 47

Там же. с. 200.

*Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. М., 1937. с. 346-347.

## 49

См.: *Скрынников Р.Г.* Московская семибоярщина // Вопросы истории. 1973. N° 2. с. 209—213; *он же.* Царство террора. СПб., 1992. с. 83; *Ананьев В.Г.* Семибоярщина (1610—1612 гг.). Состав и политическая судьба: Автореф. дис…. канд. ист. наук. СПб., 2007.

Записки гетмана Жолкевского… с. 70.

Изборник… с. 346; Новый летописец. с. 99.

# 52

Сказание Авраамия Палицына // Русская историческая библиотека, издаваемая императорской Археографической комиссией (далее — РИБ). СПб., 1909. т. 13. Стб. 1185 (Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. 2-е изд.).

Новый летописец. с. 100.

# 54

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — АЗР). СПб., 1851. т. 4 (1588-1632). т. 4. № 209. с. 475.

Записки гетмана Жолкевского… с. 78—79.

Там же. с. 74-75, 86-87.

# 57

Сказание Авраамия Палицына / Подг. текста и коммент. О.А. Державиной и Е. В. Колосовой. М.; Л., 1955. с. 208. См. также: РИБ. т. 13. Стб. 1187.

Новый летописец. с. 103.

## 59

Записки гетмана Жолкевского… Приложения. № 34. Стб. 101 — 102.

РИБ. т. 1. СПб., 1872. Стб. 695.

## 61

См.: *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. с. 264—265.

АЗР. т. 4. № 183. с. 360, 384,400; *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России… с. 331.

## 63

См.: *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты… с. 356—357. Взгляд современных польских исследователей на то, «как войска гетмана оказались в Москве», представлен в работе Томаша Бохуна. См.: *Бохун М.* Поляки в Кремле. Факты и мифы // Мининские чтения. 2008. Нижний Новгород, 2010. с. 84-87.

## 64

См.: Записки гетмана Жолкевского… с. 90—91. По сообщениям гетмана Станислава Жолкевского под Смоленск, войско Яна Сапеги двинулось к Боровску и Калуге 17 (27) сентября 1610 года. См.: РИБ. т. 1. Стб. 678.

## 65

См.: *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция… с. 320—321.

РИБ. т. 1.С. 680-682.

*Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция… с. 554.

## 68

Переговоры о входе польско-литовского гарнизона в Москву начались 26 сентября. См.: Записки гетмана Жолкевского… с. 89—90; *Флоря Б.Я.* Польско-литовская интервенция… с. 259—261.

# 69

АЗР. т.1 с.10.

РИБ. т. 1. Стб. 691-692.

См.: *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты… с. 358.

АЗР. т. 4. с. 481; Сборник Русского императорского исторического общества (далее — Сб. РИО). М., 1913. т. 142. с. 395.

## 73

См.: РИБ. т. 1. Стб. 716; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты… с. 358-359.

По мнению С.Ф. Платонова, известное дело Василия Бутурлина возникло сразу после ареста князя Ивана Воротынского и князя Андрея Голицына, когда в Москву был введен немецкий отряд, среди которого и начал свою агитацию Бутурлин. См.: *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты… с. 367.

## 75

Согласно «Запискам» гетмана Станислава Жолкевского, «Голицын упорно стоял на том, что он не имел никаких сообщений с Ляпуновым, сознаваясь в том, однако, что писал к патриарху, что его величество ко роль не хочет дать королевича Владислава и желает лучше сам быть государем». См.: Записки гетмана Жолкевского… с. 115.

Сб. РИО. т. 142. с. 395.

## 77

Записки гетмана Жолкевского… с. 114—115; *Флоря Б.Н.* Польско- литовская интервенция… с. 332.

Сб. РИО. т. 142. с. 215.

## 79

Исследователь Смуты Сергей Федорович Платонов датировал получение в Москве первых тайных писем от послов из-под Смоленска 30 октября. См.: *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты… с. 367.

Там же. с. 207.

## 81

См.: *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция… с. 331.

См.: Сб. РИО. т. 142. с. 197-209.

# 83

День 6 декабря 1610 года, когда праздновался «Никола Зимний», приходился на четверг. Видимо, поэтому С.Ф. Платонов датировал происшествие на дворе у патриарха 30 ноября — 1 декабря. См.: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее — СГГиД). М., 1819. т. 2. № 224. с. 490-491; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук (далее — ААЭ). СПб., 1836. т. 2. № 170. с. 292; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты… с. 366—368; *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция… с. 323—324.

Новый летописец. с. 106.

# 85

Передавая свой разговор с архиепископом Феодоритом, автор по вести «Словеса дней» пишет о себе: «Во градех резанских стратилатствующими доволно». Иван Хворостинин был рязанским воеводой еще в конце 1612 года. Но это значит, что он не мог участвовать в освобождении Москвы, о чем рассказывается в памятнике со слов очевидца. Ранее воеводой в Рязани вместе с Прокофием Ляпуновым (и при архиепископе Феодорите) служил в 116 (1607/08) году еще один «дукс Иван» — князь Иван Андреевич Хованский. Снова встретившись с архиепископом Феодоритом в Москве на избирательном земском соборе в 1613 году, он вполне мог расспросить его «о списании патриаршеском», так как собирал в это время разные сведения о кончине патриарха Гермогена. Вероятно, архиепископ Феодорит тоже должен был привезти с собой в Москву патриаршие послания — важное доказательство его участия в организации земского движения. Если автором повести под названием «Словеса дней» был князь Иван Андреевич Хованский, то снимается и труднообъяснимое противоречие, связанное с резкой критикой «законопреступника» — самозваного царя Дмитрия Ивановича, у которого, как известно, другой «дукс Иван» — князь Иван Андреевич Хворостинин был ближайшим советником. Выскажу предположение, что неизвестный переписчик, написавший об этой повести в конце XVII века, что «сие князь Иванова слогу Андреевича Хворостинина», ошибся, спутав князя Хворостинина с князем Хованским и невольно введя в заблуждение исследователей этого памятника. См.: *Белокуров С.Л.* Разрядные записи за Смутное время (7113-7121). М., 1907. с. 18; Изборник… с. 340; РИБ. т. 13. с. XVIII— XIX; Библиотека литературы Древней Руси. т. 14. Конец XVI — начало XVII века. СПб., 2006. с. 640, 750, 754; *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. с. 49.

См.: ААЭ. т. 2. № 185. с. 315.

## 87

См.: *Сухотин Л.* К вопросу о причастности патриарха Гермогена и князя Пожарского к делу первого ополчения // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг, 1917. с. 338. В.И. Корецкий обнаружил в составе Бельского летописца текст послания патриарха Гермогена и связал его написание с организацией земского движения в конце 1610-го — начале 1611 года. *Корецкий В.И.* Послание патриарха Гермогена // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1975. М., 1976. с. 22-26; ПСР Л.Т. 34. М., 1978. с. 259-260; *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция… с. 325—328. Недавно П.О. Горбачев возвратился к точке зрения Л.М. Сухотина о решающей роли П. Ляпунова в начале движения по созданию земского ополчения, отрицая какое-либо влияние патриарха Гермогена на эти события: *Горбачев П.О.* Патриарх Гермоген и Первое земское ополчение: штрихи к истории и историографии проблемы // История в подробностях. 2010. № 5. с. 54-57.

# 88

Решение об отпуске духовных лиц было принято 2(12) декабря. См.: Сб. РИО.Т. 142. с. 210.

# 89

СГГ и Д. т. 2. № 216. с. 478-479; РИБ. т. 1. Стб. 708. В ответном письме Сигизмунду III бояре писали, что получили грамоту от короля 23 декабря. Возможно, что дата указана по новому стилю. Василий Сукин и Сыдавной Васильев были отправлены сразу после аудиенции у короля под Смоленском 8(18) декабря, дорога до Москвы занимала несколько дней, тогда вероятнее всего дата 13 (23) декабря. Иначе трудно объяснить, как посланники из Москвы, привезшие просьбу отпустить на царство королевича и нужное королю обращение к защитникам Смоленска, прибыли в королевскую ставку уже к 24 декабря 1610 (3 января 1611) года. См.: РИБ. т. 1. Стб. 716-717.

Сб. РИО. т. 142. с. 212; СГГ и Д. т. 2. № 217. с. 480.

# 91

Сб. РИО.Т. 142. с. 215.

# 92

Там же.

*Козляков В.Н.* Марина Мнишек. М., 2005 (серия «ЖЗЛ»). с. 285.

*Гиршберг А.* Марина Мнишек. М., 1908. с. 337. См. также: *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция… с. 332.

См.: *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция… с. 333—334. Об истории Первого ополчения см.: *Шепелев И.С.* Вопросы государственно го устройства и классовые противоречия в первом земском ополчении // Сборник научных трудов Пятигорского государственного педагогического института. 1948. Вып. 2. с. 101—137; *он же.* Национально-освободительная борьба в Русском государстве в 1611 г. (Первое земское ополчение) // Из истории национально-освободительной борьбы в до революционной России. Волгоград, 1968. с. 3—137. См. также: *Горбачев П.О.* Прокопий Ляпунов — русский политический и военный деятель начала XVII в.: Автореф. дис…. канд. ист. наук. Курск, 1999; *он же.* Прокопий Ляпунов. Курск, 2002.

Новый летописец. с. 107.

ААЭ. т. 2. № 179. с. 307—308. См.: *Флоря Б.Н.* Прокопий Ляпунов и Сигизмунд III // Славянский альманах. 2000. М., 2001. с. 42—51; *он же.* Польско-литовская интервенция… с. 334, 342—343.

СГГ и Д. т. 2. № 228. с. 497.

Там же. № 229. с. 499.

# 100

ААЭ. т. 2. № 179. с. 305.

# 101

В грамоте из Нижнего Новгорода в Вологду сообщали, что 27 января патриарх прислал в Нижний Новгород дополнительно две грамоты: «одну ото всяких московских людей, а другую, что писали из-под Смоленска Московские люди к Москве». Пересылка патриархом Гермогеном этих известных публицистических посланий, вдохновлявших жителей Московского государства на восстание, именно через Нижний Новгород очень показательна. (См.: СГГ и Д. т. 2. № 226. с. 493-495; № 227. с. 495-496; ААЭ. т. 2. №176. с. 298-301.)

См.: *Козляков В.Н.* Политическое наследие Смутного времени: земские советы и ополчения // Смутное время начала XVII в. Проблематика, методы, концептуальные подходы. Ярославль, 2009. с. 22—35.

# 103

При публикации в «Собрании государственных грамот и договоров» грамота была датирована по дате получения в Нижнем Новгороде 31 января 1611 года, однако документ был составлен на несколько дней раньше. См.: СГГ и Д. т. 2. № 228. с. 497-498, № 229. с. 500; ААЭ. т. 2. №176. с. 298.

# 104

ААЭ. т. 2. № 183. с. 313; № 188. с. 323; *Любомиров П.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939. с. 290.

# 105

ААЭ. т. 2. № 179. с. 307. *Кабанов А.Ю.* Казачий атаман Андрей Захарович Просовецкий — один из организаторов Первого ополчения // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века… с. 143—149.

Сб. РИО. т. 142. с. 217-218.

См.: Там же. с. 233, 236.

См.: *Эскин Ю.М.* Пожарский и Ляпунов // Смутное время и земс кие ополчения в начале XVII века… с. 11—18.

## 109

Сб. РИО. т. 142. с. 238. Современный польский историк Томаш Бохун тоже пришел к заключению, что действия Александра Госевского носили «превентивный» характер ввиду подхода к Москве войск ляпуновского ополчения. См.: *Бохун М.* Поляки в Кремле. Факты и мифы. с. 87-90.

## 110

См.: Новая повесть о преславном Российском царстве // Библиотека литературы Древней Руси. т. 14. с. 170, 172.

# 111

Авраамий Палицын был участником многих событий Смуты. Он происходил из дворянского рода, многие представители которого служили по Кашину. Повторяющиеся в биографиях Палицына сведения о его рождении в селе Протасьеве рядом с Ростовом основаны на поздних «семейных преданиях» других дворян Палицыных, владевших этим селом в конце XVIII века. В 1570—1580-х годах Аверкий Иванович Палицын служил в Москве среди рядовых детей боярских московского служилого «города». После расформирования этого чина Палицын попал в опалу в 1588 году Спустя несколько лет принял постриг в Соловецком монастыре, затем вместе с группой соловецких монахов был переведен в Троицесергиев монастырь. С 1608 по 1620 год — келарь Троицесергиева монастыря (согласно монастырскому уставу он был главным правителем дел всего Троицесергиева монастыря). На годы начала его келарства пришлась знаменитая осада Троицесергиева монастыря войсками Яна Сапеги и другими сторонниками Лжедмитрия II. (См.: *Кедров с.* Авраамий Палицын. М., 1880. с. 10; Справочный энциклопедический словарь. СПб., 1847. т. 1. с. 45; *Титов А.А.* Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда. М., 1885. с. 471—472; Десятни Московского уезда 7086 и 7094 гг. / Публ. Е. Д. Сташевского // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее — ЧОИДР). 1911. Кн. 1. с. 16, 19, 30; Сказание Авраамия Палицына; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). СПб., 1992. с. 140—141; *Солодкин Я.Г.* Авраамий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Часть 1. А—З. СПб., 1992. с. 36—44; *Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV—XVII вв. // Русский дипломатарий. М., 2002. Вып. 8. с. 300—301; *Панченко О.В.* Из истории культурных связей Соловецкого и Троицесергиева монастырей в первой половине XVII в.: троицкий келарь Александр Булатников // Труды Отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) (далее — ТОДРЛ). СПб., 2004. т. 55. с. 488—490; *Тюменцев И.О.* Оборона Троицесергиева монастыря в 1608—1610 гг. М., 2008. См. также: *Скворцов Д.* Дионисий Зобниновский, архимандрит Троицкогосергиева монастыря (ныне Лавры). Тверь, 1890. с. 67-102.)

ААЭ. т. 2. № 190. с. 329-330.

## 113

Новый летописец. с. 109; *Арсений Елассонский.* Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. М., 1998. с. 191.

# 114

См.: Народное движение в России в эпоху Смуты… № 200. с. 339.

## 115

Изборник… с. 351—352. Роспись воевод ополчения, вставших «подле каменново Белово города», приведена также в «Новом летописце». Некоторые детали росписи хронографа и летописца полностью сов падают. Например, автор «Нового летописца» тоже писал, что Прокофий Ляпунов «с ратными людьми» стоял «у Яузских ворот». Известие, со гласно которому отряды боярина князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и Ивана Заруцкого «сташа против Воронцовского поля», а воевода окольничий князь Василий Федорович Мосальский командовал войска ми ополчения не у Сретенских, а у Тверских ворот, возможно, отразили последующее распределение войска, ближе к лету 1611 года. См.: Новый летописец. с. 109.

*Мархоцкий Николай.* История Московской войны / Подг. публ. Е. Н. Куксиной. М., 2000. с. 92; Народное движение в России в эпоху Смуты… № 200. с. 340; *Мирский С.В.* Бои польского гарнизона Москвы с войсками Первого земского ополчения по мемуарам М. Мархоцкого // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века… с. 28—37.

## 117

См.: Dziennik Jana Piotra Sapiehy // *Hirschberg A.* Polska a Moskwa w pierwszej polowie wieku XVII. Zbior materialow do historyi stosunkow polsko rossyjskich za Zygmunta III. We Lwowie, 1901. S. 307. Новейшее издание памятника вышло в свет, когда настоящая рукопись была сдана в печать, поэтому ссылки в тексте оставлены на публикацию А. Гиршберга. См.: Дневник Яна Петра Сапеги (1608—1611) / Сост. И.О. Тюменцев, М. Яницкий, Н.А. Туликова, А.Б. Плотников. М.; Варшава, 2012 (Па мятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. т. 9).

# 118

ААЭ. т. 2. № 185. с. 315-316.

# 119

Там же. № 188. с. 319-320.

Там же. № 185. с. 315.

# 121

Там же. № 188. с. 319-320.

Там же. № 185. с. 316. См. также: *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты… с. 379.

# 123

Новый летописец. с. 112.

# 124

Документ обнаружен польским исследователем Иеронимом Гралей. Цит. по: *Тюменцева Н. Е., Тюменцев И.О.* Переписка сапежинцев с руководством первого земского ополчения и П. Ляпунов в документах архива Я. Сапеги // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века… с. 26. См. также: Русский архив Яна Сапеги: опыт реконструкции и источниковедческого анализа / Изд. подг. И.О. Тюменцев, С.В. Мирский, Н.В. Рыбалко, Н.А. Туликова, Н.Е. Тюменцева. Волгоград, 2005. с. 98; *Козляков В.Н.* Марина Мнишек. с. 290. Отвечая позднее на упреки короля Сигизмунда III о вступлении в переговоры с «неприятелем», послы сапежинцев на варшавском сейме в сентябре 1611 года объясняли, что гетман Сапега «начал вести эти переговоры с русскими, объявив, что ему это дозволили ваше величество, и так как ваше величество поставили его нашим начальником, то мы и не допытывались у него об этом деле». См.: РИБ.Т. 1.Стб. 244-245, 271.

# 125

См.: Новый летописец. с. 112.

Б.Н. Флоря, напротив, видит в Приговоре 30 июня 1611 года прежде всего отражение политических идей «дворянского сословия», служилых людей, оттеснивших все другие чины от участия в «Совете всея земли» и сделавших свой выбор в пользу «сильной центральной власти». Такой власти, которая не ограничивается «какими-либо выборными органами» и опирается на «исконную политическую элиту». Наверное, в целом такие настроения возвращения к временам Ивана Грозного действительно существовали. Однако в статьях Приговора присутствует решение не одних, условно говоря, «дворянских» вопросов; в нем сделана попытка устройства казаков, посадских людей и даже крестьян. Скорее, те, кто в Приговоре говорил о власти бояр, избираемых землею, высказывали уже давно возникшее в Смуту «стремление к порядку как при прежних государях бывало», а не были заняты поиском некой сильной власти, которой сословия добровольно отдают свое право на управление страной. Ср.: *Флоря Б.Н.* О Приговоре Первого ополчения // Исторические записки. М., 2005. №8 (126). с. 109-110.

## 127

О структуре управления в Первом ополчении см. новейшие труды Д.В. Лисейцева и Н.В. Рыбалко: *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009; *он же.* Синтез управленческих структур I и II Народных ополчений//Смутное время и земские ополчения в начале XVII века… с. 60—73; *Рыбалко Н.В.* Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М., 2011. с. 401—409; *она же.* Приказная система управления в первом ополчении // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века… с. 54—59.

# 128

См. подробнее: *Лихачев Н.П.* Земская печать Московского государства в смутное время // Нумизматический сборник. М., 1915. т. 3. с. 263-283.

# 129

См.: *Станиславский А.Л.* Первая крестьянская война в России и правительственная политика по отношению к вольному казачеству // Проблемы социально-экономической истории феодальной России: К 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР С.В. Бахрушина. М., 1984. с. 235-247.

# 130

Интересны пометы Н.М. Карамзина, в списке Приговора отметившего заинтересовавшие его слова, свидетельствующие о положительных стремлениях составителей этого документа, в том числе: «раздать беспоместным и разоренным», «и у тех поместей не отымать. А у которых жен и детей нет…», «и насильства никоторого по городам», «и душегубство чинили и про то сыскивать всякими мерами», «а на то устроить Разбойный и земский приказ», «без земского и всей земли приговору», «служба в забвенье не была». См.: Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. F. IV. 341. Л. 2—9; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1843. Кн. 3 (Т. 9-12). Примечания к т. 12. Гл. 5. Стб. 138—144; *Забелин И.Е.* Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1901. с. 260—268; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты… с. 381-390.

## 131

См.: *Александров С.В.* Смоленская осада. 1609—1611. М., 2011. с. 250-253.

# 132

См. подробнее: *Козляков В.Н.* Прокофий Ляпунов и Ян Сапега в 1611 году // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 4 (в печати); *Тюменцева И. Е., Тюменцев И.О.* Переписка сапежинцев с руководством первого земского ополчения и П. Ляпунов в документах архива Я. Сапеги… с. 19-27.

# 133

Новый летописец. с. 111; РИБ. т. 1. Стб. 245-250.

# 134

Сб. РИО. т. 142. с. 274.

# 135

ААЭ.Т.2.№ 183. с. 315.

Новый летописец. с. 113—114; *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005. с. 119—140; *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. с. 352—356.

## 137

Сб. РИО. т. 142. с. 274. Об обстоятельствах политической борьбы этого времени, связанных с несостоявшейся попыткой избрания шведского королевича на русский престол, см. труд Германа Андреевича Замятина, написанный еще в 1918 году, но опубликованный полностью лишь недавно: *Замятин Г.А.* Из истории борьбы Швеции и Польши за московский престол в начале XVII века. Падение кандидатуры Карла Филиппа и воцарение Михаила Федоровича // *Замятин Г.А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / Сост. Г.М. Коваленко. СПб., 2008. с. 31—242. См. также: *он же.* К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол (1611—1616 гг.). Юрьев, 1913.

# 138

Сб. РИО. т. 142. с. 274.

# 139

СГГ и Д. т. 2. № 264. с. 553; Арсеньевские шведские бумаги. 1611 — 1615 гг. // Сборник Новгородского общества любителей древностей. Новгород, 1911. Вып. 5. с. 3—11; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты… с. 420—421; *Варенцов В. А., Коваленко Г.М.* В составе Московского государства: Очерки истории Великого Новгорода конца XV — начала XVIII в. СПб., 1999. с. 37—45; *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. с. 140—161; *Коваленко Г.М.* Якоб Делагарди в России; Кандидат на престол // *Коваленко Г.М.* Кандидат на престол. Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI— XX вв. СПб., 1999. с. 47-56, 57—68; *Седов П.В.* Захват Новгорода шведа ми в 1611 году// Новгородский исторический сборник. Вып. 4 (14). СПб.; Новгород, 1993. с. 116-127.

Изборник… с. 350-352.

# 141

Новый летописец. с. 113.

*Мархоцкий Николай.* История Московской войны… с. 94.

# 143

Изборник… с. 350-352.

# 144

Сб. РИО. т. 142. с. 294.

# 145

Николай Михайлович Карамзин в «Истории государства Российского», сообщая о гибели Прокофия Ляпунова, написал, что его тело «осталось, может быть, без Христианского погребения». Некоторое время бытовала версия о захоронении Ляпунова в Рязанском Облачинском монастыре, располагавшемся рядом с вотчиной Ляпуновых в селе Исады. В 1837 году была опубликована так называемая «Рукопись Филарета», которая была известна Н.М. Карамзину только по неполной копии. Там со держалось известие о погребении Прокофия Ляпунова в церкви Благовещения на Воронцовом поле (церковь в перестроенном виде существует до сих пор). Точное место захоронения останков главного воеводы Первого ополчения в Троицесергиевой лавре установил В.М. Ундольский в 1846 году. Могила Прокофия Ляпунова оказалась под часовней, построенной над Успенским кладезем в 1644 году. См.: *Быстрое И.П.* Краткое сведение о месте погребения Прокопия Николаевича (так в книге. — *В. К.)* Ляпунова. СПб., 1835; *Ундольский В.М.* Новые разыскания о месте погребения Прокопия Ляпунова//ЧОИДР. 1846. № 2. с. 24—32; *Федоров А.Ф.* Материалы к истории с. Исад Спасского уезда, Рязанской губернии, бывшей вотчины бояр Ляпуновых. с. 5—11; О месте погребения Прокофия Ляпунова (от редактора) // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века… с. 322-324.

Записки гетмана Жолкевского… с. 116—117.

# 147

*Мархоцкий Николай.* История Московской войны. с. 85—86.

# 148

См.: *Гурлянд И.Я.* Романовские мурзы и их служилые татары // Труды Второго Областного Тверского археологического съезда 1903 го да. Тверь, 1906. Отд. 2. с. 5—16; *Трепавлов В.В.* История Ногайской орды. М., 2001. с. 291; *он же.* Конь боевой и романовский полушубок // Родина. М., 1997. № 3-4. с. 109-112.

# 149

Разрядная книга 1475-1605. М., 1984. т. 3. Ч. 1. с. 54-62.

# 150

См.: Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.) / Подг. к печати В.В. Трепавлов. М., 2003. с. 19.

## 151

См. подробнее: *Тюменцев И.О.* Лжедмитрий I и вольные казаки Днепра, Дона, Терека и Яика // Вестник Южного научного центра РАН. 2006. т. 2. №4. с. 81-88.

Новый летописец. с. 61, 65.

## 153

См.: *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова. 1606—1607. М., 1951. с. 508.

# 154

РИБ.Т 1.Стб. 121.

# 155

*Буссов Конрад.* Московская хроника // Хроники Смутного времени. М., 1998. с. 95.

*Смирнов И.И.* Восстание Болотникова… с. 466.

## 157

См. напр.: *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М., 2008. с. 154—160.

*Буссов Конрад.* Московская хроника. с. 97.

# 159

См.: *Мархоцкий Николай.* История Московской войны… с. 34.

## 160

См.: РИБ. т. 1. Стб. 130; *Тюменцев И.О.* Смутное время в России… с. 207-213.

# 161

*Мархоцкий Николай.* История Московской войны… с. 34. См.: *Козляков В.Н.* Василий Шуйский. с. 163, 165.

# 162

РИБ. т. 1. Стб. 137; *Тюменцев И.О.* Смутное время в России… с. 257.

# 163

См.: РИБ. Т. 1. Стб. 136.

*Мархоцкий Николай.* История Московской войны… с. 53.

# 165

*Титов Л.Л.* Записки Станислава Немоевского. 1606—1608. М., 1907. с. 281-282. См. также: Dziennik Jana Piotra Sapiehy… S. 185—186.

См.: Dziennik Jana Piotra Sapiehy… S. 187; *Тюменцев И.О.* Смутное время в России… с. 261.

# 167

РИБ.Т. 1.Стб. 141, 152.

Dziennik Jana Piotra Sapiehy… S. 265.

# 169

Грамота написана по жалобе на насильства литовских людей атамана Степана Ташлыкова. См.: Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № 12. LXX. с. 76—77; Dziennik Jana Piotra Sapiehy… S. 245-250; *Тюменцев И.О.* Смутное время в России… с. 368.

*Мархоцкий Николай.* История Московской войны… с. 60. См. так же: *Тюменцев И.О.* Смутное время в России… с. 520.

# 171

Записки гетмана Жолкевского… Приложения. № 27.

Dziennik Jana Piotra Sapiehy… S. 265.

## 173

*Буссов Конрад.* Московская хроника… с. 138; *Тюменцев И.О.* Смутное время в России… с. 560.

## 174

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее — АИ). СПб., 1841. т. 2. № 307. с. 364-365; *Козляков В.Н.* Марина Мнишек. с. 272—273.

## 175

См.: *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России… с. 321,335,360.

# 176

Dziennik Jana Piotra Sapiehy… S. 296,298; А И.Т. 2. № 144. с. 166-167.

## 177

Его послание было отправлено не ранее 24 января (3 февраля) 1611 года, которым датировался упомянутый в грамоте приезд князя Д.М. Черкасского к Сапеге из Калуги. См.: ААЭ. т. 2. № 182. с. 310—311; Русский архив Яна Сапеги… с. 97—98.

СГГ и Д. т. 2. № 228. с. 498.

# 179

ААЭ.Т.2.№182.С. 312.

Dziennik Jana Piotra Sapiehy… S. 300—301.

# 181

РИБ.Т. 1.Спб. 225-226.

# 182

АИ.Т. 2. №318. с. 375.

# 183

Dziennik Jana Piotra Sapiehy… S. 301.

Ibid. S. 304-306, 328-329.

# 185

Сборник князя Хилкова. № 12. LXXI. с. 77-79.

АИ.Т. 2. № 319. с. 375-376.

## 187

Грамота князя Д. Т. Трубецкого (если она и была) не сохранилась, а начало грамоты П. П. Ляпунова утрачено, поэтому, к сожалению, нельзя сравнить титулатуру земских воевод.

См.: Там же. № 328. с. 394.

# 189

Ср.: Там же. № 319. с. 375; Сборник князя Хилкова. № 12. LXXI. с. 77.

# 190

Сборник князя Хилкова. № 12. LXXI. с. 78.

# 191

СГГ и Д. т. 2. № 203. с. 123; АИ.Т. 2. № 319. с. 376; РИБ. т. 1. Стб. 238—239, 242; Dziennik Jana Piotra Sapiehy… S. 307—308.

Новый летописец. с. 112.

# 193

Сказание Авраамия Палицына. с. 217.

Новый летописец. с. 114.

# 195

Изборник… с. 351.

Там же. с. 353.

# 197

*Долинин Н.П.* Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611 — 1612 гг. Харьков, 1958. с. 71-72.

# 198

*Арсений Елассонский.* Мемуары из русской истории. с. 192.

# 199

Новый летописец. с. 113, 132—133.

# 200

Сб. РИО.Т. 142. с. 295.

# 201

См.: Народное движение в России в эпоху Смуты… с. 340; РИБ. т. 1. Стб. 251-252, 279; РИБ. т. 1. Стб. 251.

Пискаревский летописец // ПСР Л.Т. 34. М, 1978. с. 217.

*Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в… с. 54— 77; *Солодкин Я.Г.* Движение И. Заруцкого и Воронежский край (Историографический очерк) // Общественная жизнь в Центральной России в XVI — начале XX в.: Сб. научных трудов. Воронеж, 1995. с. 16—25; *Лаврентьев А.В.* Епифань и Верхний Дон в XII—XVII вв. с. 146—155.

*Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столбцы Печатного приказа). М., 1915. с. 6.

## 205

Об обстоятельствах борьбы с Иваном Заруцким весной 1613 года см.: *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России… с. 68—71.

*Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича… с. 107, 173.

## 207

После пленения и казни Ивана Заруцкого, как писал Н.П. Долинин, в русских источниках появилась версия о том, что он был «черкашенин», то есть принадлежал к запорожскому казачеству. См.: *Долинин Н.И.* К разбору версии правительства Михаила Романова о И.М. Заруцком // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. с. 138—146. См. так же: *Козляков В.И.* Марина Мнишек. с. 301—316.

Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А.В. Антонов. М., 2011. с. 161-162.

# 209

См.: *Павлов А. И* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове… с. 160—162; *Флоря Б.Н.* О родовом землевладении князей Трубецких во второй половине XVI — начале XVII века // Архив русской истории. М., 2002. т. 7. с. 102-106.

Он умер 5 января 1602 года и был похоронен в родовом некрополе князей Трубецких в Троицком соборе Трубчевска. См.: *Левенюк В.* 77. Надгробия князей Трубецких // Советская археология. 1960. № 1. с. 245—253.

# 211

*Мордовина С.И., Станиславский А.Л.* Состав особого двора Ива на IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. с. 186— 187; *Павлов А. И* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове… с. 33, 41, 50, 135, 160-162.

*Павлов А. И* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове… с. 58, 68.

# 213

Разрядная книга 1475-1605. М., 2003. т. 4. Ч. 2. с. 17.

# 214

В родословной князей Трубецких, составленной П.Н. Петровым в 1886 году, сообщалось, что князь Тимофей Романович, как и его брат, «постриглись в монашество», однако очевидно, что речь шла только о принятии схимы. См.: Надписи, имеющиеся в Свято-Троицкой Сергиевой лавре внутри и вне церквей на стенах и на гробницах царских и про чих знатных фамилий и других разных званий и чинов // Древняя российская вивлиофика. М., 1791. Вып. 16. с. 319; *Петров И.Н.* История родов русского дворянства: В 2 кн. М., 1991. Кн. 1. с. 333.

# 215

*Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове… с. 161 — 162.

*Станиславский А.Л.* Труды по истории Государева двора… с. 382.

*Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время… с. 83.

*Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора… с. 294; Родословная книга князей и дворян российских и выезжих… Ч. 1. с. 46.

# 219

Надписи, имеющиеся в Свято-Троицкой Сергиевой лавре… с. 319.

# 220

Родословная книга князей и дворян российских и выезжих… 4.1. с. 45.

*Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время… с. 88, 98, 145.

Там же. с. 121, 174,248.

# 223

Сб. РИО. т. 137. М., 1912. с. 482.

# 224

Список сторонников царя Василия Шуйского (Новая находка в Шведском государственном архиве) / Публ. И.О. Тюменцева // Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994. с. 318.

## 225

Встречаются и другие записи, в которых отъезд князя Дмитрия Трубецкого датирован 24 июня, однако приходится признать ее ошибкой переписчика. *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время… с. 177, 254.

Изборник… с. 341.

*Тюменцев И.О.* Смутное время в России… с. 223—225.

Новый летописец. с. 79—80.

*Тюменцев И.О.* Смутное время в России… с. 244.

# 230

АИ.Т.2. №103.С. 134.

# 231

Андрей Палицын в это время был совсем молодым человеком; он впервые упомянут на службе в десятне Деревской пятины 1605/06 года среди новиков. В дальнейшем Андрей Федорович Палицын войдет в состав посольства к королю Сигизмунду III под Смоленск, будет участником земских ополчений и воеводой в царствование Михаила Федоровича. См. подробнее: Родословная роспись дворян Палицыных / Публ. С.П. Мордовина, А.Л. Станиславский // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. с. 276-291; *Рабиновичи. Н.* Андрей Федорович Палицын в смутное время // Российская история. 2011. № 3. с. 120—126; *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. с. 499.

# 232

В тексте документа ошибочно напечатано «базман» вместо гетман. См.: ААЭ. т. 2. №91.3. с. 186.

## 233

См.: *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. с. 679—680.

Там же. с. 624.

# 235

Сб. РИО. т. 142. с. 58,61.

*Тюменцев И.О.* Смутное время в России… с. 520.

Записки гетмана Жолкевского… с. 113.

Там же. с. 105.

# 239

ААЭ. т. 2. №182.2. с. 310.

# 240

Записки гетмана Жолкевского. Приложения. № 41. Стб. 111—114.

# 241

ААЭ. т. 2. №203. с. 356.

*Мархоцкий Николай.* История Московской войны… с. 95.

# 243

*Арсений Елассонский.* Мемуары из русской истории. с. 192.

См.: Народное движение в России в эпоху Смуты… с. 340.

*Мархоцкий Николай.* История Московской войны… с. 99.

РИБ.Т 1. Стб. 251.

## 247

См. об этом в дипломатической переписке панов-рады короля Сигизмунда III и московских бояр в июне 1611 года: «И отьезджаючи сам в свои господарства, мусел тут войска свои оставити, над которыми зоставил головою старосту Жомойтского, гетмана великого князства Литовского, ясневельможного Яна Кароля Ходкевича, а велел и поручил ему господарь король его милость, покаместа с послы нашими на сойме договор учинится и доброе дело промеж обоих господарств совершится, с вами бояры, также вместе с полковники господарскими о покое и тишине господарства Московского промышляти, господарство устроивати и справовати, изменников и воров от измены и воровства унимати и повстягамти, а вас бояр и всих короля его милости и сына его королевской милости верных людей и животов ваших блюсти и боронити». См.: Сб. РИО. т. 142. с. 270.

*Мархоцкий Николай.* История Московской войны… с. 99.

*Забелин И.Е.* Минин и Пожарский… Прил. II. с. 270.

*Арсений Елассонский.* Мемуары из русской истории… с. 193. Dziennik Jana Piotra Sapiehy… S. 314—320.

# 251

*Мархоцкий Николай.* История Московской войны… с. 100—104; РИБ. т. 1. Стб. 252-254; Dziennik Jana Piotra Sapiehy… S. 321-322.

*Мархоцкий Николай.* История Московской войны… с. 105.

# 253

*Арсений Елассонский.* Мемуары из русской истории… с. 194.

Новый летописец. с. 115.

# 255

*Мархоцкий Николай.* История Московской войны… с. 104—105; РИБ. т. 1. Стб. 279-281; Сб. РИО. т. 142. с. 266-289.

Другое дело касалось просьбы об обмене «маленького» Осипа Панина, остававшегося в Москве в Троицком Богоявленском монастыре, скорее всего, на кого-то из пленных поляков и литовцев в полках ополчения. (Сборник князя Хилкова. № 43. с. 122—123.) Ранее на то, что отписка должна быть датирована временем после гибели Прокофия Ляпунова, обращали внимание авторы исследований о келаре Авраамии Палицыне и троицком архимандрите Дионисии (он начал службу в Троицесергиевом монастыре только с 1610 года). См.: *Кедров с.* Авраамии Палицын. с. 90; *Скворцов Д.* Дионисий Зобниновский… с. 66.

## 257

См.: Родословная роспись дворян Палицыных… с. 276—291. Цит. по последней публикации документа, см.: АС 3.Т. 3. № 312. с. 255.

## 258

См.: *Веселовский С.Б.* Новые акты Смутного времени. Акты подмосковных ополчений… с. IX; № 47. с. 58.

# 259

См.: Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Изд. Археографической комиссией, под ред. Николая Калачова. СПб., 1864. т. 2. № 192. Стб. 602-603.

См.: *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени (1604—1617 гг.). М., 1912. с. 42—179; Кормленая книга Костромской чети 1613—1627 гг.// РИБ. СПб., 1894. т. 15. Стб. 268-635.

# 261

*Долинин Н.П.* Подмосковные полки (казацкие «таборы»)… с. 63.

См.: *Аракчеев В.А.* Средневековый Псков: власть, общество, по вседневная жизнь в XV—XVII веках. Псков, 2004. с. 157—196; *Замятин Г.А.* Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII века // *Замятин Г.А.* Россия и Швеция в начале XVII века… с. 276—278; *Рабинович Я.Н.* Малые города Северо-Запада России в Смутное время: Автореф. дис…. канд. ист. наук. Саратов, 2010. с. 22—23; *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. с. 418—419; *Тюменцев И.О.* Движение земских ополчений и Лжедмитрий III // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века… с. 38—49.

# 263

АС 3.Т. 3.№314.С. 256.

Dyyaiyusz poselstwa moskiewskiego wysłanego do Warszawy z końcem r. 1611 // Hirschberg A. Polska a Moskwa… C 379-381.

# 265

Разрядные книги 1598—1638 гг. / Сост. В.И. Буганов, Л.Ф. Кузьмина. М., 1974. с. 260-261.

Арсеньевские шведские бумаги… с. 32.

*Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.... с. 116— 118.

*Павлов А.И.* «Совет всея земли» и избирательная борьба в 1613 г. // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века… с. 81.

# 269

Вкладная книга Троицесергиева монастыря… / Изд. подг. Е. Н. Клитина, Т.Н. Манушина, Т.В. Николаева. М., 1987; *Ундольский В.М.* Список надгробий Троицкого Сергиева монастыря // ЧОИДР. 1846. №2.

Новый летописец. с. 148—149. Соперничество между В.П. Морозовым и князем Д.Т. Трубецким вызвало их местническое столкновение. См.: *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI—XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994. с. 151.

## 271

Поразительно, но роспись расхищенной казны сохранилась в архиве Оружейной палаты и давно опубликована. В ней беспристрастно зафиксирована и отдача «депутатам» от рыцарства «в заслуженое» из казны Владислава Сигизмундовича «золота, в Спасове образе, 105 гривенок», то есть более 40 килограммов. См.: РИБ. СПб., 1875. т. 2. № 95. Стб. 227.

*Любомиров П.Г.* Источники и историография по истории Нижегородского ополчения 1611—1612 гг. // *Любомиров П.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения… с. 314—340. Недавно это исследование было заново переиздано с подробным историографическим комментарием, раскрывающим обстоятельства работы историка над книгой. См.: *Кузнецов А.А.* Слово о Павле Григорьевиче Любомирове и его сверстниках-коллегах // Подвиг нижегородского ополчения. Нижний Новгород, 2011. т. 2. с. 454-478.

*Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты… с. 394—400.

ААЭ.Т2.№ 194. с. 343.

# 275

АИ.Т. 2. №333. с. 399.

См.: Новый летописец. с. 117; *Корецкий В. И., Лукинев М. И., Станиславский А.Л.* Документы о национально-освободительной борьбе в России в 1612—1613 гг. // Источниковедение отечественной истории. 1989. М., 1989. с. 240-267.

# 277

См. очерк о Никаноре Шульгине в настоящей книге.

*Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России… с. 356—358.

Повесть о победах Московского государства / Изд. подг. Г.П. Енин. Л., 1982. с. 29; Изборник… с. 353.

# 280

См.: Грамоты и отписки 1611—1612 гг. курмышскому воеводе С.В. Елагину //Летопись занятий Археографической комиссии за 1861 г. СПб., 1862. Вып. 1. Отд. 2. № 4. с. 10.

# 281

См. подробнее: *Антонов А.В.* К начальной истории Нижегородского ополчения // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6. с. 196—240; *Козляков В.Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. с. 43—46; *Пудалов Б.М.* «Смутное время» в Нижегородском Поволжье в 1608—1612 гг. // Подвиг нижегородского ополчения. т. 2. с. 623—634.

# 282

См.: *Веселовский С.Б.* Арзамасские поместные акты 1578—1618 го дов. М., 1915. № 287. с. 377; № 290. с. 380-381; № 293. с. 384; № 299. с. 392; №301. с. 396.

# 283

*Кабанов А.Ю.* Мугреево-Никольское или Мугреево-Дмитреевское? // Пожарский юбилейный альманах. К 400-летию создания ополчения К. Минина и князя Д.М. Пожарского. Иваново—Южа, 2011. Вып. 6. с. 24-28.

*Морохин А.В.* Нижегородское духовенство и формирование ополчения 1612 года // Мининские чтения. 2006. Нижний Новгород, 2007. с. 147—148; *Пудалов Б.М.* Третье имя на обложке (к вопросу о руководителях земского движения в Нижнем Новгороде в 1611—1612 гг.) // Мининские чтения. 2008. Нижний Новгород, 2010. с. 125—137.

## 285

См.: *Козляков В.Н.* Развитие земской идеи в Нижегородском ополчении // Мининские чтения. 2006. с. 163—179.

# 286

*Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. М., 1976. т. 1. С.443.

## 287

Недавно А.В. Антоновым опубликована «Родословная книга по списку князя М.А. Оболенского», восходящая к тексту «Государева родословца» середины XVI века, где сказано: «князь Федор да Иван Немые… А у князь Федора сын князь Михаиле.. А у князь Михаила дети: князь Димитрей Немой». Ср.: *Погодин М.П.* О месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского. СПб., 1852. с. 36—37; Памятники истории русского служилого сословия. с. 69.

*Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо- Восточной Руси X-XIV вв. М., 1984. с. *256—263; Давыдов М.И.* Стародуб Ряполовский в XIII — 70-х гг. XVI в.: политическое развитие, административно-территориальное устройство, эволюция структур землевладе ния: Автореф. дис…. канд. ист. наук. Владимир, 2004.

*Савелов Л.М.* Князья Пожарские // Летопись историко-родословного общества в Москве. 1906. Вып. 2—3. с. 13.

См.: Родословная книга князей и дворян российских и выезжих… которая известна под названием Бархатной книги. М., 1787. Ч. 2. Гл. 23. с. 58—59; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. с. 35—43; Памятники истории русского служилого сословия… с. 68—69. Ряд исследователей считают, что князь Василий Андреевич Пожарский был все же не первым, а вторым сыном князя Андрея Федоровича Стародубского, но это противоречит показаниям ранних родословных книг. См.: *Рождественский С.В.* Служилое землевладение Московского государства XVI века. СПб., 1897. с. 172, 176; *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории… с. 256—257.

## 291

См. подробнее: *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI-XVII вв. М., 2009. с. 154-155.

См.: *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV-XVI вв.) М., 1985. с. 56-58.

# 293

См.: Известия о роде князей Пожарских, заключающиеся в актах XVI столетия // *Тихонравов К* Владимирский сборник. М., 1857; Акты Суздальского Спасоевфимьева монастыря 1506—1608 гг. / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. М., 1998.

*Назаров В.Д.* Акты XV века из архива Суздальского Спасоевфимьева монастыря // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. с. 15—16; *Эскин Ю.М.* Опыт жизнеописания боярина князя Козьмы-Дмитрия Михайловича Пожарского // День народного единства. Биография праздника. М., 2009. с. 121-122.

## 295

Дети единственного сына князя Данилы Васильевича — князя Федора: князья Иван, Федор, Семен, Василий, Иван Третьяк. См.: Родословная книга князей и дворян российских… с. 59; Разрядная книга 1475-1605. т. 4.4. 2. с. 49.

## 296

См.: *Назаров В.Д.* Акты XV века из архива Суздальского Спасоевфимьева монастыря… с. 20—21.

Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подг. к печати А. А Зимин. М.; Л., 1950. с. 56, 59, 64.

См.: *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России… с. 80-83.

# 299

См., например, данную на вотчинную пустошь Клестовскую, выданную князьями Пожарскими (в том числе дедом князя Д.М. Пожарского) в 1556/57 году, и другие аналогичные документы, в которых князь Федор Иванович Третьяков выступал послухом: Акты Суздальского Спасоевфимьева монастыря… № 94. с. 216—217; № 101. с. 228.

*Веселовский С.Б.* Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI века // Исторические записки. 1941. т. 10. с. 95— 116.

# 301

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. с. 423-425.

# 302

См. разъезжую грамоту 1566/67 года на земли в Стародубском уезде: Акты Суздальского Спасоевфимьева монастыря… № 147. с. 296, 297, 300,301.

# 303

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей… с. 434—435; *Юрганов А.Л.* О стародубском «уделе» М.И. Воротынского и стародубских вотчинах в завещании Ивана Грозного // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 2. с. 34—70; *Беликов В. Ю., Колычева Е. И.* Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI— начале XVII в. // Там же. с. 97-98.

# 304

В одном из продолжений Никоновской летописи говорилось, что именно со двора этого князя (уж не деда ли князя Пожарского?) начался большой пожар, из-за которого выгорел весь Арбат. Двор князя Федора Пожарского располагался рядом с церковью Ризоположения на Арбате. Сам царь Иван Грозный тушил пожар в Москве со своими дворянами и стрельцами. (См.: ПСР Л.Т. 13. Ч. 2. СПб., 1906. с. 327-328.)

# 305

Разрядная книга 1475-1605. т. 4. Ч. 2. с. 42.

Разрядные книги 1475-1598 гг. М., 1966. с. 160, 172.

# 307

Разрядная книга 1475-1605. т. 4. Ч. 2. с. 39.

См.: *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. с. 16—28.

# 309

Князь Дмитрий Михайлович вспоминал о службе в Свияжске других воевод: в «63 году» (1555-м) князя Михаила Ивановича Воротынского, а в «64 году» — князя Василия Семеновича Серебряного, но свияжским городничим был тогда не его дед, а князь Тимофей Федорович Пожарский. См.: Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1975. т. 1. с. 46.

# 310

Разрядная книга 1475-1605. т. 4. Ч. 2. с. 40.

# 311

Дворцовые разряды (далее — ДР). СПб., 1851. т. 2. Стб. 30.

*Эскин Ю.М.* Опыт жизнеописания… с. 123.

# 313

Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в.… с. 124.

См.: *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. с. 12, 24.

## 315

Князь Федор Иванович выступал поручителем в 1562 году по князю Ивану Дмитриевичу Вельскому. Л.М. Савелов считал, что в числе поручиков упомянут дед князя Д.М. Пожарского, хотя и оговаривался, что в тот момент служило несколько человек — полных тезок князя Федора Ивановича. См.: *Савелов Л.М.* Князья Пожарские. с. 12, 18; Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Опись документальных материалов фонда № 135 / Сост. В.Н. Шумилов. М., 1971. с. ПО; *Антонов А.В.* Поручные записи 1527—1571 годов // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. с. 8, 19, 21, 49, 51.

# 316

Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. с. 160. Сохранилось упоминание о рядной записи 1570/71 г. на приданую вотчину матери князя Д.М. Пожарского сельцо Берсенево с пустошами Клинского уезда. См.: *Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 2002. Вып. 8. с. 317.

## 317

См. поручную запись 1562 года по князю Ивану Дмитриевичу Вельскому. Оба они должны были оплатить по 100 рублей, однако имя князя Федора Ивановича Пожарского стоит в списке поручиков выше имени Федора Иванова сына Берсенева: *Антонов А.В.* Поручные записи 1527— 1571 годов. с. 19, 21.

*Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 2 // *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9т. М., 1987. т. 2. с. 151.

# 319

ААЭ. СПб., 1836. т. 1. № 172. с. 142.

*Веселовский С Б.* Исследования по истории класса служилых земле владельцев. с. 455—457.

## 321

См.: *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI — XVII вв. М., 1978. с. 106—115; *Антонов А.В.* Приговорная грамота 1566 года// Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. с. 177.

Вкладная книга Троицесергиева монастыря… с. 100.

# 323

Там же. с. 27.

## 324

В явочной челобитной о побеге разбойника, пойманного в Пурехской волости Луховского уезда, датированной октябрем 1582 года, упоминаются люди князя Михаила Федоровича Пожарского и князя Федора Ивановича Пожарского. См.: *Маштафаров А.В.* Явочные челобитные 1568—1612 годов из архива Суздальского Покровского девичьего монастыря// Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. с. 286.

# 325

См.: *Савелов Л.М.* Князья Пожарские… с. 18. *Ундольский В.М.* Новые разыскания о месте погребения Прокопия Ляпунова… с. 33—46. Рукопись Списка надгробий, опубликованная в 1846 году В.М. Ундольским, в настоящее время представлена в оцифрованном виде в Интернете на сайте Троицесергиевой лавры. См.: http://www.stsl.ru/manuscripts/ book.php?col= 1 &manuscript=820.

# 326

Публикаторы актов Спасоевфимиева монастыря в 1998 году впер вые издали один примечательный документ: данную княгини Анастасии Ивановны — жены князя Федора Ивановича Пожарского, передавшую в монастырь село Могучее с деревнями в 7095 (1586/1587) году. По данной 1586/87 года Спасоевфимиеву монастырю княгиня Анастасия Ивановна передала «вотчину свою в Стародубе Ряполовском село Могучее с деревнями». Она объяснила свое право распоряжения этой вотчиной необычно: тем, что «ту мне вотчину село Могучее з деревнями дал князь мой княж Федор Иванович за приданое за триста рублей». Распорядилась она ею как вкладом «по своей душе» и для поминания исключительно своих родителей: «князя инока Иосифа, княгиню иноку Софью, князя инока Деонисья, князя Петра, князя инока Афонасья, иноку Маремьяну». На выкуп вотчины был наложен запрет: «а нет дела до тое вотчины ни роду моему, ни племяни». Словом, создается впечатление какого-то семейного раздела, хотя речь не об этом. Удается восстановить, что княгиня Анастасия Ивановна Пожарская происходила из заметного рода ярославских князей Хворостининых. Инок Иосиф — это ее отец князь Иван Михайлович Хворостинин — тысячник по Коломне в 1550 году, носивший высокий думный чин окольничего. Он умер в 1571 году и принял постриг в Ростовском Борисоглебском монастыре. Упомянутый в списке для поминания «князь Петр», возможно, князь Петр Иванович Хворостинин (другой брат Дмитрий Иванович в монашестве действительно носил имя Дионисий). И, наконец, в составленном В.Б. Кобриным родословии ярославских князей находится указание на сохранившуюся духовную князя Федора Ивановича Хворостинина, составленную в октябре 1602 года. Одним из душеприказчиков князя Ф.И. Хворостинина выступала его сестра «княгиня Настасья княж Федорова княгиня Пожарскаго». См.: *Ундольский В.М.* Новые разыскания… с. 37; Духовное завещание князя Ф.И. Хворостинина / Публ. с. Шереметева // Русский архив. № 4. 1896. с. 572; *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. с. 235; *Кобрин В.Б.* Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV—XVI вв. М., 1995. с. 63; Акты Суздальского Спасоевфимьева монастыря… № 225. с. 424—426.

*Погодин М.* 77. О месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского. с. 34.

*Лихачев Н.* Н. Двойные имена // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1. с. 128.

# 329

*Эскин Ю.М.* Завещание князя Дмитрия Пожарского // Отечественная история. 2000. № 1. с. 150; *он же.* Опыт жизнеописания… с. 121.

См.: *Эскин Ю.М.* Опыт жизнеописания… с. 125; Памятники истории русского служилого сословия. с. 69.

АСЗ. М., 1997. т. 1. № 218. с. 189-190.

# 332

Надгробные плиты с захоронений отца и матери князя Д.М. Пожарского были использованы монастырскими властями в середине XVIII века для ремонтных работ и укрепления западной стены монастыря. См.: *Курганова Н.М.* Надгробные плиты из усыпальницы князей Пожарских и Хованских в Спасоевфимиевом монастыре Суздаля // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1993. М., 1994. с. 396—405; *она же.* Страницы истории некрополя города Суздаля. М., 2007. с. 69.

## 333

См.: Акты Суздальского Спасоевфимьева монастыря… № 230. с. 436; *Эскин Ю.М.* Опыт жизнеописания… с. 125.

# 334

Акты Суздальского Спасоевфимьева монастыря… № 172. с. 333— 334.

# 335

*Малиновский А.Ф.* Биографические сведения о князе Дмитрии Михайловиче Пожарском. М., 1817. с. 3. Так как, по признанию исследователей, ввозная грамота 28 февраля 1588 года остается главным и единственным основанием для определения точного года рождения князя Дмитрия Пожарского, не лишены вероятия и другие расчеты, относящие дату рождения князя к 1577 году (с учетом его рождения около 1 ноября). Ведь вдова княгиня Мария Пожарская должна была подать свою челобитную не позднее конца 1587-го — начала 1588 года, то есть десятилетний возраст князя Дмитрия указан на эту дату? См.: *Савелов Л.М.* Князья Пожарские. с. 24; *Эскин Ю.М.* Завещание князя Дмитрия Пожарского. с. 149; *он же.* Опыт жизнеописания… с. 120, 125; *Шматов В.Е.* О дате рождения князя Дмитрия Пожарского // Нижегородская правда (16 июля 2005 г.). Текст статьи размещен в Интернете по адресу: http:// www.d-pozharskym/publikacii/o-date-rozhdenija-knjazja-dmitrija

АС З.Т. 1. № 219. с. 190-191.

# 337

В конце 1980-х годов были найдены надгробия с захоронений как отца, так и матери князя Д.М. Пожарского. Однако при публикации записи на надгробии княгини Евфросиньи-Марии Пожарской была допущена неточность, год ее смерти был прочтен как 1632, вместо правильного — 1640. Лишь недавно известный исследователь древнерусских некрополей Л.А. Беляев уточнил чтение: «Лета 7//148 апреля в 7 день преста//вися раба Божия княгиня Еу//фросиния Федоровнакняз//Михайлова жена Федоро//вича Пожарскава во иноцех // скимница Евъникея». См.: *Курганова Н.М.* Страницы истории некрополя города Суздаля. с. 69; *Беляев Л.А.* О датах смерти Е.Ф. Пожарской и В.П. Пожарского: эпиграфические заметки // Российская археология. 2009. № 1. с. 162— 165.

## 338

Князь Н.А. Хованский записан стольником в боярском списке 1588—1589 годов. См.: *Савелов Л.М.* Князья Пожарские… с. 27; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии… с. 29—30; *Станиславский А.Л.* Труды по истории Государева двора в России… с. 206.

# 339

*Сироткин С В.* Заметки к биографии Дмитрия Михайловича Пожарского //Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 1. с. 108— 110.

См. подробнее: *Козляков В.Н.* Борис Годунов. Трагедия о добром царе. М., 2011 (серия «ЖЗЛ»). с. 155-157.

# 341

Это выясняется из «сказки» Юрия Дмитриевича Хворостинина, по давшего в 1628 году челобитную о возвращении сестре Авдотье рязанской вотчины Годуновых, отобранной у них после ссылки Степана Годунова в Алатырь в 1605 году. См.: *Корецкий В. И., Соловьева т. Б., Станиславский А.Л.* Документы первой крестьянской войны в России // Советские архивы. 1982. № 1.С. 37.

Конечно, переход села Могучего в род князя Дмитрия Пожарского нарушал распоряжение княгини Анастасии Ивановны Пожарской, но, отдавая вотчину в монастырь в 1586/87 году, она и сама действовала вопреки соборному приговору 1580 года. Интересно, что князь Дмитрий Михайлович, кажется, включал «княгиню Анастасию» в поминание своего рода в синодике Спасоевфимиева монастыря. Хотя точно установить, действительно ли это была княгиня Анастасия Ивановна, трудно, ведь в своей родовой усыпальнице она была погребена с другим, видимо, крестильным именем как княгиня Мавра (умерла 17 февраля 1615 года). Село Могучее упоминалось в завещании самого князя Дмитрия Пожарского, составленном в начале 1640-х годов, как принадлежавшее ранее его «дяде» князю Федору Пожарскому и выкупленное из Спасоевфимиева монастыря: «Да что я вотчину взял ис Спасского монастыря с [ело] Могучее дяди своего князя Федора Пожарского, и з[а ту] вотчину дати детем моим в Спасской монастырь сто рублев [де]нег». Недавно исследователи суздальских вотчин князя Пожарского Г.Р. и М.М. Якушкины обратили внимание на запись в переписной книге 1646 года, в которой было сказано: «Да Спаса же Еуфимьева монастыря вотчина селцо Могучее з деревнями и пустошьми, что взял боярин князь Дмитрей Михайлович Пожарской по свой живот на строенье и на ту де вотчину в Спаском монастыре крепость есть, а ныне тою вотчиною боярина князь Дмитрея Михайловича дети стольники князь Петр да князь Иван монастырю владеть не дадут». См.: Акты Суздальского Спасоевфимьева монастыря… № 225. с. 424—426.: *Погодин М.П.* О месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского… с. 28—29, 31; *Ундольский В.М.* Новые разыскания. с. 37; *Эскин Ю.М.* Завещание князя Дмитрия Пожарского. с. 152—154; *Якушкин Г. Р., Якушкина М.М.* Страницы истории Мугреевских владений князя Дмитрия Михайловича Пожарского// Пожарский юбилейный альманах… Вып. 6. с. 30.

# 343

Акты Суздальского Спасоевфимьева монастыря… № 228. с. 433.

*Станиславский А.Л.* Труды по истории Государева двора… с. 53, 204, 218, 227.

# 345

ААЭ. т. 2. № 7. с. 48; Разрядная книга 1475-1605. т. 4. Ч. 1. с. 27.

# 346

В публикации «Дворцовых разрядов», осуществленной в середине XIX века, в упоминании об этом деле содержится дефект текста. Там сказано: «а в князь Андреево место Гундорова отвечал князь Дмитрей Михайлович Пожарской, и в суде сказал он князь Дмитрей, что ему князю Дмитрею князь Андрей Гундоров ста…» (на этом текст обрывается). В новейшей публикации разрядных книг есть продолжение, из которого уз наем, что князь Дмитрий Пожарский называл князя Андрея Гундорова «старейшим дядей». См.: Д Р.Т. 2. Стб. 36; Разрядная книга 1475—1605. т. 4. Ч. 2. с. 63.

# 347

ААЭ. т. 2. №7. с. 51.

# 348

Разрядная книга 1475-1605. т. 4. Ч. 1. с. 68-69.

Там же. с. 28-29.

Там же. Ч. 2. с. 47.

# 351

Там же. Ч. 1.С.69.

Там же. Ч. 2. с. 42.

# 353

При разборе местнического дела князя Дмитрия Михайловича Пожарского с князем Борисом Михайловичем Лыковым 28 декабря 1602 го да он говорил: «и яз, государь, холоп государев, по ево царской милости таков же стольник, что и князь Борис Лыков». Однако возможна и другая трактовка этих слов князя Дмитрия Пожарского, стремившегося любыми путями показать, что по своему статусу он был не ниже стольника, принадлежавшего к роду князей Оболенских. А.П. Павлов включает имя князя Дмитрия Михайловича в число стольников при дворе Бориса Годунова. Ю.М. Эскин подчеркивает, что с чином стольника князь Д.М. Пожарский впервые упоминается только при Лжедмитрии I. См.: Разрядная книга 1475—1605. т. 4. Ч. 2. с. 42; *Павлов А. И* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове… с. 110, 132; *Эскин Ю.М.* Опыт жизнеописания… с. 126, 130.

*Маркевич А.И.* История местничества в Московском государстве в XV—XVII веке. Одесса, 1888. с. LV; *Эскин Ю.М.* Опыт жизнеописания… с. 237-243.

# 355

*Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове… с. 25.

См.: *Эскин Ю.М.* Опыт жизнеописания… с. 129; *он же.* Очерки истории местничества в России… с. 19.

# 357

Ср.: Разрядная книга 1475-1605. т. 4. Ч. 1. с. 68-69.

# 358

Русский исторический сборник, издаваемый обществом истории и древностей российских. М., 1838. т. 2. Кн. 1—4. с. 267—268.

## 359

См. записи в разрядных книгах о назначении князя Б.М. Лыкова воеводой в Белгород в 111 (1603) году, где он оставался вплоть до 113 (1605) года. Князь Борис Лыков вместе с князем Василием Васильевичем Голицыным были воеводами большого полка в войске самозванца на подходе его от Тулы к Москве: Разрядная книга 1475—1605. т. 4. Ч. 2. с. 47, 56, 68, 82, 97.

О их родственных связях см.: *Кобеко Д.Ф.* Родословные заметки о некоторых деятелях Смутного времени // Известия Русского генеалогического общества. 1909. Вып. 3. с. 3—23; *Эскин Ю.М.* Опыт жизнеописания… с. 129.

См.: *Руммель В.В.* Заметки о первой жене князя Д.Т. Трубецкого // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1. с. 155—156. Она приняла постриг с именем Анисья и была похоронена в Троицесергиевом монастыре вместе с другими князьями Татевыми в 1631 году: «Род Татевых. Князя Василья Федоровича Шуйского Скопина княгиня инока Анисья Петровна преставися 139-го году июля в 19 день». См.: *Ундольский В.М.* Новые разыскания… с. 37.

## 362

См.: Вкладная книга Троицесергиева монастыря… с. 77.

# 363

За вклад князя Дмитрия Михайловича Пожарского княгиню Алену Петровну, в иночестве Анисью, погребли в усыпальнице Татевых в Троицесергиевом монастыре в 1631 году: «139 (1631)-го году июля в 26 день по иноке Анисье Петровне Шуйской Скопине дал вкладу боярин князь Дмитрей Михайлович Пожарской денег 50 рублев, и за тот вклад тело княгини иноки Анисьи погребли у живоначальные Троицы в большом монастыре». См.: Вкладная книга Троицесергиева монастыря… с. 75. Кстати, вторая жена князя Дмитрия Пожарского (с конца 1630-х годов) — княгиня Феодора Андреевна происходила из рода князей Голицыных. *Савелов Л.М.* Князья Пожарские. с. 27.

Список сторонников царя Василия Шуйского… с. 318.

## 365

Разрядная книга 1475—1605. т. 4. Ч. 2. с. 63; *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI—XVII вв. с. 127.

*Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени… с. 8, 10, 11, 14— 16.

*Станиславский А.Л.* Труды по истории Государева двора… с. 262.

*Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов… с. 318.

## 369

Перечень земельных владений князя Дмитрия Михайловича Пожарского, принадлежавших ему до Смуты, восстановлен А.П. Павловым. См.: *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба… с. 166.

Дальше в местническом деле содержалась дополнительная аргументация о службе князей Пожарских, в том числе деда князя Дмитрия Пожарского — князя Федора Ивановича в Свияжске в 64 (1555/56) году. Князь Юрий Дмитриевич Хворостинин был хорошо осведомлен, он верно указал, что князь Федор Иванович Пожарский был на этой службе «менши князя Ромодановского», служившего по разрядам воеводой в Свияжске (об этом, как говорилось, не знал даже его внук князь Дмитрий Пожарский, в своем споре с князем Лыковым упоминавший имена других свияжских воевод). См.: *Белокуров С А.* Разрядные записи за Смутное время… с. 31, 33; *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI—XVII вв. с. 131.

*Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время… с. 77, 81.

Записки Станислава Немоевского. 1606—1608 // *Титов Л.А.* Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А. Вахрамееву. М., 1907. Вып. 6. с. 62, 69.

Не исключено, впрочем, что это замечено о кравчих и чашничих. См.: Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. с. 41, 42. См. также: *Эскин Ю.М.* Опыт жизнеописания… с. 131.

Разрядная книга 1550-1636 гг. М., 1976. т. 2. Вып. 1. с. 237.

На это обстоятельство впервые обратил внимание Ю.М. Эскин. См.: Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. с. 140; *Станиславский Л.Л.* Труды по истории Государева двора… с. 302; *Эскин Ю.М.* Опыт жизнеописания… с. 133.

*Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время… с. 269—270.

# 377

Акты Суздальского Спасоевфимьева монастыря… № 268. с. 510— 511; *Беляев Л.А.* Усыпальница князей Хованских и Пожарских в Суздальском Спасоевфимиевом монастыре: новый этап историко-археологических исследований // Исторические записки. М., 2010. т. 13 (131). с. 308-323.

*Курганова Н.М.* Надгробные плиты из усыпальницы князей Пожарских и Хованских… с. 396—405.

*Эскин Ю.М.* Опыт жизнеописания… с. 240.

# 380

См.: *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия… с. 448-449.

# 381

АИ.Т.2.№ 118. с. 146.

# 382

Новый летописец. с. 84.

## 383

См.: *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия… с. 449; *Эскин Ю.М.* Опыт жизнеописания… с. 135—136.

ДР.Т.2.Стб. 377.

# 385

В записи разрядной книги за 117 (1609) год говорилось: «Тово ж году на Коломне же были воеводы: Иван Михайлов сын Меншой Пушкин да Семен Глебов. Да на Коломну же прислан был с ратными людми столник и воевода князъ Дмитрей Михайлович Пожарской. Того ж году при слана на Коломну государева грамота о ратных людех. А в грамоте пишет: "От царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии на Коломну столнику нашему и воеводам князю Дмитрею Михайловичю Пожарскому, да Ивану Михайловичю Пушкину, да Семену Матвеевичю Глебову"». *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время… с. 52.

См.: Там же. с. 51-52.

*Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI—XVII вв. с. 135.

# 388

Русский исторический сборник… 1838. т. 2. с. 267.

*Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время… с. 101.

См.: *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. с. 54.

*Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время… с. 99.

# 392

Там же. с. 388-389, 510-511.

# 393

Новый летописец. с. 53—54.

См.: *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. с. 402-403.

# 395

Разрядные книги 1475-1598 гг. с. 492, 503, 512, 541; Разрядная книга 1475-1605. т. 4. Ч. 1. с. 15.

*Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время… с. 104, 126, 165.

*Погодин М.П.* О месте погребения… с. 28.

См.: Новый летописец. с. 97, 99; *Эскин Ю.М.* Опыт жизнеописания… с. 139-140.

# 399

Боярский список 1610—1611 г. // *Сторожев В.Н.* Материалы для истории русского дворянства. М., 1909. Вып. 2. с. 75, 79; *Эскин Ю.М.* Опыт жизнеописания… с. 146.

Новый летописец. с. 107; *Эскин Ю.М.* Опыт жизнеописания… с. 145-146.

*Забелин И.Е.* Минин и Пожарский… с. 54—55.

## 402

Ю.М. Эскин считает выдачу этой грамоты «официальным свидетельством службы Дмитрия Михайловича в I Ополчении». См.: *Эскин Ю.М.* Пожарский и Ляпунов // Смутное время и земские ополчения… с. 18.

# 403

АСЗ.Т. 3.№329.С. 270.

СГГ и Д. т. 2. № 267. с. 566-567. Еще ранее, 30 октября 1610 года, Григорий Орлов получил грамоту на поместье Андрея (Ивана?) Щелкалова в Шацком уезде; возможно, было у него и какое-то другое «старое поместье» в Суздале. См.: АЗР. т. 4. № 183. с. 368; Документы Печатного приказа (1613—1615 гг.) / Сост. С.Б. Веселовский; подг. к печати Н.К. Ткачева. М., 1994. с. 353.

СГГ и Д. т. 2. № 267. с. 566-567.

См.: *Якушкин Г. Р., Якушкина М.М.* Нижнеландеховская вотчина князей Пожарских в XVII в. // Мининские чтения. 2008. Нижний Новгород, 2010. с. 168-197.

Новый летописец. с. 116; Подвиг нижегородского ополчения. Нижний Новгород, 2011. т. 1. с. 516. Архимандрит Тихон, настоятель Макарьевского Желтоводского монастыря — автор Латухинской «Степенной книги», написавший свой труд в 1678 году, скорее всего использовал здесь текст того же «Нового летописца» или какой-то редакции этого памятника. См.: *Васенко П.Г.* Заметки к Латухинской «Степенной книге» // Сборник ОРЯС. Т. 72. № 2. СПб., 1902. с. 86-87.

Москвитянин. 1852. т. 1. Разд. 4. с. 33.

См.: *Морохин Л.В.* Личность и деятельность Кузьмы Минина в работах нижегородского историка П.И. Мельникова // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. с. 238—239.

# 410

*Садовский Л.Я.* Одно ли лицо Кузьма Минин и Кузьма Захарьев Минин Сухорук. Нижний Новгород, 1916. с. 1—14.

# 411

*Ханко Л.Ю.* Как звали Минина (Купчая 1602 г.) // Мининские чтения. 2002. Нижний Новгород, 2003. с. 7—11.

*Кучкин В.Л.* О роде Кузьмы Минина // История СССР. М., 1973. №2. с. 209-211.

*Буганов В.И.* «Выборный человек всею землею» Кузьма Минин // Вопросы истории. М., 1980. № 9. с. 90—102.

*Пудалов Б.М.* К биографии Кузьмы Минина // Мининские чтения. Труды научной конференции. Нижний Новгород. 2007. с. 184—195. См. также составленное Р. Каюмовым описание Синодика Спасо-Преображенского собора Нижнего Новгорода начала XVIII века, с записью «Рода думного дворянина Космы Минича». Рукопись Синодика хранится в настоящее время в Отделе редких книг и рукописей Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки (Ф. 1. Оп. 2. № 26. Л. 74—74 об.) // www.nounb.sci-nnov.ru/fulltext/manuscripts/flop2ed26.rtf. «Балахнинская версия» подробно разбирается в трудах историков-архивистов Б.М. Пудалова и С.В. Сироткина, доказавших ее несостоятельность. Продолжающиеся попытки обосновать происхождение «народного героя» из Балахны научного значения не имеют. См.: *Козляков В. И., Михайлов П.* Кузьма Минин // День народного единства: Биография праздника. М., 2009. с. 283—285; *Карташова М.В.* О происхождении Кузьмы Минина // Российская история. 2009. № 4. с. 202—204; *Морохин А. В., Пудалов Б.М.* К биографии Кузьмы Минина // Там же. с. 204—205; *Сироткин С.В.* «Братья» и сестры Кузьмы Минина: генеалогический этюд // Мининские чтения. 2008. Труды участников международной научной конференции. Нижний Новгород, 2010. с. 138—151; *Кузнецов А.А.* Споры о родине Кузьмы Минина (историографические наблюдения) // Пожарский юбилейный альманах… Вып. № 6. с. 21—23.

# 415

Здесь идет речь о версиях, которые имеют хотя бы какое-то источниковедческое основание. Гораздо хуже, что сегодня едва ли не общим местом становится запущенная в оборот версия о *татарском* происхождении Минина. Виноваты политики, уже неоднократно озвучивавшие это «открытие» в своих речах по разным «юбилейным» поводам. Для кого-то искажение исторической истины в упоминании о происхождении некоего Кириши Минибаевича — Кузьмы Минина — оправдано стремлением устранить явный националистический перекос в дни празднования «народного единства». Охотно эту версию подхватили и с татарской стороны, легко «приватизировав» одного из первых героев отечественной истории. (Автором этой версии, как установил Ф.А. Дорофеев, был покойный журналист и публицист В.Л. Махнач. См.: *Дорофеев Ф.А.* Фантом Кириши Минибаева как зеркало российской фолк-хистори // Мининские чтения: Труды науч. конф. Нижегородского гос. ун-та. 20—21 окт. 2006 г. Нижний Новгород, 2007. с. 239-249.)

См.: *Антонов А.В.* К начальной истории нижегородского ополчения // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6. с. 196—240; *Козляков В.Н.* Служилый «город» Московского государства… с. 44—46; *Пудалов Б.М.* «Смутное время» и Нижегородское Поволжье в 1608—1612 гг. Историографический очерк // Подвиг нижегородского ополчения. т. 2. с. 621-634.

## 417

См.: *Клосс Б.М.* Избранные труды. т. 1: Житие Сергия Радонежского. М., 1998. с. 454—544. См.также: *Белоброва О.А.* Об источниках Жития Дионисия, архимандрита Троицесергиева монастыря // ТОДРЛ. СПБ., 2001. т. 52. с. 667-674.

*Клосс Б.М.* Избранные труды. т. 1. с. 480-481.

Новый летописец / Пер. на современный русский язык С.Ю. Шокарева//Хроники Смутного времени. М., 1998. с. 364—365.

Пискаревский летописец // ПСРЛ. М., 1978. т. 34. с. 217.

*Любомиров* 77. *Г.* Очерки истории нижегородского ополчения… с. 47.

*Клосс Б.М.* Избранные труды. т. 1. с. 481; Изборник… с. 353.

# 423

См.: Подвиг нижегородского ополчения. т. 1. с. 494—496; *Морохин А.В.* Личность и деятельность Кузьмы Минина… с. 237—238; *Пудалов Б.М.* Третье имя на обложке. с. 125—137.

Цит. по: *Любомиров П.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения… с. 54.

Подвиг нижегородского ополчения. т. 1. с. 501, 516.

*Клосс Б.М.* Избранные труды. т. 1. с. 481. «Карамзинский хронограф» называет среди городов, куда Кузьма Минин послал «окладывать» имущество посадских людей, соседние Балахну и Гороховец. См.: Изборник… С.353.

Изборник… с. 353; Новый летописец. с. 117.

*Клосс Б.М.* Избранные труды. т. 1. с. 481-482.

# 429

*Любомиров П.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения… с. 281.

Грамоты и отписки 1611—1612 г. курмышскому воеводе С.В. Елагину. с. 11; *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. с. 455.

Они были записаны в выборе по Дорогобужу в боярском списке 1588—1589 годов. См.: *Станиславский А.Л.* Труды по истории Государева двора… с. 246.

См.: *Веселовский С Б.* Арзамасские поместные акты… с. 377, 380— 381, 384, 386, 396, 441, 516; *Любомиров И Г.* Очерки истории нижегородского ополчения… с. 59—60.

Не случайно смоляне уже во время стояния ополчения в Ярославле в 1612 году будут последовательно его поддерживать, вопреки обвинениям в «смуте» от остальных ратных людей. См.: Новый летописец. с. 120.

*Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты… с. 410. Фамилию дьяка Василия Юдина установил Б.М. Пудалов. См.: *Пудалов Б.М.* Дьяк Нижегородского ополчения (Новые данные к биографии) // Мининские чтения. Материалы докладов научных конференций. Нижний Новгород. 2001. с. 20-21.

*Budzilo Jozef*. Wojna Moskiewska wzniecona i prowadzona z okazji fatszywych Dymitrow od 1603 do 1612 r. / Opracowanie Janusz Bylinski i Jozef Dhigosz. Wroclaw, 1995. S. 149; РИБ. 1. Стб. 315—316. (В русском из дании записок Иосифа Будилы отчество Минина передано искаженно: «Surewicz», вместо правильного: «Jurewicz».) Иосиф Будило, бывший по том в ссылке в Нижнем Новгороде, мог использовать и какие-то рассказы нижегородцев о тех событиях.

# 436

Грамоты и отписки 1611 — 1612 г. курмышскому воеводе С.В. Елагину… с. 8.

Там же. №11. См. также: *Любомиров И.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения… с. 80—81.

*Долинин Н.П.* Подмосковные полки (казацкие «таборы»)… с. 18.

# 439

ААЭ.Т2.№203.

Вельский летописец // ПСРЛ. М., 1978. т. 34. с. 259.

# 441

См.: *Корецкий В. И., Лукичев М. Я., Станиславский А.Л.* Документы о национально-освободительной борьбе в России… с. 240—267.

См.: *Платонов С Ф.* Очерки по истории Смуты… с. 411, 471 (прим. 235). К аргументам С.Ф. Платонова можно добавить то, что Дмитрий Саввич Жедринский, ездивший с грамотой из Нижнего Новгорода в Вычегду, был назначен «по совету всей земли» курмышским воеводой в феврале 1612 г. (см.: *Любомиров П.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения… с. 84, 233).

# 443

Сб. РИО. т. 142. с. 289-299.

Новый летописец. с. 117. См.: *Кедров С.* Жизнеописание святейше го Гермогена патриарха Московского и всея России. М., 1912; *Назаревский В.В.* Святейший Гермоген, патриарх всея России: Трехсотлетие его кончины: 17 февр. 1612—1912. М., 1912; *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1991. т. 2; *Скрынников Р.Г.* Святители и власти. Л., 1990. с. 291—332; *Богданов А.П.* Непреклонный Гермоген // *Богданов А.Я.* Русские патриархи (1569-1700). М., 1999. т. 1. с. 199-247; *Бовина-Лебедева В. Г., Чугреева Н.Н.* Ермоген // Православная энциклопедия. М., 2008. т. 18. с. 643—646. Текст размещен в Интернете по адресу: http:// www.pravenc.ru/text/190175.html.

# 445

Могила патриарха Гермогена с середины XVII века находится в Успенском соборе Московского Кремля. В 1913 году патриарх Гермоген был канонизирован Русской православной церковью.

# 446

Грамота из Нижнего на Вычегду 7120 г. // *Любомиров И.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения… Прил. 1. с. 233—237. См. такую же грамоту на Вологду: ААЭ. т. 2. № 201.

Новый летописец. с. 115.

Сказание Авраамия Палицына. с. 220.

# 449

*Любомиров П.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения… с. 91-93.

# 450

Грамота была отправлена из Костромы, где в это время уже находился князь Дмитрий Михайлович Пожарский с нижегородским ополчением. См.: АС З.Т. 3. № 314. с. 257.

# 451

Повесть о победах Московского государства. с. 32.

Новый летописец. с. 118—119.

# 453

Родословная роспись дворян Палицыных… с. 290—291.

*Любомиров* П. *Г.* Очерки истории нижегородского ополчения… с. 93; Повесть о победах Московского государства. с. 32.

## 455

См.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. Д. 1. Л. 1—112.

# 456

Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. Издан по списку кн. Оболенского. М., 1853. с. 148. Ср.: Новый летописец. с. 119.

# 457

Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг. / Подг. к печати С.Б. Веселовский. М., 1910. с. 151—152. См. также: Подвиг нижегородского ополчения… т. 1. с. 198—199.

Повесть о победах Московского государства. с. 32.

# 459

ААЭ. т. 2. № 203. с. 353-356.

См.: Riksarkivet. Ockupationsarkivet fran Novgorod, SE/ RA/2403/Se- rie 2/354. Л. 47—48; *Тюменцев И.О.* Движение земских ополчений и Лжедмитрий III… с. 48. Документы «оккупационного» Новгородского архива в настоящее время полностью описаны и доступны для изучения в Интернете на сайте информационного отдела Национального архива Швеции (SVAR) по адресу http://www.svar.ra.se. См.: *Elisabeth Lofstrand and Laila Nordquist.* Accounts of an Occupied City. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611—1617 / Series 1. Stockholm, 2005; Series 2. Stock holm, 2009.

# 461

ААЭ.Т.2.№203.С. 358.

Новый летописец. с. 119.

## 463

См.: *Замятин Г.А.* Из истории борьбы Швеции и Польши за московский престол в начале XVII века… с. 71—73; *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода… с. 211—216.

В официальных документах самого Новгорода его имя писали без боярского чина, так как у шведского короля не было «бояр».

## 465

ААЭ. т. 2. № 208. с. 363—364. Переписка новгородского посольства в настоящее время хранится в архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН. См.: СПбИИ РА Н.Ф. 174. Оп. 2. Д. 548, 549.

Интересно, что в тот момент в Новгороде на положении знатного пленника находился другой сибирский царевич — Алтанай. См.: *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV—XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань, 2011. с. 230—232.

## 467

См.: Памятники истории нижегородского движения в эпоху Смуты и земского ополчения 1611 — 1612 гг. / Под ред. С.В. Рождественского // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. 1912. т. 11. № CXLIII, CXLIV. с. 249-255. См. также: Подвиг нижегородского ополчения. т. 1. с. 282—289 (в дальнейшем ссылки на источники из этой публикации даны по новейшему переизданию); *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. с. 360—361, 480 (Роспись участников ярославского посольства 1612 года из шведского архива).

См.: *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства… с. 182.

Подвиг Нижегородского ополчения. т. 1. с. 282—289.

ААЭ. т. 2. № 208. с. 362-366.

СГГ и Д. т. 2. № 282. с. 598.

# 472

Посольство из Новгорода в Швецию, отправленное 25 декабря 1611 года, называло обоих королевичей в качестве возможных претендентов. В Новгороде официальные известия о вступлении короля Густава II Адольфа на трон получили 8 апреля, а вдовствующая королева Кристи на (Христина в русских источниках) подтвердила решение о приезде ее сына Карла Филиппа в Новгород 20 апреля. См.: Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (да лее — ДАИ). СПб., 1846. т. 1. № 162. с. 283-285; *Замятин Г.А.* Из истории борьбы Швеции и Польши за московский престол в начале XVII века… с. 61—59. В начале июня 1612 года новгородцы начали уже активно готовиться к приезду Карла Филиппа. Упоминавшаяся выше грамота в Заонежские погосты (она сохранилась в черновом варианте) была посвящена сбору кормов для его встречи. В этом документе встречается занятная описка: имя Филиппа подьячий в новгородской канцелярии поначалу ошибочно написал как «Липа», потом зачеркнул и поправил как надо. Новгородцы, видимо, быстро учились правильному написанию имени своего будущего владетеля Карла Филиппа Карловича. См.: Riksarkivet. Ockupationsarkivet fran Novgorod, SE/RA/2403/Serie 2/354. Л. 47.

*Любомиров П. Г.* Очерки истории нижегородского ополчения… с. 141-142.

СГГ и Д. т. 2. № 281. с. 593-597.

## 475

Посольство выехало из Новгорода 8 июня, его первые переговоры состоялись около 26 июня. См.: *Любомиров П.Г.* Очерки истории ниже городского ополчения… с. 142—144; *Замятин Г.А.* Из истории борьбы Швеции и Польши за московский престол в начале XVII века… с. 74—77; *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода… с. 216—224; *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. с. 207—208, 362; *Рабинович Я.Н.* Личности Смутного времени: Федор Тимофеевич Черново-Оболенский // Известия Саратовского университета. 2010. т. 10. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. с. 22—31.

*Титов А.А.* Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А. Вахрамееву. Сергиев Посад, 1897. Вып. 4. с. 284—285. См.: *Козляков В.Н.* Двор в поисках монарха в 1612 году (забытый источник о нов городском посольстве к «совету всея земли» в Ярославле) // Верховная власть, элита и общество в России XIV — первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. Вторая международная научная конференция. Тезисы докладов. М., 2009. с. 72-74.

## 477

Перед этим, в 1610 году, Лука Иванович Милославский находился на воеводстве в Орешке, а после падения Новгорода был отправлен «дозирать» (описывать) земли Старой Руссы. См.: *Седов* 77. *В.* Захват Новгорода шведами в 1611 году с. 116—127; *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. с. 234, 240.

Известны сведения о его службе в ополчении начиная с августа 1612 года, но, возможно, он приступил к заведованию посольскими делами еще раньше. См.: *Любомиров П. Г.* Очерки истории нижегородского ополчения… с. 92; *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. с. 494.

## 479

Использование сокращения «ч.» не оговорено публикатором, что создало дополнительные сложности в понимании смысла документа. Вероятно, А.А. Титов и/или переписчик документа не учли характерный признак новгородской речи — подставление «ч» вместо «ц», а потому и не поняли слово «челованье» — «целованье», приведя только первую букву «ч.», что скорее можно было понять как — «челобитная».

Сказание Авраамия Палицына. с. 221. См. также: *Кедров С.* Авраамий Палицын. с. 104—121.

# 481

ААЭ. т. 2. № 210. с. 369-370. См. подробнее: *Любомиров П.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения… с. 142—144.

# 482

ДАИ.Т. 1. № 164. с. 288; Подвиг нижегородского ополчения… т. 1. с. 239-240.

## 483

См.: Арсеньевские шведские бумаги… с. 15—16; Подвиг нижегородского ополчения… т. 1. с. 289—290.

См.: Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. СПб., 1852. т. 2. Стб. 1408—1432; Подвиг нижегородского ополчения… т. 1. с. 218—231; *Любомиров П.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения… с. 144—145.

# 485

*Долинин Н.П.* Подмосковные полки (казацкие «таборы»)… с. 111.

Повесть о победах Московского государства. с. 32.

## 487

См.: СГГ и Д. т. 2. № 281. с. 595; Новый летописец. с. 119-120; *Любомиров П.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения… с. 99—100.

См.: *Любомиров П.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения… с. 119.

# 489

СПбИИ РА Н.Ф. 174. Акты до 1613 г. Оп. 2. Д. 544. Л. 2. Документ опубликован с некоторыми пропусками и искажениями текста, см.: ААЭ. т. 2. № 204. с. 258. Позднее, в 1615 году, игумен Матфей был избран казанским и свияжским митрополитом и возглавлял митрополичью кафедру более тридцати лет.

См.: ААЭ. т. 2. № 204—205. с. 358-360; *Любомиров П.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения… с. 120.

## 491

В челобитной, поданной 15 мая 1613 года на имя царя Михаила Федоровича, Максим Юрьев писал: «Был, государь, я в Ярославле на Де нежном дворе у твоего государева дела в бойцех. И по твоему государеву указу велено из Ярославля Денежной двор перевести к Москве». См.: *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича… с. 99.

А.С. Мельникова обращала внимание на профессиональный характер изготовления маточника для чеканки монеты в Ярославле и считала единственно возможным объяснением то, что он был привезен из Москвы. Не мог ли быть причастен к этому дьяк Савва Романчуков, служивший «при Литве» на Денежном дворе в Москве, а потом оказавшийся на службе в Посольском приказе ополчения в Ярославле в 1612 году? См.: *Мельникова А.С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра I. История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М., 1989. с. 120—128. См. также на вкладке: Табл. 5. Соотношение штемпелей монет Второго земского ополчения (1612—1613); *Зверев С.В.* Русские монеты государя Владислава Жигимонтовича (1610—1612) // Верховная власть, элита и общество в России XIV — первой половины XIX века… с. 59—61.

# 493

*Рязанцева Т.В.* Ярославский денежный двор и монеты Второго ополчения // Смутное время начала XVII в. Проблематика, методы, концептуальные подходы… с. 159—174.

*Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты… с. 494; *Рыбалко Н.В.* Российская приказная бюрократия в Смутное время… с. 240—245.

## 495

Исследователи называют его Казанским дворцом, но в грамоте на Верхотурье по делу о смене подьячего, отправленной в октябре 1612 года из Москвы, говорилось, что ответ прислать «к Москве в приказ Казанского и Мещерского дворца»: СПбИИ РА Н.Ф. 174. Оп. 2. Д. 561. Л. 1. Ср.: *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. с. 669.

# 496

СПбИИ РА Н.Ф. 174. Оп. 2. Д. 547. Л. 1—2. Другая грамота о сборе денег и хлебных запасов на жалованье сибирским служилым людям была отослана чуть позже, 26 мая 1612 г.: А И.Т. 2. № 337. с. 402—403.

ААЭ. т. 2. № 206. с. 360-361.

Там же. № 209. с. 366.

## 499

Ярославский Спасо-Пробоинский обыденный храм. Описание, составленное священником Иоанном Соловьевым. Ярославль, 1869. с. 168; *Рутман Т.А.* Храмы и святыни Ярославля. Ярославль, 2005. с. 111—117. См. также с. 223 (упоминание о Таборах).

# 500

Новый летописец. с. 121—122.

# 501

ПСР Л.Т. 34. с. 217-218.

# 502

ААЭ. т. 2. №. 219. с. 369—374. Свидетельство о рассылке многих троицких грамот «во 7119-м и во 7120-м» годах «на Рязань, и на Север, и в Ярославль, и в Нижней Новъгород князю Димитрею Михайловичи) Пожарскому и х Кузме Минину, и в понизовские городы, и ко князю Дмитрею Тимофеевичю Трубецкому, и к Заруцкому под Москву, и в Казань к строителю Амфилофию, что он забредился с сватом своим с Никонором Шульгиным и учинилися были изменниками владычеству московскому» сохранилось в Житии архимандрита Троицесергиева монастыря Дионисия. По словам автора Жития, «в тех грамотах болезнования Деонисиева о всем государстве Московском безчисленно много». См.: Библиотека литературы Древней Руси. т. 14. Конец XVI — начало XVII века. с. 428.

# 503

Сказание Авраамия Палицына. с. 220—221.

Новый летописец. с. 122—123.

## 505

См.: *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1995. т. 3. с. 86—87; *Любомиров П.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения… с. 124.

# 506

Новый летописец. с. 124.

# 507

Сказание Авраамия Палицына. с. 220.

Новый летописец. с. 122—124.

# 509

РИБ.Т 1.Стб. 322-324.

ААЭ. т. 2. № 213. с. 272. Бои эти многократно и подробно описаны, начиная с работы Ивана Егоровича Забелина. См.: *Забелин И.Е.* Минин и Пожарский… с. 127—141; *Любомиров П.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения… с. 150—152; *Эскин Ю.М.* Опыт жизнеописания… с. 173—179. Самая подробная реконструкция боев гетмана Ходкевича под Москвой осуществлена современным польским исследователем Томашем Бохуном. См.: *Бохун Т., Кравчик Я.* Сто повозок Ходкевича // Родина. 2005. № 11. с. 69—74; *Бохун М.* Поляки в Кремле. Факты и мифы // Мининские чтения. 2008. с. 90—91; *он же.* Как гетман Ходкевич проиграл под Москвой в 1612 году // Единорогъ. Материалы по истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 2. М., 2011. с. 5—52; *Bohun Tomasz.* Moskwa. 1612. Warszawa, 2005. S. 198-242.

# 511

Новый летописец. с. 124—125.

# 512

Повесть о победах Московского государства… с. 34.

# 513

*Клосс Б.М.* Избранные труды. т. 1. с. 483.

*Забелин И.Е.* Минин и Пожарский… с. 139. С И.Е. Забелиным пытались полемизировать авторы жизнеописаний Авраамия Палицына и Дионисия Зобниновского. См.: *Кедров с.* Авраамий Палицын. с. 91 —101; *Скворцов Д.* Дионисий Зобниновский… с. 112—133.

# 515

Записки киевского мещанина Божка Балыки о московской осаде 1612 года (Из летописного сборника Ильи Кощаковского) / Публ. В. Антоновича // Киевская старина. 1882. т. 3. № 7. с. 103.

Новый летописец. с. 125—126; *Bohun T.* Moskwa. 1612. S. 234.

# 517

РИБ.Т. 1.Стб. 325.

Там же. Стб. 329, 337.

# 519

Деты относящиеся до юридического быта Древней России. т. 2. № 192. Стб. 601-604.

# 520

Новый летописец. с. 126.

# 521

1612—1912. Описание Вологодского Духова монастыря, составленное в 1860 году П. Савваитовым, исправленное и дополненное в 1885 г. Н. Суворовым, в 1912 г. И. Суворовым. Вологда, 1912. Прил. с. 82—83; Подвиг нижегородского ополчения… т. 1. с. 257.

# 522

Новый летописец. с. 126.

# 523

ААЭ.Т.2.№214.С373.

# 524

Записки киевского мещанина Божка Балыки о московской осаде 1612 года… с. 102-104.

# 525

РИБ.Т. 1.Стб. 348.

ААЭ.Т.2.№214.С. 373.

## 527

ПСР Л.Т. 34. с. 218; *Любомиров П.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения… с. 154—155.

*Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время… с. 61—62.

# 529

Записки киевского мещанина Божка Балыки о московской осаде 1612 года… с. 104-105.

# 530

РИБ.Т. 1. Стб. 351-353.

# 531

*Арсений Елассонский.* Мемуары из русской истории… с. 198.

*Забелин И.Е.* История города Москвы. Репр. воспр. изд. 1905 г. М., 1990. с. 652.

# 533

*Веселовский С.Б.* Новые акты Смутного времени. Акты подмосковных ополчений… № 80. с. 97.

Новый летописец. с. 126-127; *Bohun T.* Moskwa. 1612. S. 269.

# 535

Грамота из объединенного земского ополчения новгородскому и великолуцкому митрополиту Исидору в Новгород Великий 15 ноября 1612 года. См.: ДАИ. Т. 1. № 166. с. 292. Опубликовано также в кн.: Подвиг нижегородского ополчения… т. 1. с. 274—275.

Повесть о победах Московского государства… с. 34.

## 537

В тексте Разрядной книги 1613—1614 годов, обнаруженной Вик тором Ивановичем Бугановым, записано ошибочно: «ноября в 27 день», но это явная описка, сделанная переписчиком рукописи. См.: Разрядные книги 1598-1638 гг. с. 180-181.

Сказание Авраамия Палицына. с. 228—230; *Любомиров П.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения… с. 155.

утвержденная грамота об избрании на Московское государство Миха ила Федоровича Романова // С предисл. С.А. Белокурова. М., 1906. с. 41.

*Пудалов Б.М.* Третье имя на обложке (к вопросу о руководителях земского движения в Нижнем Новгороде в 1611—1612 гг.)… с. 125—137.

См.: *Тимошина Л.А.* О землевладении рода Мининых // Архив русской истории. Вып. 4. М., 1994. С.126-148.

# 542

Копия документа была приложена к письму, полученному из Мурома. Журнал «Сын Отечества» начал издаваться во времена Отечественной войны 1812 года и выходил в свет под редакцией Николая Ивановича Греча. В журнале публиковались свидетельства частных людей, соответствовавшие патриотическому духу своей эпохи. В письме из Мурома неизвестный автор рассказывал о своей недавней поездке в Нижний Новгород, где им был отыскан присланный для публикации список жалованной грамоты 20 января 1615 года. Грамоту Минину, по словам корреспондента журнала «Сын Отечества», «выписал из Архива один тамошний купец, коему теперь около 80 лет, тому назад уже годов с 50, и в тогдашнее время за отыскивание оной заплатил 120 рублей». Интересно, что, отвечая на патриотический порыв автора письма, досадовавшего, что «гробница великого Минина» в соборном нижегородском храме «простая, деревянная (по сравнению с богатыми захоронениями архиереев), редакция журнала сделала примечание, в котором упомянула о начале создания известного памятника Минину и Пожарскому в Москве: «Вскоре истинный Русской человек, писавший сие письмо, досадовать не будет. Искусный резец достойного Русского ваятеля г. Мартоса начинает уже действовать, для сооружения великолепнейшего и в художестве изящнейшего памятника, воздвигаемого во славу Минина и Пожарского». См.: Перечень письма, полученного из Мурома от 4 декабря 1812 года; Грамота, пожалованная царем Михаилом Феодоровичем Козьме Минину // Сын Отечества, исторический и политический журнал. Ч. 3. СПб., 1813. № 3. с. 95—98, 105-106.

# 543

См.: *Привалова Н.И.* Семья Кузьмы Минина // Записки краеведов (Очерки, статьи, документы, хроника). Горький, 1979. с. 185—189; *Тимошина Л.А.* О землевладении рода Мининых. с. 126—148); *Сироткин С.В.* «Братья» и сестры Кузьмы Минина: генеалогический этюд. с. 138—151.

*МорохинА. В., Кузнецов А.А.* «Спаситель Отечества»: о начале формирования образа Кузьмы Минина в отечественной историографии // Мининские чтения. 2011. с. 186—206.

# 545

См.: *Галай с.* Гробница Кузьмы Минина в Нижегородском Кремле // Мининские чтения. 2002. Нижний Новгород, 2003. с. 25—32; *Сенюткина О.Н.* Некоторые сведения об обстоятельствах спасения праха Кузьмы Минина // Мининские чтения. 2004. Нижний Новгород, 2005. с. 106—109; *Шамшурин В.А.* Поступок с большой буквы // Там же. с. 110—113; *Кирьянов И.А.* О захоронении Кузьмы Минина // Там же. с. 113-119.

# 546

Полная научная биография князя Дмитрия Михайловича Пожарского написана лишь недавно историком Юрием Моисеевичем Эскиным. Долгое время статья историка, опубликованная в журнале «Вопросы истории» в 1976 году, оставалась одной из немногих работ о князе Дмитрии Пожарском. Очерк М.П. Лукичева (совместно с А.А. Шмельковым) « Д.М. Пожарский после 1612 г.», подготовленный примерно в то же время для биографического альманаха «Прометей» издательства «Молодая гвардия», не был опубликован при жизни автора. В издательстве «Молодая гвардия» в серии «ЖЗЛ» в 1981 году вышла в свет книга Руслана Григорьевича Скрынникова «Минин и Пожарский», но в ней рассказывалось не столько о Пожарском и Минине, сколько о событиях Смутного времени, и прежде всего о «крестьянской войне Ивана Болотникова», так как Р.Г. Скрынников придерживался обычной для советской историографии того времени концепции народных движений. См.: *Скрынников Р.Г.* Минин и Пожарский. М., 1981 (серия «ЖЗЛ») (переизд.: М., 2007); *Лукичев М.П.* Боярские книги XVII века. Труды по истории и источниковедению. М., 2004. с. 243—256. *Эскин Ю.М.* Дмитрий Пожарский // Вопросы истории. 1976. № 8. с. 107—119; *он же.* Опыт жизнеописания… с. 119— 280; *Володихин Д.М.* Служил чисто, прямо и честно. Князь Пожарский: заслуги и награда // Родина. 2006. № 11. с. 20—23.

## 547

Разрядные книги 1598—1638 гг. с. 309; *Эскин Ю.М.* Опыт жизнеописания… с. 194—195.

# 548

Книга сеунчей 1613—1619 гг. Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень—зима 1615 г.) / Сост. А.Л. Станиславский, С.П. Мордовина, Б.Н. Флоря. М.; Варшава, 1995. с. 99—123 (Памятники истории Восточной Европы. т. 1).

## 549

См.: *Варакин А.В.* Борьба русских войск под командованием Д.М. Пожарского против А. Лисовского в 1615 году // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века… с. 163—168; *Эскин Ю.М.* Опыт жизнеописания… с. 198—206.

Новый летописец. с. 136—137.

# 551

Цит по: *Эскин Ю.М.*. Опыт жизнеописания… с. 205.

*Богоявленский С.К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI—XVII веков. М., 2006. с. 274; *Эскин Ю.М.* Опыт жизнеописания… с. 216—217.

# 553

Осадный список 1618 года / Сост. Ю.В. Анхимюк, А.П. Павлов. М., 2009. с. 29, 170 (Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. т. 8); *Эскин Ю.М.* Опыт жизнеописания… с. 206—213.

См.: *Бушкович П.* Шведские источники о России 1624—1626 гг. // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. с. 372, 375. Публикатор документа, профессор Пол Бушкович, отнес князя Дмитрия Михайловича Пожарского к «фракции» приверженцев матери царя инокини Марфы. Основанием для такого заключения послужили слова голландского до несения о том, что «ежели хотят чего получить от матери великого князя, должны действовать через Сицкого, Черкасского, Лыкова и Пожарского». Однако далее сказано, что челобитчики, обращающиеся к патриарху, опять должны были действовать через тех же князя Бориса Лыкова, князя Ивана Черкасского и других «наиглавнейших» бояр. Логичнее пред положить, что князь Пожарский, как и остальные первые бояре Московского государства, пользовался авторитетом как у патриарха Филарета, так и у матери царя. Говорить же об участии князя Дмитрия Михайловича Пожарского в каких-то придворных группировках, основываясь исключительно на наблюдениях голландского автора (даже если им был такой знаток русских дел как Исаак Масса), было бы преувеличением. См.: Там же. с. 363, 376.

# 555

*Богоявленский С.К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI-XVI1 веков. с. 274.

## 556

См.: *Козляков В.Н.* О времени создания Приказа сыскных дел // Историк во времени. Третьи Зиминские чтения. Доклады и сообщения научной конференции. М., 2000. с. 149—150.

См.: *Козляков В.Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века… с. 95, 103-105.

См.: *Эскин Ю.М.* Опыт жизнеописания… с. 224—232.

# 559

Там же. с. 232-237.

*Корсакова В.* Пожарский, кн. Димитрий Михайлович // Русский биографический словарь: т. 14. Плавильщиков — Примо. СПб., 1905. С.246.

*Эскин Ю.М.* Завещание князя Дмитрия Пожарского. с. 153.

# 562

См.: *[Родина М. Е.J Д.М.* Пожарский. Вечная память и трава забвения. Владимир, 2007; *Беляев Л.А.* Усыпальница князей Хованских и Пожарских в Суздальском Спасоевфимиевом монастыре… с. 308—323. Отчет о раскопках 2008 года был размещен на сайте Института археологии РАН http:// www.archaeolog.ru/index.php?id=132

## 563

См.: *Живов В.* Иван Сусанин и Петр Великий. О константах и переменных в составе исторических персонажей // Новое литературное обозрение. 1999. № 38; *Велижев М., Лавринович М.* «Сусанинский миф»: становление канона // Новое литературное обозрение. 2003. № 63.

Всем, кто подробно интересуется историей Ивана Сусанина, можно рекомендовать подробное и всестороннее исследование этой темы в трудах костромского историка Николая Александровича Зонтикова. См.: *Зонтиков Н.А.* Иван Сусанин: легенды и действительность // Вопросы истории. 1994. № 11. с. 21—30; *он же.* Иван Сусанин: легенды и действительность. Кострома, 1997. Текст книги размещен в Интернете по адресу: http://susanin.kostromka.ru/ См. также: *Толстов В. А. Н.И.* Костомаров и В. А. Самарянов: два взгляда на историческую достоверность личности Ивана Сусанина // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. с. 249-257.

# 565

Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографической комиссией. М., 1848. т. 1. 1526-1598. N? 27-28. с. 39.

СПиД. М., 1822. т. 3. № 50. с. 214-215.

## 567

См.: *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты… с. 588.

## 568

Грамота князя Д.Т. Трубецкого и князя Д.М. Пожарского в Сольвычегодск 11 ноября 1612 года. См.: *Любомиров П.Г.* Очерки истории ниже городского ополчения… Прил. № 2. с. 237—239.

# 569

*Веселовский С.Б.* Акты подмосковных ополчений… № 119/46. С. 170-171.

См.: Записки киевского мещанина Божка Балыки о московской оса де 1612 года… с. 102; *Мархоцкий Николай.* История Московской войны… с. 63.

# 571

РИБ.Т. 1.Стб. 353-354.

Арсеньевские шведские бумаги… с. 18, 20—21.

См.: *Понырко Н.В.* Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. — ревнители благочестия // ТОДРЛ. Л., 1990. т. 43. с. 62.

См.: *Севастьянова А.А.* Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М, 1998. с. 124—126.

## 575

См.: *Самарянов В.А.* Памяти Ивана Сусанина, за царя, спасителя веры и царства, живот свой положившего в 7121 (1613) году. Рязань, 1884. с. 40—41. Документы 1740—1741 годов о выдаче подтверждения жалованной грамоты хранятся в фонде 154 «Жалованные грамоты на вотчины, чины и дворянство» Российского государственного архива древних актов. См.: Центральный государственный архив древних актов СССР: Путеводитель: В 4 т. М., 1991. т. 1. с. 216.

*Петров А. Е., Беляев Л. А., Бужилова А.П.* Между наукой и областной администрацией: опыт фальсификации останков Ивана Сусанина с помощью заданной интерпретации археологических и судебно-криминалистических исследований // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М, 2011. с. 247—267. Первоначально авторы опубликовали свой материал в журнале «Родина», где, по их собственному признанию, материал был подвергнут «конкретной цензуре», чтобы ссылки на заказной характер работ археологов со стороны костромской администрации были сняты. См.: *Беляев Л., Бужилова А., Петров А.* Патриотический скелет в народном шкафу: Опыт фальсификации с помощью археологии и судебной криминалистики // Родина. 2007. № 8. с. 58-63.

## 577

Из выступления участника круглого стола «Фальсификация источников и национальные истории» Владислава Дмитриевича Назарова 17 сентября 2007 года. См.: Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. с. 337—338.

См.: ААЭ. СПб., 1836. т. 3. № 30. с. 68-69; А.И. СПб., 1841. т. 3. № 105. с. 147—149; Обельные крестьяне и обельные вотчинники в Олонецкой губернии; Обельные грамоты русских царей, дарованные олончанам за разные заслуги // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края / Сост. [И.] Благовещенский. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. Отд. 1. с. 1—38. Один из списков жалованной грамоты крестьянину Василию Сидорову 1646 года хранится в коллекции столбцов Библиотеки Конгресса США: The Library of Con gress. Law Library. Russian scrolls. Box 2. № 7. См.: *Плигузов А. И., Козляков В.Н.* Коллекция рукописных столбцов и другие русские материалы в Юридическом отделе Библиотеки Конгресса США // Археографический ежегодник за 2003 год. М, 2004. с. 212.

*Загоскин Н.П.* Казанский край в Смутное время. Казань, 1891. с. 88 и др.

# 580

Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / Под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1895. с. 445.

*Платонов С.*Ф. Очерки по истории Смуты… с. 446.

# 582

*Любомиров П.Г.* Очерки истории нижегородского движения… с. 79.

# 583

*Корецкий В. И., Лукичев М. И, Станиславский А.Л.* Документы о национально-освободительной борьбе в России 1612—1613 гг. с. 240; *Лукичев М. П., Станиславский А.Л.* Печать Казанского царства начала XVII века // История и палеография. М, 1993. с. 237—245. Обе статьи переопубликованы в сборнике историко-источниковедческих трудов Михаила Петровича Лукичева: *Лукичев М.П.* Боярские книги XVII века. Труды по истории и источниковедению. с. 189—234.

См.: *Кабанов А. Ю., Семененко А.М.* Полудержавный властелин из Луха дьяк Никанор Шульгин // *они же.* Ивановский край в Смутное время. Иваново, 2010. с. 177-182.

# 585

Ср.: ААЭ. т. 2. № 114 (II). с. 216.

Сборник князя Хилкова. № 21. с. 90—92.

См.: Там же. № 22-24. с. 93-97.

## 588

В чине боярина Богдан Яковлевич Вельский записан в Боярском списке 1611 года с пометой «В Казани, умре», в то время как в летописце говорится о смерти «окольничего». См.: *Сторожев В.Н.* Материалы для истории… с. 75; Новый летописец. с. 105.

# 589

См.: Новый летописец. с. 105.

См.: *Корецкий В. И., Лукичев М. П., Станиславский А.Л.* Документы о национально-освободительной борьбе… с. 242.

# 591

Новый летописец. с. 105.

ААЭ. т. 2. № 170. с. 292-293.

Там же. с. 291, 293.

*Корецкий В. И., Лукичев М. П., Станиславский А.Л.* Документы о национально-освободительной борьбе… с. 243.

# 595

ААЭ. т. 2. № 188. с. 320-323.

Там же. с. 327.

Там же. с. 318.

Там же. с. 319.

# 599

См.: *Любомиров П.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения… с. 286—287, 300, 303—304; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове… с. 65, 184; *Солодкин Я.Г.* Два малоизвестных героя Смутного времени // Мининские чтения. Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI—XVII вв. Нижний Новгород, 2011. с. 98-100.

Об этом нюансе свидетельствует казанская грамота в Пермь, в ко торой оговаривалось, что в обычном чине церковной службы при упоминании властей «поминали благоверные князи и бояря», а в челобитных под Москву писали: «Великого Российского Московского государьства и всей земли бояром бьет челом» (ААЭ. т. 2. № 188. с. 319).

# 601

Изборник… с. 352.

# 602

К сожалению, точную дату отправки этой грамоты установить не возможно; известно только, что она была получена в Перми 16 сентября 1611 года.

# 603

Привычная для земского движения формула содержала примечательные оговорки о том, что «выбрати бы нам на Московское государь- ство государя всею землею Росийския Державы», и о противодействии любому казачьему претенденту: «…а будут казаки учнут выбирати на Московское государьство государя по своему изволенью, одни, не сослався со всею землею, и нам того государя на государьство не хотети». См.: ААЭ. Т.2. № 197. с. 335-336.

# 604

Грамота из Казани в Пермь была доставлена 10 октября 1611 года: ААЭ. т. 2. № 194. с. 332-333.

## 605

См.: *Корецкий В. И., Лукичев М. П., Станиславский А.Л.* Документы о национально-освободительной борьбе… с. 243.

# 606

*Кунцевич Г. З.* Грамоты Казанского Зилантова монастыря // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1901. т. 17. Вып. 5-6. с. 300.

# 607

*Корецкий В. И., Лукинев М. П., Станиславский А.Л.* Документы о национально-освободительной борьбе… с. 244—245.

# 608

Там же. с. 9—10. Сведения о сборе кормов «казанским ратным всяким людям» зафиксировали нижегородские платежницы 1611/12 года. См.: Подвиг Нижегородского ополчения… т. 1. с. 198.

# 609

Новый летописец. с. 117.

# 610

Грамоты и отписки 1611 — 1612 г. курмышскому воеводе С.В. Елагину… с. 13, 15-16.

Там же. с. 20-21.

Там же. с. 22-23.

# 613

О вхождении смолян и казанцев в полки князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского, отправленные из Ярославля воевать против «черкас», говорилось в грамоте в Путивль в июне 1612 года. См.: СГГ и Д. т. 2. №281. с. 595.

Новый летописец. с. 120.

# 615

СГГ и Д. т. 2. № 283. с. 599-600. *Корецкий В. И., Лукичев М. П., Станиславский А.Л.* Документы о национально-освободительной борьбе… с. 244.

*Корецкий В. И., Лукичев М. П., Станиславский А.Л.* Документы о национально-освободительной борьбе… с. 248; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в…. с. 63—64.

# 617

*Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.... с. 63.

# 618

*Титов А.А.* Акты Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря. М., 1898. с. 137.

# 619

Грамоты и отписки 1611—1612 г. курмышскому воеводе С.В. Елагину… с. 23-25.

Там же. с. 26-27.

# 621

*Корецкий В. И., Лукичев М. П., Станиславский А.Л.* Документы о национально-освободительной борьбе… с. 263.

## 622

Судя по дате документа, случилось это, вероятно, еще до арзамасского похода Никанора Шульгина. Семен Нетесев мог быть одним из тех, кого привезли в Казань и посадили в тюрьму вместе с арзамасским воеводой Григорием Очиным-Плещеевым. См.: *Веселовский С.Б.* Арзамасские поместные акты… с. 489—490.

# 623

Там же. с. 506.

*Корецкий В. И., Лукичев М. П., Станиславский А.Л.* Документы о национально-освободительной борьбе… с. 258.

# 625

Там же. с. 259.

Там же. с. 252-258.

Д.Р. СПб., 1850. т. 1.Стб. 1122-1123.

Там же. Стб. 1047-1048.

Тамже.Стб. 1055-1058.

# 630

Новый летописец. с. 130.

# 631

*Татищев В.Я.* История Российская. Л., 1968. т. 7. с. 152.

*Корецкий В. Н., Лукичев М. П., Станиславский А.Л.* Документы о национально-освободительной борьбе… с. 259.

*Забелин И.Е.* Минин и Пожарский… Прил. XVI. с. 288.

# 634

См.: Д Р.Т. 1.Стб. 1117-1118.

## 635

См.: *Димитриев В.Д.* «Царские» наказы казанским воеводам XVII в. // История и культура Чувашской АССР. Чебоксары, 1974. Вып. 3. с. 287-290.

*Корецкий В. И., Лукичев М. И, Станиславский А.Л.* Документы о национально-освободительной борьбе… с. 259—261.

# 637

Там же. с. 250.

# 638

По мнению Л.В. Черепнина, собор, созванный в ополчении, не был распущен, а продолжал свою деятельность в Москве. См.: *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства… с. 187.

## 639

Киевский мещанин Богдан Балыка подтверждает, что боярин князь Федор Иванович Мстиславский получил раны, однако случилось это во время попытки ограбления его двора. Один из грабителей, жолнер Воронец, действительно ударил князя, но не «чеканом» (топором), как тот говорил, а кирпичом («цеглою»). В итоге боярин едва не умер, а грабителей поймали и приказали казнить. Однако до казни дело не дошло, вместо этого их съели. (См.: Записки киевского мещанина Божка Балыки о московской осаде 1612 года… с. 104; *Веселовский С.Б.* Новые акты Смутного времени. Акты подмосковных ополчений… № 80. с. 96—97.)

# 640

Новый летописец. с. 128.

# 641

Dyaryusz poselstwa moskiewskiego wyslanego do Warszawy z koncem r. 1611. S. 361—364. См.: *Платонов С.Ф.* Московское правительство при первых Романовых. СПб., 1906 (отд. отт. из «Журнала Министерства на родного просвещения»). с. 6—8; *Сташевский Е. Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913. с. 61.

Арсеньевские шведские бумаги… с. 20—21.

## 643

*Видекинд Юхан.* История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. Кн. 8. Гл. 2. с. 269—270. Перевод грамоты, использованной Юханом Видекиндом, см.: Арсеньевские шведские бумаги… с. 19—20; *Замятин Г.А.* Из истории борьбы Швеции и Польши за московский пре стол в начале XVII века… с. 117—120.

Новый летописец. с. 128.

# 645

Документы о национально-освободительной борьбе в 1612—1613 гг. ... с. 240-267.

Арсеньевские шведские бумаги… с. 18. Ср.: *Замятин Г.А.* Из истории борьбы Швеции и Польши за московский престол в начале XVII века… с. 131-134.

# 647

*Замятин Г.А.* Из истории борьбы Швеции и Польши за московский престол в начале XVII века… с. 114; *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства… с. 187—189.

*Любомиров П.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения…. с. 238-239.

# 649

*Веселовский С.Б.* Новые акты Смутного времени. Акты подмосковных ополчений… № 82. с. 99.

ДАИ. Т. 1. № 166. с. 294; Арсеньевские шведские бумаги… с. 20.

# 651

*Зимин А.А.* Акты Земского собора 1612—1613 гг. // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1957. Вып. 19. с. 188-192.

Там же. с. 187-188.

# 653

ДАИ.Т. 1. № 266. с. 293-294.

## 654

Помета о получении грамоты «от государевых бояр» с Богданом Дубровским датирована 19 января 1613 года. См.: Арсеньевские шведские бумаги… с. 17—18.

# 655

Документы о национально-освободительной борьбе в 1612—1613 гг. … с. 240-267.

Эту «Повесть», как и ряд других ценнейших материалов о Смуте, открыл историк Александр Лазаревич Станиславский. См.: Повесть о Земском соборе 1613 года / Публ., подг. к печати А.Л. Станиславский, Б.Н. Морозов // Вопросы истории. 1985. № 5. с. 89—96; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.... с. 85—92. Далее «По весть о земском соборе 1613 года» цитируется по изданию: Хроники Смутного времени. М., 1998. с. 457—459 (текст подготовлен к публикации Б.Н. Морозовым).

# 657

*Замятин Г.А.* К истории земского собора 1613 г.// Труды Воронежского государственного университета. 1926. т. 3. Приложение № 1. с. 71—72; *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства… с. 195— 198.

# 658

Л.Е. Морозова попыталась показать, что при избрании Михаила Федоровича казаки «никакой самостоятельной роли не играли», «инициаторами» его выбора были «не ополченцы», а некие «старшие бояре, под держанные высшим духовенством и представителями городов». Сужде ния и стиль полемики Л.Е. Морозовой находятся за пределами научной аргументации, они обусловлены отрицанием существующей историографии, например, трудов Г.А. Замятина, Л.В. Черепнина. На их труды она не ссылается, а работы А.Л. Станиславского «критикует», исходя из собственных предпочтений, не зная свидетельств ряда важных источников по истории избирательного земского собора 1613 года. См.: *Морозова Л.Е.* Россия на пути из Смуты. Избрание на царство Михаила Федоровича. М., 2005. с. 23, 141. См. также рецензию автора на эту книгу: Отечественные архивы. 2006. № 2. с. 109-114.

# 659

Арсеньевские шведские бумаги… с. 15—16.

# 660

Dyaryusz poselstwa moskiewskiego wyslanego do Warszawy z koncem r. 1611… S. 361—364. Слова Ивана Философова подтверждаются известными фактами испомещения дворян и детей боярских Смоленска, Вязьмы, Дорогобужа, Белой, Рославля и других городов в замосковных уездах и в Белозерском крае сразу же после освобождения Москвы. Также были вознаграждены дворяне и дети боярские Можайска, Рузы и Волока, сидевшие в конце 1612 года в осаде от польско-литовского войска на Волоке Ламском и в Погорелом городище. См.: АС 3.Т. 1. № 315. с. 312—314; *Веселовский С.Б.* Белозерский край в первые годы после Смуты / Публ. Л.Г. Дубинской, А.М. Дубровского // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. с. 282—283; «И мы осадных сидельцев за службы велели испоместить». Жалованная грамота «Совета всея земли» 1613г./ Публ. Т.А. Лаптевой // Исторический архив. 1993. №6. с. 192-196.

См. подробнее: *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.…С. 81-82.

# 662

Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. См.: Государственное древлехранилище хартий и рукописей… с. 126—127; *Анхимюк Ю.В.* Материалы древлехранилища в фондах ОР РГБ // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. с. 704—705. Об источниковедческих особенностях «Утвержденной грамоты» 1613 года см.: *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства… с. 190—196; *Семин А.А.* К истории «утвержденной грамоты» Земского собора 1613 года//Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981. с. 97-104.

# 663

См.: *Маркевич А.И.* Избрание на царство Михаила Феодоровича Романова // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Сентябрь. с. 176—203; Октябрь. с. 369—407; *Цветаев Д.В.* Избрание Михаила Феодоровича Романова на царство. М., 1913. с. 13—72.

Разрядные книги 1598-1638 гг…. с. 183.

*Зимин А.А.* Акты Земского собора 1612—1613 гг. с. 188—192.

См.: *Платонов С.Ф.* Московское правительство при первых Романовых. с. 39.

## 667

См.: *Замятин Г.А.* Из истории борьбы Швеции и Польши за московский престол в начале XVII века… с. 202—208; *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства… с. 195—200; *Тюменцев И.О.* Из истории избирательного земского собора 1613 г. //Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. с. 74—82; *Павлов А.П.* «Совет всея земли» и избирательная борьба в 1613 г. // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века… с. 74—85.

*Замятин Г.А.* Из истории борьбы Швеции и Польши за московский престол в начале XVII века… с. 141—148.

*Забелин И.Е.* Минин и Пожарский… Прил. II. с. 269—274.

Повесть о Земском соборе 1613 года. с. 457—458.

# 671

*Замятин Г.А.* Из истории борьбы Швеции и Польши за московский престол в начале XVII века… с. 147.

Арсеньевские шведские бумаги… с. 21—22.

Там же. с. 22—23; *Замятин Г.А.* Из истории борьбы Швеции и Польши за московский престол в начале XVII века… с. 153.

Биографии царя Михаила Федоровича посвящена отдельная книга автора, вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей». Однако в ней предыстория избрания Михаила Романова на царство подробно не рассматривалась. См.: *Козляков В.Н.* Михаил Федорович. М., 2004 (серия «ЖЗЛ»).

## 675

См.: *Лаврентьев А.В.* Выборы царя 1598, 1606 и 1613 гг. Опыт смутного времени (к постановке вопроса) // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века… с. 100; *Морин Перри.* Избранный царь и прирожденные государи: Михаил Романов и его соперники // Государство и общество в России XV — начала XX века. Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. с. 233—239.

Г.А. Замятин считал, что в это время должны были действительно расспрашивать о разных кандидатурах, особенно о шведском королевиче Карле Филиппе. См.: *Замятин Г.А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611—1616). с. 91—92; *он же.* Из истории борьбы Швеции и Польши за московский престол в начале XVII века… с. 163-178.

## 677

АСЗ. Т. 4. № 474. с. 348—349; *Павлов А.П.* «Совет всея земли» и избирательная борьба в 1613 г.... с. 77—78.

*Цветаев Д.В.* Избрание Михаила Феодоровича Романова на царство. с. 71.

# 679

*Арсений Елассонский.* Мемуары из русской истории. с. 200.

# 680

Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси / Изд. П. Гильтебрандт, А. Миротворцев. Вильна, 1870. т. 70. № 48. с. 73. См. также: *Замятин Г.А.* Из истории борьбы Швеции и Польши за московский престол в начале XVII века… с. 165—166, 236; *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства… с. 195.

# 681

Документы о национально-освободительной борьбе в 1612—1613 гг.…С. 254.

Там же. с. 253—254.

# 683

Отдельно им было названо «писание» о избрании царя Михаила Федоровича от Калуги «и от северских градов», «принесенное к Москве» гостем Смирным Судовщиковым с товарищами: «…и тако же не разньствоваху ни в едином словеси. Сие же бысть по смотрению единого всесилнаго Бога». См.: Сказание Авраамия Палицына. с. 232—233.

*Забелин И.Е.* Минин и Пожарский… Прил. XVII. с. 289-290.

# 685

Арсеньевские шведские бумаги… с. 30—31.

# 686

Со времен первооткрывателя документа в середине XIX века Вукола Михайловича Ундольского, не имевшего возможности опубликовать приведенный текст по цензурным соображениям, текст переписки, найденной в одном из монастырей (?!), так никто и не увидел. Сергей Федорович Платонов сомневался в том, что текст вообще существовал. См.: *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 3. с. 61; *Платонов С.Ф.* Полный курс лекций по русской истории. М., 2008. См. также: Собрание В.М. Ундольского // Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина. Указатель. М., 1983. т. 1. Вып. 1. с. 84— 96; *Ульяновский В.И.* Тайна боярского письма // *Ульяновский В.И.* Россия в начале Смуты: Очерки социально-политической истории и источниковедения. Киев, 1993. Ч. 2. с. 191-202.

Повесть о Земском соборе 1613 года. с. 458—459.

# 688

Ср. напр., грамоту на Двину 25 февраля 1613 года: *Зимин Л.А.* Акты Земского собора 1612—1613 гг. с. 192.

# 689

Документы о национально-освободительной борьбе в 1612—1613 гг… С. 254.

*Забелин И.Е.* Минин и Пожарский… Прил. XVII. с. 289.

# 691

СГГ и Д. т. 3. № 4. с. 11-14; Д Р.Т. 1. Стб. 51; *Зимин А.А.* Акты Земского собора 1612-1613 гг. с. 188—192.

# 693

«И мы осадных сидельцов за службы велели испоместить»… с. 194-196.

Сказание Авраамия Палицына. с. 232.

# 695

Повесть о Земском соборе 1613 года. с. 459.

Арсеньевские шведские бумаги… с. 26—27. Специально изучавший обстоятельства избрания Михаила Федоровича на престол Л.М. Сухотин считал показания Никиты Калитина «достойными веры» и «весьма ценными», справедливо видя путаницу лишь в обозначении позиции князя Ивана Васильевича Голицына и Ивана (а не Василия) Борисовича Черкасского: «Голицына следует считать в числе противников Михаила, а Черкасского — его сторонников». См.: *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича… с. XX (прим.1).

# 697

Занятые делами собора, главные воеводы доверили текущую работу другим лицам. В одном из документов 1620-х годов упоминалось о комиссии участника земских ополчений князя Федора Ивановича Вол конского: «А сидел князь Федор при боярех, как Москву очистили, а приказаны были ему ф те поры ведать многие дела судные, и разбойные, и татиные, и холопьи и всякие земьские дела. А дияки с ним сидели Пешак Жуков да Яков Демидов, а дьячие, государь, у них и пишщики в те поры в приказе сидели многие для того, что были им приказаны многие дела». «Звезда» князя Федора Волконского, видимо, закатилась тогда, когда он 13 марта 1613 года упустил из-под стражи со своего двора порученного ему главного сотрудника «Литвы» — Федора Андронова (впрочем, быстро пойманного). См.: Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля — 1613 г.) / Под ред. С.К. Богоявленского, И.С. Рябинина. М., 1915. с. 65—80; Документы о национально-освободительной борьбе в 1612—1613 гг. с. 233.

*Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени… с. XXV.

## 699

См.: СГТи Д.Т. 3. № 4. с. 11-14; Д Р.Т. 1. Стб. 45-51; Разрядные книги 1598-1638 гг. с. 210-215.

## 700

См.: СГТи Д.Т. 3. № 5. с. 14-15; ДАИ. СПб., 1846. т. 2. № 1. с. 1-3.

# 701

*Зимин А.А.* Акты Земского собора 1612—1613 гг. с. 188—193.

# 702

Разрядные книги 1598-1638 гг. с. 198.

Там же. с. 205-208.

# 704

В Боровске, не так далеко расположенном от Москвы, присяга, например, была проведена 5 марта, а известие в Москву об этом при шло только 14 марта. См.: Д Р.Т. 1. Приложение. Стб. 1045—1050. О при ведении к присяге царю Михаилу Федоровичу Переславля-Рязанского как об особом отличии отца вспоминали дети Мирона Вельяминова в челобитной царю Алексею Михайловичу в 1647 году: «И как, государь, Божиею милостию, а всех чинов людей Московского государства прошеньем, нарекли на Московское государьства отца твоево, государева, государя нашего блаженные памяти царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси и, и отец наш целовал крест отцу твоему, государю нашему, и казанских людей привел ко кресту, голову Ивана Чюркина, а князи и мурзы шерть шертовали, четыре тысечи шестьсот человек. И до присылки с Москвы бояр отец наш послал к отцу твоему, государю нашему, преже всех городов Ивана Вельяминова с товарыщи да казанских князей и мурз, двадцеть шесть человек». См.: Новый летописец. с. 130; Челобитная Вельяминовых — источник по истории России начала XVII в. / Публ. подг. А.Л. Станиславский // Советские архивы. 1983. № 2. с. 38—39; Документы о национально-освободительной борь бе 1612-1613 гг. с. 209-210.

# 705

См.: Новый летописец. с. 129—130.

## 706

ДР. Т. 1. Стб. 77. См. также: *Петров К.В.* Записи о воцарении Михаила Федоровича и разряд 7121 г. в «Дворцовых разрядах» // Дом Романовых в истории России… с. 83—92.

# 707

Разрядные книги 1598—1638 гг. с. 219.

Там же. с. 190.

## 709

Если быть точным, то гонцы Иван Усов и протопоп Дмитрий при ехали 23 марта, но об их приезде стало широко известно только на следующий день, о чем и говорилось в «Утвержденной грамоте об избрании царя Михаила Федоровича». См.: Д Р.Т. 1. Стб. 52—66; Приложение. Стб. 1057-1058.

# 710

Разрядные книги 1598-1638 гг. с. 243.

## 711

См. подробнее: *Козляков В.Н.* Михаил Федорович. с. 50—52.

# 712

*Пушкин А.С.* < Роман в письмах > // *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1948. т. 8. Кн. 1. Романы и повести. Путешествия. с. 43—56. Электронная публикация: «Фундаментальная электронная библиотека "Русская литература и фольклор" (ФЭБ)»: Адрес ресурса: http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push 17/vol08/y08 2043 -.htm

# 713

*Полевой Н.А.* «Рука Всевышнего Отечество спасла». Драма из отечественной истории, в 5-ти актах, в стихах. Соч. Н. Кукольника. СПб., 1834 // Русская критика XVIII—XIX веков. Хрестоматия / Сост. В.И. Кулешов. М., 1978. с. 104-108 (http:// az.lib.ni/p/polewoj_n_a/text_0090. shtml).

*Дубровский А.М.* Наука и политика в освещении ополчений 1611 и 1612 гг. // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века… с. 290—296; *Токарев В.А.* Возвращение на пьедестал: тема русской Смуты в социокультурном контексте 1930-х годов // День народного единства: Биография праздника. с. 303—335.

## 715

*Клосс Б.М.* Избранные труды. т. 1. с. 478.

*Яковлев А.И.* «Безумное молчание»... с. 676—677.

*Андреев И.* Уроки Смуты // День народного единства: Биография праздника. с. 347; *Пудалов Б.М.* Необходимое послесловие // Подвиг Нижегородского ополчения. т. 2. с. 664.

СГГ и Д. т. 2. № 283. с. 600.